
ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ (THEORY AND METHODOLOGY)

Вестник Челябинского государственного университета.
2015. № 8 (363). Экономика. Вып. 48. С. 7–13.

УДК 330(075.8)
ББК 65.01

ЧЕЛОВЕК КАК АКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА: К ПРОБЛЕМЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И РОЛИ ЭЛИТ

В. И. Бархатов

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Сегодня с новой силой начинается дискуссия о факторах экономического роста в России, об эффективности мер государственной поддержки экономического роста. Однако до сих пор моделей и основанных на них стратегий, которые показали бы высокую эффективность в современных условиях, не наблюдается. В статье предложен новый подход к оценке факторов экономического роста. Особое внимание уделено человеку как активному субъекту экономического роста. Рассмотрено влияние человека, человеческого потенциала и человеческого капитала на экономический рост. Сделан акцент на роле элит и их лидеров в выводе национальной экономики на траекторию устойчивого роста.

Ключевые слова: *экономический рост, траектории роста, лидеры элит.*

Экономика России переживает непростые времена, её развитие носит ярко выраженный циклический характер на протяжении 15 лет. Периоды кризиса чередуются с небольшим экономическим ростом и сменой фаз кризиса. На стагнацию российской экономики влияют как внутренние, так и внешние факторы. В условиях кризиса сокращаются валовой внутренний продукт, объёмы производства и инвестиций, увеличивается уровень безработицы, ускоряется инфляция, замедляется внешнеэкономический оборот. Сегодня все эти процессы усиливаются вследствие введения против экономики России санкций, что не может не отражаться на темпах экономического роста и социально-экономическом положении страны. Все вышеназванные проблемы порождают новые условия для анализа проблемы экономического роста.

Для формирования трендов устойчивого развития задача обеспечения экономического роста приобретает особое значение. Целью статьи является формулировка основных исходных положений, которые должны лежать в основе разработки стратегий и программ экономического роста как национальной экономики, так и её субъектов в современной России.

В экономической литературе проблема экономического роста не обделена вниманием ни российских, ни зарубежных учёных — Т. Мальтуса [5], Р. Солоу [18; 19], Э. Денисона [12], Г. Мэнкью,

Э. Ромера и Д. Вейла [17], Д. Йоргенсона [16], М. Спенса [7], Р. Лукаса [4], У. де Сото [9], Н. Д. Кондратьева [3], О. С. Сухарева [8], Р. М. Нижегородцева [6]. Разработана методология исследования этого явления, концептуальные теоретические подходы как в целом для мировой экономики, так и позволяющие учесть специфику национальной экономики. Однако до настоящего времени примеров успешного применения всех этих разработок на более-менее длинной исторической дистанции нет.

Важную роль в изучении проблемы экономического роста сыграли представители неоклассического направления — Р. Солоу [18; 19] и Э. Денисон [12]. В их исследованиях акцент делается на ряде положений, позволяющих использовать этот подход в исследовании проблемы экономического роста в России. Во-первых, речь идёт о факторе производства «труд», который в конечном итоге определяется динамикой населения. При этом связь оказывается не линейной: рост населения часто приводит к росту безработицы, а структурные изменения в занятости (экспансия женского труда, расширение квот для мигрантов, увеличение пенсионного возраста) только усугубляют их. Кроме того, один из наиболее важных показателей экономического роста — доход на душу населения — находится в обратной зависимости от численности этого самого населения. Впервые затронутая Т. Мальтусом [5],

проблема соотношения экономического роста и народонаселения до сих пор не нашла своего решения, а лишь более усугубилась в связи с многократным ростом жителей на Земле и возникновением нового вызова — глобальной продовольственной безопасности. В современных условиях экономический рост — обязательное условие сохранения уровня жизни людей в странах с высоким приростом населения. Можно сделать вывод, что экономический рост как наблюдаемое явление определяется не валовым увеличением производства товаров для конечного потребления, а среднедушевым доходом.

Второй фактор экономического роста, используемый неоклассиками, капитал также представляется довольно сложным и неоднозначным: эффект от использования массы капитала определяется как технологическим способом производства, так и финансовой системой, влияющей на возможности исчисления величины капитала. В совокупности эти два фактора, труд и капитал, формируют определённую траекторию экономического роста, задающая основной тренд, отклонения от которого возможны, но не носят долгосрочного характера. Траектории для каждой конкретной национальной экономики не являются единожды и навсегда заданными, переход с одной на другую возможен через качественное улучшение факторов производства или производственных технологий. При этом технологическая обусловленность представляется более сильной. Технология как независимый фактор в неоклассических моделях отсутствует, её действие обычно связывают с фактором времени. Однако в этом видится серьёзное упрощение ситуации. В современной экономике именно технологический прорыв и технологическое доминирование становятся решающим фактором роста, причём фактором управляемым. Сами технологии, их своеобразный «пучок», определяются технологическим способом производства, развитие которого во многом обусловлено человеческим потенциалом, наличествующим в национальной экономике. До настоящего времени продолжается дискуссия относительно сущности и терминологического обозначения человеческого фактора в экономике. Неоклассики говорят о человеческом капитале, рассматривая его как одну из форм капитала, качественно не отличающуюся от материального, природного, финансового [11; 13; 15]. Сторонники критического марксизма решительно возражают (см. А. В. Бузгалин, А. И. Колганов [1; 2]), спра-

ведливо указывая на качественные отличия человека от иных элементов производительных сил. Они предлагают говорить о человеческом потенциале, который может использоваться в процессе материального производства, который не весь капитализируется, но может обуславливать качественные изменения в технологиях и обеспечивать переход на более высокие траектории экономического роста. Только человек как активный субъект экономического развития, на основе накопленного знания, способен создать новые технологии, обеспечивающие рост производительности труда и способствующие накоплению капитала.

Экономическое развитие и рост напрямую зависят от степени мобильности факторов производства. Как говорят неоклассики, в зависимости от конкретных экономических условий на первый план может выходить либо труд, либо капитал. При этом темпы экономического роста определяются не только массой труда/капитала, но и степенью их мобильности, способностью менять свои формы, подстраиваться под потребности экономики.

Одной из ключевых позиций современной неоклассической модели экономического роста выступает индивидуальный человеческий капитал, понимаемый как совокупность уровня навыков, опыта и запаса человеческого капитала. Запас человеческого капитала — величина переменная и используется в соответствии с возникающими потребностями роста и развития экономики. Эффект от использования запаса человеческого капитала изменяется в зависимости от существующих технологий и уровня общественного развития. Качественное изменение темпов экономического роста невозможно, если качество человеческого капитала не адекватно стоящим перед ним задачам. Эффект запаса совокупного человеческого капитала определяется прежде всего его внутренней эффективностью. При равных условиях всех факторов производства формируется то или иное качество эффективной рабочей силы, способной увеличить производительность труда и тем самым ускорить экономический рост. Таким образом, основная цель национальной экономики — это накопление критической массы человеческого капитала особого качества, который мог бы стать ведущим фактором экономического роста, в том числе компенсируя недостаток иных факторов, в первую очередь — капитала. Человеческий капитал способен стать своеобразным локомотивом

экономического роста, особенно для отстающих в технологическом отношении стран.

Развитие глобальной экономики изменило тенденции накопления как физического, так и человеческого капитала. Если ранее ресурсы концентрировались в границах национальных экономик, то сегодня исследование трансграничного движения капитала, как финансового, так и человеческого, становится ключевым для понимания экономического роста или его отсутствия. Глобальная экономика не в состоянии решить проблемы бедности и неравенства, а в ряде случаев, напротив, усугубляет их. Возможности различных субъектов в использовании созданного национального богатства существенно различаются. В то же время необходимым условием для массового раскрытия человеческого потенциала является обеспечение определённого уровня жизни для их носителя. Мысли о хлебе насущном делают индивида пассивным элементом производительных сил, который не преумножает свой человеческий потенциал, который, в свою очередь, не капитализируется в достаточной для развития экономики мере. Возникает своеобразная ловушка — экономика не развивается и не растёт из-за низкого качества человеческого капитала, а его качество (да и масса) не может повыситься из-за низкого уровня национального дохода. Творческий индивид в экономике низких доходов и высокого неравенства не возникает как класс. В лучшем случае возможно появление его суррогатов в виде «креативного класса», который имитирует творчество, тем самым преграждая путь настоящим творцам [1].

Если рассмотреть национальную экономику как множество индивидов, имеющих свои цели, экономические интересы, ожидаемый уровень доходов, то легко сделать вывод, что и отношение к экономическому росту будет различным. Правящие элиты видят в экономическом росте источник богатства (как национального, так и личного), в то время как для большинства населения этот рост представляется предельно абстрактным понятием. Их реальное благосостояние обычно не растёт с ростом «ВВП на душу населения» и «объёма инвестиций» или сокращением «темпов инфляции» или «оттока капитала». Для них новости с бодрой национальной статистикой сродни прогнозу погоды в отдалённой части страны. Чтобы экономический рост был ценен для большей части населения и стал основой их каждодневной деятельности, необходимо, что-

бы он был увязан с ростом их личного реального дохода. Однако так происходит далеко не всегда.

И здесь возникает ещё одна проблема. По мере движения по траектории экономического роста вверх часто происходит ухудшение среды обитания — больше объёмов производства, большее потребление ресурсов, больше отходов. Кроме того, усиливаются риски техногенных катастроф. И никакой рост не может компенсировать индивидам ухудшение их качества жизни и потерю чувства защищённости. Как правило, эта проблема возникает при достаточно высоком среднем уровне жизни и создаёт преграды для дальнейшей интенсификации роста. Ценность экономического роста как такового становится очень сомнительной. Сегодня существует целое направление исследований, так называемое *no-growthimperative* [14; 21] (императив «без роста»), в рамках которого провозглашается необходимость пересмотра всей модели развития человеческого общества. К сожалению, к этой дискуссии не подключается большинство учёных, хотя её результат мог бы быть взаимообогащающим и для традиционной модели экономического роста, и для *no-growthimperative*.

В процессе экономического роста указанные выше проблемы (уровня индивидуального дохода и качества жизни) должны как минимум нивелироваться. Как максимум — полностью решаться. Тогда можно говорить о «полноценном», качественном экономическом росте. Экономический рост будет желательным для большинства при условии гармонизации экономических интересов социальных групп, при котором не нарушаются интересы одних субъектов в пользу других. Рост благосостояния для основной массы населения должен с лихвой компенсировать возможные риски и утрату качества жизни. Безусловно, экономический рост как таковой — это не зло, но в существующих формах он часто становится таковым для большей части населения стран, порождая безработицу, миграцию и усиливая амплитуду экономических циклов. Рост должен быть таким, чтобы учитывались интересы основной массы населения, распределение прироста доходов должно быть справедливым и затрагивать не только элиты, но и всех членов общества. Такой вариант экономического роста позволит отчасти снять противоречия, порождаемые механизмом присвоения — отчуждения, характерного для современного, капиталистического способа производства. Другое дело — как

ответить на вопрос о конкретных способах достижения такого результата. Известных примеров не так много (Сингапур, другие «азиатские тигры»), и они часто имеют ярко выраженный национальный характер и не могут применяться для других экономик. Однако их пример показывает, что именно через рост человеческого потенциала, через внимание к интересам человека возможен рост как массы физического капитала, так и технологический прорыв. Именно так возможна мобилизация ресурсов и их концентрация на наиболее важных направлениях без внедрения мобилизационной модели экономики. Именно так возможно преумножение производительных сил в обществе.

Однако само по себе соотношение групп в обществе и степень учёта их интересов не являются достаточным условием экономического роста. Индивидуальные цели чаще всего не совпадают с вектором общественного развития. На это влияют объективная ограниченность и асимметрия информации. Порождаемые ими риск и неопределённость у отдельных индивидов и их групп не позволяют им предугадать тренд общественного развития, чтобы держаться в его фарватере и соизмерять свои действия с целями экономического роста на национальном уровне, даже если у них такое желание появится. В том числе речь идёт о поддержании определённых темпов экономического роста.

При определении стратегии развития национальной экономики на первый план выдвигаются правящие элиты и лидеры этих элит. Экономический рост связан непосредственно с объёмом инвестиций, идущих в экономику. Перед лидерами элит возникает дилемма — идти на определённые риски и возможные потери сегодня с тем, чтобы приобрести в будущем выгоды. Соотношение этих рисков и потерь с будущими выгодами достоверно неизвестно, и поэтому часто лидерами элит принимается решение о минимизации риска, что приводит к оттоку капитала. Межвременный выбор осуществляется в пользу сегодняшнего дня, в пользу потребления. И за лидером следуют элиты и платёжеспособная часть всего населения. Плыть против течения и думать о дне завтрашнем в одиночку могут только редкие уникалы, а основная масса будет следовать за лидерами элит, в роли которых выступают крупные бизнесмены, банкиры, некоторые деятели культуры. Однако целью лидера элит должно стать формирование страте-

гии экономического роста и привлечения инвестиций, которую примут и сами элиты, и население в целом. Риски и возможные потери должны взять на себя элиты и их лидеры, которые обладают и распоряжаются основной массой физического капитала. Именно лидеры должны показать пример отказа от текущего потребления в пользу накопления прибыли и её инвестирования в приращение капитала. Необходимо достичь реального, а не «бумажного» единства целей и задач программ экономического роста, разрабатываемых на уровне национальной, региональной и корпоративной элит и их лидеров. Общая цель должна дополняться совокупностью подцелей, образующих единое поле решения. Деятельность элит и их лидеров по стимулированию экономического роста должна, как было уже отмечено ранее, сопровождаться ростом дохода у всего населения и, как следствие, максимальным вовлечением в процесс основной массы населения. Однако личного примера и организаторских способностей недостаточно, элиты и их лидеры должны «модерировать» процесс выбора траектории и формирующей её модели экономического роста, при необходимости обеспечивать переход от одной к другой модели. Они должны стать активными субъектами экономического роста, иначе невозможно преодолеть «эффект записания», когда неэффективные институты и модели экономических систем могут существовать сколь угодно долго. Экономические системы не обладают, к сожалению, свойством самоорганизации, как того хотелось бы сторонникам кибернетического подхода. На определённых этапах экономического развития элиты и их лидеры становятся заинтересованными, в силу определённых условий, консервировать сложившуюся систему хозяйствования и искусственно «замораживать» экономический рост. Однако такие системы рискуют отстать в уровне развития своих производительных сил от своего окружения и, в долгосрочной перспективе, быть ими поглощёнными. Чтобы этого не произошло, нужна консолидация элит и их лидеров вокруг позитивной цели перехода на новую модель, на новую траекторию экономического роста.

Обычно импульсом к такой консолидации становятся внешние шоки, как политической, так и экономической природы. В этих условиях должно быть достигнуто общее согласие всех групп населения по поводу необходимости перехода к новой модели экономического роста. Такая

консолидация возникает на основе понимания того, что переход к новой модели позволит реализовать экономические интересы максимально широкого круга населения. Это, в свою очередь,

требует создания определённой институциональной среды, которая формирует новую поведенческую функцию субъектов хозяйствования в соответствии с новой парадигмой развития.

Список литературы

1. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал : в 2 т. Т. 1 : Методология. По ту сторону позитивизма, пост-модернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – 3-е изд., испр. и суц. доп. – М. : Ленанд, 2015. – 640 с.
2. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал : в 2 т. Т. 2 : Теория. Глобальная гегемония капитала и её пределы («Капитал» re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – 3-е изд., испр. и суц. доп. – М. : Ленанд, 2015. – 904 с.
3. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения : избр. тр. / Н. Д. Кондратьев ; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева и др. ; редкол. : Л. И. Абалкин и др.; сост. Ю. В. Яковец. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.
4. Лукас, Р. Лекции по экономическому росту / Р. Лукас ; пер. с англ. Д. Шестакова. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 288 с.
5. Мальтус, Т. Опыт о законе народонаселения / Т. Мальтус ; пер. И. Вернер. – СПб. : Лань, 2013. – 316 с.
6. Нижегородцев, Р. М. Логистическое моделирование экономической динамики. Ч. I / Р. М. Нижегородцев // Проблемы упр. – 2004. – № 1. – С. 46–53.
7. Спенс, М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / М. Спенс ; пер. с англ. А. Калинина ; под ред. О. Филаточевой. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 336 с.
8. Сухарев, О. С. Эволюция экономических систем: структурные изменения, проблемы технологического развития и эффективности / О. С. Сухарев. – Новочеркасск : НОК, 2012. – 120 с.
9. Сото, Х. У. де. Социально-экономическая теория динамической эффективности / Х. У. де Сото ; пер. с англ. В. Кошкина ; под ред. А. Куряева. – Челябинск : Социум, 2011. – 409 с.
10. Baumol, W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive / W. J. Baumol // J. of Political Economy. – 1990. – Vol. 98. – P. 893–921.
11. Becker, G. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G. Becker // NBER Special Conference 15 (Supplement to J. of Political Economy). – 1962. – № 70, issue 5, part 2. – P. 9–49.
12. Denison, E. Some Major Issues in Productivity Analysis: An Examination of the Estimates by Jorgenson and Griliches / E. Denison // Survey of Current Business. – 1972. – № 5 (2). – P. 1–27.
13. Goldin, C. The Human Capital Century and American Leadership: Virtues of the Past / C. Goldin // J. of Economic History. – 2001. – № 61. – P. 263–291.
14. Jackson, T. Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet / T. Jackson. – Earthscan, 2009. – 264 p.
15. Jones, Ch. I. The New Kaldor Facts: Ideas, Institutions, Population, and Human Capital / Ch. I. Jones, P. Romer // American Economic J.: Macro. – 2010. – № 2. – P. 224–245.
16. Jorgenson, D. W. Taxation, Efficiency, and Economic Growth / D. W. Jorgenson, Kun-Young Yun // Handbook of Computable General Equilibrium Modeling. – Amsterdam : Elsevier, 2012. – P. 659–742.
17. Mankiw, N. G. A Contribution to the Empirics of Economic Growth / N. G. Mankiw, D. Romer, D. Weil // The Quarterly J. of Economics. – 1992. – Vol. 107, № 2. – P. 407–437.
18. Solow, R. L. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. L. Solow // The Quarterly J. of Economics. – 1956. – Vol. 70, № 1. – P. 65–94.
19. Solow, R. L. Balanced Growth under Constant Returns to Scale / R. L. Solow, P. Samuelson // Econometrica. – 1953. – Vol. 21, № 3. – P. 412–424.
20. Solow, R. L. Technical Change and the Aggregate Production Function / R. L. Solow // The Review of Economics and Statistics. – 1957. – Vol. 39, № 3. – P. 312–320.
21. Zovanyi, G. The No-Growth Imperative / G. Zovanyi. – Earthscan, 2013. – 233 p.

Сведения об авторе

Бархатов Виктор Иванович — доктор экономических наук, профессор, директор Института экономики отраслей бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 7–13.

HUMAN AS AN ACTIVE SUBJECT ECONOMIC GROWTH: THE PROBLEM OF HUMAN CAPITAL AND ELITE ROLLE

V.I. Barhatov

Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Economics of Industries and Business Administration of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Today, with new force begins a discussion of the factors of economic growth in Russia, about the effectiveness of state support for economic growth. However, until now models and based on these strategies, have shown to be highly effective in the present conditions, not observed. In this paper we propose a new approach to the evaluation factors of economic growth. Particular attention is paid to the person as an active subject of economic growth. The influence of man, human potential and human capital on economic growth. Particular attention is paid Role of elites and their leaders in the output of the national economy on the path of sustainable growth.

Keywords: *economic growth, growth trajectory, the leaders of the elite.*

References

1. Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. *Global'nyy kapital. T. 1. Metodologiya: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i ekonomicheskogo imperializma* [Global Capital. Vol. 1: Methodology. On the other side of positivism, postmodernism and economic imperialism]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 640 p. (In Russ.)
2. Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. *Global'nyy kapital. T. 2. Teoriya. Global'naya gegemoniya kapitala i yeye predely* [Global Capital. T. 2. Theory. The global hegemony of the capital and its limits]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 904 p. (In Russ.)
3. Kondrat'yev N.D. *Bol'shiye tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Big cycles conjuncture and the theory of foresight]. The Intern. Fund for N.D. Kondratiev. Moscow, Publishing house "Economy", 2002. 767 p. (In Russ.)
4. Lukas R. *Lektsii po ekonomicheskomu rostu* [Lectures on economic growth]. Moscow, Publishing Gaidar Institute, 2013. 288 p. (In Russ.)
5. Mal'tus T. *Opyt o zakone narodonaseleniya* [Essay on the Principle of Population]. Saint Petersburg, Lan Publ., 2013. 316 p. (In Russ.)
6. Nizhegorodtsev R.M. Logisticheskoye modelirovaniye ekonomicheskoy dinamiki. Ch. I [Logistic modeling of economic dynamics. Part I]. *Problemy upravleniya*. 2004. No. 1. Pp. 46–53. (In Russ.)
7. Spens M. *Sleduyushchaya konvergentsiya: Budushcheye ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh* [Next Convergence: The Future economic growth in the world, living at different speeds]. Trans. from English. by A. Kalinin. O. Filatochova (ed.). Moscow, Publishing Gaidar Institute, 2013. 336 p. (In Russ.)
8. Sukharev O.S. *Evolyutsiya ekonomicheskikh sistem: strukturnyye izmeneniya, problemy tekhnologicheskogo razvitiya i effektivnosti* [The evolution of economic systems: the structural changes, the problems of technological development and efficiency]. Novochebassk, NOC, 2012. 120 p. (In Russ.)
9. Soto U. de Kh. *Sotsial'no-ekonomicheskaya teoriya dinamicheskoy effektivnosti* [Socio-economic theory of dynamic efficiency]. Chelyabinsk, Social Publ., 2011. 409 p. (In Russ.)
10. Baumol, W. J. Entrepreneurship: Productive, Unproductive and Destructive. *J. of Political Economy*. 1990. Vol. 98. Pp. 893–921.
11. Becker, G. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *NBER Special Conference 15, supplement to J. of Political Economy*. 1962. No. 70, issue 5, part 2. Pp. 9–49.

12. Denison E. Some Major Issues in Productivity Analysis: An Examination of the Estimates by Jorgenson and Griliches. *Survey of Current Business*. 1972. No. 5 (2). Pp. 1–27.
13. Goldin, C. The Human Capital Century and American Leadership: Virtues of the Past. *J. of Economic History*. 2001. No. 61. Pp. 263–291.
14. Jackson T. *Prosperity without Growth: Economics for a Finite Planet*. Earthscan, 2009. 264 p.
15. Jones Ch. I. and Romer P. The New Kaldor Facts: Ideas, Institutions, Population, and Human Capital. *American Economic J.: Macro*. 2010. No. 2. Pp. 224–245.
16. Jorgenson D. W. and Kun-Young Yun. Taxation, Efficiency, and Economic Growth. *Handbook of Computable General Equilibrium Modeling*. Amsterdam, Elsevier, 2012. Pp. 659–742.
17. Mankiw N.G., Romer D. and Weil D. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *The Quarterly J. of Economics*. 1992. Vol. 107, no. 2. Pp. 407–437.
18. Solow R.L. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly J. of Economics*. 1956. Vol. 70, no. 1. Pp. 65–94.
19. Solow R.L. and Samuelson P. Balanced Growth under Constant Returns to Scale. *Econometrica*. 1953. Vol. 21, no. 3. Pp. 412–424.
20. Solow R.L. Technical Change and the Aggregate Production Function. *The Review of Economics and Statistics*. 1957. Vol. 39, no. 3. Pp. 312–320.
21. Zovanyi G. *The No-Growth Imperative*. Earthscan, 2013. 233 p.

УДК 334
ББК 65

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ ЗНАНИЙ

Т. Н. Бушueva

*Челябинский институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
Челябинск, Россия*

Показана актуальность формирования экономики знаний в России на фоне обострения противоречий между национальными стратегическими ориентирами, вызовами современной эпохи и реальным состоянием российской экономики. Выявлено и осмыслено содержание базовых и частных принципов как совокупности правил, которым должны следовать экономические агенты в процессе целенаправленного формирования экономики знаний. Утверждается, что все явления знаниеёмкой экономики должны быть подчинены комбинации двух базовых принципов: активно-потребительского и активно-производственного начал. Движение к экономике знаний настоятельно требует если не оптимальной, то приемлемой степени соответствия предложения товаров, услуг и технологий, в которых воплощены актуальные для сегодняшнего дня знания, спросу на них. Такое соответствие, координируемое из одной точки при главенствующей роли государства, способно устранить опасность регрессионного развития экономических процессов. Сформулированы частные принципы формирования экономики знаний, задающие правила, по которым функционируют и развиваются специфичные для экономики знаний институты.

Ключевые слова: экономика знаний, базовые принципы формирования экономики знаний, частные принципы формирования экономики знаний.

В последние годы как в научных, так и в правительственных кругах активно обсуждаются проблемы формирования экономики знаний. При этом внимание специалистов акцентируется на закономерном переходе ведущих стран, и России в том числе, к новому этапу формирования постиндустриального общества — построению экономики, базирующейся преимущественно на генерации, распространении и использовании знаний. Однако в России, по мнению многих учёных, экономика знаний находится в зачаточном состоянии — в основном на декларативном уровне. Более того, «можно констатировать: последние полтора десятка лет отбросили Россию далеко назад на пути к экономике знаний» [9. С. 166].

Анализ литературных источников и публичных выступлений политиков позволяет сформулировать явное противоречие между национальными стратегическими ориентирами, соответствующими вызовами современной эпохи и реальным состоянием российской экономики, продающей природные ресурсы и потребляющей импортные технологии при отсутствии эффективной системы взаимоотношений между наукой, бизнесом и государством, при которых новые знания, воплощаясь в инновациях, издавали бы импульс и новое качество экономи-

ческому росту. Можно заключить, что в практической реализации формирование экономики знаний в России — не только длительный, сложный, но, к сожалению, пока малоэффективный процесс. Вместе с тем в условиях, когда вся современная цивилизация закономерно движется к обществу знаний, Россия должна ещё более интенсивно концентрировать свои усилия в том же направлении.

Для того чтобы разработать эффективную модель экономики знаний, отражающую процесс её прогрессивного развития, необходимо уточнить научный фундамент, на котором она базируется. Именно с учётом данного обстоятельства реформирование секторов экономики, в которых осуществляется производство и распространение новых знаний, необходимо осуществлять на основе осмысления сущности, раскрытия содержания и применения специфического научного инструментария, позволяющего проникнуть вглубь экономических явлений и процессов. Научные подходы, закономерности, принципы и методы — это и есть арсенал инструментов эффективного управления процессом формирования экономики знаний, равно как и любым другим объектом. Их полнота, обоснованность, взаимовлияние и взаимообусловленность — условие обеспечения высокого качества соответствующих управ-

ленческих решений. Поэтому выявление и изучение содержания базовых и частных принципов формирования экономики знаний имеют большое значение для понимания перспектив, механизмов и тенденций её развития.

Современными исследователями весьма обстоятельно изучены характерные особенности экономики знаний и проблемы её становления в России; в той или иной мере они затрагиваются почти в каждой работе, посвящённой постиндустриальному развитию страны. Однако рассмотрение принципов формирования экономики знаний встречается не часто.

П. Вельфенс, исследуя основы экономической политики, пишет о принципах, как о положениях долгосрочного характера, определяющих принятие решений; в более широкой трактовке учёного принципы предстают как «стратегические точки отправления» [1]. С учётом изложенного под принципом будем понимать основное, исходное положение, определяющее правило поведения субъекта управления в какой-либо сфере деятельности и правило поведения экономических агентов.

Принципы представляют собой результат обобщения объективно действующих экономических законов и закономерностей, присущих им общим чертам, поэтому принципы объективны, так же как объективны экономические законы. От обоснованности структуры и реализации содержания совокупности принципов зависит успех в решении любой проблемы. В контексте ключевой роли, которую играет современное государство в приоритетном развитии экономики, основанной на знаниях и высоких технологиях, под принципами её формирования будем понимать совокупность правил, основных положений и норм, которым должны следовать экономические агенты в процессе целенаправленного формирования экономики знаний. Принципы, подобно научному или нравственному началу, являются фундаментом, на котором строится здание экономической реальности.

По нашему убеждению, все явления знаниеёмкой экономики должны быть подчинены комбинации двух базовых принципов: активно-потребительского и активно-производственного начал.

Первый из них ясно себя проявляет в воззрениях признанного учёного В. Л. Макарова, который рассматривает активное потребление и соответствующий ему спрос на знания «ключевым двигателем» когнитивной экономики [8].

«Спрос и только спрос, определяет, жить или не жить знанию дальше» [8. С. 11]. Сказанное можно истолковать в том смысле, что активное использование знания в различных формах, воплощённого в товарах, услугах, технологиях, выступает важнейшим императивом развития знаниеёмких отраслей. Это положение подтверждается Р. Р. Нельсоном и С. Дж. Уинтером; они обоснованно ставят в прямую зависимость «масштаб изобретательской деятельности от уровня спроса на продукт, являющийся объектом этой деятельности». Исследователи утверждают, что «предполагаемый размер рынка продукта является критерием, влияющим на масштаб деятельности в сфере НИОКР, направленный на совершенствование этого продукта или снижение издержек его производства [12. С. 463]. Если оценить роль спроса на знания сквозь призму особенностей современного общества массового потребления и вспомнить работы Дж. Гелбрейта, Ж. Бодрийяра, Дж. Гобсона, становится очевидным, что высокие темпы роста спроса и потребления знания в различных его формах и воплощениях являются необходимым условием высоких темпов развития секторов повышенного спроса на знания.

Второй базовый принцип логически вытекает из того, что всякое потребление в обязательном порядке следует за процессом производства. Поэтому нельзя не согласиться с В. Л. Макаровым, который вслед за обоснованием ключевой роли совокупного использования знаний оставляет «важное» место их производству и последующему предложению [8]. К этому присоединяется ещё и то обстоятельство, что в современных условиях создание, следовательно, и предложение, наукоёмкого продукта в значительной степени сопряжено со спросом на другое знание. Подтверждение этому находим у В. Л. Иноземцева, считающего, что сегодня процессы потребления и производства активно сближаются, между ними размывается грань. «Потребление всё более разнообразных благ превращается в продолжение их производства, и наоборот, а прогресс информационных технологий делает такое единство всё более неразделимым» [6. С. 199].

Говоря о сближении производства и потребления, В. Л. Иноземцев вместе с тем подчёркивает, что источник развития на современном этапе связан с перестраивающимися потребностями самого производства. Именно такие изменения влекут предложение знаниеёмкой продукции и, как след-

ствие, «системную трансформацию», развитие секторов повышенного спроса на знания.

Таким образом, та основа, на которой вырабатываются частные принципы, предстаёт как динамическое единство двух начал: активного использования и активного производства качественных знаний во всех возможных формах и воплощениях, особенно в наукоёмких отраслях экономики. Между этими началами не должно быть противоречия. Сочетание, взаимодополняемость и непротиворечивость этих принципов в пределах доступного в глобальном масштабе опыта на сегодняшний день не нашли опровержения, о чём ярко свидетельствуют развитые страны мира.

Пренебрежение тем или иным базовым принципом приводит к логическому несоответствию, усилению противоречий, о чём явно свидетельствуют российские реалии. Либерализм внешне-экономической деятельности, например, привёл к полному упадку ряда отраслей отечественной промышленности. Обострившееся противоречие между спросом на продукцию ряда отраслей, которые предъявляют повышенный спрос на новые знания, и невозможностью этих отраслей предложить конкурентоспособную продукцию обернулось регрессом в развитии экономики знаний. По замечанию Я. Н. Дубенецкого, сегодня в новых знаниях особенно нуждаются пищевая промышленность, здравоохранение, стройиндустрия, жилищно-коммунальное хозяйство и ряд других отраслей: «Взять ту же гражданскую авиацию, где обострилась проблема безопасности полётов из-за устарелости эксплуатируемого авиапарка; аналогичны проблемы на железнодорожном, водном транспорте, во многих сферах жизнедеятельности. Тысячи городов в стране испытывают существенную нехватку современной техники для коммунального хозяйства; подобных примеров — не счесть» [4]. Вместе с тем сырьевая ориентация российской экономики, обернувшаяся в конечном итоге инновационной не востребованностью, ведёт к ещё большей деградации наукоёмких отраслей и снижению показателей произведённой продукции.

Здесь уместно обратить внимание на то обстоятельство, что разрешение выявленного противоречия во многом определяется институциональной средой [5; 7; 10; 11]. «Хорошо известно, что для создания, распространения и использования знаний... необходима соответствующая система институтов» [9. С. 117]. При отсутствии адекват-

ных и качественных институтов развитие экономики знаний замедляется или движется вспять. Лишь развитые формальные (институционально-правовые нормы и организации) и неформальные институты позволяют генерировать, транслировать и использовать новое знание в инновационном развитии [15]. При этом главную роль должно сыграть государство, поскольку ни один другой агент не способен принимать эффективные стратегические решения. Ни менеджеры, ни коллективы предприятий, ни частные предприниматели не обладают достаточно длительными горизонтами планирования.

Изложенное позволяет наметить посылки, необходимые для выявления частных принципов формирования экономики знаний, а именно: только при наличии развитых институтов, обеспечивающих производство, общественное признание, распространение и использование воплощённых в различных формах совокупных знаний, релевантных современным вызовам, возможно становление когнитивной экономики. Движение к экономике знаний настоятельно требует если не оптимальной, то приемлемой степени соответствия предложения товаров, услуг и технологий, в которых воплощены актуальные для сегодняшнего дня знания, спросу на них. Такое соответствие, координируемое из одной точки при главенствующей роли государства, способно устранить опасность регрессионного развития экономических процессов.

Весь процесс хозяйствования в ходе становления экономики знаний должен быть ориентирован помимо базовых принципов на развитие системы институтов, чтобы усилить их синергетический эффект. Поэтому представляется целесообразным выделить частные принципы формирования экономики знаний, задающих правила, по которым функционируют и развиваются специфичные для экономики знаний институты.

Проведённые автором исследования позволили сформулировать базовые принципы, определить и описать характеризующие их показатели развития экономики знаний (таблица).

Практическая значимость представленных принципов к настоящему времени проверена отечественными исследователями в диссертационных работах [2; 3; 5; 7; 10; 13; 14]. Сформулированные принципы целесообразно рассматривать как систему, открытость которой предполагает возможность включения в неё новых элементов. Раскрытие их сущности будет

Частные принципы формирования экономики знаний

Принцип	Содержание	Показатели развития экономики знаний, характеризующие принцип
1. Принцип взаимодействия микроэкономических систем производства экономики знаний и макроэкономических институциональных систем, определяющих режим функционирования участников рынка	Институциональная система национальной экономики должна обеспечивать стимулирование эффективной реализации процессов использования существующих знаний, приобретения, генерации и распространения новых знаний посредством применения их в экономической деятельности для наращивания валового национального продукта путём увеличения производительности труда, улучшения качества производства, создания и введения инноваций, создания новых предприятий, функционирующих по принципам экономики знаний	Качество регулирования экономики, наличие тарифных и нетарифных барьеров, законодательства в сфере экономики знаний
2. Принцип развития и гармонизации теоретического образования и практических навыков	Население и государство в целом нуждаются в качественном теоретическом образовании и практических навыках, которые позволят с выгодой использовать эти знания, создавать новые знания и обмениваться ими	Доля населения с различным уровнем образования в общем объёме занятых в народном хозяйстве
3. Принцип развития информационной инфраструктуры	Означает развитие динамической информационной инфраструктуры для облегчения эффективной коммуникации, распространения и использования знаний	Обеспеченность населения средствами связи и коммуникаций; доля ВВП, направляемая на развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры
4. Принцип инновационного развития	Инновационная система (включая исследовательские подразделения, услуги университетов, консалтинговых структур и т.д.) должна обладать способностью выявлять из растущего объёма глобальных знаний релевантную информацию, ассимилировать и приспособлять её к современным вызовам. Это позволит создавать и(или) использовать новые технологии, новые продукты и процессы, конкурентоспособные на рынке	Объём лицензионных платежей и доходов на душу населения; количество научных и научно-технических статей в рецензируемых журналах, на миллион человек; число патентов, выданных отечественным заявителям на миллион человек
5. Принцип создания благоприятного инвестиционного климата	Создание благоприятного инвестиционного климата и стимулирование инвестиций особенно в высокотехнологичные производства	Доля инвестиций в экономику знаний и высоких технологий в объёмах инвестиций: предприятия, отрасли, региона, страны
6. Принцип развития науки и технологий в качестве важнейшего ресурса экономического роста	Развитие науки и технологий рассматривается не как отдельный результат, а как всеобъемлющий ресурс, обеспечивающий развитие экономики знаний, повышающий спрос на высококвалифицированный труд, стимулирующий технологическое обновление и повышение квалификации создателей новых знаний. В целом указанный ресурс питает экономический рост	Ускорение процесса обновления технологий. Сокращение периода научно-технологического цикла. Уровень коммерциализации научных результатов. Уровень применения научно-технических результатов в смежных областях
7. Принцип создания и поддержания конкуренции во всех сферах экономики знаний	Подразумевается переход от существующей системы фактически монопольных госкорпораций и национальных исследовательских центров к конкурентной среде для всех экономических агентов сферы экономики знаний, стимулирующей создание и внедрение инноваций	Отношение объёма инновационных разработок к числу субъектов генерации новых знаний в данной сфере экономики

Окончание таблицы

Принцип	Содержание	Показатели развития экономики знаний, характеризующие принцип
8. Принцип формирования трудовых ресурсов для экономики знаний	Направлен на формирование кадров не только компетентных в конкретной области экономики знаний, но и способных оперативно адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Эта адаптация, осуществляемая исходя из имеющихся навыков анализа, оценки и управления возникающими рисками, может быть направлена в том числе на осуществление деятельности в новых областях экономики знаний	Отношение уровня сохраняющихся компетенций ко времени адаптации к новым условиям (новым областям экономики знаний)
9. Принцип стимулирования гибкости институциональной среды адекватно динамике развития экономике знаний	Предполагает стимулирование процессов обеспечения синхронности изменения экономики знаний и соответствующей институциональной среды, прежде всего в области государственного управления	Уровень соответствия институциональных изменений изменениям, произошедшим в сфере экономики знаний. Степень синхронности институциональных изменений изменениям, произошедшим в сфере экономики знаний

означать только то, что процесс становления новой экономики является чрезвычайно сложным и многогранным.

Можно предположить, что наиболее эффективно данные принципы будут реализованы в местах наибольшей концентрации научно-образователь-

ного потенциала вблизи ведущих университетов, исследовательских институтов, «мозговых центров», частных фирм и организаций, занимающихся созданием и заимствованием извне новых знаний и приспособлением их к местным нуждам, в рамках отдельных региональных кластеров.

Список литературы

1. Вельфенс, П. Основы экономической политики / П. Вельфенс. – М. : Прогресс, 1995. – 495 с.
2. Гавричков, А. В. Развитие экономики знаний в России в условиях глобализации : дис. ... канд. экон. наук / А. В. Гавричков. – М., 2007. – 151 с.
3. Гоженко, К. Н. Экономика знания — императивная основа трансформации сферы образовательных услуг : дис. ... д-ра экон. наук / К. Н. Гоженко. – Кисловодск, 2012. – 341 с.
4. Дубенецкий, Я. Н. Модернизация экономики: направления, ресурсы, механизмы / Я. Н. Дубенецкий // Проблемы прогнозирования. – 2011. – № 4. – С. 3–12.
5. Ивинская, И. В. Развитие детерминирующих экономических институтов в условиях становления в России экономики, основанной на знаниях : автореф. дис. ... канд. экон. наук / И. В. Ивинская. – Тамбов, 2012. – 22 с.
6. Иноземцев, В. Л. На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия / В. Л. Иноземцев. – М. : Экономика, 2003. – 776 с.
7. Куянцева, М. И. Институционализация интеллектуального капитала как предпосылка формирования экономики знаний : автореф. дис. ... канд. экон. наук / М. И. Куянцева. – Ростов н/Д., 2012. – 30 с.
8. Макаров, В. Контуры экономики знаний / В. Макаров // Экономист. – 2003. – № 3. – С. 3–15.
9. Макаров, В. Л. Микроэкономика знаний / В. Л. Макаров, Г. Б. Клейнер. – М., 2007. – 204 с.
10. Манасенко, К. А. Институциональная инфраструктура трансформации знания в экономическое развитие : дис. ... канд. экон. наук / К. А. Манасенко. – М., 2011. – 186 с.
11. Миндели, Л. Э. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний / Л. Э. Миндели, Л. К. Пипия // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 3. – С. 115–136.
12. Нельсон, Р. Эволюционная теория экономических изменений / Р. Нельсон, С. Уинтер. – М. : Экономика, 2002. – 536 с.

13. Региональный сектор экономики знаний: проблемы формирования и управления : монография / В. В. Ермоленко, М. Р. Закарян, Р. М. Закарян [и др.] ; под ред. В. В. Ермоленко. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2013. – 388 с.

14. Степанова, Т. Е. Закономерности развития экономики, основанной на знаниях : дис. ... д-ра экон. наук / Т. Е. Степанова. – Самара, 2005. – 418 с.

15. Тимина, Е. И. Роль государства в формировании экономики знаний / Е. И. Тимина. –URL: <http://nest-expert.ru/node/101>

Сведения об авторе

Бушуева Татьяна Николаевна — кандидат педагогических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры менеджмента и мировой экономики Челябинского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Челябинск, Россия. tabu2020@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). *Economy. Is. 48. Pp. 14–20.*

PRINCIPLES OF FORMATION OF KNOWLEDGE ECONOMY

T. N. Bushueva

Candidate of Pedagogy, Deputy Director for Science, Assistant Professor of Management and Global Economy of the Chelyabinsk Institute (branch) of Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Chelyabinsk, Russia. tabu2020@mail.ru

The article shows the relevance of the formation of the knowledge economy in Russia against the background of growing contradictions between the national strategic reference points, challenges of the modern era and the real state of the Russian economy. Under these circumstances the aim of the work is the identification and understanding of the content of the basic principles of private and as sets of rules to be followed by economic agents in the process of forming a focused knowledge economy. The author rightly argues that all phenomena knowledge-economy must be subject to a combination of two basic principles: consumer-active and active-production began. Going to the knowledge economy urgently requires if not optimal, the acceptable level of compliance of supply of goods, services and technologies, which embodies relevant to today's knowledge, the demand for them. This correspondence, coordinated from a single point at the dominant role of the state, is able to eliminate the danger of regression of economic processes. The paper also formulated principles of private knowledge economy, defining the rules that operate and develop specific knowledge economy institutions.

Keywords: *knowledge economy, the basic principles of the knowledge economy, the private principles of the knowledge economy.*

References

1. Vel'fens P. *Osnovy ekonomicheskoy politiki* [Fundamentals of economic policy]. Moscow, Progress, 1995. 495 p. (In Russ.)
2. Gavrichkov A.V. *Razvitiye ekonomiki znaniy v Rossii v usloviyakh globalizatsii* [The development of the knowledge economy in Russia in the context of globalization]. Dis. for the degree of Candidate of Economics. Moscow, 2007. 151 p. (In Russ.)
3. Gozhenko K.N. *Ekonomika znaniya — imperativnaya osnova transformatsii sfery obrazovatel'nykh uslug* [Knowledge Economy — a mandatory basis the transformation of educational services]. Dis. for the degree of Candidate of Economics. Kislovodsk, 2012. 341 p. (In Russ.)
4. Dubenetskiy Ya.N. *Modernizatsiya ekonomiki: napravleniya, resursy, mekhanizmy* [Modernization of the economy: the direction, resources, mechanisms]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. 2011. No. 4. P. 3–12. (In Russ.)
5. Ivinskaya I.V. *Razvitiye determiniruyushchikh ekonomicheskikh institutov v usloviyakh stanovleniya v Rossii ekonomiki, osnovannoy na znaniyakh* [Development of determining economic institutions in the conditions of Russia's economy, based on knowledge]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economics. Tambov, 2012. 22 p. (In Russ.)

6. Inozemtsev V.L. *Na rubezhe epokh. Ekonomicheskiye tendentsii i ikh neekonomicheskiye sledstviya* [At the turn of epochs. Economic trends and their non-economic consequences]. Moscow, Economics publ., 2003. 776 p. (In Russ.)
7. Kuyantseva M.I. *Institutsionalizatsiya intellektual'nogo kapitala kak predposylka formirovaniya ekonomiki znaniy* [Institutionalization of intellectual capital as a prerequisite for the formation of the knowledge economy]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economics. Rostov-on-Don, 2012. 30 p. (In Russ.)
8. Makarov V. *Kontury ekonomiki znaniy* [Contours of the knowledge economy]. *The Economist*. 2003. No. 3. Pp. 3–15. (In Russ.)
9. Makarov V.L. and Kleyner G.B. *Mikroekonomika znaniy* [Microeconomics knowledge]. Moscow, 2007. 204 p. (In Russ.)
10. Manasenko K.A. *Institutsional'naya infrastruktura transformatsii znaniya v ekonomicheskoye razvitiye* [The institutional infrastructure of transformation of knowledge into economic development]. Dis. for the degree of Candidate of Economics. Moscow, 2011. 186 p. (In Russ.)
11. Mindeli L.E. and Pipiya L.K. *Kontseptual'nyye aspekty formirovaniya ekonomiki znaniy* [Conceptual aspects of the formation of the knowledge economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting]. 2007. No. 3. Pp. 115–136. (In Russ.)
12. Nel'son R. and Uinter S. *Evolyutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow, Economics, 2002. 536 p. (In Russ.)
13. Yermolenko V.V., Zakaryan M.R. and Zakaryan R.M. et al. *Savchenko Regional'nyy sektor ekonomiki znaniy: problemy formirovaniya i upravleniyao* [The regional knowledge economy: problems of formation and management]. Monograph. Krasnodar, Kuban State University Press, 2013. 388 p. (In Russ.)
14. Stepanova T.Ye. *Zakonomernosti razvitiya ekonomiki, osnovannoy na znaniyakh* [Laws of development of an economy based on knowledge]. Dis. for the degree of Doctor of Economics. Samara, 2005. 418 p. (In Russ.)
15. Timina Ye.I. *Rol' gosudarstva v formirovanii ekonomiki znaniy* [The role of government in shaping the knowledge economy]. URL: <http://nest-expert.ru/node/101>. (In Russ.)

УДК 330
ББК 65

КРИТЕРИИ И ОСОБЕННОСТИ СРЕДНЕГО КЛАССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Г. Ишмуратова

ООО НПФ «Биомаг», Уфа, Россия

Из-за социальной поляризации, возникшей в России на рубеже веков, главной целью современной российской социальной политики является кардинальное повышение качества и уровня жизни большинства граждан. Это, в свою очередь, предполагает сокращение бедности, умножение средних и высокообеспеченных социальных групп в обществе. Поэтому исследование, целью которого является выявление критериев и особенностей успешно адаптировавшегося к новым социально-экономическим условиям слоя населения — среднего класса, является актуальным. Рассмотрены идентификационные признаки и особенности, численность, состав и профессиональный портрет, потребительское поведение и досуг современного среднего класса России, его миссия в российском обществе и перспективы развития. Отмечена роль государства и объединений гражданского общества в формировании и защите российского среднего класса.

Ключевые слова: *трансформационная экономика России, качество и уровень жизни, социальные группы, критерии, состав и особенности среднего класса, роль государства в его становлении.*

Одной из наиболее острых нерешённых проблем, оказывающих негативное влияние на все стороны жизнедеятельности современного российского общества, остаётся относительно низкий уровень жизни населения. Социальная поляризация, возникшая в России на рубеже веков, сопровождается бедностью: от трети до четверти населения имеют доходы ниже прожиточного уровня.

Преодоление бедности — это важнейшая задача социального государства, и потому целью современной российской социальной политики является кардинальное повышение качества и уровня жизни большинства граждан. Качество жизни определяется разнообразием удовлетворённых потребностей (физических, материальных, интеллектуальных, духовных, социальных) и развитостью личности, социальных групп и общества в целом. Категория «уровень жизни» представляет собой денежную оценку ресурсов, направляемых на потребление и созидательную деятельность личности, социальных групп и всего общества. В совокупности категории «качество и уровень жизни» характеризуют её как целое и определяют разнообразие и размеры личного и общественного потребления, а также созидательную силу личности, социальных групп и всего общества. При этом выявление социальных структур является одной из предпосылок, а их преобразование — результатом реализации экономической,

социальной, политической и духовной программ развития общества и повышения качества и уровня жизни населения [1; 2].

Согласно разделяемому автором взгляду представителей позитивной социальной теории, началом является не индивид, а общество и основные субъекты социальной жизни — социальные общности и индивиды, организованные в социальные группы. Из этого следует центральная роль социальных структур в выработке и реализации национальной социальной политики, а также структурно-функционального анализа условий равновесия в обществе как основы его стабильности и развития [3].

На основе этого подхода сформировались классификации социальных групп, подробно изложенные в отечественной литературе [4–7]. При их создании основная проблема заключалась в обнаружении социально-классовых структур общества как результата взаимодействия нескольких критериальных факторов, относящихся к различным сторонам их жизни: физической, социальной, духовной и политической. По мнению автора, наиболее информативным и объективным является подход, в основе которого лежит шкала «бедность — богатство», разделяющая население современной России на четыре класса и одиннадцать страт:

– бедные (нищие, собственно бедные и нуждающиеся);

- медианный класс (малообеспеченные);
- средние слои (нижний средний класс и собственно средний класс);
- богатые (верхний средний класс, собственно богатые и «элита и субэлита») [8].

Причём в отличие от социологического подхода, базирующегося на мнении респондентов о своём благосостоянии, в его основу положены объективные различия в качестве и уровне жизни социальных общностей.

Необходимо отметить, что разработка комплексных многофакторных моделей выявления параметров социально-классовых структур, определяемых по качеству и уровню жизни населения, затруднительна, что обусловлено не только нерешёнными методологическими проблемами, но и трудностями выбора соответствующего экономического инструментария реализации взаимодействия этих критериальных факторов. Естественно, обязательным условием внедрения этого подхода является сопоставление фактического качества и уровня жизни населения с научно обоснованными социальными нормами (стандартами) [9].

Новейший период социально-экономического развития Российской Федерации протекал чрезвычайно динамично. Сменилась институциональная система, трансформировалось экономическое поведение россиян. Макросоциальным процессом, сопровождающим изменение социально-экономической системы, была адаптация населения к новым условиям, т. е. выработка достаточно большим числом людей новых продуктивных моделей социально-экономического поведения, основанных на реализации индивидуальных ресурсов. Закреплением этого результата должна стать модернизация социальной структуры российского общества с выделением масштабного и устойчивого среднего класса — социальной основы стабильности и безопасности современной России [10; 11].

Целью работы является выявление критериев и особенностей успешно адаптировавшегося к новым социально-экономическим условиям слоя населения — среднего класса. В статье рассмотрены его идентификационные признаки и особенности, численность, состав и профессиональный портрет, потребительское поведение и досуг, его миссия в российском обществе и перспективы развития, роль государства и объединений гражданского общества в становлении и защите среднего российского класса. Цель

и задачи исследования определили структуру работы.

Термин «качество жизни» стал широко употребляться с середины 1990-х гг. в отечественной литературе, а также в дискуссиях учёных и практических работников: были рассмотрены отдельные стороны этого понятия с учётом специфики кардинальных российских преобразований. Категория «уровень жизни» широко используется международным научным сообществом для изучения жизни людей, причём она не утрачивает своей самостоятельности, несмотря на попытки интегрировать её в характеристики качества жизни. Проблематика, касающаяся качества и уровня жизни населения регионов России, активно рассматривается в научных трудах [1] и служит созданию социальной доктрины становления российского общества — основы социальной политики государства, важнейшая задача которой — снижение уровня бедности и формирование многочисленного и устойчивого среднего класса — гаранта социально-экономической стабильности России.

Основными методами исследования являются метод материалистического монизма, восхождение от абстрактного к конкретному, диалектического развития, воспроизводительного анализа; историко-логический, системно-структурный, а также факторный, функциональный и статистический анализ, экспертные оценки и наблюдения и др.

Споры о том, что представляет собой средний класс и каковы критерии принадлежности к нему, имеют долгую историю. Первым прообразом массового среднего класса было «третье» сословие: всё податное население Франции XV—XVIII вв., охватывающее купцов, ремесленников, крестьян, а позднее также буржуазию и рабочих, в отличие от привилегированных сословий — духовенства и дворянства. Границы и масштабы среднего класса изменялись в зависимости от исторического периода развития и даже от особенностей конкретной страны. Рассматривать средний класс как самостоятельный социальный субъект впервые начали в XIX в. в США, а в Европе — несколькими десятилетиями позже.

При всём разнообразии подходов к исследованию современного среднего класса России наиболее плодотворным представляется рассмотренное в работах [1; 12] описание этой социальной группы на пересечении основных идентификационных признаков, к которым относятся матери-

альное благосостояние, нефизический труд (профессиональный статус, наличие высшего (или как минимум среднего специального) образования и социальная самоидентификация со средним слоем [13]. Данные признаки взаимообусловлены и взаимосвязаны: уровень образования определяет социально-профессиональный статус, гарантирующий определённый уровень дохода, который, в свою очередь, определяет социальную идентичность и т.д. В развитых странах именно возникающая в результате статусная совместимость позволяет соответствующему социальному образованию исполнять в обществе определённые функции: инвестиционную, канала вертикальной мобильности, гаранта социальной стабильности и другие, делающие средний слой «классом в себе» и «классом для себя» — оплотом и основой позитивно развивающегося общества.

В новейшей истории сформировавшийся средний класс развитых обществ является особым социальным слоем, который не просто объединяет определённые профессиональные группы, имеет средние доходы и соответствующий уровень жизни, но также выполняет в обществе ряд функций: воспроизводство квалифицированной рабочей силы, ретрансляция национальных форм и ценностей, стабилизация общества и т.д. В России до сих пор ведутся дискуссии о том, каковы необходимые и достаточные условия для отнесения индивида или домохозяйства к среднему классу [1; 14–16].

По данным аналитического доклада «Средний класс в современной России: 10 лет спустя», выполненного в 2014 г. на основе массового опроса населения России в 11 территориально-экономических районах и Москве с использованием четырёх вышеназванных идентификационных признаков, доля среднего класса в российском обществе сегодня составляет 40–42% [17; 18]. По своему составу средний класс не является однородным: устойчивое ядро, наиболее ярко выражающее его качественные характеристики, составляет 16%, а менее стабильная ближняя периферия — 26%. Причём на данный период к ядру среднего класса относят россиян, имеющих прежде всего высшее образование: руководителей, предпринимателей и специалистов, в периферию — работников среднего класса, имеющих не только высшее, но и среднее специальное образование. Большую часть российского среднего класса составляют женщины, молодёжь и люди среднего возраста. У потомственных горожан вероятность пробить-

ся в средний класс выше, при этом если хотя бы один из родителей имеет высшее образование, то она возрастает в 1,5 раза и более. Собственное высшее образование также более чем в половине случаев обеспечивает вхождение в состав среднего класса. При этом среднее специальное образование меняет ситуацию на обратную, но заметно повышает шансы их детей попасть со временем в средние слои общества.

Профессиональный портрет российского среднего класса отражает особенности новейшего исторического периода России и экономической модели, сложившейся в ней за годы реформ. Современный этап развития отечественной экономики — позднеиндустриальный. Поэтому российский средний класс с точки зрения его профессионального облика больше похож на средний класс развитых стран 1960–1980-х гг., чем на своего современного зарубежного аналога. Рост и масштабы отечественного среднего класса обеспечиваются сегодня за счёт наращивания в российской экономике рабочих мест нефизического рутинного труда с относительно высоким уровнем зарплат в офисах, торговле, бытовом обслуживании и ЖКХ. Это говорит об увеличении в составе среднего класса доли среднеквалифицированных «белых воротничков», а также рядовых работников торговли и бытового обслуживания. Причём в составе среднего класса низка доля работников четвертичного сектора экономики (банки, инвестиционные компании, фондовые и товарные биржи), что было присуще социально-профессиональной структуре развитых западных стран 30–40 лет назад. Также отмечается, что масштабное расширение среднего класса в современной России возможно только при диверсификации экономического развития страны, переходе к «экономике знаний», инновационному производству в промышленности и при развитии четвертичного сектора [19; 20].

В отличие от остальных россиян, средний класс, и особенно его ядро, обладают большими возможностями для улучшения своей жизни [21]. Однако динамика его достижений в последние годы выглядит не совсем убедительно. Так, число тех, кто не смог добиться никаких значимых изменений в жизни, выросло в среднем классе за предыдущие 10 лет почти в 1,4 раза. Заметно уменьшилась и доля тех, кто смог повысить уровень образования или квалификации, а также улучшить ситуацию у себя на работе. Такая тенденция может привести не только к росту уровня

социальной напряжённости, но и к падению качества человеческого потенциала страны. Тем более что среднедушевые доходы российских семей, принадлежащих к ядру и периферии ядра среднего класса, достаточно скромны: в начале 2014 г. они составляли 16,5 и 11,5 тыс. долл. США в год, соответственно (без учёта паритета покупательной способности) [17; 18]. Хотя по обеспеченности жильём показатели у среднего класса в целом лучше, чем у остальных россиян, однако каждый десятый из его представителей считает проблемы с жильём в числе главных трудностей. При этом каждый шестой «средняк» моложе 30 лет снимает жильё, и приобретение недвижимости остаётся их основным приоритетом денежных трат на будущее.

Наиболее заметные качественные отличия характеризуют сегодня потребительский стандарт среднего класса, в сравнении с остальным населением, в отношении товаров длительного пользования [22]. Наблюдается огромный отрыв среднего класса от других слоёв общества в обеспеченности его автомобилями, особенно иномарками, цифровой видеотехникой, планшетами, айпадами, айфонами и пр.

В целом анализ потребительского поведения среднего класса показывает, что, несмотря на сравнительно низкие по западным меркам доходы, этот класс не только качественно отличается по ряду характеристик образа жизни от основной массы населения, но и является основным игроком российского рынка: от жилой недвижимости до бытовой техники.

При этом для улучшения своего материального положения средний класс готов работать по совместительству в нескольких местах, что, в свою очередь, свидетельствует о его востребованности на рынке труда. Отличается средний класс от остальных россиян и способностью к планированию своей жизни. Однако отсутствие эффективных финансовых инструментов и непредсказуемость жизни в России, обесценивающих накапливаемые средства, заставляют представителей среднего класса наращивать текущее потребление в ущерб инвестиционно-сберегательным стратегиям.

Несмотря на дефицит свободного времени досуг среднего класса на фоне остального населения выглядит более насыщенным и гармоничным, направленным на культурное, интеллектуальное и физическое саморазвитие и общение, хотя в последнее время отмечено снижение тяги

к чтению художественной литературы и периодики, посещению культурно-развлекательных учреждений, участию в работе общественных организаций, дополнительному образованию. То есть наблюдается сокращение досуговой активности именно по тем направлениям, которые идентифицируют средний класс как культурный и образовательный слой общества.

Как итог, несмотря на некоторое улучшение в последнее время положения среднего класса России, сегодня его представители не уверены в завтрашнем дне и испытывают ряд опасений (утрата здоровья и потеря средств к существованию, отсутствие перспектив у детей и т. д.), большинство из которых в развитых странах компенсируются мерами социальной политики.

Для предотвращения этих рисков российский средний класс активно применяет свои экономические и социальные ресурсы, что делает его важным субъектом социальной политики, способным и готовым осуществлять конструктивное сотрудничество с российским государством при решении социальных проблем: инвестировать в систему здравоохранения, где относительно активно развиты инструменты страхования, а также в социальную инфраструктуру, которая даёт возможность развивать человеческий капитал их детей. В тех областях социальной сферы, где отмечаются нестабильность и непрозрачность (например, пенсионное обеспечение), участие российского среднего класса минимально даже при решении актуальных для него проблем.

В заключение отметим роль государства в развитии его среднего класса, так как успешность социально-экономической адаптации россиян во многом зависит от того, насколько реализуемая модель развития экономики и общества согласуется с ориентациями и установками населения [23]. Среди известных моделей развития (либеральной, патерналистской и социал-демократической) наиболее предпочтительна последняя, в соответствии с которой государство должно регулировать определённые сектора экономики и защищать наиболее нуждающиеся слои населения, что согласуется с мнением большинства (~70%) респондентов по выбору социально-экономической стратегии развития России [1; 2]. Как показывает опыт других развивающихся стран — Бразилии, Китая и особенно Индии — без определённых мер и реформ в области распределительных отношений, без текущей социальной политики, направленной на снижение

масштабов бедности и неравенства, определения их оптимальных уровней в аспекте как экономического роста, так и сохранения человеческого капитала, невозможно радикально решить проблему нарастающего социально-экономического расслоения, угрожающего безопасности страны [1; 24; 25].

В идеале, деятельность государства должна быть направлена на реализацию интересов всего общества, т. е. на повышение качества жизни каждого индивида. Однако, в силу ряда как объективных, так и субъективных причин, государство не всегда соблюдает общие интересы.

Наряду с государством защиту интересов отдельных групп людей берут на себя профсоюзы, трудовые коллективы, политические партии, цер-

ковь, семья и другие объединения гражданского общества.

Таким образом, в данной статье в рамках концепции качества и уровня жизни рассмотрены критерии и особенности (идентификационные признаки, состав, численность, профессиональный портрет, потребительское поведение, досуг) успешно адаптированного к современным социально-экономическим условиям России слоя населения — среднего класса, перспективы его развития. Отмечена роль государства и объединений гражданского общества (профсоюзов, политических и религиозных организаций, трудовых коллективов, семьи) в становлении и развитии российского среднего класса.

Список литературы

1. Качество жизни и экономическая безопасность России / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. — Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2009. — 1184 с.
2. Лескина, О. Н. Социально-экономические условия и государственная политика формирования среднего класса в России / О. Н. Лескина // В мире науч. открытий. — 2010. — № 1–2. — С. 51–58.
3. Анишкин, В. Г. Великие мыслители: история и основные направления философии в кратком изложении / В. Г. Анишкин, Л. В. Шманёва. — Ростов н/Д. : Феникс, 2007. — 336 с.
4. Солнцев, С. И. Общественные классы / С. И. Солнцев ; вступ. ст., комм. В. С. Сычёвой. — М. : Астрель, 2008. — 640 с.
5. Добренёв, В. И. Фундаментальная социология : в 15 т. / В. И. Добренёв, А. И. Кравченко. — Т. 15 : Стратификация и мобильность. — М. : Инфра-М, 2007. — 1029 с.
6. Кундакян, Р. М. Методологические аспекты исследования среднего класса России в рамках концепции качества жизни / Р. М. Кундакян // Экон. науки. — 2009. — № 59. — С. 40–43.
7. Федосеев, В. В. Стратификация населения по среднему душевому доходу / В. В. Федосеев // Труд и социал. отношения. — 2010. — № 2. — С. 100–104.
8. Тихонова, А. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / А. Е. Тихонова. — М. : Ин-т социологии РАН, 2007. — 320 с.
9. Воронцова, Е. В. Формирование среднего класса в России в аспекте повышения качества жизни / Е. В. Воронцова, Н. С. Кокина, Т. В. Курникова // Актуал. вопр. экон. наук. — 2008. — № 4–1. — С. 225–228.
10. Адаптационные стратегии населения : коллектив. моногр. / под ред. Е. М. Аврамовой. — СПб., 2004. — 196 с.
11. Владыкина, М. И. Средний класс России: социальные функции в условиях модернизации общества / М. И. Владыкина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18 : Социология и политология. — 2012. — № 1. — С. 111–122.
12. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии : коллектив. моногр. / под ред. Т. М. Малевой. — М. : Гендальф, 2003. — 506 с.
13. Зинатуллина, Г. Ф. Средний класс: критерии самоидентификации / Г. Ф. Зинатуллина // Наука и современность. — 2010. — № 2–2. — С. 261–264.
14. Аглиуллова, А. Х. Основные критерии идентификации среднего класса в современной России / Г. Ф. Аглиуллова // Труд и социал. отношения. — 2011. — № 4. — С. 68–71.
15. Молочников, Н. Р. Средний класс в России: критерии отнесения / Н. Р. Молочников, Н. Н. Крюченко // Междунар. журн. эксперимент. образования. — 2013. — № 11–1. — С. 147–149.
16. Яницкий, О. Н. «Новый средний класс» — это кто? / О. Н. Яницкий // Власть. — 2013. — № 12. — С. 199–202.

17. Средний класс в современной России: десять лет спустя : аналит. докл. Ин-та социологии РАН / науч. ред. Н. Н. Никс. – М., 2014. – 222 с.
18. Шаталова, Н. Так же, как все. Средний класс меняется вместе со страной / Н. Шаталова // Поиск. – 2014. – 13 июня. – С. 12–13.
19. Журавлёва, Г. П. Наука как шанс выхода из турбулентно меняющегося мира / Г. П. Журавлёва, В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 15 (306). Экономика. Вып. 41. – С. 5–9.
20. Бархатов, В. И. Инновационно-креативная экономика как альтернативный путь деиндустриализации экономики России / В. И. Бархатов, О. В. Дьяченко // Журн. экон. теории. – 2013. – № 3. – С. 18–26.
21. Чаплыгин, А. Э. Качественные особенности среднего класса в современной России / А. Э. Чаплыгин // Власть. – 2012. – № 5. – С. 126–128.
22. Фокина, О. А. Потребительское поведение среднего класса в условиях институционализации сервиса в России / О. А. Фокина // Современ. наука. – 2011. – № 4. – С. 113–117.
23. Бархатов, В. И. Государство как агентство по производству общественных благ / В. И. Бархатов // Ключевые проблемы качества жизни : по материалам Междунар. науч. конф., Челябинск, Ун-т РАО, Челябин. фил.; отв. ред. Г. Г. Горелова. – Челябинск, 2006. – С. 92–93.
24. Гринин, Л. Е. «Дракон» и «тигр»: модели развития и перспективы / Л. Е. Гринин // Ист. психология и социология истории. – 2013. – № 1. – С. 111–133.
25. Мельянцева, В. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия / В. Мельянцева // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2007. – № 9. – С. 18–25.

Сведения об авторе

Ишмуратова Венера Гумеровна — кандидат экономических наук, начальник отдела экономики научно-производственной фирмы «Биомаг», Уфа, Россия. insect@anrb.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 21–28.*

CRITERIA AND SPECIFIC FEATURES OF THE MIDDLE CLASS IN PRESENT-DAY RUSSIA

V. G. Ishmuratova

*Candidate of Economics, Head of the Department of Economics Research and Production Company «Biomag»,
Ufa, Russia. insect@anrb.ru*

Because of social polarization occurred at the turn of the 20th century, modern social policy in Russia is primarily oriented toward radical improvement in the quality and standards of life for the majority of Russian citizens. This, in turn, implies poverty reduction and increase in middle and wealthy groups of the society. Therefore, studies aimed at identifying the criteria and specific features of the middle class whose representatives have successfully adapted to new social and economic conditions are of high topicality. The paper considers identifying indicators and specific features, size, composition and professional profile, consumption behaviour and leisure-time of the middle class in present-day Russia, its mission in the Russian society and prospects for further development. The role of the state and civil society organizations is noted in the formation and protection of the middle class in Russia.

Keywords: *Russia's transformation economy, quality and standards of life, social groups, criteria, composition and specific features of the middle class, role of the state in its formation.*

References

1. *Kachestvo zhizni i ekonomicheskaya bezopasnost Rossii* [Quality of life and economic security of Russia]. Ed. V. A. Chereshnev, A. I. Tatarkin. Ekaterinburg, Institute of Economics Ural Branch of Russian Academy of Sciences, 2009. 1184 p. (In Russ.)

2. Leskina O.N. Sotsialno-ekonomicheskie usloviya i gosudarstvennaya politika formirovaniya srednego klassa v Rossii [Socio-economic conditions and state policy in the formation of the middle class in Russia]. *In the World of Scientific Discoveries*. 2010. No. 1–2. Pp. 51–58. (In Russ.)
3. Anishkin V.G. and Shmaneva L.V. *Velikie myisliteli: istoriya i os-novnyie napravleniya filosofii v kratkom izlozhenii* [Great thinkers of history and philosophy of the main directions in the summary]. Rostov on Don, Feniks, 2007. 336 p. (In Russ.)
4. Solntsev S.I. *Obschestvennyie klassyi* [Social Classes]. Moscow, Astrel, 2008. 640 p. (In Russ.)
5. Dobrenkov V.I. and Kravchenko A.I. *Fundamentalnaya sotsiologiya* [Fundamental Sociology]. T. 15: Stratifikatsiya i mobilnost [Stratification and Mobility]. Moscow, Infra-M, 2007. 1029 p. (In Russ.)
6. Kundakchyan R.M. Metodologicheskie aspekty issledovaniya srednego klassa Rossii v ramkakh kontseptsii kachestva zhizni [Methodological aspects in research of the Russian middle class in terms of the concept of quality of life]. *Economic Sciences*. 2009. No. 59. Pp. 40–43. (In Russ.)
7. Fedoseev V.V. Stratifikatsiya naseleniya po srednedushevomu dokhodu [Population stratification according to per capita income]. *Labour and Social Relations*. 2010. No. 2. Pp. 100–104. (In Russ.)
8. Tihonova A.E. *Sotsialnaya stratifikatsiya v sovremennoy Rossii: opyt empiricheskogo analiza* [Social stratification in modern Russia: the experience of the empirical analysis]. Moscow, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2007. 320 p. (In Russ.)
9. Vorontsova E.V., Kokina N.S. and Kurnikova T.V. Formirovanie srednego klassa v Rossii v aspekte povysheniya kachestva zhizni [Formation of the middle class in Russia in the context of the improvement of quality of life]. *Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk* [Topical Issues of Economic Sciences]. 2008. No. 4-1. Pp. 225–228. (In Russ.)
10. *Adaptatsionnyie strategii naseleniya* [Adaptation strategies of the population]. Ed. by E. M. Avramovoy. Saint Petersburg, 2004. 196 p. (In Russ.)
11. Vladykina M.I. Sredniy klass Rossii: sotsialnye funktsii v usloviyakh modernizatsii obshchestva [Middle class in Russia: Social functions under modernization of the society]. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2012. No. 1. Pp. 111–122. (In Russ.)
12. *Srednie klassyi v Rossii: ekonomicheskie i sotsialnyie strategii* [The Middle Classes in Russia: Economic and social policies]. Ed. by T. M. Malevoy. Moscow, Gendalf, 2003. 506 p. (In Russ.)
13. Zinatullina G.F. Sredniy klass: kriterii samoidentifikatsii [Middle class: Criteria of self-identification]. *Nauka i sovremennost* [Science and Modern Times]. 2010. No. 2–2. Pp. 261–264. (In Russ.)
14. Agliullova A.Kh. Osnovnye kriterii identifikatsii srednego klassa v sovremennoy Rossii [Major criteria for identifying the middle class in present-day Russia]. *Labour and Social Relations*. 2011. No. 4. Pp. 68–71. (In Russ.)
15. Molochnikov N.R. and Kryuchenko N.N. Sredniy klass v Rossii: kriterii otneseniya [Middle class in Russia; Criteria of identification]. *Meshdunarodnyy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education]. 2013. No. 11–1. Pp. 147–149. (In Russ.)
16. Yanitskiy O.N. “Novyy sredniy klass” — eto kto? [“New middle class” — who are they?]. *Vlast* [Power]. 2013. No. 12. Pp. 199–202. (In Russ.)
17. *Sredniy klass v sovremennoy Rossii: desyat let spustya: analiticheskiy doklad Instituta sotsiologii RAN* [The middle class in modern Russia: Ten Years Later. Analytical report of the Institute of Sociology]. Report published 05.23.2014. Moscow. (In Russ.)
18. Shatalova N. Tak zhe, kak vse. Sredniy klass menyaetsya vmeste so stranoy [Like all others. The middle class is changing together with the country]. *Poisk* [Search]. 2014. June 13. Pp. 12–13. (In Russ.)
19. Zhuravleva G.P. and Barkhatov V.I. Nauka kak shans vykhoda iz turbulentno menyauishchegosya mira [Science as a chance to find a way out of turbulently changing world]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013. No. 15. (306). Economy. Issue 41. Pp. 5–9. (In Russ.)
20. Barkhatov V.I. and Dyachenko O.V. Innovatsionno-kreativnaya ekonomika kak alternativnyy put deindustrializatsii ekonomiki Rossii [Innovative creative economy as an alternative way of de-industrializing the economy of Russia]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [J. of Economic Theory]. 2013. No. 3. Pp. 18–26. (In Russ.)
21. Chaplygin A.E. Kachestvennyie osobennosti srednego klassa v sovremennoy Rossii [Qualitative peculiarities of the middle class in present-day Russia]. *Vlast* [Power]. 2012. No. 5. Pp. 126–128. (In Russ.)

22. Fokina O.A. Potrebitelskoe povedenie srednego klassa v usloviyakh institutsionalizatsii servisa v Rossii [Consumption behaviour of the middle class under service institutionalization in Russia]. *Sovremennaya nauka* [Modern Science]. 2011. No. 4. Pp. 113–117. (In Russ.)

23. Barkhatov V.I. Gosudarstvo kak agentstvo po proizvodstvu obshchestvennykh blag [The state as an agency for producing social welfare]. *Klyuchevye problemy kachestva zhizni* [Key Problems of Quality of Life]. Proceedings of the Scientific Conference. G. G. Gorelova (ed.). Chelyabinsk, University of the Russian Academy of Education, Chelyabinsk Branch, 2006. Pp. 92–93. (In Russ.)

24. Grinin L.E. “Drakon” i “tigr”: modeli razvitiya i perspektivy [The “Dragon” and the “Tiger”: Development models and prospects]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History]. 2013. No. 1. Pp. 111–133. (In Russ.)

25. Melyantsev V. Ekonomicheskiy rost Kitaya i Indii: dinamika, proporsii i posledstviya [Economical growth of China and India: Dynamics, proportions and consequences]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2007. No. 9. Pp. 18–25. (In Russ.)

УДК 330(075.8)
ББК 65.012

КОРПОРАЦИЯ: МНОГОМЕРНОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О. В. Брижак, В. П. Зыза

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия

Актуализированы проблемы социально-экономической, экологической эффективности и технологического базиса корпораций. Цель исследования — в рассмотрении природы корпоративных структур как субъекта экономики, играющих экономическую, социальную, экологическую и инновационную роль, а также в определении роли государства в этих структурах. Исследование проведено с опорой преимущественно на неокейнсианскую методологию экономического анализа с использованием также институционального и политико-экономического подхода.

Ключевые слова: *корпорация, неокейнсианская теория, институты, государство, эколого-экономическая эффективность, социальная ответственность.*

Превращение корпораций в ключевых игроков современной мировой и отечественной экономики предполагает необходимость многомерного исследования, опирающегося на методологию и язык разных экономических теорий. При этом было бы неправомерно смешивать или искусственно интегрировать разные теории. На наш взгляд, каждая из экономических школ видит феномен «корпорация» в разном свете, показывая её различные стороны, высвечивая лишь одно из измерений многомерного пространства, в котором функционирует этот экономический актор. Поэтому мы покажем несколько важнейших аспектов содержания корпорации как экономического актора, излагаемых различными экономическими теориями, сделав акцент на неокейнсианской теории.

Современный взгляд большинства экономистов-теоретиков в рамках англо-саксонской школы базируется на методологии макроэкономического анализа с твёрдым микроэкономическим ядром, используя фундаментальные положения кейнсианства, — так называемое неокейнсианство. Это сложившееся в послевоенный период направление, разработанное группой экономистов, среди которых наибольший вклад внесли Ф. Модильяни, Д. Хикс и П. Самуэльсон [13; 24; 27]. Ими была предпринята попытка интерпретировать и формализовать учение Д. М. Кейнса и синтезировать его с неоклассическими микроэкономическими моделями А. Маршалла, что в результате получило название «неоклассического синтеза». Впоследствии данный подход трансформировался в так называемый новый неоклассический синтез, который объединил нео-

классическую экономику Р. Лукаса [3] и его последователей (новые неоклассики) с неокейнсианством и в настоящее время стал одним из основных течений макроэкономической теории.

В аспекте макроэкономической теории основными оппонентами неокейнсианства остаются новые неоклассики. В их моделях экономические институты являются входными параметрами, все ресурсные потоки оптимизируются внутри сложившейся институциональной структуры, а государство играет пассивную роль. В свою очередь, неокейнсианский подход подчёркивает активную роль государства в экономике, и одним из важных экономических институтов для неокейнсианского анализа является корпорация.

Стандартный взгляд на корпорацию, который рассматривает её как фирму, максимизирующую прибыль и минимизирующую издержки производства на основе оптимального распределения ресурсов и предельной производительности факторов производства, на наш взгляд, не исчерпывает представления о корпорации как об одном из важнейших акторов постиндустриальной рыночной экономики. Корпорация — это не только максимизатор прибыли, но и сложная система социально-экономических отношений между различными субъектами, составляющими корпорацию. Социально-экономические отношения в корпорации — это система отношений, складывающихся между собственниками, менеджерами и работниками корпорации и связанных с производством, распределением дохода, отношениями собственности, системой управления, финансовыми параметрами и институциональным оформлением [5].

В рамках корпорации важно рассматривать стык экономики и права, набор правомочий. Для многих экономик, где права собственности не стабилизированы и плохо специфицированы, использование только микроэкономических параметров может дать неадекватные результаты. В рамках неоклассических традиций и нового кейнсианства, специфическим образом её преломляющего, предпосылкой является наличие эффективного частного собственника и преимущественно рационального экономического субъекта. В специфически развивающихся экономиках, где трансформационные преобразования не завершены, значимыми факторами являются неэкономические методы взаимодействия от коррупции, теневых сделок до криминала, что требует существенной коррекции данных положений.

Кроме этого, при анализе корпораций важно учитывать стык собственно экономических и технологических процессов.

Ещё К. Маркс в «Капитале» предлагает рассматривать фирму, корпорацию как определённый технологический комплекс [17]. Позиция К. Маркса, считающего, что структуру корпорации задаёт прежде всего технологический комплекс, является верной для индустриального технологического уклада, сохраняющегося во многих странах мира как основной и приобретающий особую актуальность в контексте задач реиндустриализации, стоящих сегодня не только перед Россией. Это касается технологической базы корпорации и того, какие технологии более эффективно должны быть собраны в одном комплексе в рамках одного капитала [16].

Известны разные попытки периодизации ключевых факторов производства, играющих ведущую роль в распространении нового технологического уклада в корпорации. Так, марксистская парадигма в периодизации доминирующих факторов выделяет производительные силы как основу системы производственных отношений и механизма хозяйствования в корпорации [18]. Классический институционализм ведущую роль в распространении нового технологического уклада в корпорации отводит определённым производственным и управленческим технологиям и способу организации ключевых факторов производства, а также тому, как эти факторы функционируют в рамках экономики, корпорации, отдельного предпринимателя [12]. Современная неоклассическая теория исследует специфику используемых ресурсов (рабочей силы, капитала,

знаний) и возможные комбинации их сочетания в рамках технологического уклада корпорации, специфику производимого продукта, конкуренции и прочие параметры [26]. Неокейнсианская парадигма среди основных факторов смены технологического уклада в корпорации выделяет скорость накопления капитала, инвестиции в инновации, экспорт капитала в развивающиеся страны и усиление государственного участия в экономике. Разрабатывается теория долгосрочного технико-экономического развития [28]. В России она нашла отражение в работах С. Ю. Глазьева, который концентрирует своё внимание на макротехнологической динамике, содержании, механизме и географии смены технологических укладов [11].

В 1960-х гг. популярными стали теории «индустриального общества» Дж. Гэлбрейта и «стадий экономического развития» американского социолога У. Ростоу [31; 33]. Эти идеи получили развитие в теории постиндустриального общества. Наиболее выдающиеся её представители — Д. Белл, М. Кастельс (США), Ж. Ж. Серван-Шренбер и А. Турен (Франция) [2; 14; 30].

В концепции «постиндустриального общества» утверждается, что в зависимости от уровня развития техники в обществе происходит постепенная трансформация экономической деятельности, где ведущая роль принадлежит науке и образованию. Каждой из этих стадий присущи специфические формы социальной организации: мануфактуры, корпорации, университеты, сетевые фирмы и пр.

Корпорация: рынок и государство. Корпорация — это специфический производственный мир, и к её анализу нужно подходить с точки зрения экономической эффективности. Корпорация может быть эффективна, если она обусловлена экономией от масштаба (economies of scale) или интернализацией положительных и(или) отрицательных внешних воздействий (externalities), возникающих в экономической системе. С другой стороны, она может быть неэффективна, ограничивая конкуренцию и создавая возможности для тайного сговора, причём этот сговор может быть как между игроками, так и между корпорацией и государством — как по горизонтали, так и по вертикали.

В настоящее время распространение получают сетевые корпорации, работающие в таких экономических секторах, как коммуникационный, финансовый, энергетический, транспортный и т. д. В подобных сетевых структурах может быть

два оптимума. Первый оптимум обычно связан с естественными монополиями. Например, компания «Майкрософт» позиционировала себя естественной монополией в компьютерной сети Интернет. Корпорация полагала, что может оказывать программные услуги наиболее эффективно, с наименьшими затратами, и поэтому цена её услуг является самой низкой, и государству в этом плане лучше иметь только «Майкрософт» и никого более в отрасли. Но в апреле 2000 г. корпорация была названа «злоупотребляющей монополией», и в результате судебного расследования государство решило её разделить на две части. Иными словами, с развитием сети «Майкрософт» переросла естественную монополию и превратилась в монополию.

Действительно, в сетевых рынках есть второй оптимум, который связан с повышенной конкуренцией и сосуществованием крупной корпорации и более мелких фирм. Второй оптимум связан с доминирующим игроком (корпорацией), который не может сам достичь оптимального масштаба производства, и поэтому ему выгодно привлекать другие рыночные структуры для успешного функционирования. Самое интересное в этой ситуации то, что подобная рыночная организация является эффективной!

Поэтому корпорации имеют право на существование, если они обеспечивают этот второй оптимум. В чистом виде корпорации хороши тогда, когда они могут производить тот же самый продукт, тот же самый сервис с наименьшими затратами, т. е. они эффективнее, чем конкурентный рынок, но такое случается только в ситуациях, связанных с так называемыми сильными «провалами рынка» (market failures).

Когда мы говорим о рыночной, социально регулируемой экономике, то возникает вопрос о соотношении государства и рынка в экономической системе. Этот вопрос долгое время и в некоторых аспектах до сих пор остаётся дискуссионным.

Ещё со времён классиков политической экономики А. Смита (1723–1790) и Д. Рикардо (1772–1823) подчёркивалось значение государства, с точки зрения охраны и защиты частной собственности, производства общественных благ, проведения налоговой политики, поддержания правопорядка и обороны [1; 3]. Необходимость государственного участия сопрягается с пониманием провалов рынка, несмотря на демонстрируемые ими преимущества рыночной экономики.

Так, Д. С. Милль (1806–1873) в своих исследованиях подошёл к пониманию провалов рынка и считал, что государство может и должно взять на себя расходы по развитию хозяйственной инфраструктуры, поддержанию науки и т. д. Он выступал против поляризации общества и призывал к социальному партнёрству [20].

В 1830-е гг. либеральная доктрина разделяется на два направления: классически либеральную, которая отстаивает свободу предпринимательства и невмешательство государства в экономику, и реформистскую, современно либеральную концепцию, которая, не отказываясь от базовых либеральных ценностей, ратует за активную роль государства. Во главе второго направления и оказались И. Бентам, Дж. С. Милль и др.

Представители неоклассического направления отводят государству более скромную, ограниченную роль, состоящую в производстве общественных благ и контроле над монополиями [19]. Критика вмешательства государства в экономику обосновывается в книге Л. Вальраса (1834–1910) [9].

Вместе с тем подлинную революцию в экономической теории произвело учение Д. М. Кейнса (1883–1946). С его именем связано рождение нового направления в западной экономической мысли — кейнсианства, выступающего за активное вмешательство государства в экономику. Рынок, с точки зрения Дж. М. Кейнса, не является саморегулирующимся механизмом, так как не может обеспечить «эффективный спрос», поэтому стимулировать его должно государство посредством кредитно-денежной и бюджетной политики [15].

С начала 1950-х гг. неокейнсианцы (Р. Харрод, Е. Домар, Э. Хансен и др.) активно разрабатывали проблемы экономической динамики и прежде всего темпов и факторов роста, стремились найти оптимальное соотношение между занятостью и инфляцией. На это же направлена концепция «неоклассического синтеза» П. Самуэльсона (1915–2009), пытавшегося органически соединить методы рыночного и государственного регулирования [25].

Посткейнсианцы, Д. Робинсон (1903–1983), П. Сраффа (1898–1983), Н. Калдор (1908–1986) и др., в 1960–1970-е гг. сделали попытку дополнить кейнсианство идеями Д. Рикардо. Неорикардианцы выступают за более равномерное распределение доходов, ограничение рыночной конкуренции, проведение системы мер для эффективной борьбы с инфляцией.

Роль государства в корпорациях хороша тем, что они вместе могут нести инвестиционный риск в отраслях, в которых капитальные вложения не имеют альтернативного применения или окупаются слишком долго. В подобных ситуациях частный капитал не готов рисковать, но вместе с государством это может быть эффективно, и поэтому государство и частная корпорация становятся партнёрами. Например, в Канаде все дороги — государственные или муниципальные, т. е. они принадлежат государству. Однако в последнее время государство сотрудничает с частными корпорациями в строительстве новых дорог, снижая инвестиционный риск. Подобное партнёрство может оказаться очень эффективным в различных инфраструктурных проектах [34].

Существуют за рубежом и госкорпорации. Они функционируют в таких отраслях экономики, как энергетика, транспорт, добывающие отрасли, и вовлечены в процессы производства, распределения и ценообразования. Они сложились исторически на базе культурных особенностей и общественной необходимости. Некоторые из них являются прибыльными, тогда как другие полностью полагаются на общественную необходимость [36].

Зачастую государственные корпорации существуют в стратегических отраслях, там, где государство контролирует то, что принадлежит всему народу, и государство выступает от имени народа. С экономической точки зрения, негативом подобных структур является неэффективность их управления, связанная с бюрократизмом.

Если говорить об экономической эффективности, то у каждой корпорации есть определённый масштаб производства, превышение которого снижает эффективность и управляемость корпорации. Если подобный «порог эффективности» пройден, то корпорацию нужно либо разделять, либо вводить других игроков на рынок. Поиск подобного порога базируется на статистическом анализе, в результате которого находится эффективный размер производства или концентрация производства в определённом рынке или его сегменте.

Если госкорпорация или просто корпорация играет по тем же самым правилам, что и конкурент, если она эффективна по отношению к конкурентному рынку и если она производит оптимальный масштаб, то она имеет право на существование. Естественно, что у крупных корпораций всегда будет соблазн двинуться в сторону

монополии и отбросить конкурентов любыми путями. Это может быть сделано и через экономические войны, когда очень сильно снижается цена на производимый продукт, и через лоббирование политическим путём, и через различные дискриминационные институциональные меры.

Корпорация — это фирма, которая производит один или несколько продуктов. В экономическом плане она ничем не отличается от любой другой фирмы. Однако, с точки зрения бизнес-администрирования, корпорация отличается от экономической фирмы, поскольку, наряду с производственной функцией, она выполняет и ряд других — управленческую, маркетинговую и даже социальную. Вся логистическая цепочка у корпораций решена от производства до реализации конечного продукта.

Мы считаем, что роль государства в корпорациях не должна увеличиваться, а должна сводиться только к выработке правил игры. Корпорации должны участвовать в инвестиционном риске и быть партнёром государства. Вместе с тем правительство не должно быть активным игроком на рынке. Но есть основные фонды, которые не имеют ярко выраженной рыночной (остаточной) стоимости. Например, вы построили железную дорогу и у вас что-то не пошло в плане её использования. Вы не можете продать, например, железнодорожную насыпь, так как рынка железнодорожных насыпей не существует. Вы можете продать старый автомобиль, дом, бизнес и прочее, так как подобные рынки существуют. В ситуациях, когда соответствующих рынков нет, государство должно помогать, потому что риск, связанный с инвестициями в подобные капитальные объекты, резко увеличивается.

Во многих случаях частный производитель или оператор просто не в состоянии собрать нужный доход, чтобы покрыть свои затраты. Однако производимый товар или услуга являются общественно необходимыми. В этом случае государство разделяет риск, понимая, что это общественно необходимая вещь, которая может не принести прибыли в будущем вообще. Во всех других случаях рынок может всё сам эффективно распределить, если правила игры, созданные государством, являются оптимальными.

Поэтому основные дебаты сейчас связаны с поиском оптимального набора правил. Каждое государство должно найти свой оптимальный набор правил и стимулов, а дальше выполнять роль наблюдателя, координатора и мирового судьи.

В этом плане в российской экономике так называемое ручное управление зашкаливает [8].

На Западе в 1990-х гг. спорили в экономической теории о том, что лучше — оптимальный набор правил или хорошее правительство, состоящее из профессионалов. В результате пришли к выводу, что лучше оптимальные правила, т.к. они не зависят от того, кто в правительстве; они понятны всем, и их последствия легко прогнозируемы.

Эти правила должны быть простыми, понятными для всех, и их не надо постоянно менять или улучшать, чтобы не раздражать участников рынка. Вот это — основная роль государства. Оно должно быть партнёром для того, чтобы разделить риск инвестиций в инфраструктурных отраслях, в ситуациях с естественными монополиями, в отраслях высокой общественной необходимости (транспорт, нефте- и геологоразведка, здравоохранение), а также в ситуациях, связанных с большим системным риском.

Крупный бизнес и его среда: предпочтения, ограничения, взаимодействие. Каждая фирма является в своём роде уникальным и неповторимым актором рыночной экономики. Но если рассматривать фирмы относительно количественного критерия, то их можно определить как малые, средние и крупные, которые, в свою очередь, обладают рядом свойств, признаков, преимуществ и недостатков.

Малые фирмы (малый бизнес) сильно зависят от ситуации, которая складывается на рынке, и почти не могут изменить конъюнктуру, даже если она неблагоприятна для них. У каждой из малых фирм недостаточно для этого ресурсов, а скоординировать свою деятельность они почти не в состоянии, по крайней мере, по большинству вопросов. Даже совместное лоббирование ими своих интересов в политической жизни обычно получается у них менее эффективно, чем у крупных фирм, которые могут мобилизовать для этого большие ресурсы. В результате малые фирмы намного чаще разоряются. В то же время малый бизнес во многих странах обеспечивает огромную часть занятости (что весьма важно при высокой безработице), более чуток к конкуренции и запросам потребителей, а главное — является инкубатором предпринимательства. В силу этого в большинстве стран общество поддерживает малый бизнес, склоняя государство облагать этот бизнес уменьшенными налогами, предоставлять ему льготные кредиты и другие виды помо-

щи для того, чтобы усилить устойчивость малого бизнеса.

Крупные фирмы (большой бизнес) меньше зависят от рыночной конъюнктуры в силу своих больших ресурсов, точнее «организационного жирка», т.е. резервного запаса ресурсов, который компании могут использовать при наступлении неблагоприятных условий. Более того, многие из крупных компаний могут влиять на рынок благодаря своей высокой доле на рынке. Так, снижение или повышение цен на никель российской фирмой «Норильский никель» меняет ситуацию на всём мировом рынке никеля. Подобные возможности воздействия на рынок приводят к попыткам крупных компаний его монополизировать, тем самым ослабляя одну из основ рынка — конкуренцию. Поэтому государство проводит антимонопольную политику по отношению к наиболее крупным компаниям.

В то же время крупные компании вносят большой вклад в производство многих товаров, особенно сложных (научноёмких) и требующих больших расходов капитала (капиталоёмких). «Как только мы посмотрим на показатели производства отдельных товаров, то выяснится, что наибольшего прогресса в производстве благ добились именно крупные концерны, способные концентрировать большой коллектив учёных и разработчиков новых технологий», — писал Й. Шумпетер [29]. Утверждение Шумпетера о превосходстве крупного бизнеса разделял и американский экономист, представитель институциональной школы Дж. Гэлбрейт [31]. Отсюда двойственное отношение государства к крупным компаниям: с одной стороны, их стремятся ограничивать (через антимонопольную политику), а с другой — их поддерживают как столпов научно- и капиталоемких отраслей.

Капитализм построен на индивидуализме и как таковой учитывает индивидуальные риски, в то время как социализм построен на коллективизме. Однако в реальной жизни эти две черты — индивидуализм и коллективизм — взаимосвязаны.

Нужно развивать малый и средний бизнес, так как это эффективное звено экономики, формирующее любое общество, создающее средний класс предпринимателей, который очень мобилен в аспекте инвестиций и инноваций. В этом и состоит объединение индивидуального и коллективного.

Например, после полёта Юрия Гагарина в космос в США была поставлена национальная задача

первыми высадить человека на Луну, реализация которой и воодушевила мелкий и средний бизнес. Всё, что создавалось в космической отрасли, сразу спускалось вниз — в малый и средний бизнес. Здесь отрабатывались корпоративные тонкости (что работает, а что нет), и они в результате подняли эффективность производства. До сих пор США нет равных в производительности труда. То есть получилось такое согласованное взаимодействие индивидуального и коллективного.

Крупный бизнес: социальная ответственность и устойчивое развитие. В последние десятилетия возрастают требования гражданского общества к бизнесу по усилению социальной ответственности в отношении работников, общества и окружающей среды.

Идеология корпоративной социальной ответственности возникла как ответ бизнеса на давление со стороны растущих левых настроений и профсоюзного движения в последней трети XIX в. Возникшие тогда институты гражданского общества потребовали от предпринимателей предоставления социальных гарантий рабочим и обеспечения охраны их труда, а упадок профессиональных объединений в середине XX в. актуализировал для владельцев предприятий задачи сохранения лояльного отношения и поддержания мотивации подчинённых, что вновь заставило их обратиться к социальной ответственности корпораций. Именно тогда это понятие прочно вошло в теорию и практику корпоративного управления.

На первом этапе оно в основном распространялось на вопросы социального обеспечения собственного персонала, а также помощи местным органам самоуправления на партнёрской и спонсорской основе.

В начале 1960-х гг. практика взаимоотношений между бизнесом и обществом начала трансформироваться в новую форму социального контракта или «набора писаных и неписаных правил и положений о моделях поведения различных элементов общества», таких как приемлемые оплата и условия труда со стороны работодателей в «обмен» на обязанности и ответственность со стороны наёмных работников; честная конкуренция и уважение чужих прав и обязанностей; соблюдение налогового законодательства, стандартов здравоохранения, техники безопасности, интересов потребителей, клиентов и т. д. [2].

В 1970-х гг. широкое распространение получает агентская концепция социальной ответственности, подразумевающая ответственность

компаний перед своими акционерами. Её автор, известный экономист неоклассического направления М. Фридман писал: «...существует только одна социальная ответственность бизнеса — использовать ресурсы и предпринимать действия, направленные на повышение своих прибылей, играя по правилам открытой и свободной конкуренции без обмана или подлога» [32].

Теория социальной ответственности ярко звучит в так называемой теории участия, предлагающей целый спектр типов ответственности бизнеса перед различными группами общественности, тем или иным образом с ним соприкасающимися: персонал компании, акционеры, потребители, правительственные органы, профсоюзы, бизнес-ассоциации, поставщики и даже конкуренты. В последнее время авторами отмечается важность «преображения» человека как субъекта корпоративных отношений и носителя определённой поведенческой функции, его качественное «перерождение» [22; 23].

А. В. Бузгалин предлагает «расширительную трактовку социальной ответственности бизнеса, которая состоит не только в том, чтобы не сокращать искусственно рабочие места, соблюдать условия коллективного договора и платить налоги, но и в принятии на себя некоторых не свойственных капиталу обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а также в самоограничении своих экономических интересов. В частности, речь идёт о развитии социального партнёрства; прозрачности управленческой и экономической деятельности; ограничении уровня дифференциации доходов работников корпорации величиной в 10–15 раз; реализуемой долгосрочной стратегии использования средней по отрасли прибыли на решение социальных, культурных, экологических и т. п. проблем региона, страны и (в случае ТНК) мира» [7].

Таким образом, теория социальной ответственности появилась в результате глубинной трансформации отношений частного предпринимательства и общества: в постиндустриальной экономике последнее желает не просто приобретать «больше хороших товаров», но знать, какова их экологическая и социальная цена.

Не последнюю роль сыграли и вызовы глобализации, которые заставили компании искать всё более изощрённые способы позиционирования в перенасыщенном информацией мире [21].

Корпорация играет большую социальную роль. Многие крупные корпорации осуществля-

ют большие социальные траты, чтобы создать положительный социальный имидж. Например, если корпорация выпускает «зелёный» продукт, который благоприятен для окружающей среды, то она пойдёт на дополнительные затраты, чтобы это производство расширить, т.к. общество созрело экологически и будет приветствовать этот продукт, таким образом, повышая на него спрос. Корпорации должны доказать, что они органичные игроки в обществе, а не просто производители.

В развитых экономиках, если в ряд поставить несколько корпораций, среди которых есть одна с хорошим «социальным лицом», потребители будут покупать продукцию именно у неё. Если же корпорация функционирует в определённом городе, то она пытается создать социальное лицо этого города, т.е. она становится частью городского социума.

Для реализации социальной функции в любом обществе необходимо сначала создать для неё материально-техническую базу, как писал К. Маркс [17]. В связи с этим концепция устойчивого развития должна стать новой философией развития как на уровне общества, так и на уровне корпорации.

Устойчивое развитие — это сбалансированный рост, который включает в себя экономическую, экологическую и социальную составляющие. Существует набор индикаторов по измерению этого роста на уровне проекта, фирмы, региона, страны. В настоящее время легче измерять прогресс устойчивого развития на уровне страны, чем на уровне одной корпорации или фирмы. Чем ниже уровень, тем сложнее эту концепцию сделать операционной. Однако необходимо стремиться к тому, чтобы этот подход стал определяющим в вопросах общественного развития.

За рубежом уже в начальных школах рассказывают про устойчивое развитие. В университетах подобная философия становится нормой. Например, у инженеров вводятся спецкурсы по устойчивому развитию и оценке проектов с точки зрения устойчивого развития. Первые результаты такой философии проявили себя при строительстве 12-километрового моста от материка к острову Принца Эдварда в Канаде. Он строился по принципу устойчивого развития с учётом будущих изменений климата, которые могут повлиять на уровень и силу мостовых стоек [35].

В странах развивающихся рынков вопрос выживания — более важен, чем социальные и эко-

логические аспекты. Однако следовало бы с самого начала экономического развития учитывать эти критерии наряду с экономическими. К сожалению, в российском бизнесе этого не было сделано с самого начала, а в пути что-то менять уже сложно. Но менять надо, так как это вопрос выживания.

Например, на Западе есть понятие социального контракта, когда работник социально полностью защищён. В России такого пока нет. Если на Западе работника собираются уволить, то у него существует множество социальных и юридических рычагов, чтобы себя защитить. В России же могут просто уволить без выходного пособия. Поэтому социальный контракт необходимо формировать на уровне общества уже сейчас, и частные корпорации должны стать участником этого процесса наряду с государством.

Также необходимо помнить и о так называемой временной непоследовательности, когда в конфликт вступают сегодняшние задачи с долговременными целями. Они должны быть синхронизированы. В этом плане гражданское общество во все времена являлось и является основной движущей силой развития.

В каждой корпорации существует своя корпоративная этика. С нашей точки зрения, эта этика не должна отличаться от этики общества в целом, так как корпорация — это субъект общества, и она не должна ограничиваться только максимизацией прибыли. Корпорация должна быть поставлена в такие рамки, которые требуют от неё не только экономической составляющей, но и социальной и экологической. Этакое двухстороннее движение между обществом и корпорациями в рамках стратегии устойчивого развития.

Российские корпорации: контрапункты инновационной активности. Как известно, в крупном бизнесе развитых стран инвестиции в инновации становятся решающим условием его устойчивого развития и долгожительства. В России вследствие проводимых в последние десятилетия реформ и сырьевой ориентации промышленности предприятия потеряли восприимчивость к нововведениям и техническому прогрессу. Частный бизнес не заинтересован в повышении технологического уровня отечественной экономики. Крупный бизнес, на который возлагались большие надежды как на генератор знаний, креативных идей и капитала, оказался платформой для препятствия инноваций. Концентрация прав присвоения доходов от собственности и функ-

ций управления в руках инсайдеров определяет краткосрочное инвестиционное поведение, которое ограничивает инновационное производство, не обеспечивает долгосрочное инвестирование российским корпорациям, не создаёт условий для развития творческой (креативной), инновационной активности работника и коллектива, но даёт возможность максимизировать инсайдерскую ренту. В итоге российская экономика становится заложницей институциональных препятствий. Частный бизнес не может внедрять инновации, корпорации — не хотят [6].

Практика показывает, что высокая инновационная активность присуща малому и среднему бизнесу, т.к. он конкурентен, гибок, способен к поиску и перепрофилированию. Крупные корпорации страдают от излишнего управления и поэтому постоянно встречаются с проблемой координации своей деятельности и неэффективного распределения ресурсов. Поэтому изначально укрупнение, или «утяжеление» частных компаний должно происходить только с позиций эффективности.

В российской экономике на современном этапе следует глубже изучить отдельные рынки на предмет их эффективности. Существуют очень точные методы анализа, например, так называемый анализ конвертных данных (Data Envelop Analysis). Только после подобного анализа рынка или его сегмента можно делать выводы о приемлемой организационной структуре. Это в свою очередь повысит инновационную активность в целом через более высокую конкурен-

цию. В рыночной экономике работает следующая модель: частный предприниматель постоянно ищет пути получения дополнительной прибыли. В острой конкурентной борьбе за прибыль только новое открытие или инновация могут быстро принести прибыль. Однако как только такая инновация становится достоянием всего рынка, все остальные предприниматели её копируют, внедряют и прибыль исчезает до тех пор, пока другой предприниматель не придумает что-то новое. Эта спираль и раскручивает рынок. Если же конкуренция отсутствует, то и стимулы для подобной спирали также отсутствуют. Поэтому государство должно быть двигателем конкуренции в экономике и создавать благоприятный климат для инноваций через льготное налогообложение, а также систему производственных и непроизводственных стимулов.

Не стоит забывать и о кредитно-денежной политике, т.е. о наличии дешёвых кредитов разной временной направленности, а также приоритетности отраслевой динамики. Однако эти вопросы базируются на глубоком статистическом анализе рынков.

Таким образом, роль государства должна быть наблюдательной и корректирующей. Государство не должно создавать дополнительные барьеры для экономики, бизнеса и общества в целом, уничтожая барьеры там, где они есть. В России их очень много, начиная с момента регистрации фирмы и до непосредственного потребления конечного продукта.

Список литературы

1. Аникин, А. В. Шотландский мудрец: Адам Смит / А. В. Аникин // Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М. : Эксмо, 2009. — С. 879–901.
2. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. — М. : Прогресс, 1986.
3. Блауг, М. Лукас Роберт младший / М. Блауг // 100 великих экономистов после Кейнса. — СПб. : Экономика, 2009. — С. 162–164.
4. Блауг, М. Рикардо Давид / М. Блауг // 100 великих экономистов до Кейнса. — СПб. : Экономика, 2008. — С. 246–251.
5. Брижак, О. В. Российские корпорации: акторы и их интересы / О. В. Брижак // Философия хоз-ва. — 2012. — № 4 (82). — С. 199–205.
6. Брижак, О. В. Институциональная трансформация российской экономики: противоречия корпоративного сектора / О. В. Брижак // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 9 (338). Экономика. Вып. 44. — С. 69–77.
7. Бузгалин, А. В. Эволюция экономических теорий и этапы генезиса, развития и заката рыночно-капиталистической экономической системы / А. В. Бузгалин // Проблемы соврем. экономики. — 2013. — № 4 (48). — С. 88–90.

8. Бузгалин, А. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления / А. Бузгалин, А. Колганов // Проблемы теории и практики упр. – 2014. – № 10. – С. 8–16.
9. Walras, M.-E.-L. *Études d'économie politique appliquée; Théorie de la production de la richesse sociale* [Очерки социальной экономии. Теории распределения общественного богатства] / М.-Е.-Л. Walras. 1896.
10. Волгин, Н. А. Социальная корпоративная политика: проблемы, опыт, перспективы / Н. А. Волгин, В. К. Егорова. – М., 2002.
11. Глазьев, С. Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / С. Ю. Глазьев ; под ред. С. Ю. Глазьева и В. В. Харитонов. – М. : Тривант, 2009.
12. Гэлбрейт, Дж. К. Экономическая теория и цели общества / Дж. К. Гэлбрейт. – М. : Прогресс, 1976. – 476 с.
13. Интервью с Франко Модильяни // О чём думают экономисты. Беседы с нобелевскими лауреатами / под ред. П. Самуэльсона и У. Барнетта. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2009. – С. 128–154.
14. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000.
15. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег (1936) / Дж. М. Кейнс. – URL: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>
16. Колганов, А. И. Реиндустриализация как ностальгия? Теоретический дискурс / А. И. Колганов, А. В. Бузгалин // Социс. – 2014. – № 1 (357). – С. 80–95.
17. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М. : ИПЛ, 1978.
18. Маркс, К. Соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1965. – Т. 3.
19. Маршалл, А. Принципы экономикс (1890) / А. Маршалл. – URL: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshal/index.html>
20. Милль, Дж. Ст. Принципы политической экономии (1848). – URL: <http://relig-library.pstu.ru/modules.php?name=2112>
21. Плетнёв, Д. А. Тектоника государственной экономической стратегии: индивиды, корпорации, общество / Д. А. Плетнёв // Экономическая политика: на пути к новой парадигме : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (XV Друкеровские чт.) : в 2 т. Т. 1 / под ред. Р. М. Нижегородцева, А. И. Тихонова, Н. В. Финько. – М. : Доброе слово, 2013. – С. 76–85.
22. Плетнёв, Д. А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства / Д. А. Плетнёв // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 15 (306). Экономика. Вып. 41. – С. 35–42.
23. Плетнёв, Д. А. Сущность и природа рутин вовлечения в структуре института содействия корпорации / Д. А. Плетнёв // Terra Economicus. – 2013. – Т. 11, № 1. – С. 47–56.
24. Самуэльсон, П. Экономика / П. Самуэльсон, В. Нордхаус. – 18-е изд. – М. : Вильямс, 2006. – 1360 с.
25. Самуэльсон, П. Чистая теория общественных расходов (1954) / П. Самуэльсон. – URL: http://www.seinstitute.ru/Files/veh4-2-10_Samu_p371-376.pdf
26. Фридмен, М. Методология позитивной экономической науки / М. Фридмен // Thesis. – 1993. – Т 2, вып. 4.
27. Хикс, Дж. Стоимость и капитал / Дж. Хикс. – М. : Прогресс, 1988. – 191 с.
28. Хансен, Э. Экономические циклы и национальный доход : пер. с англ. / Э. Хансен. – М., 1959.
29. Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия / Й. Шумпетер. – М., 1995. – 417 с.
30. Alain Touraine / ed. by J. Clark, M. Diani. – London ; Washington : Falmer Press, 1996.
31. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное государство / Дж. Гэлбрейт ; пер. на рус. яз. Л. Я. Розовского, Ю. Б. Кочеврина, Б. П. Лихачёва, С. Л. Батасова. – М., 2004.
32. Friedman, M. The social responsibility of business is to increase its profits / M. Friedman. – The New York Times magazine, 1970.
33. Rostow, W. W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto / W. W. Rostow. – New York City, 1960.
34. Yevdokimov, Y. Economic Dualism / Y. Yevdokimov // Mechanism of Economic Regulation. – 2013. Vol. 1. – P. 21–26.
35. Yevdokimov, Y. State Regulation or State Capitalism?: A Systems Approach to Crisis Prevention and Management / Y. Yevdokimov, M. A. Molchanov // Intern. J. Management Concepts and Philosophy. – 2013. – Vol. 7, № 1. – P. 1–12.
36. Yevdokimov, Y. The Role of Fiscal and Monetary Policy During Recent Crisis / Y. Yevdokimov // Mechanism of Economic Regulation. – 2011. – № 1. – С. 138–146.

Сведения об авторах

Брижак Ольга Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. brizhak71@mail.ru

Зыза Валерий Павлович — кандидат экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия. vpyza@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 29–39.

CORPORATION: MULTIDIMENSIONALITY OF THEORETICAL ANALYSIS

O. V. Brizhak

Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economic Theory of Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia. brizhak71@mail.ru

V. P. Zyza

Candidate of Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory of Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia. vpyza@rambler.ru

Standard approach towards corporation as firm, maximizing profit, and minimizing costs of production, on the basis of optimum allocation of resources and marginal productivity of the factors of production is not enough for understanding of corporation as one of the main actors of modern economy. Authors develop analysis of the social-economic, ecological effectiveness of corporation and technological basis of corporation. The goal of the research, presented in the article, is to analyze corporation as actor of the economy, playing economic, social, ecological and innovation role and also to determine the role of the state in this structures. Authors made their research mainly on the basis of neo-Keynesian paradigm using at the same time elements of institutional and political economy approach.

Keywords: *corporation, neo-Keynesian theory, institutions, state, eco-economic effectiveness, social responsibility.*

References

1. Anikin A.V. Shotlandskiy mudrets: Adam Smit [Scottish sage: Adam Smith] in Smith A. *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Wealth of Nations]. Moscow, Eksmo, 2009. 960 p. (In Russ.)
2. Bell D. Sotsial'nyye ramki informatsionnogo obschestva [The social framework of the information society]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West]. Moscow, Progress, 1986. (In Russ.)
3. Blaug, M. Lucas Robert Jr. *100 velikikh ekonomistov posle Keynsa* [100 great economists after Keynes]. Saint Petersburg, Economicus, 2009. 384 p. (In Russ.)
4. Blaug M. Ricardo David. *100 velikikh ekonomistov do Keynsa* [100 great economists before Keynes]. Saint Petersburg, Economicus, 2008. 352 p. (In Russ.)
5. Brizhak O.V Rossiyskiye korporatsii: aktory i ikh interesy [Russian corporations: the actors and their interests]. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy economy]. 2012. No. 4 (82). Pp. 199–205. (In Russ.)
6. Brizhak O.V InstitutSIONal'naya transformatsiya rossiyskoy ekonomiki: protivorechiya korporativnogo sektora [Institutional transformation of the Russian economy: the contradictions of the corporate sector]. *Bulleten of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 9 (338). Economy. Issue 44. Pp. 69–77. (In Russ.)
7. Buzgalin A.V. Evolyutsiya ekonomicheskikh teoriy i etapy genezisa, razvitiya i zakata rynochno-kapitalisticheskoy ekonomicheskoy sistemy [The evolution of economic theories and stages of the genesis, development and decline of market-capitalist economic system]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy]. 2001. No. 4 (48). Pp. 88–90. (In Russ.)
8. Buzgalin A. and Kolganov A. Rossiyskaya ekonomicheskaya sistema: spetsifika otosheniya sobstvennosti i vnutrikorporativnogo upravleniya [Russian economic system: specific property relations and internal corporate

governance]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management]. 2014. No. 10. Pp. 8–16. (In Russ.)

9. Walras, M.-E.-L. *Études d'économie politique appliquée; Théorie de la production de la richesse sociale*, 1896.

10. Volgin N.A. and Yegorov V.K. *Sotsial'naya korporativnaya politika: problemy, opyt, perspektivy* [Corporate social policy: challenges, experiences and perspectives]. Moscow, 2002. (In Russ.)

11. Glazyev S.Y. *Nanotekhnologii kak klyuchevoy faktor novogo tekhnologicheskogo uklada v ekonomike* [Nanotechnology as a key factor in the new technological order in the economy]. Moscow, Trovant, 2009. (In Russ.)

12. Galbraith J.K. *Ekonomicheskaya teoriya i tseli obshchestva* [Economic theory and goals of society]. Moscow, Progress, 1976. 476 p. (In Russ.)

13. *Interv'yu s Franko Modil'yan* [Interview with Franco Modigliani]. O chom dumayut ekonomisty. Besedy s nobelevskimi laureatami [What economists think. Conversations with Nobel laureates] ed. Paul Samuelson and William Barnett. Moscow, Harvard Business Review, 2009. Pp. 128–154. (In Russ.)

14. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture] Trans. from English. O.I. Shkaratan. Moscow, Higher School of Economics, 2000. (In Russ.)

15. Keynes J. *General Theory of Employment, Interest and Money*, 1936.

16. Kolganov A.I. and Buzgalin A.V. *Reindustrializatsiya kak nostal'giya? Teoreticheskiy diskurs* [Reindustrialization nostalgia? SOCIS theoretical discourse]. 2014. No. 1. Pp. 80–95. (In Russ.)

17. Marx K. *Kapital* [Capital]. Moscow, IPL 1978. (In Russ.)

18. Marx K. and Engels F. *Sochineniye* [Writing]. Moscow, Politizdat, 1965. T. 3. (In Russ.)

19. Marshall A. *Principles of Economics*, 1890.

20. Mill. J. *Principles of Political Economy*, 1848.

21. Pletnev D.A. Tektonika gosudarstvennoy ekonomicheskoy strategii: individy, korporatsii, obshchestvo [Tectonics of the government's economic strategy: individuals, corporations, society]. *Proceedings of the international scientific-practical conference "Economic policy: towards a new paradigm."* Fifteenth Drukerovskie reading. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Good Word, 2013. Pp 76–85 (In Russ.)

22. Pletnev D.A. Ekonomika dlya cheloveka kak netrivial'naya tsel' razvitiya sovremennogo khozyaystva. [Economics for man as a trivial goal of the modern economy]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013. № 15 (306). Economy. Issue 41. Pp. 35–42. (In Russ.)

23. Pletnev D.A. Sushchnost' i priroda rutin vovlecheniya v strukture instituta sodeystviya korporatsii [Essence and nature of routines involved in the structure of the Institute for Corporation]. *Terra Economicus*. 2013. Vol. 11, no. 1. Pp. 47–56. (In Russ.)

24. Samuelson P. and Nordhaus W. *The Economy*. 18th ed. Moscow, Williams, 2006. 1360 p. (In Russ.)

25. Samuelson P. *Pure Theory of Public Expenditure*, 1954.

26. Friedman M. *Metodologiya pozitivnoy ekonomicheskoy nauki* [Methodology of Positive Economics]. *Thesis*. 1993. № 2, vol. 4. (In Russ.)

27. Hicks J. *Stoimost' i kapital* [Value and Capital]. Moscow, Progress, 1988. 191 p. (In Russ.)

28. Hansen, E. *Ekonomicheskiye tsikly i natsional'nyy dokhod* [Business Cycles and National Income]. Moscow, 1959. (In Russ.)

29. Schumpeter J. *Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, 1995. 417 p. (In Russ.)

30. *Alain Touraine / Jon Clark, Marco Diani* (eds.). London ; Washington : Falmer Press, 1996.

31. Galbraith, J.K. *The New Industrial State*. Moscow, 2004. (In Russ.)

32. Friedman M. *The social responsibility of business is to increase its profits*. The New York Times magazine, 1970.

33. Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. New York City, 1960.

34. Yevdokimov Y. *Economic Dualism. Mechanism of Economic Regulation*. 2013. Vol. 1. Pp. 21–26.

35. Yevdokimov Y. and Molchanov M.A. State Regulation or State Capitalism?: A Systems Approach to Crisis Prevention and Management. *International J. Management Concepts and Philosophy*. 2013. Vol. 7, no. 1. Pp. 1–12.

36. Yevdokimov Y. The Role of Fiscal and Monetary Policy During Recent Crisis. *Mechanism of Economic Regulation*. 2011. Vol. 1. Pp. 138–146.

УДК 330.3
ББК 65.5

ДИНАМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

В. О. Арбачаускас

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Исследуется эволюционное моделирование и прогнозирование экономической динамики. Рассмотрены существующие подходы к определению понятия экономической динамики и смежных экономических категорий, на основе чего выведено авторское определение понятия «экономическая динамика». Перечислены основные макроэкономические показатели, отражающиеся в моделях экономической динамики. Произведён расчёт выбранных показателей в различных по своему типу экономических системах, а также представлен последующий анализ результатов. Выявлен и рассчитан показатель, характеризующий динамическую эффективность экономической системы. Предложена модель логистической кривой, описывающая закономерности мировой экономической динамики. Сделана попытка построения долгосрочных сценариев экономического развития путём применения метода экстраполяционного прогнозирования.

Ключевые слова: *эволюционная экономическая теория, синергетика, мировая экономика, моделирование макроэкономических систем.*

Введение. В современных условиях хозяйствования особенно остро выделяется проблема моделирования и прогнозирования экономической динамики. Актуальность данной темы прежде всего обусловлена тем, что правильное применение моделей экономической динамики позволит с различной долей вероятности определить кризисные периоды развития экономических систем, природу кризисных явлений, их структуру и особенности.

Как отмечает профессор В. И. Бархатов, ключевым аспектом при формировании экономической политики выступает определение механизмов регулирования общественной жизни [4]. Неверная трактовка обнаруженных взаимосвязей, непонимание природы экономических явлений могут привести к фундаментальной ошибке на этапе разработки экономической политики.

Текущий социально-экономический кризис открывает перед исследователями новые аспекты жизнедеятельности экономических систем. Так, становится очевидным тот факт, что одной из причин возникновения кризисных явлений, проявившихся в российской экономике в конце 2014 г., явились трудно прогнозируемые изменения внешнеполитической конъюнктуры.

Опираясь на известное нам свойство экономических систем, заключающееся в их нелинейности, мы можем прийти к выводу, что экономические системы при определённых условиях под-

вержены детерминированному (динамическому) хаосу. Такую точку зрения мы можем встретить в работах А. А. Мясникова и В. А. Садовниченко [10; 16]. Теория хаоса гласит, что любая сложная система является зависимой от первоначальных условий её жизнедеятельности, поэтому незначительные изменения внешней среды способны привести к сложно прогнозируемым (а порой и непостижимым в рамках человеческого познания) последствиям, которые проявятся в последующих периодах. Рассматриваемое явление в социально-экономических системах может возникать по причине неустойчивости их элементов, постоянно изменяющихся взаимосвязей между ними и условий внешней среды. При этом периоды, в которых система наиболее чувствительна к изменениям, носят название точек бифуркации и в экономических системах могут характеризоваться инфляционно опасными фазами [10]. Точками бифуркации в динамике экономических систем могут выступать социальные потрясения, изменения внешней конъюнктуры, политические преобразования и т. д.

Вопреки возникшим к концу XX в. надеждам, возлагаемым на экономическое моделирование, наука не может дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, как сильно отразится влияние на тот или иной элемент экономической системы на её будущей жизнедеятельности. Экономическое моделирование способно лишь представить перед

нами один из возможных вариантов развития экономической системы. Сложность построения всеохватывающей экономической модели заложена в том, что экономическая система представляет собой совокупность колоссального количества людей, чья психология, структура социальных взаимоотношений никогда не находятся в неизменном состоянии [1].

Так или иначе, экономическое моделирование всё же существенно расширило представления науки об экономической динамике, взаимосвязях элементов экономических систем и особенностях хозяйственной деятельности, тем самым выполнив огромное прикладное значение.

Моделирование экономической динамики.

Прежде чем перейти к рассмотрению существующих моделей экономической динамики, нам необходимо дать определение понятия «экономическая динамика».

Понятие экономической динамики крайне сложно и противоречиво. Социально-экономическая действительность изменчива и неоднородна, в связи с чем возникают известные трудности при разграничении понятий экономической статики и динамики.

Так, известный русский учёный Н. Д. Кондратьев считал, что процессы экономической динамики находят своё отражение в непрерывном изменении экономической действительности, позволяющей нам делать заключение о том, что любая экономическая система является динамической. Под динамикой здесь следует понимать не движение, поскольку экономические системы могут не менять своих пространственных границ, а непрерывное изменение элементов системы и взаимосвязей между ними [8].

Однако другие авторы, в числе которых мы можем перечислить Р. Лукаса [9], В. А. Садовниченко [16], Д. Форрестера [20], Х. У. де Сото [19] и др., имели несколько иные трактовки понятия экономической динамики. В большинстве своём данные концепции исходили из общности понятий экономического роста и экономической динамики. Например, Х. У. де Сото предлагает теорию динамической эффективности, которая, по его мнению, позволяет провести дифференциацию экономических систем на статические и динамические [19]. В основу указанного разделения ложится критерий определения прироста основных показателей жизнедеятельности системы. Таким образом, статические системы будут обладать нулевым либо отрицательным приростом основ-

ных показателей. Отсюда же мы можем сделать вывод о том, что стержневым принципом эффективности статических экономических систем является минимизация экономических потерь при достижении поставленной цели, в то время как для динамической системы важен прирост показателей, позволяющий нарастить производственные мощности и обогатить имеющийся потенциал развития.

Учитывая изложенное выше, мы можем заметить, что состояние статики характеризуется термодинамическим равновесием, приводящим к зарождению процессов внутренней энтропии. Лишённые гибкости, элементы системы будут не в состоянии подавить увеличивающуюся энтропию, что в дальнейшем приведёт к разрушению системы [1].

Таким образом, обобщая уже существующие представления об экономической динамике, мы можем прийти к следующему определению, согласно которому экономическая динамика — это процесс развития экономической системы, сопровождающийся ростом значений основных показателей её жизнедеятельности.

В. А. Садовничий полагает, что среди объектов социально-экономического прогнозирования мы можем выделить демографию, социальную сферу, экологию, научно-технический прогресс и, наконец, экономику [16].

Основными макроэкономическими показателями, отражающимися в различных моделях экономической динамики, выступают:

- 1) валовой внутренний продукт страны, выраженный как в целом значении, так и в пересчёте на душу населения;
- 2) численность населения и трудовых ресурсов;
- 3) инвестиции в основной капитал, в производственную и социальную сферы;
- 4) экспорт и импорт товаров и услуг, сальдо торгового баланса;
- 5) производительность труда;
- 6) индекс человеческого развития.

Ряд исследователей считает, что с течением времени всё большее значение будет приобретать показатель качества развития, снижая значимость количественных макроэкономических показателей. Однако сами критерии качества развития, как правило, выражаются через те же количественные показатели. Также на сегодняшний день не выработан единый способ сопоставления экономической мощи развитых и развивающихся стран, поэтому наиболее подходящим

показателем выступает ВВП на душу населения. Именно этот индикатор средних показателей качества жизни и ложится в основу большинства моделей экономической динамики [9; 16; 17].

Теперь рассмотрим динамику показателя ВВП на душу населения разных стран мира. В данную выборку включим несколько передовых индустриальных стран, чья экономическая система наиболее близка к тому, чтобы быть иденти-

фицированной как постиндустриальная (США, Великобритания); развивающиеся страны, которые мы можем отнести к индустриальным странам второго поколения (Китай, Ирак); одну страну с экономикой переходного типа, но вошедшую в число индустриальных стран первого поколения (Россия); а также проанализируем данный показатель у одной из наиболее неблагополучных экономик мира (Зимбабве) (рис. 1–2).

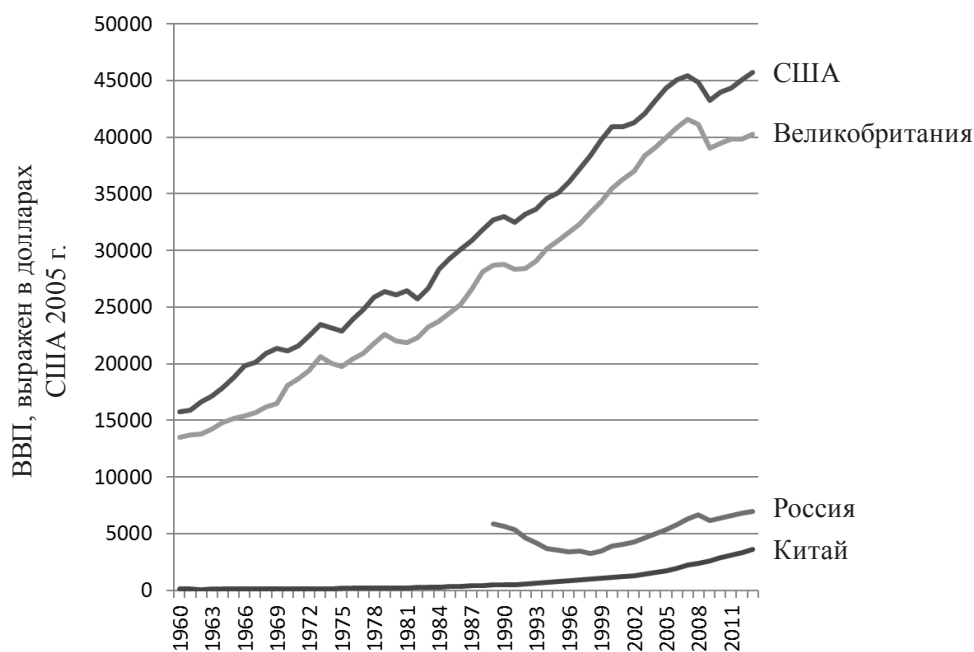

Рис. 1. ВВП на душу населения в США, Великобритании, России, Китае [23]

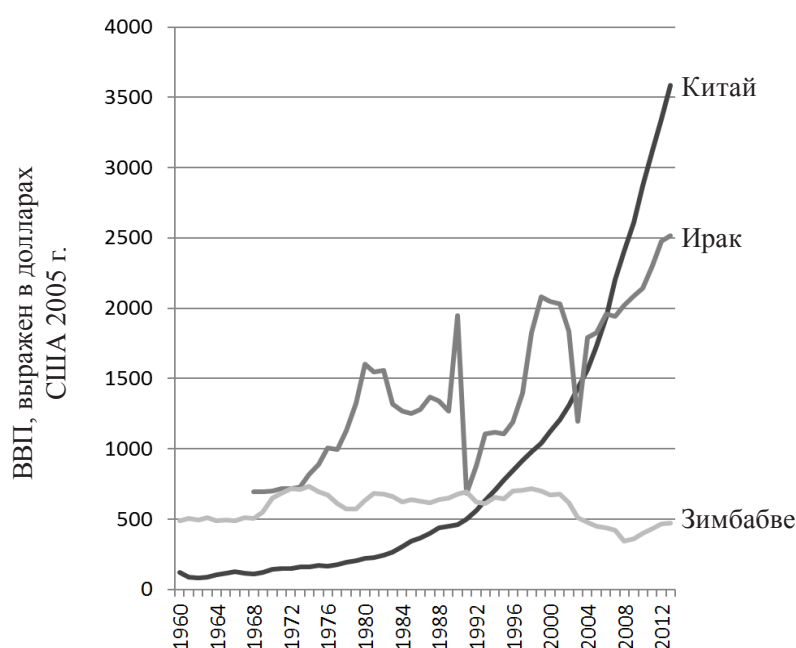

Рис. 2. ВВП на душу населения в Китае, Ираке, Зимбабве [23]

Анализируя представленные графики, мы можем заметить, что экономическое развитие обладает следующими признаками:

1. Неравновесной динамикой, отражающейся в отклонениях тренда экономического роста. При этом здесь следует заметить, что определённые разновидности отклонений будут носить краткосрочный характер и неминуемо вернут экономическую систему на эволюционно обусловленную траекторию развития, заложенную эффектом зависимости от выбранного ранее пути. Указанное свойство экономических систем объясняется инертностью их институтов, не позволяющей всем элементам системы в краткосрочном периоде приобрести адаптивные навыки, необходимые для продолжения вновь возникшего тренда [12].

Таким образом, под равновесием экономической системы следует понимать нахождение системы на определённом аттракторе, отражающемся в цикличности её развития [10]. Руководствуясь предположением о синергетической природе экономической динамики, мы можем заключить, что в циклах развития экономической системы можно выделить определённые точки бифуркации, проявляющиеся в динамике показателя ВВП на душу населения. Отсутствие чётко выраженного аттрактора выступает свидетельством трансформируемого состояния экономической системы, а также её чувствительности к эндогенному и экзогенному воздействию (например, кривая, отображающая ВВП на душу населения Ирака).

2. Бифуркационные точки развития экономик передовых государств будут иметь синхронный характер, что достигается за счёт высокой степени вовлечённости данных стран в глобальные экономические связи, а также немалой схожестью технологических укладов. Например, на рис. 1 мы можем заметить снижение объёмов рассматриваемого показателя, наблюдающееся во время финансово-экономического кризиса конца 2000-х гг., у США и Великобритании. Спад, вызванный кризисом в финансовом секторе США в 2007–2008 гг., также отразился и на экономике других стран, заложив начало мирового экономического кризиса. Так, кризисные явления проявились и в российской экономике, вызвав спад промышленности и, как следствие, снижение объёмов ВВП (см. рис. 1).

3. Неравномерностью развития, заключающейся в различных темпах роста рассматриваемых экономических систем, а также колоссаль-

ным разрывом в объёме исследуемого показателя. Следовательно, данный разрыв приводит к диспропорции соотношения ВВП отдельной страны к мировому ВВП, создавая ситуацию, когда процентная доля развитых стран в мировом ВВП существенно выше, чем доля развивающихся и наименее развитых стран. Неравномерное развитие экономических систем на сегодняшний момент представляется одним из основных противоречий экономического развития [2]. Так, даже города и регионы могут отмечаться различным удельным весом в экономике страны, отличаться по уровню технологического развития, развития человеческого капитала и т. д.

Дифференциация различных регионов одной страны по уровню развития производительных сил, темпам экономического роста, а также характеру производственных отношений может привести к конфликту групп экономических интересов, представленных субъектами хозяйственной деятельности. Наиболее яркий и изученный пример такого столкновения — война за сецессию Юга США.

К началу 1861 г. в США сложились две принципиально разные экономические системы: аграрная экономика Юга, нуждавшаяся в дешёвой неквалифицированной рабочей силе и отсутствии внешнеторговых барьеров, и промышленная экономика северных штатов, рынок труда которой нельзя было насытить низкоквалифицированными кадрами, а зарождавшиеся промышленные гиганты требовали от государства введения протекционистских мер. Таким образом, неравномерность экономического развития в рамках одной страны привела к сецессии южных штатов и последовавшей за ней войне.

Соответственно, дисбаланс экономического развития макросистем аналогичным образом может выступать в роли катализатора внешнеполитических и военных конфликтов. При этом поляризация макросистем имеет тенденцию к постепенному увеличению. Согласно исследованиям Г. Кларка и М. Спенса, отчасти это обусловлено увеличивающейся разницей в доходах населения развитых и развивающихся стран [7; 17].

Анализ показателей динамической эффективности экономических систем. Одним из важнейших макропоказателей, отражающих динамику экономического роста, выступает темп прироста ВВП на душу населения. Рассмотрим указанный показатель у группы стран, вошедших в нашу выборку (таблица).

Темпы прироста ВВП на душу населения в США, Великобритании, России, Китае, Ираке, Зимбабве (1961–2013 гг.), % [23]

Год	США	Великобритания	Россия	Китай	Ирак	Зимбабве (Южная Родезия)
1961	0,86	1,79	–	–26,50	–	2,90
1962	4,49	0,47	–	–6,37	–	–1,84
1963	2,86	3,18	–	7,52	–	2,79
1964	4,31	4,35	–	15,5	–	–4,31
1965	5,16	2,13	–	14,2	–	1,52
1966	5,36	1,48	–	7,65	–	–1,72
1967	1,63	1,76	–	–8,09	–	4,91
1968	3,87	3,47	–	–6,57	–	–1,28
1969	2,13	1,62	–	13,70	–0,25	8,80
1970	–0,95	9,98	–	16,10	1,04	18,50
1971	1,99	3,05	–	4,10	1,90	5,29
1972	4,13	3,87	–	1,28	0,36	4,67
1973	4,64	6,33	–	5,46	1,06	–0,86
1974	–1,39	–2,58	–	0,20	12,40	3,06
1975	–1,19	–1,54	–	6,79	8,90	–5,14
1976	4,38	3,05	–	–3,11	13,40	–2,74
1977	3,57	2,62	–	6,14	–1,31	–9,78
1978	4,45	4,12	–	10,10	13,40	–5,80
1979	2,04	3,58	–	6,14	17,20	–0,14
1980	–1,22	–2,28	–	6,49	21,10	10,30
1981	1,54	–0,88	–	3,90	–3,49	8,31
1982	–2,74	2,11	–	7,46	0,63	–1,33
1983	3,68	4,16	–	9,26	–15,30	–2,39
1984	6,33	2,09	–	13,60	–3,94	–5,70
1985	3,31	3,31	–	11,90	–0,97	2,93
1986	2,55	2,92	–	7,23	2,25	–1,60
1987	2,64	5,32	–	9,80	6,88	–2,38
1988	3,25	5,69	–	9,50	–2,24	3,98
1989	2,7	2,25	–	2,47	–5,39	1,95
1990	0,76	0,23	–3,37	2,32	53,80	3,97
1991	–1,38	–1,54	–5,25	7,69	–65,00	2,86
1992	2,12	0,17	–14,5	12,80	28,70	–11,00
1993	1,39	2,39	–8,56	12,60	26,30	–1,01
1994	2,77	3,76	–12,4	11,80	0,65	7,15
1995	1,50	2,25	–4,01	9,72	–1,04	–1,65

Окончание таблицы

Год	США	Великобритания	Россия	Китай	Ирак	Зимбабве (Южная Родезия)
1996	2,59	2,40	-3,61	8,86	7,56	8,43
1997	3,22	2,28	1,56	8,18	17,40	0,97
1998	3,24	3,20	-5,14	6,80	30,60	1,33
1999	3,59	2,80	6,72	6,69	13,90	-2,06
2000	2,93	3,39	10,4	7,58	-1,61	-3,98
2001	-0,01	2,27	5,53	7,51	-0,68	0,76
2002	0,84	2,01	5,15	8,35	-9,56	-9,28
2003	1,92	3,81	7,84	9,34	-34,9	-17,20
2004	2,83	1,87	7,80	9,43	50,00	-5,95
2005	2,39	2,10	6,90	10,6	1,71	-5,84
2006	1,68	2,28	8,62	12	7,46	-3,56
2007	0,8	1,76	8,81	13,5	-1,00	-3,77
2008	-1,19	-1,11	5,36	9,07	4,00	-17,90
2009	-3,65	-5,03	-7,79	8,67	3,23	5,12
2010	1,68	1,11	4,15	9,91	2,81	9,77
2011	0,86	0,85	3,84	8,77	7,44	9,54
2012	1,57	-0,03	3,27	7,12	7,52	7,62
2013	1,49	1,09	1,09	7,14	1,59	1,34

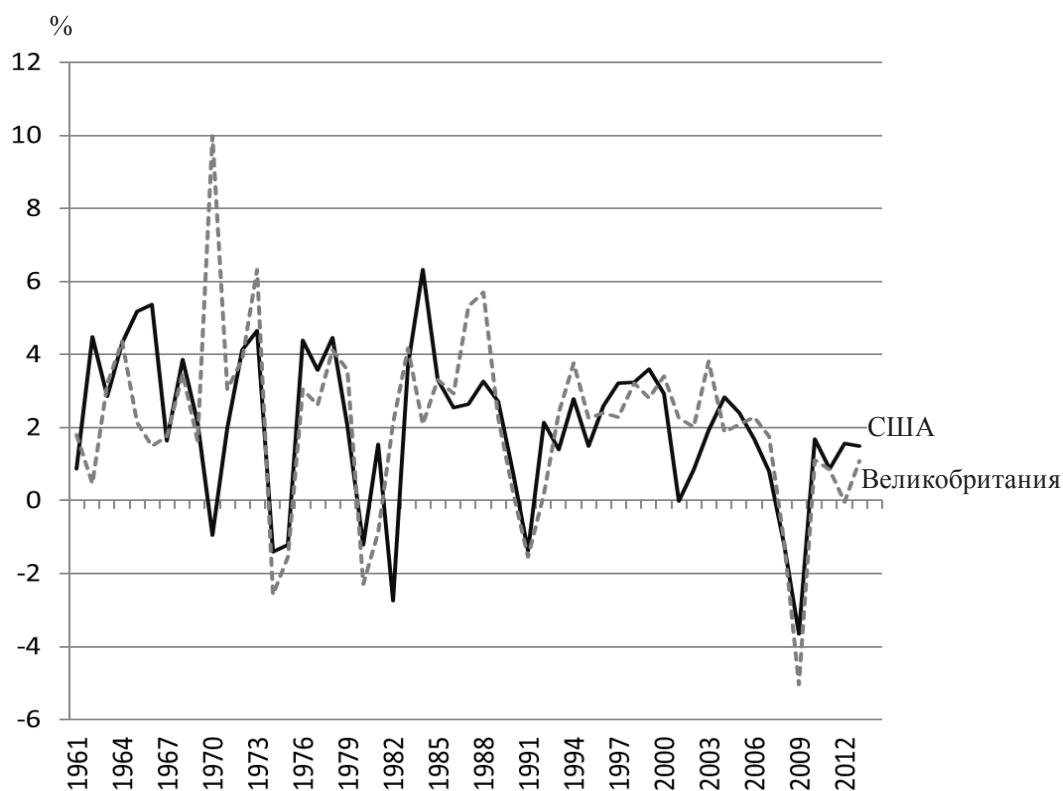

Рис. 3. Темпы прироста ВВП на душу населения в США и Великобритании [23]

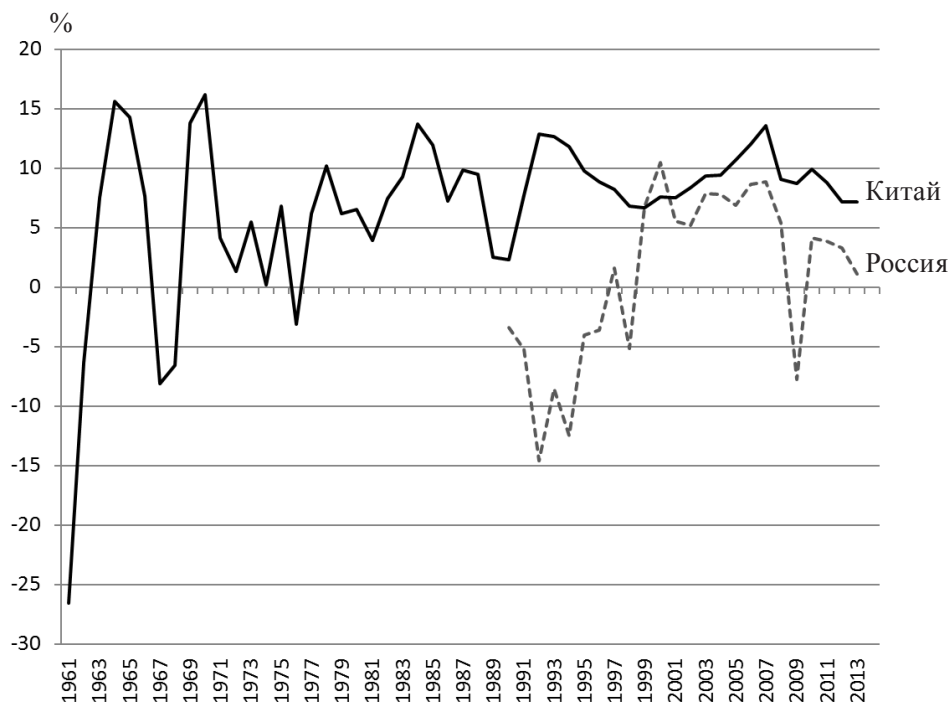

Рис. 4. Темпы прироста ВВП на душу населения в России и Китае [23]

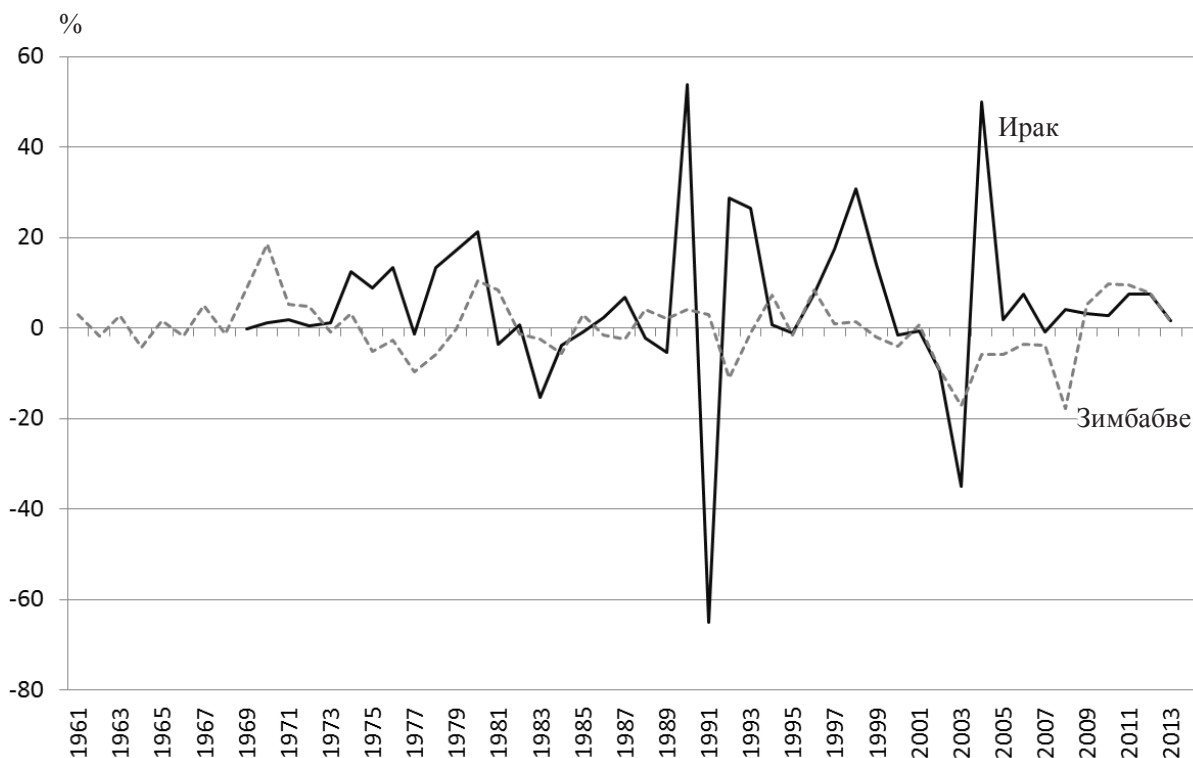

Рис. 5. Темпы прироста ВВП на душу населения в Ираке и Зимбабве [23]

Обращаясь к представленным графикам, мы можем выделить определённые закономерности, описывающие особенности экономического роста.

Страны, чья экономическая система характеризуется высокими темпами экономического роста, имеют весьма высокую колебательную активность рассматриваемого показателя. Однако при

этом колебания должны происходить в диапазоне положительных значений. Назовём данный диапазон областью устойчивого роста. Таким образом, на рассматриваемых графиках (рис. 3–5) настоящая область будет соответствовать значениям темпов прироста, находящимся выше нуля. Следовательно, чем выше средние темпы прироста,

ста ВВП на душу населения, тем выше динамическая эффективность системы, поскольку именно средние темпы прироста определяют общее направление аттрактора, притягивающего экономическую систему.

Рассмотрим средние показатели темпов прироста ВВП на душу населения исследуемых стран (рис. 6). Остановимся на периоде с 1961 по 2013 г.

Анализируя имеющиеся у нас данные (таблица; рис. 3–6), мы можем прийти к выводу, что Китай и Ирак обладают более высокой динамической эффективностью, но доля ВВП этих стран в мировом ВВП существенно ниже доли индустриальных стран первого поколения. Отсюда мы можем сделать заключение, что динамическая эффективность, тем более в среднесрочном периоде, не выступает эквивалентом успешного экономического развития. Это объясняется тем, что экономическое развитие, будучи крайне сложным и противоречивым явлением, не может быть в достаточной степени выражено количественным ростом макроэкономических показателей. Здесь следует принять динамическую эффективность как один из элементов экономического роста, который, в свою очередь, восходит к более общему понятию экономического развития.

Аттракторы национальных экономических систем в некоторой степени повторяют динамику мирового экономического развития. Находясь на разных этапах технологического развития, экономика того или иного государства отражает комплекс социально-экономических особен-

ностей, присущих именно этой стадии развития производительных сил. Высокие темпы роста являются характерной чертой экономических систем, совершивших переход от аграрного общества к индустриальному [17]. По истечении определённого периода экономический рост замедляется. Рассмотрим более подробно причины этого явления, для чего обратимся к графику, демонстрирующему динамику мирового ВВП на душу населения с 1 г. н. э. до 2010 г. (рис. 7).

Если не брать во внимание краткосрочные отклонения тренда экономического роста, то, на первый взгляд, может показаться, что экономический рост имеет тенденцию к геометрической прогрессии. Тогда совершенно очевидно наступление момента времени, при котором данный показатель станет соответствовать сингулярной точке, т. е. при условии сохранения тенденции к геометрической прогрессии ВВП на душу населения в определённый момент времени будет иметь бесконечное значение [16]. Но гиперболическая модель экономического роста, предусматривающая стремление кривой к бесконечности, базируется на весьма существенных упрощениях, а именно — неограниченности факторов производства и, как следствие этого, бесконечности ресурсов, которыми располагает человечество. Экономические ресурсы, находящиеся в распоряжении человека, имеют ограниченную величину и представлены в виде константы. Человек может лишь увеличить эффект полезного действия, совершенствуя

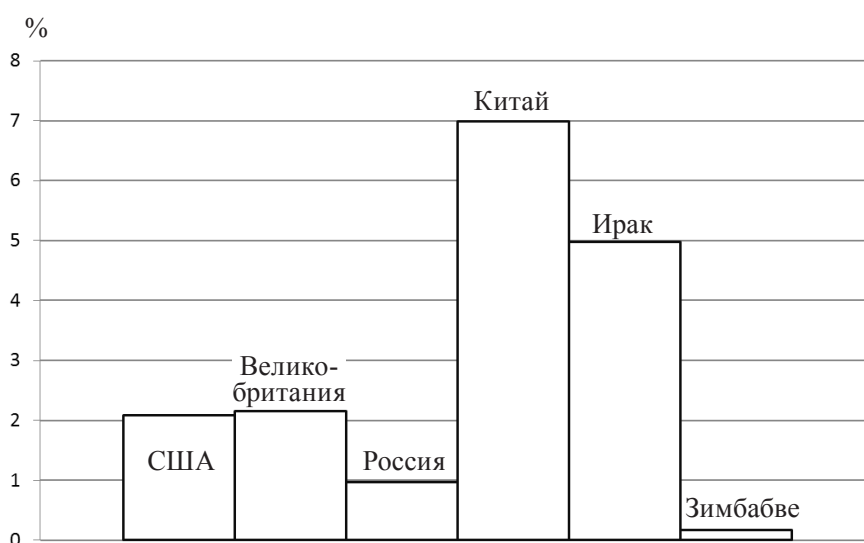

Рис. 6. Средние темпы прироста ВВП на душу населения в США, Великобритании, России, Китае, Ираке и Зимбабве (1961–2013 гг.)

Рассчитано на основе [23]

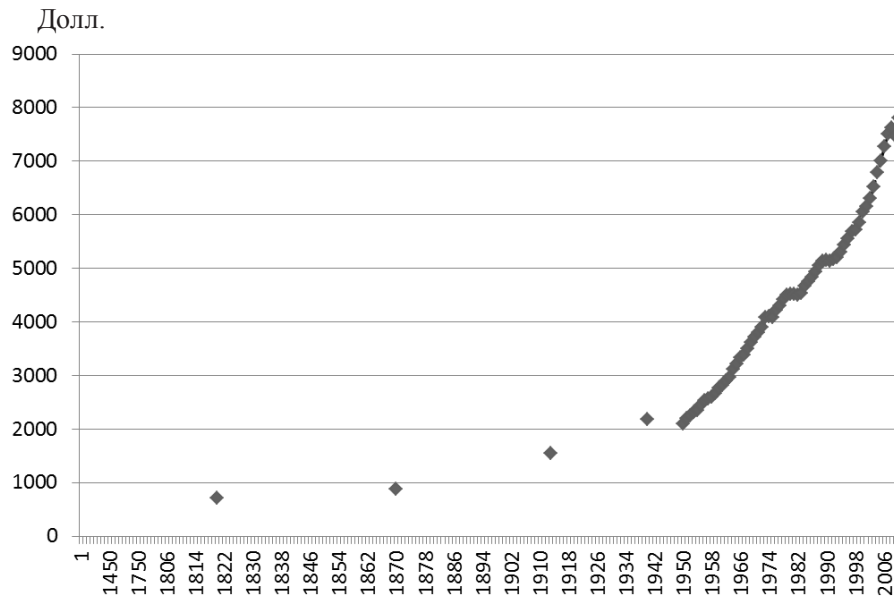

Рис. 7. Мировой ВВП на душу населения, в международном долларе 1990 г. [22]

технологии обработки и тем самым увеличивая отдачу от использования ресурсов.

Возможные сценарии мирового экономического развития. Эволюционный подход, выступая альтернативой неоклассическому подходу, строится на предположении, согласно которому экономические системы имеют немалую схожесть с системами биологическими [2]. Соответственно, в рамках эволюционного моделирования экономической динамики зачастую применяются модели и принципы, заимствованные из эволюционной биологии.

Существующие на сегодняшний момент модели экономической динамики опираются на различные модификации производственной функции Кобба — Дугласа, в изначальном своём виде выражающей зависимость объёма производства от создающих его факторов производства (затрат труда и капитала). Позднее производственная функция усложнялась, включая в себя новые переменные, представленные как самостоятельный фактор производства [9; 16; 20].

Мы же в своей работе остановимся на другой модели динамики нелинейных систем, которая может быть включена в производственную функцию Кобба — Дугласа, если областью её применения выступает жизненный цикл технологического уклада [11].

Наиболее широко применяемой моделью динамики нелинейных систем на сегодняшний день является логистическое уравнение, или модель Ферхюльста (1848). Логистическое уравнение было открыто бельгийским математиком

Ферхюльстом при исследовании роста численности биологических популяций. Данная модель учитывает ограниченность ресурсов, которые необходимы популяции для роста численности, и имеет следующий вид дифференциального уравнения:

$$\frac{dP}{dT} = rP\left(1 - \frac{P}{K}\right),$$

где P — численность популяции;

T — время;

r — скорость роста (размножения);

K — поддерживающая ёмкость среды (максимально возможная численность популяции).

Применительно к нашему исследованию логистическое моделирование открывает весьма широкие возможности прогнозирования мировой экономической динамики. Так, включение в логистическую функцию переменных, описывающих аттрактор экономической системы, позволит нам определить возможные сценарии экономического развития в долгосрочном периоде. Однако следует оговориться, что на данном этапе мы не имеем точных представлений о количественном выражении показателей, включённых в логистическую функцию, поэтому в рамках нашего исследования будет применён метод экстраполяции прогнозирования, заключающийся в составлении прогноза на основе имеющихся у нас представлений о поведении S-образной кривой во времени.

Итак, рассмотрим три возможных сценария мирового экономического развития и поведения

кривой мирового ВВП на душу населения, характеризующей каждый из предложенных сценариев.

Первый сценарий будет исходить из того, что смена технологических укладов не приведёт к существенным отклонениям от тренда экономического развития, замедлив темп экономического роста только на конечных стадиях развития экономических систем. При этом ограниченность мировых ресурсов проявит себя в конце цикла экономического роста, создав предел, на рис. 8 обозначенный линией k_2 .

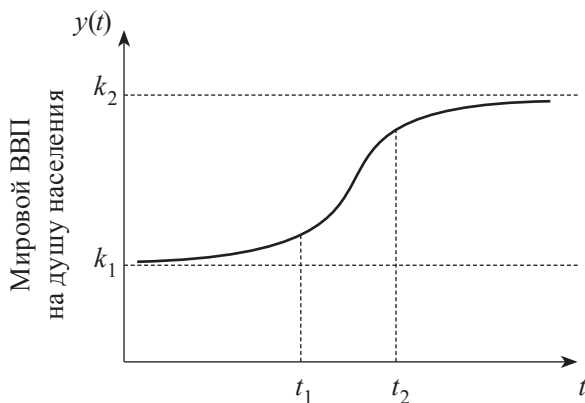

Рис. 8. Поведение кривой мирового ВВП на душу населения для первого сценария экономического развития

Таким образом, линии k_1 и k_2 формируют пределы экономического роста (нижний и верхний соответственно). Верхний предел обусловлен истощаемостью мировых ресурсов. Точки t_1 и t_2 отражают бифуркационные периоды развития мировой экономической системы. Замедление темпов экономического роста в индустриальных странах первого поколения может служить индикатором приближения этих стран к точке t_2 . Бифуркационные периоды в представленной модели будут характеризоваться глобальной сменой технологических укладов, повлёкших за собой эпохальные изменения социально-экономических аспектов общественной жизни [18; 21]. Так, точка t_1 на рис. 8 соответствует окончанию второй промышленной революции, а на рис. 7 может быть обозначена на интервале между 1912 и 1925 гг.

В первом сценарии прогноза экономического развития предполагается, что смена технологических укладов в рамках третьей промышленной революции не приведёт к замедлению тренда экономического роста. Развитие технологий по истечении времени достигнет сингулярного состояния (технологическая сингулярность), но при

этом оптимизация хозяйственной деятельности не разрешит проблему истощения факторов производства, оставив потребление энергоресурсов на высоком уровне.

В основу второго сценария ляжет предположение о том, что глобальная смена технологических укладов, которая произойдёт во время третьей промышленной революции, позволит существенно снизить потребление энергоресурсов, тем самым увеличив полезное действие имеющихся факторов производства (рис. 9).

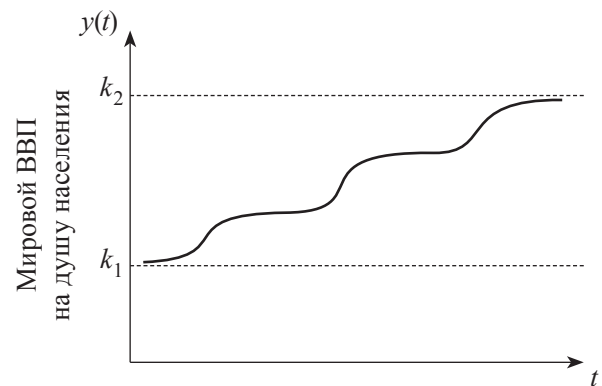

Рис. 9. Поведение кривой мирового ВВП на душу населения для второго сценария экономического развития

Модель второго сценария прогноза мирового экономического развития будет иметь вид обобщённой логистической кривой. На данной модели смена технологических укладов происходит в бифуркационных периодах, находящихся в точке перехода от низких темпов экономического роста к высоким. Соответственно, по мере устаревания технологий и снижения коэффициентов их экономической полезности будет наблюдаться замедление темпов экономического роста с последующим переходом кривой в стадию, характеризующуюся минимальной динамической эффективностью экономической системы. На данной стадии происходит накопление навыков и технологических усовершенствований, которые в дальнейшем позволят совершить технологический скачок, что приведёт к подъёму кривой и наращению темпов экономического роста [9]. Однако смена технологических укладов неизбежно столкнётся с пределом экономического роста, и дальнейшее экономическое развитие станет невозможным по причине истощения факторов производства.

Третий сценарий можно назвать сценарием «Судного дня». Он предполагает комплексную

деградацию макросистем, сопровождающуюся такими явлениями, как утрата технологий, отсутствие экономического роста, тотальное снижение объёмов производства, снижение численности рабочей силы и т.д. (рис. 10).

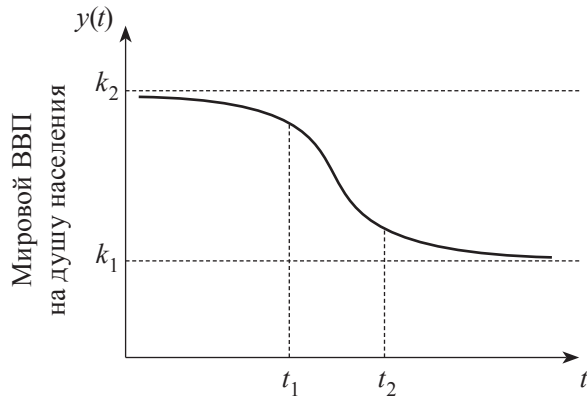

Рис. 10. Поведение кривой мирового ВВП на душу населения для третьего сценария экономического развития

Третий сценарий является наименее возможным из всех описываемых, его наступление станет вероятным только в случае глобальных социальных потрясений, имеющих сложную природу и являющихся принципиально неразрешимыми. В данном случае кривая мирового ВВП на душу населения будет иметь вид обратной логистической кривой, экономический рост при этом будет охарактеризован отрицательной динамикой. Пересечение точки t_2 приведёт кривую к нижней границе экономического роста (k_1), оставив кривую на неизменно низком уровне. Комплексная деградация макросистем может возникнуть в результате масштабных пандемий, непрекращающихся мировых войн с вовлечением множества стран-участников конфликта, сложно прогнозируемых изменений климатических условий и пр.

Выводы. Подводя итог, необходимо сказать, что нам следует отдать предпочтение второму сценарию мирового экономического развития, поскольку бифуркационные точки, искривляющие аттрактор экономического роста, возникают в периоды, когда происходит смена технологических укладов, чему предшествует накопление навыков и технологий. Процесс накопления навыков и технологий носит кумулятивный характер, что также находит отражение в особенностях динамики экономических систем.

Циклическая природа экономической динамики делает маловероятной возможность непрерывного экономического роста. Рассмотренный сценарий исходит из предположения о технологической сингулярности, к которой, по мнению авторов данной концепции, неминуемо приведёт технический прогресс. Однако такие концепции строятся на существенных упрощениях, не принимая во внимание многие социальные аспекты функционирования общественных систем. Таким образом, нам представляется логичным тезис о том, что циклы быстрого роста экономических систем будут прерываться не менее продолжительными циклами стагнации, если в качестве экономической системы мы будем рассматривать мировую экономику и пренебрегать непродолжительными отрицательными отклонениями от тренда экономического роста. Одно из таких отклонений мы можем наблюдать в годы Второй мировой войны, что наглядно продемонстрировано на рис. 7 в соответствующем временном интервале.

Также немаловажной задачей представляется определение особенностей экономического развития постиндустриальных экономик. Тенденции развития мировых экономических систем таковы, что возрастающее значение приобретает обеспечение оптимального уровня энергии, использующейся в мировом хозяйстве, и поддержания высокоэффективной экологически устойчивой экономики [15]. Так, истощаемость мировых ресурсов, впервые отражённая в работах Д. Форрестера, ставит во главу угла создание модели экономического развития, предполагающей оптимальное использование природных ресурсов, разработку альтернативных источников энергии, создание сетевых структур, обеспечивающих максимальную эффективность распределения факторов производства [20].

Далеко не все процессы, образующие своей совокупностью явление экономической динамики, являются хорошо изученными на сегодняшний день. Тем не менее мы можем выделить ряд явлений и закономерностей, устойчиво описывающих тренды развития экономических систем. Постепенное вовлечение в модели экономической динамики всё большего числа элементов будет приближать нас к максимально достоверному прогнозированию экономических явлений и событий социальной жизни общества.

Список литературы

1. Арбачаускас, В. О. Самоорганизация и устойчивость экономических систем в контексте их эволюционной динамики / В. О. Арбачаускас // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 9 (338). Экономика. Вып. 44. – С. 12–18.
2. Арбачаускас, В. О. Противоречия эволюционной динамики экономических систем / В. О. Арбачаускас // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 21 (350). Экономика. Вып. 47. – С. 38–45.
3. Бархатов, В. И. Эволюционно-поведенческое объяснение природы корпорации: подход организационной этологии / В. И. Бархатов, Е. В. Николаева, Д. А. Плетнёв // Эффективные подходы к развитию предприятий, отраслей, комплексов : монография : в 3 кн. / авт. коллектив : В. И. Бархатов, Н. В. Бондарчук, А. А. Ванцов и др. – Одесса : Куприенко С. В., 2013. – Кн. 1. – С. 86–108.
4. Бархатов, В. И. Проблемы макроэкономического регулирования в современной российской экономике / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2006. – № 1 (74). Экономика. Социология. Социал. работа. – С. 29–43.
5. Бархатов, В. И. Устойчивое развитие национальной экономики России в современных условиях / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 9 (338). Экономика. Вып. 44. – С. 5–11.
6. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования : пер. с англ. / Д. Белл. – М. : Academia, 2004. – 788 с.
7. Кларк, Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / Г. Кларк ; пер. с англ. Н. В. Эдельман. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2013. – 544 с.
8. Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения : избр. тр. / Н. Д. Кондратьев ; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева и др. ; редкол. : Л. И. Абалкин и др. ; сост. Ю. В. Яковец. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.
9. Лукас, Р. Лекции по экономическому росту / Р. Лукас ; пер. с англ. Д. Шестакова. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2013. – 288 с.
10. Мясников, А. А. О синергетической природе экономической цикличности / А. А. Мясников // Рос. предпринимательство. – 2008. – № 9, вып. 2 (119). – С. 30–36.
11. Нижегородцев, Р. М. Логистическое моделирование экономической динамики. Ч. I / Р. М. Нижегородцев // Проблемы упр. – 2004. – № 1. – С. 46–53.
12. Нижегородцев, Р. М. Неравновесная динамика макросистем и механизмы преодоления мирового кризиса / Р. М. Нижегородцев. – Новочеркасск : НОК, 2011. – 100 с.
13. Плетнёв, Д. А. Эволюция корпорации и её среды: попытка неколичественного прогноза / Д. А. Плетнёв // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. – 2012. – Вып. 12 (116). – С. 46–57.
14. Плетнёв, Д. А. Современная теория корпорации: новые возможности эволюционной парадигмы / Д. А. Плетнёв // Вестн. УрФУ. Сер. Экономика и упр. – 2013. – № 1. – С. 4–14.
15. Рифкин, Д. Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Д. Рифкин. – М. : Альпина Нон-фикшн, 2015. – 410 с.
16. Садовничий, В. А. Моделирование и прогнозирование мировой динамики / В. А. Садовничий. – М. : ИСПИ РАН, 2012. – 359 с.
17. Спенс, М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / М. Спенс ; пер. с англ. А. Калинина ; под ред. О. Филатовой. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2013. – 336 с.
18. Сухарев, О. С. Эволюция экономических систем: структурные изменения, проблемы технологического развития и эффективности / О. С. Сухарев. – Новочеркасск : НОК, 2012. – 120 с.
19. Сото, У. Х. де. Социально-экономическая теория динамической эффективности / У. Х. де Сото ; пер. с англ. В. Кошкина, под ред. А. Куряева. – Челябинск : Социум, 2011. – 409 с.
20. Форрестер, Д. Мировая динамика / Д. Форрестер. – М. : АСТ ; СПб : TerraFantastica, 2003. – 379 с.
21. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 400 с.
22. Maddison Project Database. URL: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm>
23. WorldBankDatabase. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

Сведения об авторе

Арбачаускас Витас Олегович — аспирант кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. arbv@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 40–53.

ESTIMATION AND PROSPECT OF ECONOMIC SYSTEMS' DYNAMIC EFFECTIVENESS

V. O. Arbachauskas

*Graduate Student of Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russia. arbv@csu.ru*

The article presents research of evolutionary modeling and economic dynamics prognostics. It is dealt with existing approaches to economic dynamics definition and concludes author's definition, lists national measures reverberated in economic dynamics models, clears chosen activities of different economic systems and presents its own results analysis. The article reveals and calculates activity that defines dynamic efficiency of economic systems, suggests logistic curve model which describes patterns of international economic dynamics and attempts to construct long-term scripts of economic advancement by using extrapolation methods.

Keywords: *evolutionary economics, synergetics, international economics, macroeconomic system modeling.*

References

1. Arbachauskas V.O. Samoorganizatsiya i ustoychivost' ekonomicheskikh sistem v kontekste ikh evolyutsionnoy dinamiki [Self-organization and sustainability of economic systems in the context of their evolutionary dynamics]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 9 (338). Economy. Issue 44. Pp. 12–18 (In Russ.)
2. Arbachauskas V.O. Protivorechiya evolyutsionnoy dinamiki ekonomicheskikh sistem [Contradictions evolutionary dynamics of economic systems]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 21 (350). Economy. Issue 47. Pp. 38–45 (In Russ.)
3. Barhatov V.I., Nikolaeva E.V. and Pletnev D.A. Evolyutsionno-povedencheskoye ob'yasneniye prirody korporatsii: podkhod organizatsionnoy etologii [Evolutionary and behavioral explanation of the nature of the corporation: the organizational approach ethology]. *Effektivnyye podkhody k razvitiyu predpriyatiy, otasley, kompleksov* [Effective approaches to the development of enterprises, industries, complexes]. Odessa, 2013. Bk. 1. Pp. 86–108. (In Russ.)
4. Barhatov V.I. Problemy makroekonomicheskogo regulirovaniya v sovremennoy rossiyskoy ekonomike [Problems of macroeconomic regulation in modern Russian economy]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2006. No. 1 (74). Economy. Sociology. Social Work. Pp. 29–43. (In Russ.)
5. Barhatov V.I. Ustoychivoye razvitiye natsional'noy ekonomiki Rossii v sovremennykh usloviyakh [Sustainable development of national economy of Russia in modern conditions]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 9 (338). Economy. Issue 44. Pp. 5–11 (In Russ.)
6. Bell D. *Gryadushcheye postindustrial'noye obshchestvo: Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society: Experience of social forecasting]. Moscow, Academia, 2004. 788 p. (In Russ.)
7. Clark G. *Proshchay, nishcheta! Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira* [Farewell, poverty! Brief Economic History of the World]. Moscow, Publishing Gaidar Institute, 2013. 544 p. (In Russ.)
8. Kondrat'yev N.D. *Bol'shiye tsikly kon'yunktury i teoriya predvideniya* [Big cycles conjuncture and the theory of foresight]. The Intern. Fund for N.D. Kondratiev. Moscow, Publishing house "Economy", 2002. 767 p. (In Russ.)
9. Lukas R. *Lektsii po ekonomicheskomu rostu* [Lectures on economic growth]. Moscow, Publishing Gaidar Institute, 2013. 288 p. (In Russ.)
10. Myasnikov A. O sinergeticheskoy prirode ekonomicheskoy tsiklichnosti [About the synergistic nature of the business cycle]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. 2008. No. 9, vol. 2. Pp. 30–36. (In Russ.)

11. Nizhegorodtsev R.M. Logisticheskoye modelirovaniye ekonomicheskoy dinamiki. Ch. I [Logistic modeling of economic dynamics. Part I]. *Problemy upravleniya*. 2004. No. 1. Pp. 46–53. (In Russ.)
12. Nizhegorodtsev R.M. *Neravnovesnaya dinamika makrosistem i mekhanizmy preodoleniya mirovogo krizisa* [Non-equilibrium dynamics of macro and mechanisms to overcome the global crisis]. Novocherkassk, NOC, 2011. 100 p. (In Russ.)
13. Pletnev D.A. Evolyutsiya korporatsii i yeyo sredy: popytka nekolichestvennogo prognoza [Evolution of the corporation and its environment: an attempt to forecast non-quantitative]. *Tambov University Reports. Humanities*. 2012. Vol. 12. Pp. 46–57 (In Russ.)
14. Pletnev D.A. Sovremennaya teoriya korporatsii: novyye vozmozhnosti evolyutsionnoy paradigmy [The modern theory of the corporation: new opportunities for the evolutionary paradigm]. *Bulletin UFU. Economics and Management*. 2013. No. 1. Pp. 4–14 (In Russ.)
15. Rifkin D. *Tret'ya promyshlennaya revolyutsiya: Kak gorizontallynye vzaimodeystviya menyayut energetiku, ekonomiku i mir v tselom* [Third Industrial Revolution: How to change the horizontal interaction energy, the economy and the world]. Moscow, Alpina non-fiction, 2015. 410 p. (In Russ.)
16. Sadovnichy V.A. *Modelirovaniye i prognozirovaniye mirovoy dinamiki* [Modeling and forecasting of global dynamics]. Moscow, ISPR, 2012. 359 p. (In Russ.)
17. Spence M. *Sleduyushchaya konvergentsiya: Budushcheye ekonomicheskogo rosta v mire, zhivushchem na raznykh skorostyakh* [Next Convergence: The Future of Economic Growth in the world, living at different speeds]. Moscow, Publishing Gaidar Institute, 2013, 336 p. (In Russ.)
18. Sukharev O.S. *Evolyutsiya ekonomicheskikh sistem: strukturnyye izmeneniya, problemy tekhnologicheskogo razvitiya i effektivnosti* [The evolution of economic systems: structural changes, the problems of technological development and efficiency]. Novocherkassk, NOC, 2012. 120 p. (In Russ.)
19. Soto J. H. de. *Sotsial'no-ekonomicheskaya teoriya dinamicheskoy effektivnosti* [Socio-economic theory of dynamic efficiency]. Chelyabinsk, Society, 2011. 409 p. (In Russ.)
20. Forrester D. *Mirovaya dinamika* [World Dynamics]. Moscow, AST Publisher; St. Petersburg, Terra Fantastica, 2003. 379 p. (In Russ.)
21. Schumpeter J.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow, Direct Media, 2007. 400 p. (In Russ.)
22. Maddison Project Database. URL: <http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm>
23. World Bank Database. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>

Вестник Челябинского государственного университета.
2015. № 8 (363). Экономика. Вып. 48. С. 54–62.

УДК 332.14
ББК 65.9

ОЦЕНКА УРОВНЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14–12–66005
«Проектирование институтов инвенций Свердловской области»

М. В. Власов, С. В. Паникарова*

ФГБУН «Институт экономики УрО РАН», Екатеринбург, Россия

**ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия*

Рассмотрены различные подходы к оценке инновационного развития, рассчитаны индекс знаний и инновационного развития северных регионов России. Детальный анализ рассчитанных авторами индексов позволил выявить некоторые узкие места в инновационном развитии северных регионов. Разработаны направления ускорения инновационного развития северных регионов России, выделены основные направления региональной политики в области стимулирования инновационного развития. Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в расширении методологии анализа региональной инновационной активности, практическая значимость — в выработке рекомендаций органам власти по организации адресной поддержки предприятий промышленности, формирования механизмов финансирования инновационных проектов, реализации инфраструктурных проектов, призванных связать крупные предприятия, малый бизнес, научные организации и вузы, разработки регионального институционального обеспечения инновационной политики, развитию региональной информационной, экспертно-консалтинговой и образовательной инфраструктуры инновационной деятельности.

Ключевые слова: северные регионы, инновационное развитие, индекс знаний.

В условиях новых экономических вывозов, именно инновационное развитие обеспечивает устойчивое развитие экономических агентов как внутри страны, так и при взаимодействии с внешней средой, а также более эффективное удовлетворение потребностей в различных необходимых видах ресурсов с целью наиболее оптимальной организации производственной деятельности.

В своих предыдущих исследованиях авторы выделили такие особенности развития северных регионов России, как превалирование ресурсодобывающих отраслей [10], низкая плотность населения и высокая дисперсность расселения [8], высокие затраты по содержанию территории [9], что во многом обуславливает низкий уровень человеческого капитала [3; 5] и, соответственно, слабую инновационную активность экономических агентов северных регионов России [4].

Современное развитие российских арктических регионов и регионов Крайнего Севера определяется их неисчерпаемыми минерально-сырье-

выми запасами, являющимися основным фактором региональной конкурентоспособности. Помимо этого, по мнению ряда учёных, сырьевые отрасли северных территорий на современном этапе могут и должны играть роль локомотива инновационного развития отечественной экономики. Это определяется следующими базовыми факторами:

– наукоёмкость и инновационная активность северных регионов уже в настоящее время определяется развитием сырьевых отраслей;

– разработка новых, нетрадиционных технико-технологических решений необходима для успешного и наиболее эффективного освоения месторождений северных регионов и российского арктического шельфа, в том числе при организации процессов переработки и транспортировки добытых минерально-сырьевых ресурсов;

– значительные инвестиционные ресурсы, которыми располагают нефтяные корпорации, могут быть направлены для развития сырьевых отрас-

лей в условиях Арктики и Крайнего Севера, требуемые для усиления инновационной активности;

– производственные заказы отечественным производителям от добывающих отраслей нефтяные корпорации могут контролировать различными инструментами, которыми государственные органы власти располагают в достаточном количестве, в том числе на основе соглашений о разделе продукции;

– арктические и регионы Крайнего Севера обладают высоким потенциалом высококвалифицированных трудовых ресурсов.

Для оценки сложившихся в регионах условий становления и развития инновационной деятельности был проведён анализ инновационной среды северных регионов. Опираясь на алгоритм оценки индекса знаний, предложенный Всемирным банком, был рассчитан индекс знаний для северных регионов.

В результате расчётов были получены значения индекса знаний для северных регионов в сравнении со среднероссийским значением (рисунок).

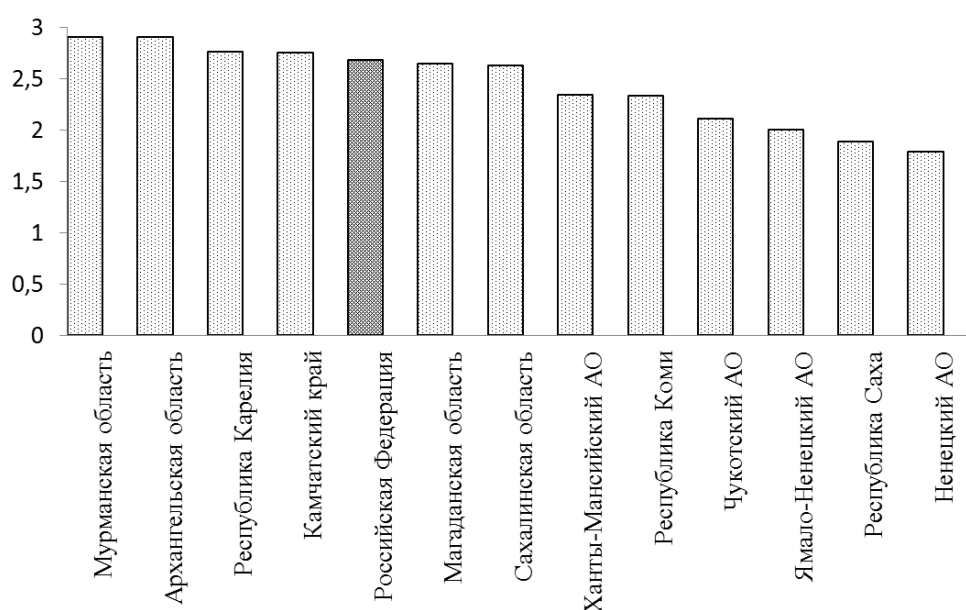
По результатам оценки индекса знаний можно выделить четыре группы северных регионов. Уровень развития инновационного потенциала Архангельской и Мурманской областей, Республики Карелия и Камчатского края, которые объединятся в первую группу субъектов Российской Федерации, превышает среднероссийский показатель. Регионы имеют высокий финансовый потенциал для инновационного развития, но в силу моносырьевой специализации эко-

номики результативность этого потенциала под вопросом. Инновационный потенциал этих регионов может быть реализован в короткие сроки при условии разработки специальных мер государственной поддержки инновационной деятельности.

Во вторую группу выделены регионы с инновационным потенциалом, соответствующим среднему по России уровню (Магаданская и Сахалинская области), располагающие определённым природно-ресурсным потенциалом. Для этой группы регионов требуются значительно большие финансовые затраты для активизации инновационного потенциала, чем для первой группы. И, наконец, наибольшие ресурсы потребуются для регионов третьей и четвёртой группы, т. е. регионов, у которых инновационный потенциал либо низкий (Ханты-Мансийский автономный округ и Республика Коми), либо отсутствует. В последнюю группу входят Ненецкий, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа и Республика Саха — Якутия).

Таким образом, необходимым потенциалом для инновационного развития в ближайшей перспективе обладают северные регионы первой и второй групп. При этом в большинстве северных регионов имеются необходимые ресурсы для инновационного развития, такие как мощный научно-технический потенциал и природные ресурсы.

В целом представленная методика позволяет выявить среди северных регионов те, в которых возможна активизация процессов по созданию,

Индекс знаний регионов Севера

применению и распространению знаний, т. е. обладающие инновационным потенциалом. Индекс знаний определяет начальные характеристики, требуемые для инновационного развития и роста производительности, а также позволяет оценить условия, необходимые для научных исследований, приводящих к появлению новых товаров и процессов.

В процессе разработки и реализации инновационной политики целесообразно создать систему мониторинга инновационного развития регионов с целью выявления их потенциала в области генерации знаний. Часть северных регионов России обладает потенциалом, способствующим воспроизводству на своей территории модели, основанной на создании прорывных технологий, другая часть регионов может специализироваться на заимствовании существующих знаний. Чёткое понимание различий между инновационным потенциалом северных регионов будет способствовать диверсификации инновационного развития страны и позволит снизить риски реализации различных направлений инновационной политики.

Исследованию уровня инновационного развития регионов Российской Федерации посвяще-

но немало публикаций, в которых представлены различные оценочные системы. На данный момент имеются различные системы оценки инновационного развития субъектов Федерации, нацеленные на определение лидеров инновационного развития России [2].

В табл. 1 представлены основные характеристики рейтингов, подготовленных специалистами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Правительстве РФ (РАНХиГС), Высшей школой экономики (ВШЭ), Национальной ассоциации инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ).

В рейтингах, представленных в табл. 1, подход европейских исследований в области инноваций, таких как European Innovation Survey, Regional innovation survey, Union Innovation Survey, использовался в качестве отправной точки, а данные Росстата явились информационной базой для регионов Российской Федерации.

Позиции регионов Крайнего Севера в перечисленных рейтингах по итогам 2012 г. представлены в табл. 2.

Как следует из анализа данных, представленных в табл. 1, в различных рейтингах позиции северных регионов имеют значимые отличия

Таблица 1

Основные характеристики рейтингов инновационного развития

Параметр	ВШЭ	РАНХиГС	НАИРИТ
Название	Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации	Рейтинг инновационных регионов для целей управления	Рейтинг инновационной активности регионов России
Разделы	1. Социально-экономические условия инновационной деятельности 2. Научно-технический потенциал регионов 3. Инновационная деятельность в регионах 4. Качество инновационной политики в регионах	1. Потенциал в создании инноваций 2. Потенциал в коммерциализации инноваций 3. Результативность инновационной политики	1. Среда для развития инноваций 2. Производство и использование инноваций 3. Правовая среда
Число показателей	36	16	Неизвестно
Методика расчёта	1. Нормирование (метод линейного масштабирования) 2. Сглаживание (корень степени N для снижения асимметрии значений) 3. Отсутствие весов 4. Учитываются данные за один год	1. Нормирование (метод линейного масштабирования) 2. Сглаживание (корень степени N для снижения асимметрии значений) 3. Наличие весов у разделов (0,3–0,2–0,5) 4. Учитываются данные за два года	1. Нормирование (метод линейного масштабирования) 2. Отсутствие сглаживания 3. Отсутствие весов 4. Учитываются данные за один год

Таблица 2

Северные регионы в рейтингах инновационного развития субъектов Российской Федерации

Субъект Федерации	ВШЭ		РАНХиГС		НАИРИТ		Среднее арифметическое	
	P _{РФ}	P _{СР}	P _{РФ}	P _{СР}	P _{РФ}	P _{СР}	P _{РФ}	P _{СР}
1. Магаданская область	21	1	33	2	73	9	42	3
2. Камчатский край	23	2	58	6	40	2	40	1
3. Республика Коми	34	3	49	3	50	5	44	2
4. Ямало-Ненецкий АО	37	4	77	11	41	3	52	7
5. Мурманская область	40	5	56	4	61	7	52	5
6. Сахалинская область	45	6	57	5	77	11	60	8
7. Ханты-Мансийский АО	46	7	71	9	19	1	45	6
8. Архангельская область	58	8	25	1	42	4	42	4
9. Республика Саха — Якутия	66	9	63	7	70	8	66	9–10
10. Республика Карелия	71	10	65	8	54	6	63	9–10
11. Ненецкий АО	76	11	81	12	76	10	78	11
12. Чукотский АО	79	12	73	10	83	12	78	12

Условные обозначения: P_{РФ} — ранг среди регионов Российской Федерации; P_{СР} — ранг среди северных регионов.

от остальных субъектов Федерации: например, Магаданская область в рейтинге ВШЭ имеет 21-е место, а в рейтинге НАИРИТ — 73-е место, Ханты-Мансийский автономный округ — 19-е и 71-е места в рейтингах ВШЭ и РАНХиГС соответственно. Анализ интегрированных оценок демонстрирует, что северные регионы Российской Федерации в своём инновационном развитии во многом отстают от других регионов РФ. При сравнении позиций в представленных рейтингах северных и арктических регионов между собой наблюдается значительно меньшее отличие оценок, особенно при анализе таких регионов, как Якутия, Карелия, Ненецкий и Чукотский автономные округа, т. е. регионов значительно менее инновационно развитых.

Особенности инновационного развития регионов Севера определяются спецификой их географически-территориального расположения, что обуславливает такие факторы, как экономика, основанная на ресурсах; «бремя пространства» и необходимость более высоких затрат, направленных на содержание территории [7].

Деятельность системообразующих вертикально интегрированных корпораций является базисом экономики арктических и регионов Крайнего Севера, экономический интерес для данных корпораций представляют только низкотехнологич-

ные виды деятельности, например, разработка и добыча природных ресурсов или их первичная переработка. «Ловушка бедности» во многом обуславливает в богатых ресурсами регионах процессы замедления технологического развития экономики регионов Крайнего Севера [1]. В научной литературе под «ловушкой бедности» понимается формирование механизма функционирования, препятствующего технологической модернизации, являющегося самоподдерживающимся и неинновационным. В северных и арктических регионах Российской Федерации существует низкая наукоёмкость применяемых технологий в добыче природных ресурсов. Следовательно, конкуренция за инвестиции отраслей добывающих природные ресурсы, обуславливает старение технологий и деградацию материальной базы и оборудования, что приводит в итоге к уменьшению конкурентного потенциала внутреннего рынка северных регионов [6].

Особенности организации хозяйственной деятельности экономических агентов на территории арктических и регионов Крайнего Севера Российской Федерации определяются факторами «пространственного бремени», высокими затратами на содержание территорий, а также низкой плотностью населения, что обуславливает проблемное поле формирования региональной

территориальной политики Крайнего Севера [7]. Несмотря на сложные природно-климатические условия, на территории северных регионов сложилась хозяйственная культура, в которой северные народы нашли свои способы выживания в суровом климате. Для выживания северным этносам необходимо свободное пространство, природные ресурсы для охоты, рыбной ловли и других местных промыслов. В современной экономике содержание этих территорий требует значительных затрат. С одной стороны, освоение природных ресурсов вызывает необходимость создания дорогих систем жизнеобеспечения. С другой, для развития этих периферийных территорий и поддержки традиционных промыслов необходимы существенные капиталовложения.

Организация экономического пространства малоосвоенных северных территорий должна отвечать условиям достижения сетевого эффекта, охарактеризованного А. Н. Пилясовым [11]. Сетевой эффект в пространственной экономике достигается в процессе взаимодействия разнообразных человеческих, природных, финансовых ресурсов обширной территории, представляющей собой многочисленные ядра, соединённые потоками информации, мигрантов, торговых и денежных обменов и т. п. Сетевой эффект отвечает за сохранение и расширение разнообразия в экономической деятельности. Он имеет комбинаторную природу, при которой возможны случайные мутации, неожиданные исходы и т. п., которые рождают новшество — идею, технологию, бизнес-процесс. Достижение сетевого эффекта возможно при развитии каналов коммуникации и системы кооперации, формировании единых базовых институтов.

Необходимость более высоких затрат инновационного развития северных регионов можно охарактеризовать показателями материало- и фондёмкости производств. По оценочным данным, материалоёмкость основных видов деятельности (добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, строительство и т. п.) северных регионов достигает 0,50–0,60. Наиболее материалоёмким для регионов Севера России является производство и распределение электроэнергии, газа и воды, исключение составляет Чукотский автономный округ. В отдельных субъектах Российской Федерации (Архангельская, Мурманская области) значение данного показателя достигает 0,8. Указанный вид деятельности является жизнеобеспечивающим для населения и организаций и на-

прямую влияет на уровень затрат при производстве большинства видов продукции. Увеличение доли изношенного оборудования приводит к повышению эксплуатационных расходов и ухудшению качества продукции. По уровню фондёмкости промышленность северных регионов более чем вдвое уступает промышленности развитых стран. Фондоёмкость в США, например, составляет 0,5, а в исследуемых субъектах в среднем 1,2–1,4 [7].

Для того чтобы определить проблемы инновационного развития северных регионов, вернёмся к рейтингу инновационного развития субъектов Российской Федерации ВШЭ и проанализируем показатели, характеризующие отдельные разделы этого рейтинга: социально-экономические условия инновационной деятельности; научно-технический потенциал регионов; инновационную деятельность в регионах; качество инновационной политики в регионах (табл. 3).

Детальный анализ индексов позволил выявить некоторые так называемые узкие места в инновационном развитии северных регионов: например, для Камчатского края, Ямало-Ненецкого и Ненецкого автономных округов выявлен низкий индекс научно-технического потенциала (включающий финансирование научных исследований, кадры науки, результативность научных исследований). Для Архангельской и Сахалинской области возможность инновационного развития видится в совершенствовании институционального обеспечения инновационной политики. Для ханты-Мансийского автономного округа — в развитии инновационной деятельности (активность и результативность в сфере инноваций, развитие малого инновационного бизнеса).

Кроме того, существуют и общие для большинства северных регионов проблемы, которые должны быть решены в результате регионального инновационного развития:

- сложные условия социально-экономической инновационной деятельности, в т. ч. необходимость снижения затрат и обновления основного капитала, а также повышения качества жизни населения;
- низкий уровень институциональной обеспеченности инновационного развития, связанный с отсутствием необходимых «мостов», норм и правил для связки разрозненных организаций в системе инноваций.
- отдельным регионам необходимо принять меры в решении конкретных проблем инновационного развития.

Таблица 3

**Характеристика отдельных составляющих
индекса инновационного развития северных регионов [14]**

Субъект Федерации	Социально-экономические условия		Научно-технический потенциал		Качество инновационной политики		Инновационная деятельность	
	$P_{РФ}$	$P_{СР}$	$P_{РФ}$	$P_{СР}$	$P_{РФ}$	$P_{СР}$	$P_{РФ}$	$P_{СР}$
1. Архангельская область	47	0,37	40	0,35	80	0,12	12	0,39*
2. Камчатский край	20	0,43	47	0,33	36	0,50	13	0,39*
3. Карелия	42	0,38	41	0,35	75	0,13	67	0,22
4. Магаданская область	65	0,33	12	0,43*	20	0,54	18	0,35*
5. Коми	52	0,36	23	0,40	28	0,50	63	0,23
6. Мурманская область	36	0,39	25	0,40	55	0,37	52	0,26
7. Ненецкий АО	69	0,31	83	0,15	69	0,25	34	0,31
8. Сахалинская область	19	0,44	27	0,38	68	0,25	34	0,31
9. Ханты-Мансийский АО	9	0,49*	48	0,32	41	0,40	74	0,20
10. Чукотский АО	78	0,28	77	0,22	82	0,13	40	0,28
11. Ямало-Ненецкий АО	14	0,45	68	0,27	22	0,52	55	0,25
12. Якутия	77	0,28	44	0,34	59	0,29	64	0,23

Условные обозначения: $P_{РФ}$ — ранг среди регионов Российской Федерации; $P_{СР}$ — ранг среди северных регионов.

* Нормированный показатель выше, чем в среднем по Российской Федерации.

Таким образом, для разработки направлений ускорения инновационного развития северных регионов России выделены основные направления региональной политики в области стимулирования инновационного развития:

1. Реализация дополнительных финансовых механизмов адресной поддержки предприятий промышленности, в том числе в виде:

- предоставления гарантий по кредитам, привлекаемым для реализации приоритетных проектов модернизации и развития производства;
- оплаты бюджетом части расходов по содержанию объектов, используемых организациями инновационной инфраструктуры.

2. Формирование новых механизмов финансирования инновационных проектов:

- учреждение венчурных фондов с государственным участием;
- популяризация венчурной деятельности в предпринимательской среде посредством продвижения «историй успеха».

3. Реализация масштабных инфраструктурных проектов, призванных связать крупные предприятия, малый бизнес, научные организации и вузы:

- создание и поддержка функционирования

технико-внедренческих зон, инновационных кластеров);

- укрепление связи образования с экономикой путём создания интегрированных научно-образовательных структур;

- формирование инновационного партнёрства государства, науки, образования и гражданского общества.

4. Разработка институционального обеспечения инновационной политики:

- развитие законодательства в области инновационной деятельности;
- разработка и реализация стратегий, программ.

5. Развитие информационной, экспертно-консалтинговой и образовательной инфраструктуры инновационной деятельности:

- создание эффективной системы инновационного мониторинга, позволяющей формировать целостную систему сведений о научно-инновационном потенциале и инновационной активности отраслей и промышленных предприятий на основании современных показателей и индикаторов состояния инновационной деятельности;

- поддержка приграничного сотрудничества;

– создание и поддержка федерально-региональной базы данных по научно-исследовательским разработкам;
– создание специализированных баз данных по услугам сопровождения инновационной деятельности;

– создание системы многоуровневого непрерывного образования в инновационной сфере и связанного с ним процесса формирования инновационной культуры в научном сообществе и предпринимательском секторе.

Список литературы

1. Балацкий, Е. В. Технологическая диффузия и инвестиционные решения / Е. В. Балацкий // Журн. новой экон. ассоциации. – 2012. – № 3 (15).
2. Бортник, В. М. Индикаторы инновационного развития регионов России для целей мониторинга и управления / В. М. Бортник, В. Г. Зинов, В. А. Коцюбинский, А. В. Сорокина // Инновации. – 2013. – № 11. – С. 2–13.
3. Власов, М. В. Традиционные знания в социально-экономическом развитии территории проживания коренных народов / М. В. Власов, С. В. Паникарова // Регион. экономика: теория и практика. – 2012. – № 38. – С. 43–48.
4. Власов, М. В. Инвенциальные стратегии на промышленных предприятиях: эмпирическое исследование / М. В. Власов, С. В. Паникарова // Проблемы теории и практики упр. – 2014. – № 7. – С. 97–101.
5. Власов, М. В. Управление научной результативностью университета / М. В. Власов, С. В. Паникарова, Ч. О. Тюлюш // Науч. обозрение. – 2012. – № 4. – С. 531–538.
6. Дементьев, В. Е. Ловушка технологических заимствований и условия её преодоления в двухсекторной модели экономики / В. Е. Дементьев // Экономика и мат. методы. – 2006. – Т. 42, № 4.
7. Иванова, М. В. Системные барьеры и перспективы регионального инновационного развития на примере северных регионов Российской Федерации / М. В. Иванова, М. Г. Шишаев. – URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2014/04>
8. Паникарова, С. В. Особенности традиционного природопользования коренных народов южной Сибири / С. В. Паникарова, М. В. Власов // Регион. экономика: теория и практика. – 2013. – № 27. – С. 8–14.
9. Паникарова, С. В. Оценка жизненного цикла экономических институтов южносибирского региона / С. В. Паникарова, М. В. Власов // Науч. обозрение. – 2013. – № 6. – С. 147–151.
10. Паникарова, С. В. Институты развития этноэкономики / С. В. Паникарова, М. В. Власов, В. П. Чебодаев // Проблемы соврем. экономики. – 2011. – № 4. – С. 53–57.
11. Пилясов, А. Н. И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания / А. Н. Пилясов. – М. : Либриком, 2009. – 544 с.
12. Плетнёв, Д. А. Системно-институциональная теория корпорации: к разработке новой концепции / Д. А. Плетнёв // Экон. наука соврем. России. – 2013. – № 4 (63). – С. 7–18.
13. Плетнёв, Д. А. Экономика для человека как нетривиальная цель развития современного хозяйства / Д. А. Плетнёв // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 15 (306). Экономика. Вып. 41. – С. 35–42.
14. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации / под ред. Л. М. Гохберга. М. : ВШЭ, 2014.
15. Селин, В. С. Инновационное развитие России и ресурсно-сырьевой комплекс Севера / В. С. Селин, В. А. Цукерман // МИР: модернизация, инновации, развитие. – 2013. – № 4. – С. 61–67.

Сведения об авторах

Власов Максим Владиславович — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия.

Паникарова Светлана Викторовна — кандидат экономических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 54–62.

EVALUATION LEVEL OF INNOVATION DEVELOPMENT OF NORTHERN REGIONS

M. V. Vlasov

*Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Economics,
the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia*

S. V. Panikarova

*Candidate of Economics, Associate Professor of Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia*

In the article the authors consider different approaches to the assessment of innovative development index calculated knowledge and innovative development in the northern regions of Russia. Detailed analysis of the index calculated by the authors revealed some of the weaknesses in the innovative development of the northern regions. Developed areas of the acceleration of innovation development in the northern regions of Russia highlights the main areas of regional policy in promoting innovation. The theoretical significance of the study is to extend the methodology of the analysis of regional innovation activity. The practical significance of the study is to develop recommendations to governments on the organization of targeted support for industrial enterprises, the formation mechanisms of financing innovative projects, the implementation of infrastructure projects to link the large enterprises, small businesses, research organizations and universities, the development of institutional support regional innovation policy, the development of a regional information, expert consulting and educational innovation infrastructure.

Keywords: *northern regions, the development of an innovative, knowledge index.*

Reference

1. Balatsky E.V. Tekhnologicheskaya diffuziya i investitsionnyye resheniya [Technological diffusion and investment decisions]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [J. of the New Economic Association]. 2012. No. 3. P. 15. (In Russ.)
2. Bortnyk V.M., Zinov V.G., Kotsjubinsky V.A. and Sorokin A.V. Indikatory innovatsionnogo razvitiya regionov Rossii dlya tseley monitoringa i upravleniya [Indicators of innovative development of Russian regions for the purposes of monitoring and control]. *Innovations*. 2013. No. 11. Pp. 2–13. (In Russ.)
3. Vlasov M.V. and Panikarova S.V. Traditsionnyye znaniya v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii territorii prozhivaniya korennykh narodov [Traditional knowledge in the socio-economic development of indigenous territories]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2012. No. 38. Pp. 43–48. (In Russ.)
4. Vlasov M.V. and Panikarova S.V. Inventsiyal'nyye strategii na promyshlennykh predpriyatiyakh: empiricheskoye issledovaniye [Invention strategy for industrial enterprises: an empirical study]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management]. 2014. No. 7. Pp. 97–101. (In Russ.)
5. Vlasov M.V., Panikarova S.V. and Tyulyush Ch.O. Upravleniye nauchnoy rezul'tativnost'yu universiteta [Management of scientific productivity of the University]. *Scientific Review*. 2012. No. 4. Pp. 531–538. (In Russ.)
6. Dementiev V.E. Lovushka tekhnologicheskikh zaimstvovaniy i usloviya yeye preodoleniya v dvukhsektornoy modeli ekonomiki [Technological trap of loans and to overcome it in a two-sector model of the economy]. *Ekonomika i matem. metody* [Economics and Mathematics Methods]. 2006. Vol. 42, no. 4. (In Russ.)
7. Ivanov M.V. and Shishaev M.G. *Sistemnyye bar'yery i perspektivy regional'nogo innovatsionnogo razvitiya na primere severnykh regionov RF* [Systemic barriers and prospects of regional innovation development on the example of the northern regions of Russia]. URL: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2014/04> (In Russ.)
8. Panikarova S.V. and Vlasov M.V. Osobennosti traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh narodov yuzhnoy Sibiri [Features traditional nature of indigenous peoples of southern Siberia]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2013. No. 27. Pp. 8–14. (In Russ.)

9. Panikarova S.V. and Vlasov M.V. Otsenka zhiznennogo tsikla ekonomicheskikh institutov yuzhno-sibirskogo regiona [Life cycle assessment of economic institutions of the South Siberian region]. *Scientific Review*. 2013. No. 6. Pp. 147–151. (In Russ.)
10. Panikarova S.V., Vlasov M.V. and Chebodayev V.P. Instituty razvitiya etnoekonomiki [Development institutions etnoekonomiki]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy]. 2011. No. 4. Pp. 53–57. (In Russ.)
11. Pilyasov A.N. *I posledniye stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last shall be first: North periphery towards the knowledge economy]. Moscow, Librikom, 2009. 544 p. (In Russ.)
12. Pletnev D.A. Sistemno-institutsional'naya teoriya korporatsii: k razrabotke novoy kontseptsii [System-institutional theory Corporation: towards a new concept]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. 2013. No. 4. Pp. 7–18. (In Russ.)
13. Pletnev D.A. Ekonomika dlya cheloveka kak netrivial'naya tsel' razvitiya sovremennogo khozyaystva [Economics for man as a trivial goal of the modern economy]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. No. 15 (306). Economy. Issue 41. Pp. 35–42. (In Russ.)
14. *Reyting innovatsionnogo razvitiya sub'yektov Rossiyskoy Federatsii* [Rating of innovative development of the Russian Federation]. Moscow, National research university 'Higher school of economics', 2014. (In Russ.)
15. Celine V.S. and Zuckerman V.A. Innovatsionnoye razvitiye Rossii i resursno-syr'yevoy kompleks Severa [Innovative development of Russia and the resource-complex North]. *MIR: modernizatsiya, innovatsii, razvitiye* [MIR: modernization, innovation and development]. 2013. No 4. Pp. 61–67. (In Russ.)

УДК 330.101
ББК 65.9(2)

ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Н. И. Солдатикова

*ФГБОУ ВПО «Государственный университет — учебно-научно-производственный комплекс»,
Орёл, Россия*

Рассмотрены вопросы повышения эффективности экономики России на основе инновационных факторов. Анализ данной проблемы является актуальным, так как результаты функционирования современной сырьевой экономической системы страны в большей части неудовлетворительны. Интенсификация инновационной деятельности — ключевой фактор модернизации национальной экономики, призванный обеспечить стабильный экономический рост и достижение конкурентных преимуществ российских предприятий на мировом рынке. Основная задача исследования — определение влияния инноваций на экономический рост. Методологию исследования составляют сравнительный, исторический, логический, статистический анализ. В результате проведённого исследования автором получено чёткое теоретическое обоснование наличия связи между ростом добавленной стоимости и показателями инновационной активности.

Ключевые слова: *инновация, инновационная активность, инновационный механизм, экономический рост, добавленная стоимость.*

Актуальность исследований, посвящённых проблемным вопросам повышения эффективности отечественной экономики на основе инновационных факторов, не теряется на протяжении многих лет. На текущий момент экономическая система России, которая функционирует на базе экономики СССР, адаптированной к рыночным условиям, не может считаться конкурентоспособной в полном объёме и требует значительного качественного переустройства. Именно поэтому одна из центральных задач, поставленных на высшем государственном уровне, сводится к повышению глобальной конкурентоспособности страны на основе инновационных факторов. Инновационный путь развития российской экономики признаётся государственными управляющими лицами высшего звена, экономистами и аналитиками в качестве наиболее перспективного и экономически эффективного направления. Основным вектор развития российской экономики основывается в первую очередь на том, что новшества приносят значительный вклад в расширенное интенсивное воспроизводство, тем самым влияя на стабильность в экономике и прогрессивность в развитии общества. По-нашему мнению, инновационное направление предполагает интенсивное и прогрессивное социально-экономическое развитие.

Выбор инновационного пути развития объясняется множеством обоснованных факторов; это связано с тем, что инновации признаны:

– базовой основой устойчивого социально-экономического роста;

– важным фактором влияния на внутреннюю и внешнюю конкурентоспособность бизнеса и экономики;

– генераторами новых экономических потребностей и рыночных систем в целом на базе наукоемкой продукции [1].

Наибольший интерес для научного исследования представляет инновационный механизм в разрезе его влияния на устойчивый экономический рост и повышение конкурентоспособности российской экономики. Однако, несмотря на реально существующую актуальность разработки многофункциональных инновационных механизмов управления экономикой, установления количественных и качественных связей между инновационными показателями и показателями экономического роста, теоретические основы для данных исследований проработаны весьма слабо. Такая ситуация неблагоприятно сказывается на общем процессе управления инновационными факторами, так как, не имея чёткого представления о влиянии инноваций на основные экономические результаты, трудно разработать эффективные управленческие решения в области инновационных стратегий.

Таким образом, в статье рассмотрена теоретическая проблема соотношения фактора инноваций и устойчивого экономического роста. Конкретная

задача исследования заключается в теоретическом обосновании влияния инноваций на экономический рост. Степень разработанности данного вопроса можно оценить как низкую, что связано в первую очередь с существующими в теории инновации пробелами нормативно-правового, методологического и организационного характера. Отсутствие единого законодательно-утверждённого определения понятий «инновация», «инновационная активность» и смежных с данными понятиями категорий определяется как главная проблема. Остальные проблемные черты теории инноваций, в большей степени, сформированы лишь в силу отсутствия законодательной и нормативной основы инновационной деятельности.

Ознакомление с зарубежной и отечественной научной литературой по проблематике эффективного управления инновационным развитием предприятий и региональных структур привело к следующему выводу: разработанность проблемы влияния инноваций на основные показатели, характеризующие интенсивность экономического роста, является недостаточной с точки зрения теории. В ходе исследования подробно были изучены работы П. Друкера, М. Портера, Й. А. Шумпетера, В. П. Баранчеева.

Зарубежные и отечественные научные исследователи подчёркивали первостепенную важность гармоничного соотношения фактора инноваций и устойчивого экономического развития стран. Так, например, американский экономист М. Э. Портер в своём исследовании «Конкурентные преимущества стран» подчёркивал, что «фирмы добиваются конкурентного преимущества посредством актов новаторства» [2]. Портер акцентировал внимание на том, что единственным способом сохранения конкурентного преимущества экономики выступает непрерывная модернизация производства: от более простых модификаций к более сложным формам. Косвенным образом в исследовании «Конкурентные преимущества стран» отмечено, что при внедрении в производственный процесс инновационные разработки способны поднять общий уровень прибыли на предприятии в несколько раз.

П. Друкер в своей работе «Инновации и предпринимательство» определял инновацию как особый инструмент предпринимателей, средство, с помощью которого они используют изменения как шанс осуществить новый вид бизнеса или услуг [3].

В работе австрийского экономиста и политолога Й. Шумпетера «Теория экономическо-

го развития» инновационный процесс рассмотрен с позиции наращивания «прибавочного дохода» от использования новаторских разработок. Особый интерес к его работе заключается в том, что Шумпетер на многочисленных примерах проиллюстрировал механизм превращения инновации в реальный экономический эффект — «прибыль и прибавочную стоимость» [4]. Им описан положительный эффект от внедрения инновационного решения, а именно: внедрение новации в производственный процесс во многих случаях снижает издержки в расчёте на единицу продукции, что приводит к разнице между ценой и издержками на изделие и позволяет предпринимателю-новатору получить дополнительную прибыль. Таким образом, по мнению Шумпетера, и формируется «прибавочная стоимость».

Исторический базис для данного исследования позволяет говорить о вполне сложившемся отношении учёных и экономистов к инновационному процессу как к основному качественно-прогрессивному фактору модернизации производства. Современная экономическая ситуация подчёркивает важность использования инновационного механизма в стратегиях роста экономических систем.

По статистическим оценкам, в развитых странах мира около 80–90% прироста ВВП приходится на результаты инновационной деятельности и технологического прогресса. В России же рост ВВП определяется ценами на сырьевые ресурсы и политикой укрепления национальной валюты. В качестве контраста следует отметить, что на внешнем рынке годовой оборот наукоёмкой продукции и технологий превосходит годовой оборот на рынке сырья, включая нефтегазовые ресурсы, в несколько раз [1]. Таким образом, Российская Федерация значительно отстаёт от стран-лидеров в сфере инновационной и научно-технической деятельности. Для качественного изменения сложившейся ситуации требуется разработка эффективных системных и скоординированных мер со стороны государства, которые должны стать каркасной базой для дальнейшего успешного осуществления деятельности в сфере инноваций.

В табл. 1 приведены результаты динамического анализа основных показателей международной торговли технологиями России с зарубежными странами за 2010–2012 гг.

Опираясь на научные исследования в области

Таблица 1

Показатели торговли технологиями Российской Федерации с зарубежными странами за 2010–2012 г.г.

Показатель	2010	2011	2012	Темп роста 2011/2010	Темп роста 2012/2011
1. Объём экспорта технологий России в зарубежные страны, млн долл. США	627,9	584,7	688,5	93,1	117,8
2. Объём импорта технологий в Россию из зарубежных стран, млн долл. США	1 426,0	1 862,6	2 043,2	130,6	109,7

инноваций и курс государственной политики России, в 2011 г. был утверждён основной нормативный документ по инновационному развитию — Стратегия 2020. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. сказано: «Переход национальной экономики на инновационную модель развития признан залогом обеспечения лидерских позиций России на мировой арене, а также достижения высокого уровня благосостояния населения» [5]. В Стратегии поставлены масштабные экономические задачи на долгосрочный период, которые непосредственным образом связаны с устойчивым экономическим ростом на перспективу, а именно:

- планируемое увеличение валовой добавленной стоимости (ВДС) инновационного сектора в ВВП до 17–20%;
- планируемое увеличение удельного веса инновационной продукции в общем объёме промышленной продукции до 25–35%;
- увеличение доли предприятий промышленности, осуществляющих технологические инно-

вации, в общем объёме промышленного производства до 40–50%;

- увеличение доли Российской Федерации на мировых рынках высокотехнологичной продукции до 5–10%;

- увеличение доли экспорта высокотехнологичных товаров российского производства в общемировом экспорте высокотехнологичных товаров до 2%.

Таким образом, на государственном уровне инновационная деятельность утверждена в качестве приоритетного направления развития, непосредственным образом влияющего на уровень экономического роста.

В связи с тем, что устойчивый экономический рост неразрывно связан с процессом интенсивного воспроизводства (в том числе за счёт инновационной продукции), была рассмотрена статистика основных производственно-экономических показателей за 2010–2012 гг. (табл. 2), где достаточно чётко выражено количественное соотношение основных макроэко-

Таблица 2

Показатели развития экономики Российской Федерации за 2009–2012 гг. [6]

Показатель	2009	2010	2011	2012	2013
1. Объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг, млрд р.	22 473,12	28 763,96	35 052,63	38 220,83	40 193,26
2. Валовой внутренний продукт, млрд р.	38 807,22	46 308,54	55 967,23	62 218,38	66 755,30
3. Валовая добавленная стоимость, млрд р.	33 831,32	40 040,08	47 718,88	53 016,75	57 476,85
4. ВДС промышленного производства, млрд р.	9 279,5	11 304,6	14 341,9	15 525,6	16 687,0
5. Доля промышленного производства в ВВП, %	23,91	24,41	25,63	24,95	25,00
6. Доля промышленного производства в ВДС, %	27,43	28,23	30,06	29,28	29,03
7. Объём инновационных товаров, работ, услуг, млн р.	934 589	1 243 712	2 106 740	2 872 905	–
8. Доля инновационной продукции в общем объёме промышленной продукции, %	4,6	4,9	6,1	7,8	–
9. Доля инновационной продукции в ВВП, %	2,4	2,7	3,8	4,6	–

номических показателей с инновационными показателями.

На основании табл. 2 можно сделать вывод о том, что в 2009–2012 гг. наблюдался рост доли инновационной продукции в общем объёме ВВП, что, несомненно, является положительным явлением. Однако достижение указанных в Стратегии 2020 планов кажется труднореализуемым: действительно возможное увеличение удельного веса инновационной продукции в общем объёме промышленной продукции может составить порядка 10–12% при сохранении тенденции роста данного показателя. Достижение же 25–35% можно представить только при максимальной мобилизации инновационного потенциала регионов. Следует отметить преимущественно декларативный характер большинства отечественных программно-целевых документов в области инновационной политики. На наш взгляд, рекомендательный характер нормативного обеспечения относится к фактору риска осуществления инноваций.

Сектор промышленного производства является базовой отраслью российской экономики, на долю которого приходится около 40% ВВП. Иными словами, от качества и степени роста промышленной продукции зависит объём сводного показателя экономического роста. От курса промышленной политики на макро-, мезо- и микроуровне (на уровне каждого промышленного предприятия) зависит устойчивость национальной экономики. Следует отметить, современная ситуация такова: инновационная политика становится неотъемлемой частью промышленной. Согласно общепринятым мировым тенденциям, промышленность представляет собой главный генератор технологических инноваций, коммерциализация и внедрение которых приводит к росту добавленной стоимости продукции и, следовательно, к росту ВВП (ВРП на региональном уровне).

Установление степени связи между факторами инновационного развития и ростом добавленной стоимости предприятий промышленного сектора предоставляет возможность надёжно и качественно формировать промышленную политику на основе инноваций. В результате исследования определены основные инновационные факторы, оказывающие максимальное воздействие на рост валовой добавленной стоимости.

В качестве базы исследования были использованы данные Федеральной службы государственной статистики за 2003–2012 гг. В роли резуль-

тативного фактора выступает объём валовой добавленной стоимости, созданной предприятиями промышленного сектора (Y). Согласно методике Системы национальных счетов к промышленному сектору относят следующие отрасли: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

В качестве факторных признаков были отобраны следующие:

x_1 — количество научно-исследовательских подразделений в организациях сектора промышленности, осуществляющих технологические инновации;

x_2 — объём инновационных товаров, работ и услуг, произведённых предприятиями промышленного сектора;

x_3 — затраты на технологические инновации предприятий промышленного сектора;

x_4 — используемые передовые производственные технологии.

Данные признаки были отобраны на основании выявления логических методов и экспертной оценки.

В табл. 3 приведены экономические показатели экономического развития Российской Федерации за 2003–2012 гг., необходимые для построения регрессионной модели. Значения факторных признаков и результирующего показателя приведены в сопоставимую форму посредством использования коэффициента-дефлятора — это позволит обеспечить надёжность проводимого анализа и построить максимально точную модель. Значения показателей x_2 , x_3 и Y определены в миллионах рублей. Следует отметить, что в качестве независимых переменных в модели могут быть использованы и другие показатели инновационной деятельности.

В результате проведения корреляционно-регрессионного анализа на базе расчётов Microsoft Excel была получена модель

$$Y = 2\,076\,669,82 - 3\,917,36x_1 + 9,24x_2 - 27,69x_3 + 70,29x_4. \quad (1)$$

Исходя из проведённого моделирования видно, что факторы x_1 и x_3 негативно влияют на рост валовой добавленной стоимости предприятий промышленного сектора, т.е. число научно-исследовательских подразделений в организациях сектора промышленности и затраты на технологические инновации предприятий промышленного сектора не способствуют экономическому

Таблица 3

Показатели инновационного развития Российской Федерации за 2003–2012 гг. [8]

Год	Y	x_1	x_2	x_3	x_4	Коэффициент-дефлятор
2003	3 081 546	2 048	312 692	105 444	129 610	1,0000
2004	4 016 708	2 009	382 174	108 429	135 177	1,1330
2005	5 490 176	2 083	494 149	113 839	140 983	1,1040
2006	6 495 051	2 274	630 763	166 512	168 311	1,1320
2007	7 980 522	2 360	835 886	189 278	180 324	1,0960
2008	7 822 783	2 117	781 313	206 166	184 374	1,3400
2009	6 033 476	2 248	570 666	233 330	201 586	1,5380
2010	8 729 388	2 218	900 191	270 087	203 330	1,2950
2011	10 453 294	2 234	1 346 480	342 159	191 650	1,3720
2012	10 390 559	2 381	1 679 564	390 617	191 372	1,4942

росту. Такая ситуация объясняется неэффективным использованием кадровых и материальных ресурсов в сфере инноваций, а также отсутствием чёткой системы коммерциализации инновационных разработок. Именно в результате реализации инноваций и получения от них конкретных экономических результатов создаётся добавленная стоимость инновационной продукции. Рост объёма инновационных товаров, работ и услуг предприятий промышленного сектора (x_2), безусловно, положительно сказывается на росте добавленной стоимости. Использование передовых производственных технологий (x_4) в промышленности также ведёт к росту экономической результативности.

Оценка качества модели (1) по критерию Фишера показывает: с вероятностью 95% при числе степеней свободы $k = 5$ ($10 - 4 - 11 = 5$), фактическое значение F -критерия $F_{\text{факт}} = 56,41$, а табличное значение F -критерия $F_{\text{табл}} = 2,7506$, $F_{\text{факт}} > F_{\text{табл}}$, т. е. модель признаётся статистически значимой.

Индикатор степени адекватности полученной функциональной зависимости к фактическим данным (коэффициент детерминации R -квадрат = 0,9783) показывает, что 97,83% изменения результативного признака Y обуславливается вариацией указанных факторных признаков (x_1, x_2, x_3, x_4).

Практическое значение полученной регрессионной модели заключается в том, что определение степени влияния инновационных факторов на экономический рост посредством роста добавленной стоимости может быть использовано в го-

сударственном стратегическом планировании, бюджетном планировании, инновационной политике, промышленной политике на всех уровнях. Повышение эффективности материальных затрат на инновационные разработки и использования кадрового научного потенциала является ключевым аспектом успешного развития инновационной деятельности в стране.

Моделирование на основе регрессионного метода отражает общую зависимость экономического роста от инновационных факторов. В расчётах относительно регионов России необходимо определять набор факторных признаков с учётом специфики региона. Таким образом, определяя какие именно факторы оказывают наибольшее влияние на рост валовой добавленной стоимости, можно влиять на результаты экономической деятельности посредством факторов.

Расширенное воспроизводство предприятий промышленности во многом определяется факторами коммерческой успешности инновационных проектов. Без прикладного использования инновационной разработки и получения от неё коммерческого результата обосновать целесообразность использования новшества невозможно. В результате статистического анализа выявлено, что для промышленных предприятий самыми значимыми факторами коммерциализации инноваций являются наличие производственной базы и наличие необходимых ресурсов для достижения запланированного выпуска новой продукции [10].

Применяя результаты регрессионного ана-

лиза в разрезе федеральных округов России, следует отметить неравномерность распределения инновационной активности по территории и сопряжённую дифференциацию округов по социально-экономическому развитию. В табл. 4 приведён рейтинг федеральных округов Российской Федерации по числу организаций, занимающихся инновационной деятельностью. Центральный федеральный округ (ЦФО) занимает лидирующую позицию — 36,96 % всех организаций страны, занимающихся исследованиями и разработками, сосредоточены именно здесь. Приволжский федеральный округ занимает второе место по анализируемому показателю (в 2012 г. зафиксировано 609 организаций, занимающихся исследованиями); Северо-Западный федеральный округ замыкает тройку округов-лидеров по числу проводящих разработки организаций. Данные макрорегионы также отличаются высоким уровнем общего социально-экономического развития. На последнем месте по числу организаций, занимающихся исследованиями и инновациями, находится Северо-Кавказский федеральный округ. Большинство субъектов данного округа характеризуются крайне низким уровнем развития экономики и социальной сферы (криминогенная обстановка, высокий уровень безработицы, этнополитическая ситуация). По показателю ВВП на душу населения, средней заработной плате, вовлечённости во внешнеэкономическую деятельность и другим важным социально-экономическим показателям данный округ занимает очень низ-

кий уровень по сравнению с другими федеральными округами.

В условиях формального экономического роста объективную опасность для экономики страны представляет тот факт, что количество выполняющих разработки предприятий, не увеличилось за 2009–2012 гг. В некоторых случаях наблюдается и тенденция уменьшения таких предприятий. Так, в настоящее время разработку и внедрение инноваций осуществляют лишь около 10 % предприятий. В 2009 г. зафиксировано 3 536 организаций, выполнявших научные исследования и разработки, в 2010 г.— 3 492; в 2011 г.— 3 682; в 2012 г.— 3 566.

Важно отметить, что инновации оказывают влияние на интенсивный рост экономики не только прямым, но и косвенным образом. Это проявляется в эффекте мультипликатора, описанном в кейнсианском учении: вложения в инновации влекут увеличение доходов, потребления и уровня занятости не только в отрасли их фактического приложения, но и в смежных.

Результаты исследования можно изложить следующим образом: современная теория устойчивого экономического роста базируется на концепции инноваций. Именно поэтому основные показатели общего экономического развития зависят от инновационного развития. В ходе исследования была построена регрессионная модель зависимости роста добавленной стоимости от инновационных факторов; исходя из неё был сделан вывод о неэффективном использовании затрат на технологические инновации предприятий

Таблица 4

Количество организаций, выполняющих научные исследования и разработки по федеральным округам Российской Федерации за 2009–2012 гг. [9]

Федеральный округ	2009	2010	2011	2012	Структура, 2012, %	Рейтинг
1. Центральный	1 383	1 358	1 365	1 318	36,96	1
2. Северо-Западный	518	502	514	487	13,66	3
3. Южный	221	231	255	222	6,23	6
4. Северо-Кавказский	95	92	105	99	2,73	8
5. Приволжский	532	534	597	609	17,08	2
6. Уральский	211	207	244	236	6,62	5
7. Сибирский	410	404	424	424	11,89	4
8. Дальневосточный	166	164	178	171	4,80	7
Российская Федерация	3 536	3 492	3 682	3 566	100,00	—

промышленного сектора. В авторском исследовании отмечено, что социально-экономическое развитие федеральных округов России во многом объясняется уровнем их инновационного

развития. Данная научная статья имеет ценность как для теоретических исследований в области инноваций, так и для практического применения в сфере управления экономическим развитием.

Список литературы

1. Чулок, А. А. Показатели эффективности инноваций на макроуровне: основные тенденции и результаты расчёта инновационного индекса / А. А. Чулок // *Инновац. экономика*. – 2006. – № 3. – С. 50–53.
2. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран : пер. с англ. / М. Портер. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 896 с.
3. Друкер, П. Бизнес и инновации / П. Друкер. – М. : Вильямс, 2007. – 432 с.
4. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития / Й. А. Шумпетер. – М. : Прогресс, 1982. – 401 с.
5. Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.
6. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>
7. Балацкий, Е. В. Инновационный сектор промышленности / Е. В. Балацкий, В. Лапин // *Экономист*. – 2004. – № 1. – С. 20–39.
8. Индикаторы инновационной деятельности – 2014 : стат. сб. – М. : ВШЭ, 2014. – 472 с.
9. Регионы России: социально-экономические показатели, 2013 : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 990 с.
10. Андреев, В. А. Универсальные многофакторные регрессионные модели коммерческой результативности инноваций в России / В. А. Андреев, Д. А. Чупикин // *Тр. Ин-та систем. анализа РАН*. – 2011. – № 1. – С. 66–76.

Сведения об авторе

Солдатикова Наталия Игоревна — аспирант кафедры государственного управления и финансов Государственного университета — учебно-научно-производственного комплекса, Орёл, Россия. ms.soldatikova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 63–70.*

INNOVATION AS A FACTOR OF SUSTAINABLE ECONOMIC GROWTH

N. I. Soldatikova

Graduate Student of Public Administration and Finance of the State University — Education-Science-Production Complex, Orel, Russia. ms.soldatikova@mail.ru

The article is about questions of efficiency increase of Russian economy on the basis of innovative factors. The analysis of this problem is actual because functioning of modern raw economic system are mostly part unsatisfactory. Intensification of innovation is a key factor in the modernization of the national economy to ensure stable economic growth and achieve competitive advantages of Russian companies on the world market. The main objective of research is definition of innovation influence on economic growth. Methodology of research includes the comparative, historical, logical, statistical analysis. Result of research shows accurate theoretical justification of connection between growth of a gross regional product and indicators of innovative activity.

Keywords: *innovation, innovative activity, innovative mechanism, economic growth, value added.*

References

1. Chulok A.A. Pokazateli effektivnosti innovatsiy na makrourovne: osnovnyye tendentsii i rezul'taty rascheta innovatsionnogo indeksa [Performance indicators of innovation at the macro level: the main trends and results of the calculation of the index of innovation]. *Innovatsionnaya ekonomika* [Innovative Economy]. 2006. No. 3. Pp. 50–53. (In Russ.)

2. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsia: konkurentnyye preimushchestva stran* [International competition: competitive advantages of]. Trans. from english. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1993. 896 p. (In Russ.)
3. Druker P. *Biznes i innovatsii* [Business and Innovation]. Moscow, Vil'yams, 2007. 432 p. (In Russ.)
4. Shumpeter Y.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow, Progress, 1982. 401 p. (In Russ.)
5. *Strategii innovatsionnogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2020 goda* [Strategies of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020]. Approved by the RF Government of 2011 December 08. No. 2227-P. (In Russ.)
6. The Federal State Statistics Service. URL: <http://www.gks.ru>. (In Russ.)
7. Balatskiy Ye.V. and Lapin V. Innovatsionnyy sektor promyshlennosti [Innovative industry sector]. *Ekonomist* [Economist]. 2004. No. 1. Pp. 20–39. (In Russ.)
8. *Indikatoriy innovatsionnoy deyatel'nosti: 2014* [Indicators of innovative activity: 2014]. Moscow, 2014. 472 p. (In Russ.)
9. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli* [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. 2013 [2013: Statistical Yearbook, Russian statistics]. Moscow, 2013. 990 p. (In Russ.)
10. Andreyev V.A. and Chupikin D.A. Universal'nyye mnogofaktornyye regressionnyye modeli kommercheskoy rezul'tativnosti innovatsiy v Rossii [Universal multivariate regression models business innovation performance in the Russia]. *Trudy Instituta sistemnogo analiza RAN* [Proceedings of the Institute for Systems Analysis of Russian Academy of Sciences]. 2011. No. 1. Pp. 66–76. (In Russ.)

УДК 330
ББК 658.114

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ РЕСУРСОСБЕРЕЖЕНИЕМ КАК ФАКТОР ПЕРЕХОДА К ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Исследование выполнено при поддержке Государственного фонда фундаментальных исследований Украины
в рамках украино-белорусского проекта Ф54.5/005

И. Н. Сотник

Сумский государственный университет, Сумы, Украина

В рамках перехода Украины к «зелёной» экономике обосновывается необходимость смены национальной модели производства и потребления в направлении ресурсосбережения. Проанализированы проблемы реализации ресурсосберегающих процессов, основная из которых — экономическая незаинтересованность хозяйствующих субъектов в ресурсосбережении. Предложен пошаговый алгоритм формирования комплексного механизма управления ресурсосбережением на макроуровне на основе преимущественного использования экономических методов регулирования, обеспечивающего повышение ресурсоэффективности национального хозяйства и переход к эффективной «зелёной» экономике. Основные этапы алгоритма включают: определение потенциала ресурсосбережения на различных уровнях хозяйствования; формирование путей его реализации; оценку эффективности мероприятий по ресурсосбережению и выбор оптимальных из них; формирование механизмов перераспределения эффектов ресурсосбережения между различными уровнями хозяйствования; определение эффективности мотивации ресурсосбережения и выбор её оптимальных инструментов; разработка практических механизмов экономического стимулирования ресурсосбережения; формирование механизмов учёта и контроля за выполнением ресурсосберегающих мероприятий.

Ключевые слова: *ресурсосбережение, механизм, управление, эффективность, экономика.*

Большинство господствующих до недавнего времени стратегий экономического развития общества акцентировали своё внимание преимущественно на обеспечении устойчивого экономического роста, решении социальных проблем за счёт активизации темпов использования имеющихся запасов природных и других ресурсов, зачастую превосходящих темпы естественного восстановления природного капитала. Такая идеология привела к истощению природных ресурсов, поставив под угрозу возможности будущих поколений использовать природный капитал в том же объёме, как это делает настоящее поколение.

Процессы наращивания негативных последствий загрязнения окружающей среды и истощения природных ресурсов, глобализация экологических проблем заставили общество искать новые экологически сбалансированные пути его дальнейшего развития. В частности, была разработана популярная сегодня концепция устойчивого развития, обеспечивающая комплексное решение социальных, экологических и экономических проблем. Частью данной концепции является построение «зелёной» (правильной, эффективной) экономики, предусматривающей низкие выбросы углеродных соединений, эффективное

использование ресурсов и отвечающей интересам общества [11].

В последние пять лет идеи «зелёной» экономики широко обсуждаются не только учёными, но и специалистами-практиками. Привлекательность таких идей обуславливается растущим разочарованием в самой распространённой экономической модели, а также чувством усталости, порождённым многочисленными кризисами и сбоями в работе рыночного механизма, которые наблюдались в течение первых десятилетий нового столетия. Современное общество выражает всё большую заинтересованность в появлении новой экономической модели, при которой человечество не будет платить за новые материальные блага повышением рисков для окружающей среды, нехваткой природных ресурсов и усилением социальных различий [11].

Вместе с тем переход к «зелёной» экономике требует создания ряда необходимых и достаточных условий, как-то: формирование соответствующих нормативно-законодательных актов, государственной политики, инструментов экономического стимулирования, юридической инфраструктуры, создания мирового рынка и т. д. Одной из основных задач перехода является

трансформация национальных моделей производства и потребления в направлении ресурсосбережения, дематериализации, информатизации, экологизации экономики.

Проблемам формирования теоретического и практического базиса трансформации макроэкономических моделей производства и потребления в направлении «зелёной» экономики посвящены исследования таких учёных, как М. Алиев, В. Барановская, А. Басси, А. Бондарь, Б. Буркинский, Т. Галушкина, М. Джонсон, И. Залыгина, В. Ключенович, Ю. Лапшин, К. Подворская, Дж. Саскевич, П. Сухдев, Р. Эйрс и т.д. [1; 4; 5; 7; 11]. Ресурсосбережение как одно из перспективных направлений современных «зелёных» экономических трансформаций рассматривается в трудах Р. Балашовой, О. Веклич, Г. Дейли, Н. Конищевой, Д. Медоуз, Л. Мельника, И. Ипполитовой, С. Половниковой, С. Скокова, Н. Кондратенко, В. Тарадий и других [6; 8–10; 13; 15; 17]. Несмотря на имеющиеся научные разработки, в настоящее время исследователями не сформирован единый комплексный подход к управлению ресурсосберегающими процессами в национальных экономических системах для обеспечения перехода к эффективной «зелёной» экономике, что значительно усложняет практическую имплементацию интегральной концепции устойчивого развития.

В связи с этим целью данной работы является разработка алгоритма формирования комплексного механизма управления ресурсосбережением на макроуровне, базирующегося на анализе проблем реализации ресурсосберегающих процессов

на примере Украины и предусматривающего использование преимущественно экономических методов регулирования.

Следует отметить, что задача трансформации национальных моделей производства и потребления чрезвычайно актуальна для экономик стран постсоветского пространства, которые характеризуются высокой ресурсо- и экологоёмкостью. В частности, показательной в этом отношении является украинская экономика, уровень ресурсоёмкости которой остаётся одним из наиболее высоких среди стран — бывших республик СССР. Так, энергоёмкость ВВП Украины в 2011 г. превосходила среднемировой показатель в 2,26 раза (а показатели развитых стран — в 2,5–3,6 раза) (рис. 1), водоёмкость (затраты воды на единицу продукции) превышала соответствующие показатели развитых стран Европы от 2,5 до 4,3 раз [3; 16]. По сравнению со странами СНГ Украина также имела высокий показатель энергоёмкости ВВП, который на 5 % был выше, чем у Казахстана, на 22,8 % — чем у Российской Федерации, на 79,2 % — чем у Белоруссии, на 169 % — чем у Грузии, на 153 % — чем у Армении [16].

Нерациональное использование ресурсов украинской экономикой, сопровождаемое нагромождением экологических, социальных и экономических проблем, снижением глобальной конкурентоспособности страны, ставит задачи многократного повышения уровня эффективности ресурсопользования, внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий при активной поддержке государства. Важным в этом отношении является внедрение инновационных ресурсосберегающих технологий,

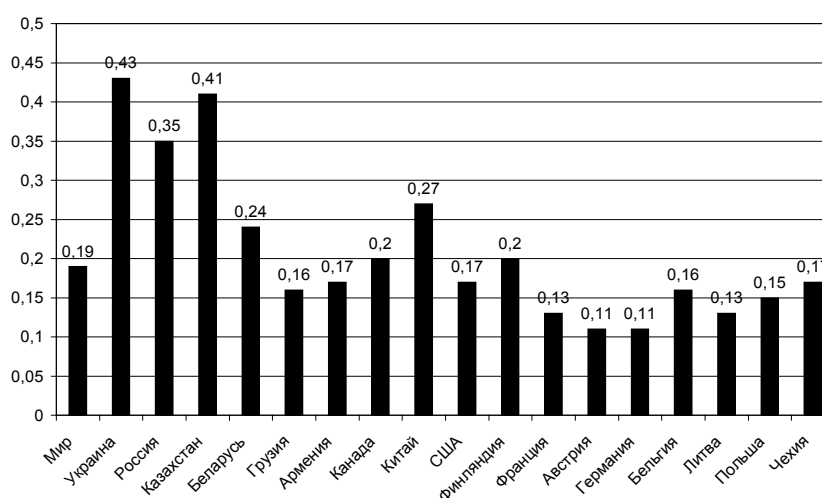

Рис. 1. Энергоёмкость ВВП некоторых стран в 2011 г., тонна нефтяного эквивалента / тыс. долл. США (составлено по [16])

способных обеспечить технологический прорыв украинской экономики, её качественную экологически ориентированную модернизацию.

В настоящее время энерго- и ресурсосбережение признано одним из приоритетов государственной политики Украины, однако темпы реализации ресурсосберегающих мероприятий остаются чрезвычайно низкими. Об этом в первую очередь свидетельствует динамика показателя внедрения прогрессивных технологических процессов в промышленности Украины в 1991–2013 гг. (рис. 2), который за более чем 20 лет независимости страны не смог достичь уровня 1991 г. Доля малоотходных, ресурсосберегающих и безотходных процессов в общем объёме на протяжении этого периода не превышала 20–40%, что свидетельствует о весьма низкой активности промышленных предприятий в сфере ресурсосбережения. Анализ причин сложившейся ситуации с учётом динамики других показателей инновационной активности хозяйствующих субъектов Украины позволил выделить следующие основные проблемы в этой сфере:

- несовершенство и декларативность законодательной и нормативно-правовой системы регулирования и стимулирования ресурсосберегающей деятельности;
- отсутствие достаточных финансовых ресурсов для проведения ресурсосберегающих мероприятий, обеспечения научных исследований и внедрения инновационных ресурсосберегающих разработок;
- отсутствие действенных финансовых схем реализации ресурсосберегающих проектов в раз-

личных сферах экономической деятельности (бюджетном, промышленном секторе, жилищно-коммунальном хозяйстве и т.д.);

- медленное формирование в Украине современного и масштабного рынка ресурсосбережения, развитие его инфраструктуры;
- отсутствие реальных экономических механизмов стимулирования ресурсосберегающей деятельности, обеспечивающих формирование экономической заинтересованности участников такой деятельности в её осуществлении;
- дефицит информации у населения, руководителей предприятий и организаций относительно существующих на рынке ресурсосберегающих техники и технологий, ресурсоэффективной продукции, возможностей экономии различных видов ресурсов;
- недостаток квалифицированных кадров в сфере ресурсного менеджмента, отсутствие ответственных служб на предприятиях и пр.

Несмотря на разноплановость и актуальность указанных проблем, на наш взгляд, первоочередным вопросом, обуславливающим торможение ресурсосберегающих процессов и требующим неотложного решения правительством, является отсутствие экономической заинтересованности украинских хозяйствующих субъектов вследствие дефицита комплексных механизмов управления ресурсосбережением в стране.

Ресурсосбережение осуществляется непосредственно на микроэкономическом уровне. Однако социальные, экономические, экологические, политические эффекты от реализации ресурсосберегающих мероприятий получает, как правило,

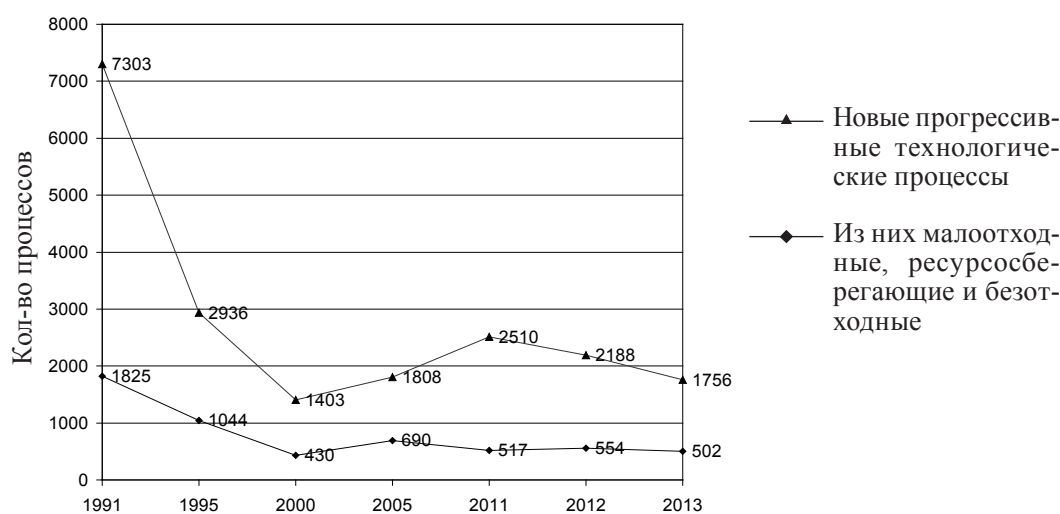

Рис. 2. Внедрение прогрессивных технологических процессов в промышленности Украины в 1991–2013 гг. (составлено по [2; 12; 14])

не только предприятие-исполнитель, но и другие субъекты: партнёры, население, государство, мировое сообщество. Это обуславливается тем, что такие эффекты носят как интернальный (внутренний), так и экстернальный (внешний) характер. Поскольку довольно часто экстернальные эффекты по своим масштабам намного превосходят интернальные, большие выгоды от реализации ресурсосбережения у хозяйствующего субъекта получает государство. Таким образом, задачу активизации ресурсосберегающей деятельности в стране можно сформулировать следующим образом: создать на предприятиях необходимые и достаточные предпосылки, которые бы обеспечили реализацию тех ресурсосберегающих мероприятий, социо-эколого-экономический эффект от которых в национальном масштабе был бы максимальным. Как показывает опыт развитых стран, при условии технической реализуемости таких мероприятий наиболее целесообразным представляется экономическое стимулирование субъектов хозяйствования к их внедрению. Однако для осуществления такого стимулирования на макроуровне необходимо определить, ка-

кой объём средств может выделить государство для мотивирования ресурсосбережения и как распределить его по направлениям экономического стимулирования, чтобы обеспечить достижение максимального социо-эколого-экономического эффекта ресурсосбережения на национальном уровне.

Для решения описанной задачи нами разработан пошаговый алгоритм формирования комплексного механизма управления ресурсосбережением на макроэкономическом уровне на основе преимущественного использования экономических методов регулирования ресурсосберегающих процессов. Основные этапы алгоритма представлены на рис. 3.

Первый этап предусматривает разработку и применение методических подходов к оценке ресурсосберегающего потенциала на различных уровнях хозяйствования с учётом вида потенциала (теоретически обоснованный, технически возможный, экономически целесообразный). На основе выполненной оценки формируется стратегия реализации экономически целесообразного потенциала (с учётом соотношения затрат на его

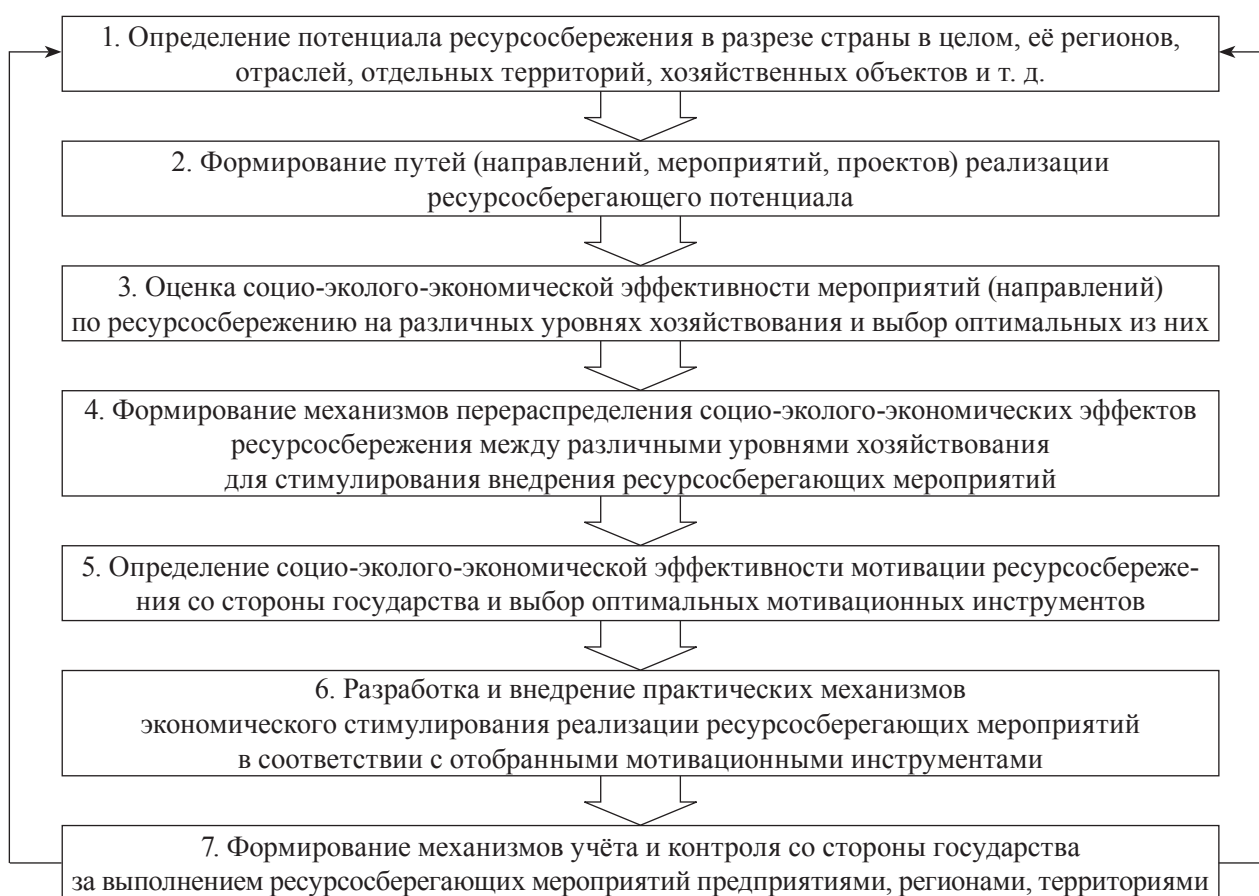

Рис. 3. Алгоритм формирования комплексного механизма управления ресурсосбережением на макроэкономическом уровне

реализацию и результатов). При этом необходимо принимать во внимание такой фактор, как возможная смена поколений ресурсосберегающей техники, который существенно влияет на соотношение «затраты — прибыль от ресурсосбережения» во временном аспекте.

Второй этап включает разработку и использование методического инструментария по определению целевых отраслей, регионов, территорий, предприятий для вложения средств в ресурсосбережение с учётом государственных приоритетов достижения устойчивого развития, перехода к «зелёной» экономике и т. п. При этом целесообразно проводить классификацию ресурсосберегающих мероприятий, территорий, объектов, ресурсов по приоритетности реализации (сбережения), что позволит целенаправленно вкладывать средства, обеспечивая их максимальную отдачу.

Оценка социо-эколого-экономической эффективности на третьем этапе включает разработку спектра соответствующих показателей внедрения мероприятий (проектов, направлений) по ресурсосбережению на различных уровнях хозяйствования (с учётом стадий жизненного цикла, временного фактора и т. п.), интегральных оценок, а также формирование критериев отбора мероприятий.

Четвёртый этап предусматривает создание и применение научно обоснованных подходов к перераспределению социо-эколого-экономических эффектов ресурсосбережения между участниками и реципиентами ресурсосберегающих процессов, а также эколого-экономического инструментария управления перераспределением таких эффектов на различных иерархических уровнях.

На пятом этапе осуществляется разработка подходов к оптимальному выбору комплексов мотивационных инструментов для макроэкономического управления ресурсосберегающими процессами на основе оценки социальных, экологических, экономических, политических эффектов мотивации ресурсосбережения на различных уровнях хозяйствования.

Практические механизмы экономического стимулирования реализации ресурсосберегающих мероприятий, разрабатываемые на шестом этапе, могут включать управление ресурсосберегающими трансформациями на основе оптимизации межотраслевого баланса, создание фондов ресурсосбережения на уровне отдельных субъектов хо-

зяйствования, территорий, государства в целом, проведение экотрудовой реформы и др.

Осуществление седьмого этапа предполагает разработку и реализацию систем мониторинга ресурсосбережения на различных уровнях хозяйствования, совершенствование статистической, информационной базы, рейтинговой оценки ресурсосберегающей деятельности, прогнозирование развития процессов ресурсосбережения. По сути, данный этап завершает цикл управления и одновременно является отправной точкой следующего цикла, поскольку именно на основании результатов мониторинга ресурсосберегающих процессов, прогнозов их развития в дальнейшем корректируется оценка ресурсосберегающего потенциала страны и процесс управления выходит на новый виток, позволяя сформировать постоянно действующий механизм повышения ресурсоэффективности национальной экономической системы.

Реализация предложенного алгоритма требует серьёзной и длительной научно-исследовательской, нормативно-законодательной и практической работы по его внедрению со стороны всех потенциальных участников, однако практическая имплементация комплексного механизма управления ресурсосбережением позволит обеспечить многократное повышение ресурсоэффективности экономических процессов, осуществив переход к эффективной «зелёной» экономике.

В заключение отметим, что трансформации национальных моделей производства и потребления посредством активизации ресурсосберегающих процессов предполагают долгосрочную поэтапную модернизацию экономических систем, зачастую связанную с болезненными в социальном, политическом, экономическом плане преобразованиями. На наш взгляд, «горькие таблетки» реформ, предусматривающие, в частности, ужесточение природоохранных требований и повышение ставок ресурсных платежей, рост цен на коммунальные услуги для населения, снижающий его реальные доходы, реструктуризацию отраслей народнохозяйственного комплекса с сокращением количества рабочих мест и переквалификацией персонала и т. д., должны компенсироваться альтернативными выгодами для макроэкономической системы. Последние могут выражаться в повышении рентабельности ресурсосберегающих мероприятий, улучшении качества окружающей природной среды и здоровья населения, снижении уровня налогового бремени

на доходы трудящихся, развитии инновационных направлений бизнеса с созданием новых рабочих мест и др. Как позитивные, так и негативные аспекты трансформаций должны учитываться и регулироваться в рамках предложенного комплексного механизма управления ресурсосбереже-

нием, обеспечивая непрерывное воспроизводство экономической мотивации субъектов хозяйствования к внедрению ресурсосберегающих проектов и способствуя достижению целей «зелёной» экономики.

Список литературы

1. Бондарь, А. О развитии энергосберегающих технологий и «зелёной энергетики» в Украине / А. Бондарь, Ю. Лапшин, В. Барановская // *Винахідник і раціоналізатор*. – 2011. – № 3/4. – С. 12–14.
2. Впровадження інновацій на промислових підприємствах / Державна служба статистики України, 2014. – URL: <http://www.ukrstat.gov.ua>
3. Гринів, Л. С. Екологічна безпека та екологічно збалансований розвиток економіки / Л. С. Гринів, О. В. Кривень, Ю. А. Добуш // *Економіка України: національна стратегія розвитку* / за ред. Л. С. Гринів. – Львів : Видавничий центр ЛНУ імені Івана Франка, 2009. – С. 359–394.
4. Джонсон, М. Зелёная экономика как система. 2010 / М. Джонсон, Дж. Саскевич. – URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/etika/a10060>
5. «Зелёная» экономика: предпосылки и перспективы развития в Украине : информ.-аналит. обзор / М. Алиев, Б. Буркинский, Т. Галушкина и др. ; под ред. Б. Буркинського, Т. Галушкиной. – Одесса : ИПРЭИ НАНУ, 2012. – 16 с.
6. Іпполітова, І. Я. Ресурсозбереження як метод господарювання в умовах кризи / І. Я. Іпполітова. – URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Economics/46350.doc.htm
7. Ключенович, В. И. «Зелёная» экономика: о перспективах и векторах движения для Республики Беларусь / В. И. Ключенович, И. А. Залыгина, К. Ю. Подворская // *Эколог. вестн.* – 2012. – № 3. – С. 10–17.
8. Кондратенко, Н. О. Основы формирования и внедрения государственной ресурсосберегающей политики / Н. О. Кондратенко, В. Н. Тарадий // *БизнесИнформ*. – 2011. – № 11. – С. 20–23.
9. Конищева, Н. И. Управление ресурсосбережением на предприятиях новых форм хозяйствования / Н. И. Конищева, Р. И. Балашова // *Современные проблемы управления экономикой* : сб. науч. тр. – Донецк : ИЭП НАН Украины, 1994. – С. 133–144.
10. Мельник, Л. Г. Эколого-экономические основы ресурсосбережения : монография / Л. Г. Мельник, С. А. Скоков, И. Н. Сотник ; под ред. И. Н. Сотник. – Сумы : Универ. кн., 2006. – 229 с.
11. Навстречу «зелёной» экономике. Пути к устойчивому развитию и искоренению бедности : обобщающий докл. для представителей власт. структур. ЮНЕП, 2011. – URL: www.unep.org/greenconomy
12. Наукова та інноваційна діяльність в Україні у 2012 році : стат. збірник. – Киев : Державна служба статистики України, 2013. – 287 с.
13. Половнікова, С. Ю. Необхідність ресурсозберігаючої економічної моделі ринкових форм в Україні / С. Ю. Половнікова // *Теорії мікро- і макроекономіки* : збірник наукових праць. – Киев : Акад. муніцип. упр., 2001. – Вип. 8. – С. 55–59.
14. Сотник, І. М. Управління ресурсозбереженням: соціо-еколого-економічні аспекти : монографія / І. М. Сотник. – Суми : Вид-во СумДУ, 2010. – 499 с.
15. Daly, H. E. *Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development* / H. E. Daly. – Boston : Beacon Press, 1996.
16. *Key World Energy Statistics 2013*. IEA, 2013. – URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2013.pdf>
17. Meadows, D. H. *The Limits to Growth* / D. H. Meadows et al. – N.-Y. : Potomac Associates, 1972.

Сведения об авторе

Сотник Ирина Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и бизнес-администрирования Сумского государственного университета, Сумы, Украина. irinasotnik@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 71–78.

FORMATION OF MECHANISM FOR RESOURCE SAVING MANAGEMENT AS A FACTOR OF TRANSITION TO EFFECTIVE ECONOMY

I. N. Sotnyk

Doctor of Economics, Professor of Department of Economics and Business Administration of Sumy State University, Sumy, Ukraine. irinasotnik@mail.ru

In the paper within the framework of Ukraine's transition to "green" economy there is substantiated the necessity of change of national production and consumption patterns toward resource saving. There are analyzed the problems of implementation of resource saving processes and the key problem — lack of business entities' economic interest in resource saving. There is proposed step by step algorithm for forming an integrated mechanism of resource saving management at the macro level on the basis of priority use of economic methods that provides resource efficiency increase of the national economy and its transition to effective "green" economy. The main stages of the algorithm include: identification of resource saving potential at various management levels; formation of ways for its implementation; assessment of efficiency of resource saving measures and selection of their optimal set; formation of mechanisms for resource saving effects redistribution between different levels of management; determine of the efficiency of resource saving motivation and selection of its optimal instruments; development of practical economic incentives for resource saving; formation of mechanisms of accounting and control for implementation of resource saving measures.

Keywords: *resource saving, mechanism, management, efficiency, economy.*

References

1. Bondar' A., Lapshin Yu. and Baranovskaya V. O razvitii energosberegayushchikh tekhnologiy i «zelenoy energetiki» v Ukraine [On the development of energy efficient technologies and "green energy" in Ukraine. *Vinakhidnik i ratsionalizator* [Inventor and innovator]. 2011. No. 3/4. Pp. 12–14. (In Ukr.)
2. *Vprovadzhennja innovacij na promyslovyh pidpryjemstvah. Derzhavna sluzhba statystyky Ukrainy* [Introduction of innovations in the industry. State Statistics Service of Ukraine], 2014. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (In Ukr.)
3. Griniv L.S., Kriven' O.V. and Dobush Yu.A. Ekologichna bezpeka ta ekologichno zbalansovanyj rozvytok ekonomiky [Environmental safety and environmentally balanced development of economy]. *Economy of Ukraine: National Development Strategy*. Lviv, Publishing Center of LNU named after Ivan Franko, 2009. Pp. 359–394. (In Ukr.)
4. Dzhonson M. and Saskevich Dzh. *Zelenaya ekonomika kak sistema* [Green economy as a system]. 2010. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/etika/a10060> (In Russ.)
5. Aliyev M., Burkinskiy B., Galushkina T. etc. «Zelenaya» ekonomika: predposylki i perspektivy razvitiya v Ukraine: informatsionno-analiticheskiy obzor ["Green" economy: background and prospects of development in Ukraine: information-analytical review]. B. Burkinskogo, T. Galushkinoy (ed.). Odessa, IPREEI NASU, 2012. 16 p. (In Russ.)
6. Íppolítova Í.Ya. *Resursozberezhennya yak metod gospodaryuvannya v umovakh krizi* [Resource as a method of managing in crisis]. URL: http://www.rusnauka.com/15_NPN_2009/Economics/46350.doc.htm (In Ukr.)
7. Klyuchenovich V.I., Zalygina I.A. and Podvorskaya K.Yu. «Zelenaya» ekonomika: o perspektivakh i vektorakh dvizheniya dlya Respubliki Belarus' ["Green" economy: perspectives and motion vectors for the Republic of Belarus]. *Ekologicheskij vestnik* [Ecological Bulletin]. 2012. No. 3. Pp. 10–17. (In Russ.)
8. Kondratenko N.O. and Taradiy V.N. Osnovy formirovaniya i vnedreniya gosudarstvennoy resursosberegayushchey politiki [Bases of formation and implementation of state policy of resource]. *Biznes Inform* [Business Information]. 2011. No. 11. Pp. 20–23. (In Russ.)
9. Konishcheva N.I. and Balashova R.I. Upravleniye resursosberezheniyem na predpriyatiyakh novykh form khozyaystvovaniya [Resource saving management at the enterprises of the new forms of management]. *Sovre-*

mennyye problemy upravleniya ekonomikoy [Modern problems of economic management: collection of scientific papers]. Donetsk, IEP NAN of Ukraine, 1994. Pp. 133–144. (In Russ.)

10. Mel'nik L.G., Skokov S.A. and Sotnik I.N. *Ekologo-ekonomicheskiye osnovy resursosberezheniya: monografiya* [Ecological and economic foundations of resource]. Sumy, University Book, 2006. 229 p. (In Russ.)

11. *Navstrechu «zelenoy» ekonomike. Puti k ustoychivomu razvitiyu i iskoreneniyu bednosti: obobshchayushchiy doklad dlya predstaviteley vlastnykh struktur. YUNEP* [Towards a “green” economy. Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication: a synthesis report for the representatives of power structures. UNEP]. 2011. URL: www.unep.org/greeneconomy (In Russ.)

12. *Naukova ta innovacijna dijal'nist' v Ukraini u 2012 roci* [Research and innovation activities in Ukraine in 2012: statistical publication]. Kiev, State Statistics Service of Ukraine]. 2013. 287 p. (In Ukr.)

13. Polovnikova, S. Ju. Neobhidnist' resursozberigajuchoi' ekonomichnoi' modeli rynkovyh form v Ukraini [The need for resource-saving economic model of market forms in Ukraine]. *Theory of micro- and macroeconomics: collection of scientific papers*. Kiev, Academy of Municipal Administration, 2001. Vol. 8. Pp. 55–59. (In Ukr.)

14. Sotnik Í.M. *Upravlinnja resursozberezhennjam: socio-ekologo-ekonomichni aspekty* [Resource saving management: social, ecological and economic aspects]. Sumi, SumDU Publ., 2010. 499 p. (In Ukr.)

15. Daly H.E. *Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development*. Boston, Beacon Press, 1996.

16. *Key World Energy Statistics 2013*. IEA, 2013. URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld2013.pdf>

17. Meadows D.H. et al. *The Limits to Growth*. N.-Y., Potomac Associates, 1972.

УДК 339.56
ББК 65.42

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ ТОВАРАМИ В РОССИИ

Е. А. Степанов

*ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (национальный исследовательский университет),
Челябинск, Россия*

В России проблема изучения рынка продовольствия и его структуры становится особо актуальной, так как экономическая безопасность страны напрямую зависит от наличия продовольственных товаров. Рассмотрены особенности внешнеторговых потоков таких важнейших продовольственных групп товаров, как рыба, мясо, молочная продукция, овощи, фрукты, зерно. Проанализированы объёмы экспорта и импорта в натуральном и стоимостном выражении, структура экспорта и импорта продовольственных товаров с 2003 г. по I квартал 2014 г. Введён и рассчитан показатель энтропии экспорта и импорта продовольствия. Сделаны выводы о состоянии внешней торговли продовольственными товарами в современных условиях.

Ключевые слова: *внешняя торговля, сельское хозяйство, продовольственные товары, товарная структура экспорта и импорта, энтропия.*

Рынок продовольственных товаров является крупнейшим и жизненно важным сектором российской экономики. Его состояние и эффективность работы оказывают определяющее воздействие на экономическую безопасность и уровень жизни населения. Недостающие продовольственные товары Россия вынуждена импортировать из-за границы, что ставит нашу экономику в импортную зависимость от мирового рынка. Вместе с тем объём государственной поддержки сельскому хозяйству в настоящее время недостаточен для реализации основных целей государственной аграрной политики, а именно росту конкурентоспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей, формированию благоприятного инвестиционного климата в аграрном секторе. Следовательно, анализ состояния и динамики внешней торговли продовольствием, выявление её особенностей является актуальным в настоящее время для государственной политики.

Экономические исследования торговли продовольственными товарами. Особое внимание значению продовольственных товаров для экономики государства уделяли представители классического направления экономической теории. Это было связано с тем, что в XVII–XVIII вв. земля считалась главным фактором производства и все экономические отношения строились вокруг владения, распоряжения и пользования землёй. К этому фактору относились сельскохозяйственные угодья, климат, водные и лесные ресурсы. Таким образом, можно предположить, что в этот

период термин «продовольственные товары» отождествлялся с категорией «продукты сельского хозяйства».

Физиократ Ф. Кенэ считал, что постоянно воспроизводимые богатства сельского хозяйства служат базой для всех профессий, способствуют росту торговли и национального благосостояния [1. С. 94]. А. Смит полагал, что для увеличения богатства отрасль сельского хозяйства необходимо развивать предпочтительнее, чем промышленность, так как капитал, вложенный в земледелие, добавляет большую стоимость к реальному богатству и доходу, чем капитал, вложенный в другие сферы производства [2]. Д. Рикардо поставил вопрос о ценообразовании на сельскохозяйственную продукцию. Поскольку её стоимость определяется затратами на худших участках земли, то сверхприбыль на лучших участках выступает в форме ренты. Оптимальный размер ренты и взаимное согласие относительно срока аренды необходимы для развития сельского хозяйства [3]. Т. Мальтус исследовал взаимосвязь между количеством населения и производительностью в сельском хозяйстве и выявил прямую положительную зависимость между ними [10]. Он обосновывал это тем, что под влиянием краткосрочного повышения доходов и потребления рабочего населения происходит повышение рождаемости, которое в долгосрочном аспекте обгоняет темпы повышения производительности сельского хозяйства. Это происходит потому, что по мере увеличения населения в обработку включаются менее

продуктивные земли, отчего падают производительность и заработная плата на единицу труда, ну и затем естественно происходит обнищание и голод, что снижает количество населения.

Современные отечественные экономисты также уделяют особое внимание проблемам внешней торговли продовольствием. Т. Ахмадулина рассматривает внешнюю торговлю продовольственными товарами России со странами Восточной Азии, выявляет её особенности на основе анализа интенсивности двусторонних товаропотоков и товарной структуры российского продовольственного экспорта и импорта [4]. Она отмечает, что интенсивность и структура торговли не соответствуют агропромышленному потенциалу России в связи с экспортом сельскохозяйственного сырья и импортом готовой продовольственной продукции. Л. Силаева оценивает экономические и институциональные факторы развития российского сельскохозяйственного производства [5]. К положительным факторам она относит государственную поддержку крупному сельскохозяйственному производству, а к отрицательным — недостаточность экономических стимулов к технологической модернизации, снижение инвестиций, нестабильную ценовую ситуацию, низкий уровень заработной платы. А. Мальцев сравнивает экспортно-импортные потоки в советский и современный периоды и приходит к выводу, что

значительную часть импортного продовольствия отечественное сельское хозяйство может производить самостоятельно [6]. В. Сельцовский анализирует структуру российского импорта и говорит об её неэффективности [7]. По его мнению, она выражается в том числе и в большой доле импорта продовольственных товаров и сырья для их производства. Также среди трудов отечественных экономистов, занимавшихся проблемами внешней торговли в условиях глобальной экономики, можно выделить работы В. Бархатова [11; 12], Д. Плетнёва [13] и Е. Степанова [13–15].

Синергетические методы при анализе экономических процессов применяли В. Бархатов [16], Л. и Р. Евстигнеевы [17], А. Мясников [18], Д. Плетнёв [19], Е. Степанов [8; 9], В. Шаланов [20].

Динамика показателей сельскохозяйственного производства и внешней торговли продовольственными товарами. В рамках нашего анализа к продовольственным товарам мы будем относить определённые товарные группы согласно классификации и кодирования в Единой товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Таможенного союза (ЕТН ВЭД ТС).

Сопоставим динамику валового сельскохозяйственного продукта и показателей внешней торговли продовольствием в России за 2003–2012 гг. (табл. 1). Видно, что за исследуемый период доля импорта в потреблении продовольственных

Таблица 1

Показатели внешней торговли продовольствием

Параметр	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
С.-х. производство в текущих ценах, млн долл.	32 874	41 176	45 731	53 411	67 623	88 153	68 676	68 801	95 436	89 085
Импорт продовольствия, млн долл. ¹	6 237	7 422	9 521	12 438	17 362	20 756	18 406	21 404	26 986	25 996
Экспорт продовольствия, млн долл.	2 035	1 613	2 680	3 372	6 265	8 875	7 130	6 351	9 831	12 927
Доля импорта в потреблении продовольствия ²	0,17	0,16	0,18	0,20	0,22	0,21	0,23	0,26	0,24	0,25
Доля экспорта в с.-х. производстве ³	0,06	0,04	0,06	0,06	0,09	0,10	0,10	0,09	0,10	0,15

Примечание: рассчитано на основании статистических данных продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (www.faostat3.fao.org) и ФТС России (www.customs.ru).

¹ Показатели экспорта и импорта продовольственных товаров рассчитываются как сумма рассматриваемых позиций продовольственных товаров по экспорту и импорту.

² Рассчитано как отношение импорта продовольствия к сумме показателей сельскохозяйственного производства и импорта продовольствия с корректировкой на экспорт.

³ Рассчитано как отношение экспорта продовольствия к сумме показателей сельскохозяйственного производства и импорта.

товаров увеличилась с 0,17 до 0,25. Пикового значения — 0,26 — этот показатель достиг в 2010 г., хотя, по оценкам некоторых экспертов, в 2010 г. его значение было 0,48 [6]. Это связано с тем, что 2010 г. был неурожайным из-за засухи, которая нанесла значительный ущерб сельскому хозяйству (42 млн долл. [5]), особенно в Приволжском и Центральном федеральном округах. Таким образом, можно сделать вывод о росте импортной зависимости на рынке продовольственных товаров. Доля экспорта в общем объеме сельскохозяйственного производства увеличилась с 0,06 до 0,15, что является положительной тенденцией.

Проанализируем внешнеторговое сальдо продовольственными товарами с 2003 по 2013 г. (табл. 2). В рассматриваемом периоде наблюдается четкое превышение импорта над экспортом продовольствия. Отрицательное внешнеторговое сальдо возросло в 3,29 раза с 5 372,5 до 17 697,3 млн долл. США. Эта тенденция весьма понятна по таким подгруппам продовольственных товаров, как кофе, чай, фрукты и орехи. Объясняется это тем, что в производстве этих подгрупп Россия не обладает абсолютным преимуществом и не при каких климатических условиях производить их не может (например бананы, ананасы и т. д.). В производстве мяса, мясных субпродуктов, готовой мясной и рыбной продукции, молочной продукции, яиц, овощей, муки в рассматриваемом периоде Россия не приобрела сравнительные преимущества. Это связано со многими факторами: климатом, недостаточностью предприятий-переработчиков, отсутствием инновационных технологий сельскохозяйственного производства, недостаточной государственной поддержкой и т. д.

Динамика показателей внешней торговли основных товарных групп продовольственных товаров. Первой положительной особенностью является преобладание экспорта над импортом на рынке российского зерна. По данным таможенной статистики, внешнеторговое сальдо увеличилось в 4,57 раза в 2013 г. по сравнению с 2003 г. За рассматриваемый период экспорт пшеницы и меслина увеличился с 4,66 до 13,7 млн т, ячменя — с 0,95 до 2,23 млн т, кукурузы — с 3,5 до 11,6 млн т. На наш взгляд, это связано с увеличением площадей сельскохозяйственных культур, а также годового роста их валового сбора. К тому же следует отметить фактор государственного регулирования рынка зерна. В период засухи (например, в 2010 г.) Россия вводила эмбарго на вывоз зер-

новых культур. Это было связано с обеспечением продовольственной безопасности и недопущением инфляции в стране. Несмотря на высокий урожай в 2013 г. Россия уменьшила объемы экспорта зерна. По сравнению с 2012 г. экспорт пшеницы в 2013 г. уменьшился на 13 %, ячменя — на 31 %, риса — на 57%. Эта тенденция была обусловлена высокими ценами на российском рынке зерна, что существенно понизило сравнительные преимущества отечественных производителей на мировом рынке. В то же время на фоне большого урожая кукурузы объемы экспорта данного вида зерна за границу увеличились в 2013 г. на 18 %. Крупнейшими импортёрами пшеницы в настоящее время являются Турция и Египет, ячменя — Саудовская Аравия, кукурузы — Турция, Южная Корея и Нидерланды. В 2014 г. Россия снова ввела запрет на вывоз зерна с последующим плановым введением экспортных пошлин на зерно. Это мера связана с ростом курса доллара и, как следствие, со значительным риском оттока зерна из России, поэтому эта мера была предпринята для увеличения резерва и предложения зерна на российском рынке.

Вторым положительным фактом является то, что в рассматриваемом периоде начиная с 2012 г. в группе 15 «Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения» стало наблюдаться превышение экспорта над импортом. Действительно, по данным таможенной статистики, экспорт подсолнечного масла увеличился почти в 10 раз с 12 8145 в 2004 до 1 358 422 т в 2013 г. (по стоимостному выражению с 78 648,6 до 1 474 409,9 тыс. долл.). Экспорт маргарина также вырос с 12 430 т в 2004 г. до 121 703 т в 2013 г. (в стоимостном эквиваленте — с 9 169 до 174 511 тыс. долл.). Основными странами-экспортёрами российского подсолнечного масла в 2013 г. являлись Египет, Турция и Узбекистан, хотя в 2004 г. это были Алжир, Греция и Турция. Основными экспортёрами маргарина в 2013 г. являются в основном страны ближнего зарубежья — Казахстан, Украина, Таджикистан и Белоруссия, а в 2004 г. — Монголия, Украина и Казахстан.

Что касается группы 03 «Рыба и ракообразные, моллюски и другие водные беспозвоночные», то с 2009 по 2012 г. наблюдалась экспортная направленность этой отрасли, хотя в 2013 г. был небольшой перевес в сторону импорта (43,9 тыс. долл.). С 2004 по 2013 г. объем экспорта этой группы

Таблица 2

**Разница между экспортом и импортом
по анализируемым группам продовольственных товаров с 2003 по 2013 гг., млн долл.**

Товарная группа	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
02. Мясо и пищевые мясные субпродукты	-2 209,9	-2 246,2	-3 016,1	-4 491,5	-5 093,0	-7 177,1	-6 169,2	-5 812,8	-6 976,6	-7 312,7	-6 662,1
03. Рыба и ракообразные	-3,1	-317,0	-500,4	-678,9	-1 209,6	-1557,9	18,6	144,7	110,4	127,4	-43,9
04. Молочная продукция; яйца птиц; мёд натуральный	-550,1	-658,0	-856,9	-741,4	-992,5	-1 268,0	-1 033,5	-1 834,1	-3 428,6	-2 929,8	-4 082,4
07. Овощи	-384,4	-414,6	-668,6	-862,2	-1 326,4	-1 681,9	-1 550,3	-2 202,3	-2 855,6	-2 145,3	-2 633,0
08. Фрукты и орехи	-1 069,2	-1 476,2	-2 068,1	-2 864,7	-3 664,8	-4 391,7	-4 333,7	-5 456,7	-6 172,2	-6 173,0	-6 319,4
09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	-295,0	-331,5	-367,4	-447,5	-555,8	-696,1	-708,3	-867,9	-1 065,9	-1 091,9	-1 100,7
10. Злаки	900,2	189,8	1 105,2	1 177,1	2078,9	2 956,2	2 976,9	2 162,7	4 064,9	5 769,2	4 120,4
11. Продукция мукомольно-крупяной промышленности	-138,9	-169,1	-87,5	-26,8	30,2	108,4	21,1	-19,5	137,0	-19,4	-21,5
12. Масличные семена и плоды	-37,7	-114,2	-108,9	-184,6	-332,3	-773,0	-728,7	-915,2	-934,9	-694,0	-1 014,0
15. Жиры и масла животного или растительного происхождения	-522,3	-414,0	-462,4	-182,0	-372,0	-688,6	-46,9	-574,4	-312,9	946,5	949,2
16. Готовые продукции из мяса, рыбы или ракообразных	-84,4	-78,8	-78,0	-105,3	-127,8	-169,3	-148,3	-133,5	-352,7	-445,1	-508,0
17. Сахар и кондитерские изделия из сахара	-977,7	-648,1	-852,4	-1 156,2	-1 198,9	-1 112,4	-642,2	-1 380,5	-1 881,2	-385,9	-381,9
Внешнеторговое сальдо	-5 372,5	-6 677,9	-7 961,5	-10 564,0	-12 764,0	-16 451,4	-12 344,5	-16 889,5	-19 668,3	-14 354,0	-17 697,3

Примечание: рассчитано на основании статистических данных ФТС России (www.customs.ru).

увеличился. Например, объём экспорта товарной подгруппы 03.03 «Рыба мороженая» увеличился в 7,27 раза с 188 919 т (208 198 тыс. долл.) до 1 373 932 т (2 107 239 тыс. долл.). Экспорт товарной подгруппы 03.04 «Рыбное филе и прочее мясо рыбы» также увеличился в 4,85 раза с 14 611 т (61 700 тыс. долл.) до 70 927 т (277 372 тыс. долл.). Основными импортёрами российской рыбы являются Китай, Южная Корея и Япония. Импорт товарной подгруппы 03.03 «Рыба мороженая» уменьшился с 565 101 т в 2004 г. до 512 973 т в 2013 г. Основными странами-импортёрами этой подгруппы являются Норвегия, Исландия и Чили. Импорт подгруппы 03.04 «Рыбное филе и прочее мясо рыбы» увеличился в 1,92 раза с 62 204 т до 119 625 т (с 67 225 до 294 960 тыс. долл.). Основными странами-импортёрами в Россию рыбного филе являются Китай, Вьетнам и Норвегия. Особенностью является то, что главный импортёр российской рыбы — Китай становится главным импортёром в Россию рыбного филе (34 938 тыс. т, или 0,29% от всего российского импорта подгруппы 03.04). Это говорит о неэффективности российского рыбоперерабатывающего комплекса и необходимости его дальнейшей модернизации.

Как показано в табл. 2, отрицательное внешнеторговое сальдо по товарным группам 02 «Мясо и мясные субпродукты», 04 «Молочная продукция» значительно с 2003 по 2013 г. увеличилось. Действительно, импорт молочной продукции вырос почти в 7 раз — с 624,8 тыс. до 1 103,2 тыс.

долл. Экспорт этой группы также увеличился с 74,4 тыс. до 325,2 тыс. долл., но его значение на порядок меньше импорта. Импорт молока увеличился с 10 227 до 266 972 т с 2004 по 2013 г. (с 11 936 тыс. до 277 550 тыс. долл.), а сливочного масла с 101 288 до 144 359 т. Основным импортёром в Россию молока является Белоруссия (76% от всего импорта молока — 205 660 т в 2013 г.). Такое положение дел объясняется падением производства в России: за 1990–2011 гг. поголовье КРС уменьшилось с 57 до 20 млн голов, в том числе коров с 20 до 9 млн голов, что привело к снижению производства молока с 55 до 31 млн т [6]. Это уменьшение повлияло также на увеличение импорта в подгруппах 02.01 и 02.02 «Мясо крупного рогатого скота свежее, охлаждённое и мороженое».

Рассмотрим внешнюю торговлю мясом. Как показано в табл. 3, доля экспорта мяса и мясных субпродуктов в общем экспорте продовольствия чрезвычайно мала и составляет меньше одного процента (0,09% в 2003 г. и 0,74% в 2013 г.). Импорт мяса и мясных субпродуктов увеличился более чем в 3 раза с 2 211,7 тыс. до 6 748,2 тыс. долл. Импортное потребление мяса крупного рогатого скота (говядины) уменьшилось на 13 521 т — с 591 457 (2004) до 577 936 т (2013). Потребление импорта свинины увеличилось в 2,33 раза и составило в 2013 г. 619 765 т. Импорт баранины также увеличился в 2,67 раза и составил 10 061 тыс. т. Импорт домашней птицы уменьшился в 2,08 раза и составил 527 013 тыс. т. Потребление импорт-

Таблица 3

Сравнительный анализ импорта группы 02 «Мясо и мясные субпродукты» в 2004 и 2013 гг.

Подгруппа	2004		2013	
	Объём, т	Тыс. долл.	Объём, т	Тыс. долл.
02.01. Мясо крупного рогатого скота, свежее или охлаждённое	20 262	30 299,8	87 247	421 611,2
02.02. Мясо крупного рогатого скота, замороженное	571 195	2 452 514,8	490 689	708 701,4
02.03. Свинина свежая, охлаждённая или замороженная	265 922	401 347,5	619 765	2 135 107,5
02.04. Баранина или козлятина свежая, охлаждённая или замороженная	3 756	5 041,1	10 061	56 787,2
02.07. Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы	1 100 789	662 781,5	527 013	847 977,7
02.06. Пищевые субпродукты крупного рогатого скота, свиней, овец, коз, лошадей, ослов, мулов или лошаков, свежие, охлаждённые или замороженные	209 506	118 891,0	204 251	361 124,2
02.09. Свиной жир и жир домашней птицы	183 124	110 933,2	261 482	395 566,6

Примечание: рассчитано на основании статистических данных ФТС России (www.customs.ru).

ных мясных пищевых субпродуктов фактически осталось на прежнем уровне. Импорт свиного жира и жира домашней птицы увеличился в 1,42 раза и составил 261 482 т. Как же объяснить феномен увеличения стоимостного выражения импорта мяса фактически в 3 раза, если по некоторым позициям Россия стала импортировать меньше? Объясняется это ростом мировых цен на мясную продукцию за 10 лет. Например, средняя контрактная цена на свежее мясо КРС за 2004–2013 гг. увеличилась с 1,49 до 4,83 долл./кг, а мясо птицы — с 0,6 до 1,6 долл./кг.

Рассмотрим внешнюю торговлю овощами (табл. 4). Импорт картофеля увеличился в 2,78 раза и составил 448 203 т в 2014 г. по сравнению с 161 120 т в 2004 г. Импортное потребление томатов выросло в 2,93 раза — с 291 658 т до 855 953 т. Импорт лука уменьшился в 2 раза и составил 302 363 т в 2013 г. по сравнению с 605 633 т в 2004 г. Потребление импорта капусты и огурцов увеличилось в 1,79 и 4,84 раза соответственно за 2004–2013 гг. и составило 209 179 и 214 867 т соответственно. Необходимо отметить, что в связи с ростом мировых цен изменялись также и средние контрактные цены. Цены на томаты возросли с 0,47 до 1,29 долл./кг, на огурцы — 0,48 до 1,35 долл./кг, на капусту — с 0,2 до 0,6 долл./кг.

Проанализируем внешнюю торговлю фруктами и орехами (табл. 5). Из табл. 5 видно, что фактически по всем подгруппам за анализи-

руемый период выросло импортное потребление. Импорт орехов увеличился в 1,49 раза — с 39 104 до 76 400 т, бананов — в 1,55 раза — с 860 030 до 13 391 142 т. Импортное потребление подгруппы 08.04 «Финики, инжир, ананасы, авокадо, гуайява, манго и мангостан, или гарциния, свежие или сушёные» также увеличилось в 1,74 раза и составило 145 927 т в 2013 г. Импорт цитрусовых, яблок, груш, айвы, абрикосов, вишни, черешни, персиков и слив также вырос.

Анализ структуры внешней торговли продовольственными товарами с использованием показателя энтропии. Структура экспорта и импорта продовольственных товаров за 2003 — I квартал 2014 г. представлена в табл. 6 и 7. Видно, что ведущими статьями экспорта продовольствия в России в настоящее время являются злаки, жиры и масла, рыба. Определяющими статьями импорта являются мясо и пищевые мясные продукты, фрукты и орехи, молочная продукция.

Для оценки устойчивости применим к экспортной и импортной структуре продовольственных товаров концепцию информационной энтропии К. Шеннона, рассматривая автономно две системы — экспорта и импорта продовольствия:

$$H_1 = -\sum_{i=0}^N p_i \cdot \ln p_i, \quad (1)$$

где H_1 — энтропия системы экспорта продовольственного сектора страны;

Таблица 4

**Сравнительный анализ импорта
группы 07 «Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды» в 2004 и 2013 гг.**

Подгруппа	2004		2013	
	Объём, т	Тыс. долл.	Объём, т	Тыс. долл.
07.01. Картофель свежий или охлаждённый	161 120	32 819,7	448 203	233 489,1
07.02. Томаты свежие или охлаждённые	291 658	139 556,9	855 953	1 104 454,8
07.03. Лук репчатый, лук-шалот, чеснок, лук-порей и прочие луковичные овощи, свежие или охлаждённые	605 633	106 458,7	302 369	203 176,0
07.04. Капуста кочанная, капуста цветная, кольраби, капуста листовая и аналогичные съедобные овощи из рода brassica, свежие или охлаждённые	116 579	23 867,5	209 179	125 522,1
07.06. Морковь, репа, свёкла столовая, козлобородник, сельдерей корневой, редис и прочие аналогичные съедобные корнеплоды, свежие или охлаждённые	127 070	24 556	332 575	183 199,6
07.07. Огурцы и корнишоны, свежие или охлаждённые	44 305	21 503	214 867	291 688,0
07.09. Овощи прочие, свежие или охлаждённые	116 104	61 192,5	358 073	487 003,1

Примечание: рассчитано на основании статистических данных ФТС России (www.customs.ru).

Таблица 5

Сравнительный анализ импорта группы 08 «Съедобные фрукты и орехи; кожура и корки цитрусовых или дынь» в 2004 и 2013 гг.

Подгруппа	2004		2013	
	Объём, т	Тыс. долл.	Объём, т	Тыс. долл.
08.01. Орехи кокосовые, орехи бразильские и орехи кешью, свежие или сушёные, очищенные от скорлупы или не очищенные, с кожурой или без кожуры	12 068	8 672,9	25 460	85 363,8
08.02. Прочие орехи, свежие или сушёные, очищенные от скорлупы или неочищенные, с кожурой или без кожуры	39 104	25 571,1	50 940	308 796,7
08.03. Бананы, включая плантайны, свежие или сушёные	860 030	359 875,1	1 339 142	996 388,3
08.04. Финики, инжир, ананасы, авокадо, гуайява, манго и мангостан, или гарциния, свежие или сушёные	58 610	25 606,4	102 121	145 927,0
08.05. Цитрусовые плоды, свежие или сушёные	858 456	343 768,8	1 705 290	1 677 989,6
08.06. Виноград, свежий или сушёный	322 654	176 132,6	401 377	576 934,1
08.07. Дыни (включая арбузы) и папайя, свежие	155 769	47 620	19 154	20 766,4
08.08. Яблоки, груши и айва, свежие	965 413	341 653,9	1 740 390	1 181 376,8
08.09. Абрикосы, вишня и черешня, персики (включая нектарины), сливы и тёрн, свежие	186 161	118 696	461 006	613 906,1
08.10. Прочие фрукты, свежие	158 962	74 660,7	375 060	601 463,6

Примечание: рассчитано на основании статистических данных ФТС России (www.customs.ru).

p_i — вероятность появления i -го события элемента системы (вероятность дохода от экспорта i -й группы продовольственных товаров);

N — количество событий, количество подгрупп продовольственного сектора.

$$H_2 = -\sum_{i=0}^N p_i \cdot \ln p_i, \quad (2)$$

где H_2 — энтропия системы импорта продовольственного сектора страны;

p_i — вероятность появления i -го события элемента системы (вероятность дохода от импорта i -й группы продовольственных товаров);

N — количество событий, количество подгрупп в продовольственном секторе.

Если вероятности всех событий тождественно равны, то энтропия системы максимальна. Если вероятность какого-либо события равна единице, а вероятность других событий равна нулю, то энтропия системы равна нулю.

В рамках нашего анализа максимальная энтропия равна

$$H_{\max} = -\sum_{i=1}^{12} \frac{1}{12} \ln \frac{1}{12} =$$

$$= -\sum_{i=1}^{12} -\left(\frac{1}{12} \ln \frac{1}{12}\right) = \sum_{i=1}^{12} \frac{1}{12} \ln 12 =$$

$$= \ln 12 \approx 2,4849.$$

Рассчитанная динамика показателей энтропии импорта и экспорта за 2003 — I квартал 2014 г. представлена на рис. 1 и 2. Из рис. 1 видно, что устойчивость системы импортного сектора продовольствия циклически изменяется в рассматриваемом периоде. Максимальный показатель энтропии системы импорта (2,323) был достигнут в 2003 г., а минимальный (2,055) — в 2009 г.

В рассматриваемом периоде значительно снизилась доля импорта сахара и изделий из него — практически в 7 раз (с 16,67 до 2,35%). Снижение доли импортного потребления также произошло в мукомольно-крупяной продукции (в 4,76 раза), жиров и масел (в 1,8 раз). В то же время доля импорта овощей и корнеплодов увеличилась в 1,53 раза, фруктов и орехов — в 1,21 раза, молочной продукции — в 1,57 раза, семян — в 2,48 раза.

Как показано на рис. 2, максимальная энтропия экспорта была в 2004 г., а минимальная — в 2007 г. Начиная с 2007 г. наблюдается увеличе-

Таблица 6

Доля экспорта товарных групп продовольствия за 2003г. — I квартал 2014 г., % от экспорта всего продовольствия

Товарная группа	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	I кв. 2014
02. Мясо и пищевые мясные субпродукты	0,09	0,11	0,17	0,20	0,10	0,19	0,30	0,56	0,53	0,46	0,74	0,80
03. Рыба и ракообразные, моллюски и другие водные беспозвоночные	20,0	20,2	17,0	15,5	8,32	5,31	23,9	34,1	24,79	19,37	24,20	24,55
04. Молочная продукция; яйца птиц; мёд натуральный; пищевые продукты животного происхождения	3,67	6,16	4,91	5,25	3,90	3,32	3,17	3,79	2,99	2,14	2,79	2,25
07. Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	1,84	3,18	2,03	2,03	1,02	0,87	1,52	1,16	2,60	2,62	2,14	1,34
08. Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	3,20	5,52	2,48	3,08	1,34	0,75	0,77	0,57	0,72	0,82	0,71	0,57
09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	0,60	1,79	1,55	1,68	1,25	1,13	1,21	1,44	1,49	1,05	1,38	1,11
10. Злаки	54,6	40,0	50,3	45,9	65,18	36,67	48,3	37,9	45,33	48,31	40,7	37,62
11. Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	2,96	2,63	2,06	2,40	2,69	36,67	2,65	1,50	3,63	1,20	1,41	1,29
12. Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для технических целей; солома и фураж	4,13	3,38	3,27	2,71	1,36	1,14	1,65	1,40	2,28	3,11	2,94	2,40
15. Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	3,49	8,14	8,99	14,1	9,40	10,46	12,5	12,3	12,81	17,39	18,76	21,28
16. Готовые продукции из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных	2,31	3,94	4,11	3,37	2,34	2,18	1,99	2,94	0,87	1,39	1,78	3,27
17. Сахар и кондитерские изделия из сахара	3,05	4,88	3,00	3,64	3,10	1,31	1,90	2,13	1,98	2,12	2,36	3,51

Примечание: рассчитано на основании статистических данных ФТС России (www.customs.ru).

Таблица 7

Доля импорта товарных групп продовольствия за 2003 г.— первый квартал 2014 гг., % от импорта всего продовольствия

Товарная группа	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	1 кв. 2014
02. Мясо и пищевые мясные субпродукты	35,46	30,29	31,73	36,16	32,57	34,40	33,63	27,32	26,04	28,36	24,12	14,53
03. Рыба и ракообразные, моллюски и другие водные беспозвоночные	6,60	8,67	10,05	9,67	11,06	9,70	9,18	9,47	8,62	9,14	10,23	10,23
04. Молочная продукция; яйца птиц; мёд натуральный; пищевые продукты животного происхождения	10,02	10,20	10,38	7,38	7,90	7,47	6,84	9,69	13,79	12,33	15,76	16,52
07. Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	6,76	6,28	7,59	7,48	8,88	8,41	9,01	10,63	11,53	9,56	10,30	13,50
08. Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	18,19	21,09	22,42	23,87	23,94	21,31	23,84	25,66	23,13	24,16	22,88	23,68
09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	4,93	4,86	4,29	4,05	4,05	3,81	4,32	4,48	4,49	4,72	4,51	4,23
10. Злаки	3,39	6,15	2,58	3,00	1,91	2,19	2,54	1,16	1,45	1,83	2,26	3,43
11. Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	3,19	2,85	1,50	0,87	0,89	0,80	0,91	0,54	0,81	0,67	0,67	0,58
12. Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения и растения для технических целей; солома и фураж	1,95	2,27	2,06	2,22	2,67	4,18	4,60	4,69	4,29	4,22	4,85	8,99
15. Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения	9,51	7,35	7,39	5,29	6,14	7,73	5,12	6,35	5,83	5,01	4,42	4,31
16. Готовые продукции из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков и прочих водных беспозвоночных	2,11	1,92	1,98	1,76	1,75	1,73	1,57	1,50	1,62	2,40	2,56	1,68
17. Сахар и кондитерские изделия из сахара	16,67	9,79	9,80	10,28	8,90	5,88	4,23	7,08	7,69	2,54	2,35	2,05

Примечание: рассчитано на основании статистических данных ФТС России (www.customs.ru).

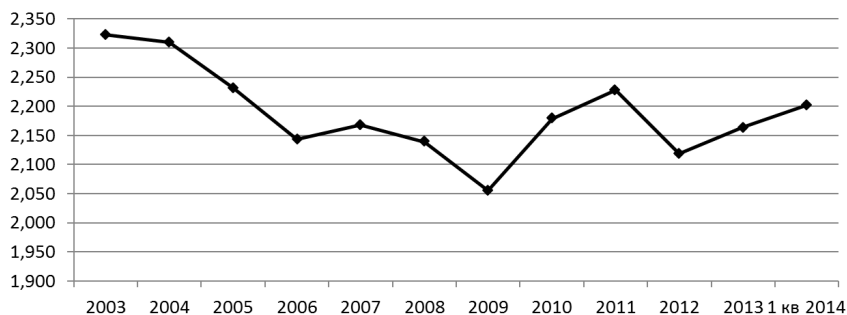

Рис. 1. Энтропия импорта продовольственных товаров за 2003 — I квартал 2014 г.

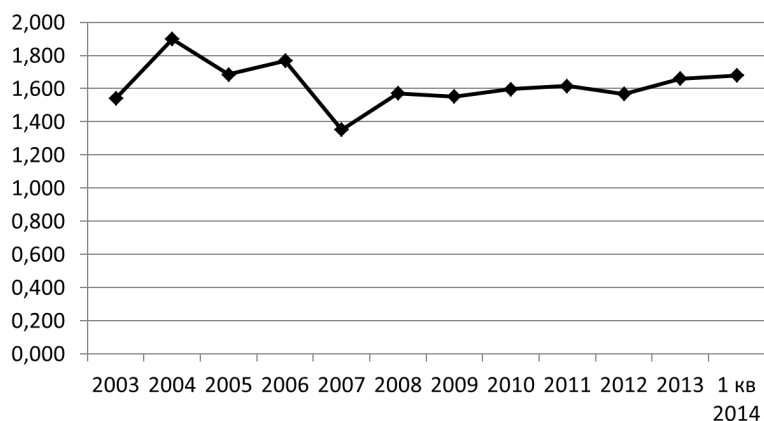

Рис. 2. Энтропия экспорта продовольственных товаров за 2003 — I квартал 2014 г.

ние показателя энтропии экспорта, что говорит о повышении устойчивости системы экспорта продовольствия.

На основании изложенного материала можно сделать следующие выводы:

Внешняя торговля продовольствием является индикатором сравнительных преимуществ в сельскохозяйственной отрасли. В начале столетия Россия увеличила производственные мощности по производству зерна, подсолнечного масла, сахара, что связано с грамотной экономической политикой государства, создавшей благоприятную институциональную среду, которая способствует росту производства в этих отраслях.

Отрицательным моментом является недостаток сравнительных преимуществ в животноводстве, а именно в производстве говядины, свинины, баранины, мяса птицы, молока и молочных продуктов. Россия компенсирует недостаток потребления этих товаров в основном импортом из Бразилии и Белоруссии.

Ведущими статьями экспорта продовольствия в России в настоящее время являются злаки, жиры и масла, рыба. Определяющими статьями импорта являются мясо и пищевые мясные

продукты, фрукты и орехи, молочная продукция. Максимальная устойчивость системы импорта была в 2003 г., а минимальная — в 2009 г. Показатель энтропии импорта изменяется циклически в рассматриваемом периоде и говорит о неустойчивости системы импорта продовольствия. Максимальный показатель энтропия экспорта был в 2004 г., а минимальный — в 2007 г. Начиная с 2007 г. начинается увеличение показателя энтропии экспорта, что говорит о повышении устойчивости системы экспорта продовольствия.

Положительной особенностью внешней торговли продовольствием является преобладание экспорта над импортом на рынке российского зерна. Внешнеторговое сальдо по данной группе увеличилось в 4,57 раза в 2013 г. по сравнению с 2003 г. На наш взгляд, это связано с увеличением площадей сельскохозяйственных культур, а также ростом их валового сбора в год. Экспорт пшеницы и меслина увеличился с 4,66 до 13,7 млн т, ячменя — с 0,95 до 2,23 млн т, кукурузы — с 3,5 до 11,6 млн т. В будущем Россия может стать мировым лидером на рынке зерна.

Начиная с 2012 г. в группе 15 «Жиры и масла животного или растительного происхождения

и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения» стало наблюдаться превышение экспорта над импортом.

Импортное потребление говядины и домашней птицы в рассматриваемом периоде уменьшилось, а свинины, свиного жира и баранины увеличилось. Увеличение стоимостного выражения импорта мяса фактически в 3 раза в 2013 г. связа-

но с ростом мировых цен на мясную продукцию за 10 лет.

В рассматриваемом периоде в 2,78 раза увеличился импорт картофеля, в 2,93 раза — томатов; импорт лука уменьшился — в 2 раза по сравнению с 2004 г.

Во внешней торговле фруктами и орехами фактически по всем подгруппам за анализируемый период также выросло импортное потребление.

Список литературы

1. Ядгаров, И. С. История экономических учений : учебник / И. С. Ядгаров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2009.
2. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов : кн. IV : О системах политической экономии / А. Смит. — М. : Соцэкгиз, 1935.
3. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное / Д. Рикардо ; [пер. с англ.; предисл. П. Н. Ключкина]. — М. : Эксмо, 2008.
4. Ахмадулина, Т. В. Торговля России продовольственными товарами со странами Восточной Азии / Т. В. Ахмадулин // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2012. — № 10. — С. 47–53.
5. Силаева, Л. П. Формирование товарных продовольственных ресурсов на перспективу / Л. П. Силаева // Вестн. Курск. гос. акад. — 2013. — № 5. — С. 6–10.
6. Мальцев, А. А. Экспортно-импортные потоки агропродовольствия и сельскохозяйственного сырья: сравнительный анализ советской и российской модели / А. А. Мальцев // Агропродовольст. политика России. — 2014. — № 4 (16). — С. 2–13.
7. Сельцовский, В. Л. Вопросы совершенствования товарной структуры российского импорта / В. Л. Сельцовский // Рос. внешнеэкон. вестн. — 2014. — № 3. — С. 73–80.
8. Степанов, Е. А. Использование энтропии при оценке экспорта в развитых странах / Е. А. Степанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 9 (338). Экономика. Вып. 44. — С. 35–45.
9. Степанов, Е. А. Особенности импорта в подсистемах мировой экономики на рубеже XX–XXI веков / Е. А. Степанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2014. — № 32 (323). Экономика. Вып. 42. — С. 34–42.
10. Мальтус, Т. Опыт о законе народонаселения / Т. Мальтус. — М. : Лань, 2013.
11. Бархатов, В. И. Развитие и экономический рост региона / В. И. Бархатов, Ю. Ш. Капкаев, Д. А. Плетнёв и др. — Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2004. — 320 с.
12. Бархатов, В. И. Глобализация — объективная тенденция развития современного мирового хозяйства / В. И. Бархатов, Г. П. Журавлёва, В. М. Синев // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Экономика. — 2004. — № 10. Вып. 4. — С. 5–15.
13. Плетнёв, Д. А. Модель взаимосвязи внешней торговли и экономического роста в транзитивной экономике / Д. А. Плетнёв, Е. А. Степанов // Вестн. ЮУрГУ. Сер. Экономика. — 2003. — № 13 (29). — С. 34–41.
14. Степанов, Е. А. Влияние внешней торговли на экономический рост национальной экономики / Е. А. Степанов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2013. — № 32 (323). Экономика. Вып. 42. — С. 34–42.
15. Степанов, Е. А. Внешняя торговля как фактор экономического роста национальной экономики / Е. А. Степанов // Экономика, упр. и инвестиции. — 2013. — № 1 (1). — С. 45–61.
16. Бархатов, В. И. Формы синергий в процессе слияния и поглощения фирм / В. И. Бархатов // Факторы устойчивого развития права, экономики и исторической науки : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / ред. Н. В. Сычёв. — Шадринск, 2008. — С. 221–222.
17. Евстигнеева, Л. П. Экономика как синергетическая система / Л. П. Евстигнеева, Р. Н. Евстигнеев. — 2-е изд. — М. : Либроком, 2013.
18. Мясников, А. А. Синергетические эффекты в современной экономике. Введение в проблематику / А. А. Мясников. — 2-е изд. — М. : URSS, 2013.
19. Плетнёв, Д. А. Определение корпорации: энтропия научного знания / Д. А. Плетнёв // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2010. — № 6 (187). Экономика. Вып. 26. — С. 20–27.

20. Шаланов, В. О. Анализ инвестиционной деятельности с позиции синергетики / В. О. Шаланов // Инновации и инвестиции. – 2009. – № 2. – С. 58–60.

Сведения об авторе

Степанов Евгений Александрович — кандидат экономических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой институциональной экономики Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. stepson02031977@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 79–91.*

FEATURES OF DYNAMICS OF FOREIGN TRADE IN FOODSTUFF IN RUSSIA

E. A. Stepanov

Candidate of Economics, Associate Professor, Acting Head of the Department of Institutional Economics of South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. stepson02031977@mail.ru

In Russia the problem of studying of the food market and its structure becomes especially actual as its economic security directly depends on existence of foodstuff. Features of the foreign trade streams of such major food groups of goods as fish, meat, dairy products, vegetables, fruit, grain are considered in the article. Volumes of export and import in natural and value terms, structure of export and import of foodstuff from 2003 to 1 quarter of 2014 are analysed. The indicator of entropy of export and import of the food is entered and calculated. Conclusions about position of foreign trade in foodstuff in modern conditions are drawn.

Keywords: *foreign trade, agriculture, foodstuff, commodity structure of export and import, entropy.*

References

1. Jadgarov I.S. *Istorija jekonomicheskikh uchenij* [History of economic doctrines]. Moscow, Infra-M Publ., 2009. (In Russ.)
2. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*, Kniga IV «O sistemah politicheskoy jekonomii» [Research about the nature and the reasons of wealth of the people: The book of IV “About systems of political economy”]. Moscow, Socjkgiz Publ., 1935. (In Russ.)
3. Rikardo D. *Nachala politicheskoy jekonomii i nalogovogo oblozhenija* [Principal of political economy and tax taxation], Moscow, Jeksmo Publ., 2008. (In Russ.)
4. Akhmadulina T.V. *Torgovlya Rossii prodovol'stvennymi tovarami so stanami Vostochnoy Azii* [Trade in food products to Russia mills East Asia]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik* [Russian foreign economic journal]. 2010. No. 10. Pp. 47–53. (In Russ.)
5. Silaeva L.P. *Formirovaniye tovarnykh prodovol'stvennykh resursov na perspektivu* [Formation of commodity food resources in the future]. *Vestnik Kurskoj gosudarstvennoj sel'skohozjajstvennoj akademii* [Bulletin of Kursk state academy]. 2013. No. 5. Pp. 6–10. (In Russ.)
6. Maltsev A.A. *Eksportno-importnyye potoki agroprodovol'stviya i sel'skokhozyaystvennogo syr'ya: sravnitel'nyy analiz sovetskoy i rossiyskoy modeli* [Export and import flows of agro-food and agricultural products: a comparative analysis of Soviet and Russian model of agricultural policy]. *Agrofood policy of Russia*. 2014. No. 4. Pp. 2–13. (In Russ.)
7. Seltsovskiy V.L. *Voprosy sovershenstvovaniya tovarnoy struktury rossiyskogo importa* [Issues of improving the commodity structure of Russian imports]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik* [Russian foreign economic journal]. 2014. No. 3. Pp. 73–80. (In Russ.)
8. Stepanov E.A. *Ispol'zovaniye entropii pri otsenke eksporta v razvitykh stranakh* [The entropy in evaluating of the export structure in developed countries]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university]. 2014. No. 9 (338). *Economy. Issue 44. Pp. 35–45.* (In Russ.)
9. Stepanov E.A. *Ispol'zovaniye entropii pri otsenke eksporta v razvitykh stranakh* [Features of import in subsystems of world economy at the boundary of the XX–XXI centuries] *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013. No. 32 (323). *Economy. Issue 42. Pp. 34–42.* (In Russ.)

10. Malthus, T. *Opyt o zakone narodonaselenija* [Experience about the law of the population]. Moscow, Lan' Publ., 2013. (In Russ.)
11. Barhatov V.I., Kapkaev Ju.S., Pletnev D.A., Sorokin D.A. and Stepanov E.A. *Razvitie i jekonomicheskij rost regiona* [Development and economic growth of the region]. Chelyabinsk, JuUrGU Publ., 2004. (In Russ.)
12. Barhatov V.I., Zhuravleva G.P. and Sinev V.M. Globalizatsiya — ob'yektivnaya tendentsiya razvitiya sovremennogo mirovogo khozyaystva [Globalization — the objective tendency of development of the modern world economy] *Bulletin of Southen Ural State University*. 2004. No. 4. Pp. 5–15. (In Russ.)
13. Pletnev D.A. and Stepanov E.A. Model' vzaimosvyazi vneshney torgovli i ekonomicheskogo rosta v tranzitivnoy ekonomike [The model of interrelation of foreign trade and economic growth in transitive economy]. *Bulletin of Southen Ural State University*. 2003. No. 13. Pp. 34–41. (In Russ.)
14. Stepanov E.A. Vliyaniye vneshney torgovli na ekonomicheskij rost natsional'noy ekonomiki [Influence of foreign trade on the economic growth of national economy]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. No. 32 (323). Economy. Issue 42. Pp. 34–42. (In Russ.)
15. Stepanov E.A. Vneshnyaya torgovlya kak faktor ekonomicheskogo rosta natsional'noy ekonomiki [Foreign trade as a factor in the economic growth of the national economy]. *Ekonomika, upravleniye i investitsii* [Economy, management and investments]. 2013. No. 1. Pp. 45–61. (In Russ.)
16. Barhatov V.I. Formy sinergiy v protsesse sliyaniya i pogloshcheniya firm [Forms of synergies in mergers and acquisitions of firms]. *Factory ustoychivogo razvitiya prava, ekonomiki i istoricheskoy nauki* [Factors. Sustainable development law, economics and historical science: Proceedings of the Intern. Scientific-Practical. conf]. Shadrinsk, 2008. Pp. 221–222.
17. Evstigneeva L.P. and Evstigneev R.N. *Ekonomika kak sinergeticheskaja sistema* [Economy as synergetic system]. Moscow, Librokom Publ., 2013. (In Russ.)
18. Myasnikov A.A. *Synergetic effects in modern economy. Introduction to a perspective* [Sinergeticheskie jeffekty v sovremennoj jekonomike. Vvedenie v problematiku]. Moscow, URSS, 2013. (In Russ.)
19. Pletnev D.A. The definition of corporation: entropy of scientific knowledge. *Bulletin of the Chelyabinsk state university*. 2010. No. 6. Pp. 20–27. (In Russ.)
20. Shalanov V.O. The analysis of investment activity from a synergetics position. *Innovacii i investicii* [Innovations and investments]. 2009. No 2. Pp. 58–60. (In Russ.)

УДК 338.22
ББК 65.04

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ — проект № МК-2853.2015.6

О. В. Дьяченко

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Отмечены ключевые ориентиры реиндустриализации экономики. Анализируется экономика Челябинской области, её основные цели, задачи и проблемы в реализации реиндустриального курса. В качестве объекта анализа представлена металлургическая отрасль региона и наблюдаемые в ней тенденции. Указывается стратегическая важность реиндустриализации в развитии как области, так и России.

Ключевые слова: *реиндустриализация, постиндустриализм, обрабатывающее производство, металлургия, инвестиции, технологический уклад, кадровые ресурсы.*

Концептуальное ядро идеи реиндустриализации. На сегодняшний день постепенно снимается вопрос о том, какой вектор социально-экономического развития необходим для России. Руководство страны находит общий язык с научной общественностью и бизнесом, реализуя стройный, большинством одобряемый проект развития экономики России на перспективу. Активно внедряемые западными соцтехнологами идеи о важности и перспективности «постиндустриализации экономической системы» отошли в отечественном научном и практическом поле на вторичный план. Безусловно, у этой программы (картины мира) есть как положительные, так и отрицательные черты, тем не менее какой бы она прогрессивной ни была, на какие вызовы времени она ни отвечала, в российской действительности ей уделено незначительное место. Связано это с тем, по нашему мнению, что данная программа (картина мира) имеет большую смысловую вариативность, влекущую за собой отсутствие консенсуса в движении к некоторым общим целям, т.е. они становятся расплывчатыми, а отсюда в дальнейшем (возможно) появится проблема коррупционной составляющей. Институционализация правил поведения, норм, характерных для этой системы, несомненно, в ближайшей перспективе (5–10 лет) будет вызывать множество проблем и противоречий в обществе.

В качестве основного вектора (не хочется употреблять термин «модернизация») развития отечественного хозяйства выступила идея реиндустриализации, т.е. индустриализации на основе новейшего технологического уклада. Реиндустриализация экономики России в качестве предмета исследования

отражалась в работах таких отечественных учёных, как: С. Ю. Глазьев, С. Д. Бодрунов, С. Г. Кара-Мурза, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин, О. С. Сухарев, С. С. Губанов, С. С. Сулакшин, А. И. Татаркин, Н. А. Новицкий. Особое внимание «постиндустриальных» секторов экономики, в частности культуры, образования, здравоохранения, в восстановлении отечественной промышленности уделялось в работах А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, Г. П. Журавлёвой. Частные системные элементы реиндустриальной промышленной политики рассматривались в трудах В. И. Бархатова, Г. Х. Попова, А. Д. Некипелова, В. Н. Бобкова, В. В. Ивантера. Проблемы интеграции высокотехнологичных отраслей в перерабатывающие отрасли производства рассматривались в работах И. Э. Фролова, М. А. Бендикова, О. Б. Кошовца, Н. А. Ганичева и др. Особую важность в данном исследовании занимают работы экономистов, исследующих проблемы региональной реиндустриализации: О. А. Романовой, Н. Ю. Бухвалова, С. Г. Ченчевич и др. Становится видно, что, актуальность реиндустриальной политики в научных, деловых и политических кругах занимает сегодня первостепенное значение (об этом свидетельствует только количество ссылок на данную проблематику в русскоязычном сегменте Интернета, которое возросло с нескольких десятков в 2010–2011 гг. до нескольких миллионов к 2015 г.).

Суть данной идеи состоит в том, что ведущую роль в прогрессивном развитии отечественной экономики необходимо переориентировать на промышленность, в частности перерабатывающую, которую предстоит перебазировать с уровня 4-го технологического уклада на 5-й

и к элементам 6-го. В контексте сказанного все доводы и беседы о том, что Россия «сырьевой придаток Запада», она в зависимости от «сырьевой иглы» и т. п., неуместны и как минимум бесполезны¹. «Не от иглы надо избавляться, не от доходов от нефти, а от неэффективного распоряжения получаемыми “от иглы” доходами». [8. С. 63]. Более того, отечественные экономисты пришли к выводу, что основная проблема «не в гипертрофированных масштабах сырьевого сектора, а в низком уровне развития и продолжающем стагнировать обрабатывающем секторе экономики».

Состояние перерабатывающей промышленности во многом определяется уровнем развития машиностроения, которое в свою очередь служит ядром развития и многих других секторов хозяйства. Тем самым насколько своевременно мы сможем «вновь переосмыслить» то, что необходимо поднимать с колен производства, «ответственные за изготовление орудий труда, позволяющие создавать технологически совершенное оборудование для ключевых отраслей», настолько скоро мы сможем, хотя бы частично, освободиться от технологической зависимости западных и азиатских экономик. Данная программа ориентирована на вытягивание отечественной экономики из системного кризиса и подготовку её к новой модели развития (не хочется употреблять термин «устойчивое развитие» — такое же неопределённое, как и «модернизация», «инновационная и постиндустриальная экономика»).

Можно много говорить о пользе и необходимости инноваций и подходящей для них среды, о развитии сферы услуг, роли малого бизнеса и т. д., однако следует определиться, какие региональные направления в экономике смогут стать ядром развёртывания внутренних индустриально-технологических цепей, выпускающих востребованные как на внутреннем, так и на внешнем рынке промышленные и потребительские товары.

Анализ состояния развития металлургической промышленности Челябинской области. Челябинская область является одним из наиболее индустриально развитых регионов Российской Федерации. Современное социально-экономиче-

ское состояние области в большей степени определяется успехами добывающей и перерабатывающей, в частности, металлургической промышленности. Считаем, что решение задачи реализации программы реиндустриализации экономики Челябинской области должно начинаться с металлургического комплекса, которое в свою очередь способно выступить реаниматором станкостроительного и машиностроительного направлений.

Металлургическая промышленность Челябинской области представляет собой комплекс предприятий по производству стали, сортового горячекатаного и кованого проката, горячекатаного листового проката, стальных отливок, труб стальных электросварных, бесшовных горячекатаных, нарезных, холоднодеформированных, канатов, ферросплавов, алюминия, алюминиевых порошков, полуфабрикатов для переката, по переработке лома, метизной продукции и т. д. Металлургические предприятия области производят уникальную продукцию — трубы большого диаметра, специальные стали, заготовки (поковки, отливки) и многое другое. В 2013 г. в данной отрасли Челябинской области было зарегистрировано 1 772 предприятия.

В 2013 г. доля металлургии в промышленном производстве области составила 59,4% (рис. 1).

Это указывает на то, что регион имеет моноотраслевую экономику, что подразумевает как большие перспективы, так и высокие риски социально-экономического развития в дальнейшем. Стоит отметить тенденцию к постепенному уменьшению доли металлургического производства в валовом региональном продукте. Менее чем за 10 лет снижение составило 7%.

Из табл. 1 видно, что объём обрабатываемого производства, в том числе металлургического, имеет постепенную тенденцию к росту, увеличив стоимость производимого в 3 и соответственно в 2 раза за 8 лет. Снижение доли обрабатывающих производств в структуре валового регионального продукта связано с более быстрыми темпами роста различных секторов хозяйства, в частности сферы услуг.

Предприятия металлургии и производства готовых металлических изделий Челябинской области входят в число крупных предприятий области и представлены в следующих направлениях:

1. Производство чугуна, ферросплавов, стали, горячекатаного проката и холоднокатаного листового проката. К данному виду производства

¹ Трагические события на Украине и обострившиеся на их фоне отношения между странами Европейского союза и Россией чётко продемонстрировали, что имеющиеся в распоряжении России газовые запасы — это несколько не «ресурсное проклятие».

Рис. 1. Структура промышленного производства Челябинской области

Таблица 1

**Обрабатывающие производства
в валовом региональном продукте Челябинской области, млрд р.**

Параметр	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Объём промышленной продукции — обрабатывающие производства	397,8	497,4	660,8	789,0	530,6	768,6	925,8	936,0	935,0
в т. ч. металлургическое производство, в т. ч. готовых металлических изделий	264,4	324,0	416,0	472,6	307,0	470,0	561,7	551,4	555,0
Валовой региональный продукт	350,0	446,0	575,8	664,5	557,0	652,9	775,9	830,1	883,0

относятся крупнейшие предприятия Челябинской области — Магнитогорский металлургический комбинат, Челябинский металлургический комбинат, Челябинский электрометаллургический комбинат, Златоустовский металлургический завод, Ашинский металлургический завод.

2. Производство чугунных и стальных труб — Челябинский трубопрокатный завод.

3. Производство цветных металлов. Данный вид производства представляют крупные высокотехнологичные предприятия по производству цинка, меди, кобальта и никеля: Челябинский цинковый завод, Кыштымский медеэлектролитный завод, «Карабашмедь», «Уфалейникель».

4. Производство готовых металлических изделий — в Челябинской области представлено предприятиями по производству строительных металлических конструкций и изделий, металлических резервуаров, паровых котлов, кованых

изделий, потребительских товаров: «Уральская кузница» (г. Чебаркуль), Челябинский завод металлоконструкций, Магнитогорский метизно-калывочный завод «ММК-Метиз».

В большей степени состояние регионального металлургического производства зависит от событий на мировом рынке металлов. Так, основными конкурентами на рынке металлургической продукции являются Китай, США, Япония и Индия. В 2012 г. в Китае было произведено 716,5 млн т стали, что на 3,1% больше предыдущего года. Рост производства заметно превосходил объём внутристранового потребления (639 млн т), поэтому Китай на 14% увеличил экспорт металлопродукции — до 55,7 млн т. В 2012 г. Страна продемонстрировала самый высокий прирост производства в мире — на 21,5 млн т. На втором месте по этому показателю расположилась Индия, увеличившая производство стали на 2,2 млн т.

По сравнению с 2011 г. среднемировая цена проката из углеродистой стали снизилась на 11,4%. В Европе падение отмечено в среднем на 14,5%, в Северной Америке и Азии на 10,0%.

В Европе в 2012 г. наблюдалось снижение потребления примерно на 7–9%, от чего сократился импорт на 30,5% до 13,7 млн т, однако экспорт незначительно вырос на 4,2% до 27,2%. Наиболее оптимальным и привлекательным объектом для импортирования стал рынок США.

Металлургическое производство в России выросло к 2012 г. относительно прошедшего года на 2,1%. Рост был в большей степени обеспечен за счёт экспортных операций, чем за счёт внутреннего рынка. Производство труб в отечественной экономике имело тенденцию к снижению, опустившись на 3,3% к концу 2012 г. до 9657 тыс. т. Основная причина торможения данного сектора в том, что была завершена реализация крупных трубопроводных проектов. Это событие в большей степени повлияло на производство труб большого диаметра. Сектор продемонстрировал снижение на 22,9% сравнительно с 2011 г.

В сталепрокатном секторе металлургии наблюдался рост на 3,3% до 70,4 млн т (табл. 2). Рост обеспечил возросший спрос на холоднокатаный прокат со стороны автомобилестроительной отрасли, производителей бытовой техники, строительной отрасли. Отгрузка на внутренний рынок росла меньшими темпами, чем на экспорт, повысившись всего на 0,9% — до 31,4 млн т.

В этих условиях металлургическое производство Челябинской области достаточно успешно справилось со своими обязанностями. Однако большое количество крупных металлургических

предприятий подвели итоги года с отрицательными финансовыми результатами.

Относительно 2011 г. в Челябинской области прирост производства стали составил 2,1%, прокат чёрных металлов вырос на 3,0%, изготовление стальных труб снизилось на 4,0% (рис. 2).

Данный рост был обеспечен в частности усилиями ОАО «ММК», а также ряда других металлургических предприятий области.

В стоимостном выражении объём основных фондов промышленных предприятий Челябинской области в 2007–2011 г. увеличивался в сфере:

- добычи полезных ископаемых — на 15%;
- обрабатывающего производства — на 16%;
- производства и распределения электроэнергии — на 13%.

Отрицательным явлением в состоянии основных фондов промышленного сектора Челябинской области является степень их износа. Так, в секторе добычи полезных ископаемых и обрабатывающем производстве уровень износа превысил 40%. Более тяжёлая ситуация в сфере производства и распределения электроэнергии.

Таблица 2

Производство готовых металлических изделий в 2012 г., млн т

Продукт	Производство		
	мировое	в РФ	в Челябинской области
Сталь	1548	70,4	18,1
Прокат готовый чёрных металлов	–	59,0	16,6
Стальные трубы	96,5	9,6	1,1

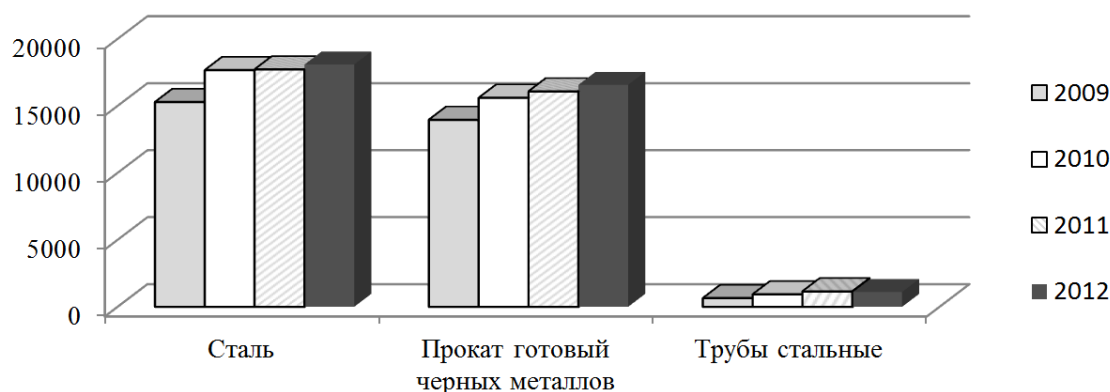

Рис. 2. Производство продукции металлургии Челябинской области в натуральном выражении, тыс. т

Поскольку производственная цепочка имеет взаимосвязанный характер, модернизация производственных фондов газо- и электрораспределительных отраслей хозяйства обернётся дополнительными затратами и на остальных отраслях промышленности.

Показатель выбытия основных фондов по всем направлениям экономической деятельности промышленности Челябинской области находится на уровне 1,5–2%.

Недостаточно высоким является показатель уровня использования среднегодовой производственной мощности металлургических предприятий (рис. 3).

Это в первую очередь можно объяснить посткризисным этапом экономического развития, из которого промышленные компании, как Челябинской, так и других регионов России, не вышли. Заметим, что загруженность производственных мощностей в сфере металлургического производства и производства готовых металлических изделий в Челябинской области незначительно

выше, чем по России, за исключением производства стальных труб (отставание около 10%). Вторых, по причине сужения внутреннего и внешнего рынков. Невысокая востребованность мировым рынком отечественных товаров высокого уровня передела с высокой добавленной стоимостью также может быть причиной низкой загруженности производственных мощностей. Спросом пользуются товары, не прошедшие высокой технологической переработки. Положительной тенденцией является то, что загруженность производственных мощностей имеет положительную тенденцию (за исключением сферы производства проката чёрных металлов).

Неполная загруженность производственных мощностей компаний металлургической промышленности отразилась на рентабельности их продаж. Рентабельность продаж металлургического производства и производства готовых металлических изделий с 2008 г. имела нисходящую тенденцию, переместившись с отметки 20,7% до уровня 8,7% (к 2012 г., рис. 4).

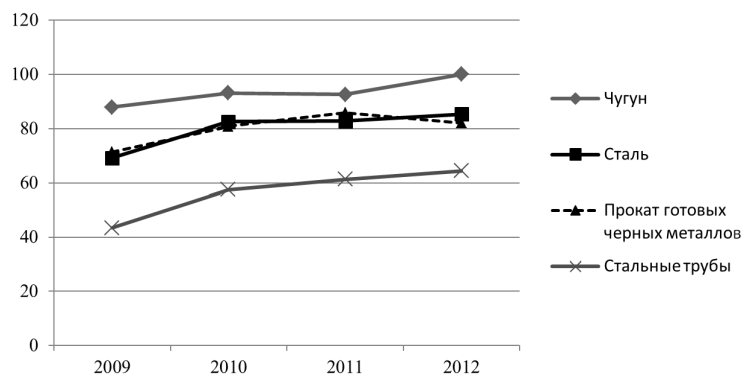

Рис. 3. Уровень использования среднегодовой производственной мощности предприятий по выпуску отдельных видов продукции, %

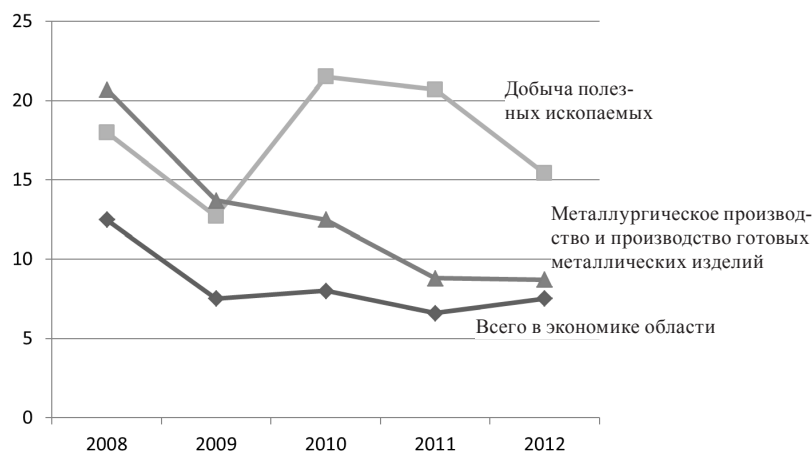

Рис. 4. Рентабельность проданных товаров (работ, услуг) организаций по видам экономической деятельности и всей экономике Челябинской области в целом, %

В 2012 г. объём инвестиций в основной капитал в металлургической промышленности Челябинской области составил 32 172,6 млн р. (на 35% ниже 2011 г.). Это 25% всех инвестиционных вложений, направленных в воспроизводство основного капитала области. По сравнению с 2011 г. эта доля уменьшилась на 12%, а в абсолютном значении инвестиции в металлургическое производство снизились на 17 631,6 млн р. (рис. 5).

Из шести крупнейших инвестиционных проектов по Челябинской области в пере-

чень приоритетных инвестиционных проектов в Уральском федеральном округе (утверждены председателем Правительства РФ В. В. Путиным 10.11.2011 г., № 5724п-П16) включены 3 проекта, относящиеся к металлургическому производству (табл. 3).

Металлургия Челябинской области выступает также основным объектом вложения средств иностранных инвесторов. В 2012 г. суммарное поступление иностранных инвестиций в экономику области составило 2 748 943 тыс. долл. США,

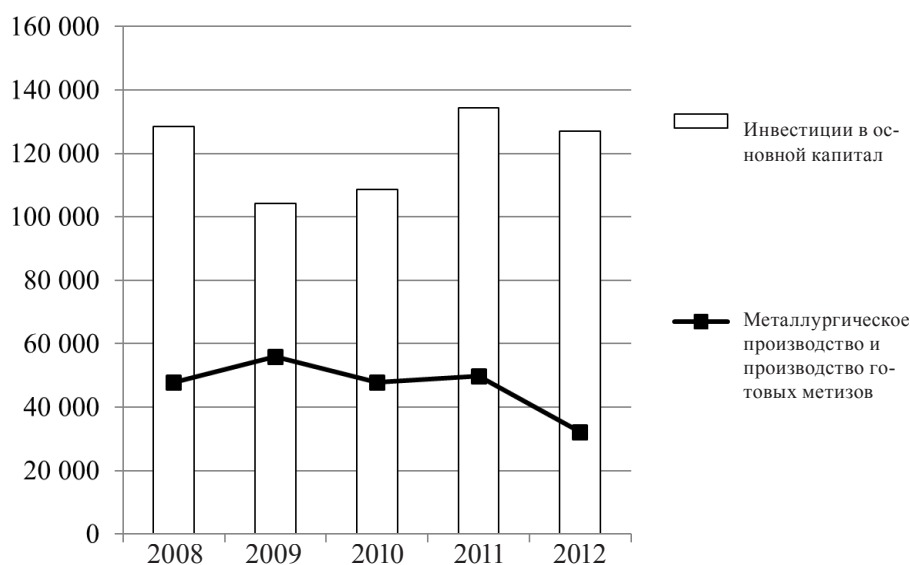

Рис. 5. Инвестиции в основные фонды металлургических предприятий, млн р.

Таблица 3

Перечень приоритетных инвестиционных проектов Челябинской области по Уральскому федеральному округу

№ п/п	Проект	Краткая характеристика
1	Строительство листопрокатного цеха, ОАО «Ашинский металлургический завод»	Срок реализации: 2011–2015 гг. Инвесторы: ОАО «Ашинский металлургический завод», Чешский экспортный банк Общий объём инвестиций: 15 193,9 млн р. Количество создаваемых рабочих мест: 413
2	Создание литейно-прокатного производства горячекатаной продукции, ООО «Миньярский прокатно-термический завод»	Срок реализации: 2011–2017 гг. Инвестор: ООО «Миньярский прокатно-термический завод». Пройден конкурсный отбор на право получения государственной гарантии Челябинской области Общий объём инвестиций: 804 млн р. Количество создаваемых рабочих мест: 218
3	Строительство комплекса по производству холоднокатаного проката, проката с покрытием и автокомпонентов, включая стан холодной прокатки «2000» на Магнитогорском металлургическом комбинате	Срок реализации: 2007–2012 гг.; Инвесторы проекта: ОАО «Магнитогорский металлургический комбинат», а также финансирование за счёт кредитов с участием западных экспортно-кредитных агентств Общий объём инвестиций: 44 542,5 млн р. Количество создаваемых рабочих мест: 1 500

что на 28% (1 046 282 тыс. долл.) меньше объёма предыдущего года. В металлургический комплекс было проинвестировано 2 205 026 тыс. долл., т.е. более 80% от общего потока. Основные страны-инвесторы — Германия, Казахстан, Кипр, Нидерланды, Украина, Франция, Чехия, Швейцария, Великобритания. Большинство резидентов этих стран к 2012 г. значительно снизили свои инвестиционные вложения в Челябинскую область.

Индустриально-технологический потенциал области во многом зависит от развития новых производств. Рост производительных сил металлургического комплекса тесно связан со следующими проектами:

- Нязепетровский горно-металлургический комбинат, располагающийся на базе Суроямского месторождения титаномагнетитовых руд;
- Высота 239, запущенная на ЧТПЗ в 2010 г.;
- стан «5000», «2500» горячей прокатки, а также стан «2000» холодной прокатки на ММК;
- строительство на ОАО «ЧМК» универсально-рельсобалочного стана;
- строительство ОАО «Южуралзолото» двух золотоизвлекательных фабрик;
- модернизация сталеплавильного производства на Ашинском металлургическом заводе.

Эти и многие другие проекты, запущенные в металлургическом комплексе Челябинской области, ориентированы на организацию выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью, что под собой подразумевает повышение конкурентоспособности продукции на мировых рынках; более высокий уровень передела обрабатываемых ресурсов; повышение качества продукции и движение в сторону соответствия международным стандартам.

Челябинская область имеет положительный торговый баланс, который с 2009 г. устойчиво растёт (рис. 6).

Объём экспортной продукции в 2012 г. составил 5 857,1 млн долл., из них 84% — это металлы и изделия из них, при этом 70% этой доли уходит в страны дальнего зарубежья. Основными импортными товарами в 2012 г. являлись минеральные продукты (1 651,6 млн долл.), машины и оборудование (1 243,6 млн долл.), а также металлы и изделия из них (469,4 млн долл.).

Стоит отметить, что в 2012 г. 37% экспортных товаров отправлены в страны СНГ, остальные 63% — в страны дальнего зарубежья. Из рис. 7 видно, что в структуре вывозимых товаров больше 90% составляют металлы и изделия из них, т.е. по факту товары невысокого передела.

Ресурсоориентированная экспортная политика в сфере импорта демонстрирует высокую зависимость от западных технологий.

В структуре импортной продукции подавляющую долю занимают товары высокого уровня передела — машины, оборудование и транспорт (рис. 8), хотя стоит отметить, что данная зависимость имеет тенденцию к снижению с 2009 г. с тенденцией импорта к росту.

Проблемы кадрового обеспечения программы реиндустриализации экономики Челябинской области. Остаётся актуальным вопрос о том, кто будет реализовывать программу реиндустриализации экономики Челябинской области. Не затрагивая тему профессионализма, стоит задуматься над тем, что правительство и бизнес готовы платить за переход промышленности к технологиям 5-й и 6-й укладов. Так, на 2012 г. средняя заработная плата по области составляла 22,5 тыс. р., в сфере добычи полезных ископае-

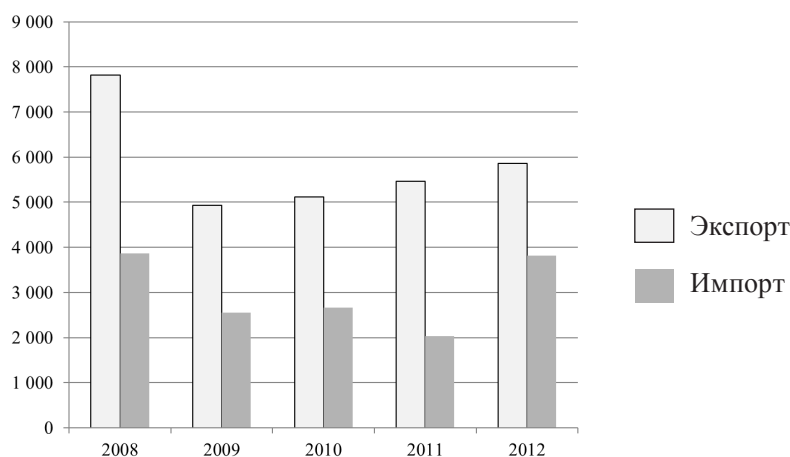

Рис. 6. Динамика торгового баланса Челябинской области, млн долл. США

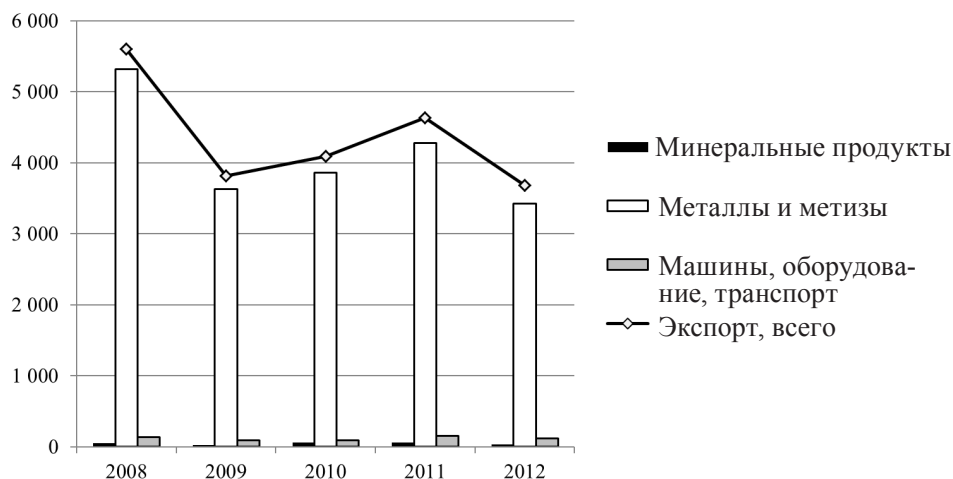

Рис. 7. Экспорт Челябинской области и его товарная структура в страны дальнего зарубежья, млн долл. США

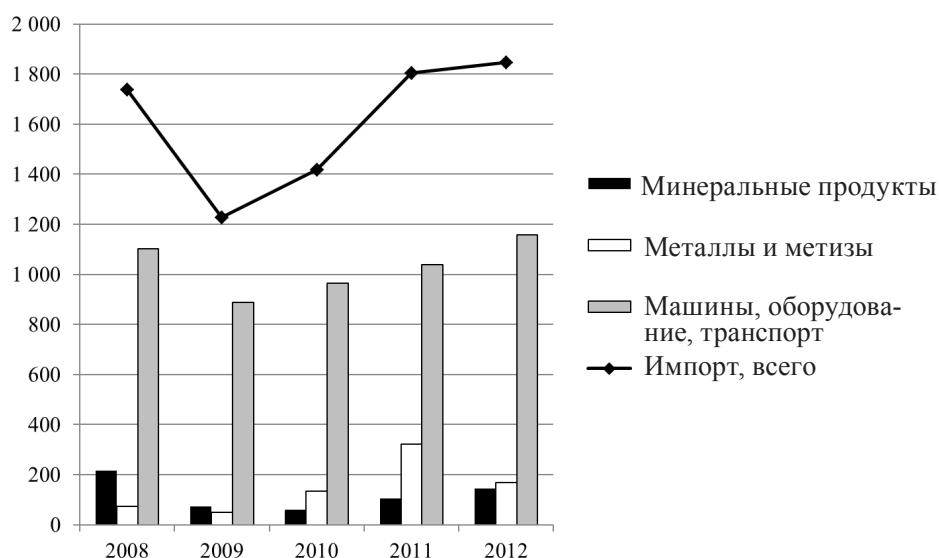

Рис. 8. Импорт Челябинской области и его товарная структура из стран дальнего зарубежья, млн долл. США

мых — 25 тыс. р. В сфере обрабатывающего производства в 2012 г. наиболее высокие заработные платы отмечены на предприятиях, производящих кокс и нефтепродукты, — 31,4 тыс. р.; металлургического производства, — 31 тыс. р. На предприятиях, производящих машины и оборудование, средняя заработная плата достигала 22,5 тыс. р. Для сравнения: в непроизводственной сфере самые высокие зарплаты отмечены в финансовом секторе (40 тыс. р.) и в сфере государственного управления (30 тыс. р.). Таким образом, до тех пор пока отечественная экономика будет носить преимущественно спекулятивный характер, а идея о том, что непроизводительный труд благороднее и общественно полезнее ручного, не будет

замещена более прогрессивной, наблюдаемого дисбаланса в заработных платах не удастся избежать. Поскольку на повестке стоит задача инновационной модернизации промышленности, то от проблемы оплаты труда инженерного корпуса не уйти.

Высокие риски успешной реализации программы реиндустриализации вызывает нерешённая проблема низкой оплаты труда в сферах образования и здравоохранения. Уровень оплаты труда здесь составил в 2012 г. 15 и 16,5 тыс. р. соответственно. Напомним, что целью реиндустриализации является восстановление и выведение на новый технологический уровень имеющейся промышленности, ответственной

за изготовление средств производства. В данном случае эта задача не решается в условиях отсутствия кадров. Более того, обеспечение бизнеса высококвалифицированными кадрами невозможно без эффективно работающей системы выращивания и воспроизводства преподавательского состава.

До тех пор пока от научного сообщества мы будем слышать, тезисы о том, что у нас самые образованные рабочие, а преподавательский состав университетов отвечает современным требованиям профессионализма, мы будем находиться там, где есть. Современное образование в России, в частности регионах, к сожалению, сегодня соответствует уровню развития производительных сил (3–4 ТУ), но не отвечает потребностям для обслуживания и воспроизводства инновационных производств. Всякое указание на то, что образование соответствует вызовам современности, есть как минимум признак непрофессионализма.

Во избежание кадрового голода отдельных секторов промышленной системы необходим обязательный мониторинг кадровой потребности региона с целью информационного обеспечения прогнозирования объёма спроса и предложения трудовых ресурсов, их компетенций и навыков.

Основные проблемы металлургической промышленности Челябинской области. Исходя из поверхностного анализа экономических тенденций, складывающихся в металлургическом комплексе Челябинской области, можно выявить следующие проблемы:

1) большинство предприятий ориентируют свою деятельность на экспорт сырья и продукции низкого уровня передела;

2) высокая зависимость экономики Челябинской области, в частности моногородов от внешнеэкономической конъюнктуры;

3) невысокая обеспеченность чёрной металлургии региональной сырьевой базой. Отсюда вытекает другая немаловажная проблема — качество сырья;

4) высокая степень физического износа основных производственных фондов, в т. ч. машин и оборудования, строительных конструкций, производственных зданий и сооружений;

5) высокая ресурсо- и энергоёмкость региональных производств;

6) низкая доля участия предприятий обрабатывающей промышленности в федеральных государственных программах;

7) высокая доля собственников-нерезидентов в ведущих (стратегических) предприятиях отрасли;

8) нарастающая угроза высококвалифицированного кадрового голода.

Цели и задачи реиндустриализации экономики Челябинской области. Согласно теории С. Ю. Глазьева, экономика Челябинской области базируется на институтах, производственных отношениях и производительных силах 3–4-х технологических укладов. В современных геоэкономических условиях это является серьёзным фактором риска (экологического, финансового, технологического, социального) для безопасности как региона, округа, так и России в целом. Тем не менее мы не разделяем мнения о том, что металлургическая отрасль в качестве стратегического ориентира развития утрачивает актуальность.

Во многих городах области металлургические предприятия выполняют функции градообразующих. От успешно принятых хозяйственных решений предприятия зависит благополучие муниципального образования. В металлургическом комплексе занято около 86,7 тыс. чел., из которых почти 70% — люди, старше 45 лет, подавляющая часть которых не имеет высшего профессионального образования. Это серьёзный вызов для реализации реиндустриализации, поскольку внедрение более современного оборудования, основанного на новейших информационных технологиях, потребует соответствующего уровня квалификации от работника.

Основное направление реиндустриализации экономики Челябинской области на современном этапе — восстановление производственных мощностей, деградировавших со времени либерально-рыночного реформирования 1990-х гг., до их потенциала при советском режиме. Параллельно следует проводить формирование институтов инновационного развития с повсеместным замещением производительных сил 3-го и 4-го уклада на 5-й.

В качестве основных итогов реиндустриализации должны стать:

– устойчивый экономический рост, основанный на конкурентоспособных рынках товаров и капитала;

– справедливое распределение созданного богатства;

– установление равновесия между хозяйственной активностью и окружающей средой;

– достижение уровня жизни населения до среднего значения по стране и развитым странам.

Реиндустриализация предполагает изменение организации способа производства. Устремлять свои взоры лишь на технологическую модернизацию также не совсем верно. Важным вектором развития является обеспечение благоприятных условий воспроизводства человека: интеллектуального, креативного, культурного, здорового, уверенного в будущем своей страны и региона. Для успешности реиндустриализации нужен новый человек, с новой мотивацией, компетенциями, потребностями, правосознанием, ответственностью. Для этого нужна большая воля как федеральных органов власти, так и, безусловно, местного самоуправления. На этом направлении есть одна важнейшая цель — сформировать образ «человека труда». Необходима институциональная увязка с управленческими решениями различных уполномоченных ведомств и министерств при реализации модернизационных проектов в их поле компетенций: реформирование высшего, среднего, младшего образования для реиндустриализации; проекты в сфере культуры для успешной реиндустриализации; социальные гарантии для тех, кто реализует проекты реиндустриализации, и т. д.

Основные задачи, которые потребуют своего решения в процессе реализации реиндустриальной политики:

- восстановление станко- и машиностроения;
- развитие электронной промышленности;
- обновление основных производственных фондов;
- выстраивание устойчивых производственных цепей в перерабатывающей промышленности на уровне региона, округа. Организация интернациональной среды, позволяющей местным производителям интегрироваться в международные производственные связи, при условии, что

извлечение прибыли будет происходить на этапе конечного перерабатывающего производства, а не на стадии добычи;

- роботизация, информатизация, интеллектуализация производственного процесса;
- организация высокотехнологичных рабочих мест и освоение производства высокотехнологичной продукции;
- институциональная поддержка региональных промышленных предприятий в участии в федеральных государственных программах;
- стимулирование деятельности инжиниринговых, проектных, общественных объединений, научно-исследовательских организаций, коррелирующих свою деятельность с целями реиндустриализации.

Не стоит гнаться за иллюзией того, что Челябинская область должна избавиться от сырьевой ориентации. В данном случае это погоня за цифрами: нет металлургического производства, соответственно, присутствует бутафорское освобождение от зависимости (можно провести аналогию с ОАО «Мечел»). Преодоление сырьевой зависимости будет следствием реиндустриальной политики. В свою очередь, популяризация лозунга «За освобождение от сырьевой зависимости» будет лишним поводом актуализировать свою деятельность неолиберальным силам, которые не упустят возможности обозначить реиндустриальную политику как антидемократичную, авторитарную, негуманную, в целом деструктивную по своей природе. Следует ориентировать усилия на достижение устойчивого роста и прогрессивного развития перерабатывающего сектора. Будущее экономики Челябинской области — это конкурентоспособная и высокотехнологичная промышленная база и высокопрофессиональные и творческие кадры, обслуживающие производства и продвигающие их на новый технологический уровень.

Список литературы

1. Металлургия: тенденции и прогнозы : аналит. бюл. / Риарейтинг. – Вып. № 13. Итоги 2013 г. – М. : 2014.
2. Бархатов, В. И. Инновационно-креативная экономика как альтернативный путь деиндустриализации экономики России / В. И. Бархатов, О. В. Дьяченко // Журн. экон. теории. – 2013. – № 3. – С. 18–26.
3. Бодрунов, С. Д. Формирование стратегии реиндустриализации России : монография / С. Д. Бодрунов ; Ин-т нового индустриал. развития. – СПб., 2013. – 680 с.
4. Глазьев, С. Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования / С. Ю. Глазьев, Д. С. Львов, Г. Г. Фетисов. – М. : Наука, 1992. – 207 с.

5. Гордеев, С. Диверсификация и «индивидуальный тюнинг» моноэкономики / С. Гордеев. – URL: <http://sgordeev.livejournal.com/6587.html>
6. Губанов, С. С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция / С. С. Губанов. – М. : Кн. мир, 2012. – 224 с.
7. Журавлёва, Г. П. Экономическая политика современной России: модернизация и реиндустриализация / Г. П. Журавлёва // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитар. науки. – 2014. – № 3 (131). – С. 26–32.
8. Научные труды Вольного экономического общества России. – 2014. – Т. 180, № 1. – 286 с.
9. Постиндустриализм. Опыт критического анализа : монография / В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян и [др.]. – М. : Науч. эксперт, 2012. – 288 с.
10. Примаков, Е. Авторитетное мнение. Реиндустриализация или постиндустриализация? / Е. Примаков // Прямые инвестиции. – 2012. – № 3. – С. 3.
11. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски / С. Д. Бодрунов, Р. С. Гринберг, Д. Е. Сорокин // Экон. возрождение России. – 2013. – № 1 (35). – С. 19–48.
12. Романова, О. А. Формирование теоретической платформы как системной основы промышленной политики в условиях новой индустриализации / О. А. Романова, Н. Ю. Бухвалов // Экон. и социал. перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 53–66.
13. Статистический ежегодник по Челябинской области : стат. сб. / Федер. служба гос. статистики. – Челябинск, 2013. – 489 с.
14. Сухарев, О. С. Реиндустриализация России: возможности и ограничения / О. С. Сухарев // Экономист. – 2013. – № 3. – С. 6–12.
15. Экономическая система России: анатомия настоящего и стратегии будущего (реиндустриализация и/или опережающее развитие) / под ред. А. В. Бузгалина. – М. : Ленанд, 2014. – 200 с.

Сведения об авторе

Дьяченко Олег Вячеславович — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. dyachenko@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 92–103.*

RE-INDUSTRIALIZATION OF CHELYABINSK REGION ECONOMY

O. V. Dyachenko

Candidate of Economics, Lecturer of the Department of Economics of Industries and Markets, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. dyachenko@csu.ru

The article marked milestones re-industrialization of the economy. Analyzes the economics of the Chelyabinsk region, its main goals, objectives and challenges in implementation reindustrialnogo course. As the object of the analysis presented metallurgical industry in the region, the trends occurring in it. Indicated its strategic importance in the development of the region as well as Russia.

Keywords: *re-industrialization, post-industrialism, manufacturing, metallurgy, investment, technological structure, human resources.*

References

1. *Metallurgiya: tendentsii i prognozy* [Metallurgy: Trends and Forecasts Analytical Bulletin]. Riareyting. Issue 13. Results of 2013. Moscow, 2014. (In Russ.)
2. Barkhatov V.I. and D'yachenko O.V. *Innovatsionno-kreativnaya ekonomika kak al'ternativnyy put' deindustrializatsii ekonomiki Rossii* [Innovative and creative economy as an alternative way of de-industrialization of the Russian economy]. *J. of Economic Theory*. 2013. No. 3. Pp. 18–26. (In Russ.)
3. Bodrunov S.D. *Formirovaniye strategii reindustrializatsii Rossii* [Formation of strategy of reindustrialization Russia]. Monograph. St. Petersburg, 2013, 680 p. (In Russ.)

4. Glaz'yev S.Yu., L'vov D.S. and Fetisov G.G. *Evolyutsiya tekhniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo regulirovaniya* [Evolution of technical and economic systems: the possibilities and limits of centralized regulation]. Moscow, Science Publ., 1992. 207 p. (In Russ.)
5. Gordeyev S. *Diversifikatsiya i «individual'nyy tyuning» monoekonomiki* [Diversification and “individual tuning” mono economy]. URL: <http://sgordeev.livejournal.com/6587.html>
6. Gubanov S.S. *Derzhavnyy proryv. Neoindustrializatsiya Rossii i vertikal'naya integratsiya* [Sovereign breakthrough. Neoindustrialization Russia and vertekalnaya integration]. Moscow, Book's world, 2012. 224 p. (In Russ.)
7. Zhuravleva G.P. *Ekonomicheskaya politika sovremennoy Rossii: modernizatsiya i reindustrializatsiya* [The economic policy of modern Russia: the modernization and re-industrialization]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the University of Tambov. Series: Humanities]. 2014. No. 3 (131). Pp. 26–32. (In Russ.)
8. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Proceedings of the Free Economic Society of Russia]. T. 180, no. 1. Moscow, Geodeziya Publ., 2014. 286 p. (In Russ.)
9. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E. and etc. *Postindustrializm. Opyt kriticheskogo analiza* [Post-industrialism. The experience of critical analysis]. Moscow, Scientific Expert, 2012. 288 p. (In Russ.)
10. Primakov, Ye. *Avtoritetnoye mneniye. Reindustrializatsiya ili postindustrializatsiya?* [Authoritative opinion. Re-industrialization or post-industrialization?]. *Pryamyie investitsii* [Direct investments]. 2012. No. 3. P. 3. (In Russ.)
11. Bodrunov S.D., Grinberg R.S. and Sorokin D.Ye. *Reindustrializatsiya rossiyskoy ekonomiki: imperativy, potensial, riski* [The re-industrialization of the Russian economy: the imperatives of the potential risks]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [The economic revival of Russia]. 2013. No. 1 (35). Pp. 19–48. (In Russ.)
12. Romanova O.A. and Bukhvalov N.Yu. *Formirovaniye teoreticheskoy platformy kak sistemnoy osnovy promyshlennoy politiki v usloviyakh novoy industrializatsii* [Formation of the theoretical foundations of the platform as a system of industrial policy in the new industrialization]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2014. No. 2 (32). Pp. 53–66. (In Russ.)
13. *Statisticheskiy yezhegodnik po chelyabinskoy oblasti* [Statistical Yearbook of the Chelyabinsk Region: Statistical Yearbook]. Chelyabinsk, 2013. 489 p. (In Russ.)
14. Sukharev O.S. *Reindustrializatsiya Rossii: vozmozhnosti i ogranicheniya* [Re-industrialization of Russia: opportunities and constraints]. *Ekonomist* [The Economist]. 2013. No. 3. Pp. 6–12. (In Russ.)
15. *Ekonomicheskaya sistema Rossii: anatomiya nastoyashchego i strategii budushchego (reindustrializatsiya i/ili operezhayushcheye razvitiye)* [The economic system of Russia: Anatomy of the present and the future strategy (reindustrialization and / or priority development)]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 200 p. (In Russ.)

УДК 332.122
ББК 65.04

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ РИСКОВ НА ДИНАМИКУ ВАЛОВОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДУКТА

С. С. Гордеев, А. В. Кочеров

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Поиск региональных управленческих решений в условиях экономической нестабильности требует анализа кризисных рисков, которые во многом специфичны для условий каждого периода и нуждаются в индивидуальном изучении. Рассматривается применение специализированного информационно-адаптированного подхода для анализа, включающего подготовку графических материалов. Изложены основные положения макроэкономического анализа динамики валового регионального продукта с охватом различных периодов экономического развития (высокий докризисный рост, кризисный спад, посткризисный рост) и кризисных рисков. Оценены возможные последствия многолетних различий в темпах экономического роста по регионам России, определены основные региональные кризисные риски. Приведены материалы анализа на примере Челябинской области и ряда индустриально развитых регионов России.

Ключевые слова: *риски, динамика, валовой региональный продукт, кризис, Челябинская область.*

В динамике экономического развития страны и регионов всё более очевидна негативная тенденция — падение темпов роста, меняющийся характер многих социально-экономических процессов. Ресурсы для экстенсивного роста заканчиваются, и всё более явно просматриваются признаки смены трендов развития. В подобных условиях перемены в стратегии развития на национальном и региональном уровнях становятся неизбежными.

Очевидно, что существенные изменения темпов экономического роста приводят к качественным переменам в социально-экономических системах, трендах социально-экономических процессов и рисков (здесь и далее риски рассматриваются в общем виде как возможные потери при определённых событиях [1]). В случае рецессии или спада это кризисные риски и разнообразные социально-экономические потери.

Поиск решений по формированию стратегии регионального развития в условиях экономической нестабильности требует анализа кризисных региональных рисков, которые во многом специфичны для условий каждого периода и требуют индивидуального изучения. Перемены в динамике развития последних лет и кризисного спада 2008–2009 гг. создают базу для изучения актуальных кризисных региональных рисков. Это требует применения специальных подходов по анализу рисков для условий конкретного региона. Один из наиболее перспективных подходов для подобного анализа рассматривается далее.

На первом, наиболее общем уровне оценка перемен и кризисных рисков связаны с анализом динамики валового регионального продукта как интегрированного показателя (далее ВРП — фактического конечного потребления домашних хозяйств на территории субъектов России и валовое накопление основного капитала). Этот показатель достаточно сложен для расчёта и непрозрачен, нивелирует и усредняет разнонаправленные социально-экономические процессы, даёт сглаженную картину территориальных различий и часто требует более подробного анализа структурных изменений [2]. В реалиях современного статистического учёта вызывает сомнение полнота отражения в ВРП социально-экономических процессов. Тем не менее подобная обобщённость делает этот показатель удобным для анализа наиболее значимых, контрастных изменений динамики развития регионов в сравнении друг с другом. Здесь часть вопросов анализа и поиска решений снимается при использовании специальных методических подходов.

При проведении подобного анализа преимущество получают специализированные информационно адаптированные подходы к поиску решений, использующие сочетание эвристических методов анализа графических изображения для распознавания характера тенденций и математического, статистического аппарата для оценки. Поиск решений при этом во многом опирается на принципы методологии мягких систем [3].

Анализ динамики ВРП и кризисных рисков развития в таком подходе предполагает многократное выполнение двух типов операций сравнения оценки динамики ВРП в различных аспектах показателей (в различных вариантах адаптации) с рассмотрением. Основные типовые операции оценки следующие:

– оценка отклонения динамики региона от эталонной (в качестве системы эталонов для сравнения могут быть приняты: траектория определённого сценария развития — в том числе условно оптимальная, средняя по стране тенденция, динамика выборочных представительных территорий и другие);

– оценка расхождения динамики взаимосвязанных показателей (итоговой динамики и составляющих — значимых для устойчивости и сбалансированности регионального развития).

При таком информационно-адаптированном эвристическом подходе анализ включает визуализацию данных — специализированную информационную подготовку графических материалов, дополненных статистическими показателями. Результатом подобной визуализации данных является создание проблемно-ориентированной графическо-цифровой информационной среды для оценки динамики. При этом на графиках отображаются наиболее значимые изменения экономической динамики. Графическая составляющая из вспомогательного инструментария в математической статистике [4], здесь становится определяющей для анализа. Она дополняется большим числом экспертных, эвристических оценок и материалов по развитию региональных социально-экономических систем [5–14].

Подобный анализ динамики позволяет в наиболее общем виде выявить узкие места регионального развития и в конечном итоге определить основные риски и направления возможной корректировки региональной социально-экономической политики.

Социально-экономические риски, связанные с переменами динамики развития, могут определяться как внешними для региона (включая глобальные), так и внутренними факторами. Причём эти риски определяются сочетанием как экономических, так и институциональных факторов. В условиях нестабильности при различном сочетании отмеченных факторов существует множество рисков. Все они отражаются в динамике ВРП. Анализ изменения динамики ВРП с охватом различных периодов экономического раз-

вития (высокий докризисный рост, кризисный спад, посткризисный рост) позволяет эмпирическим путём выделить наиболее заметные риски. Повтор кризисной ситуации способствует повторному росту уже отмеченных рисков, а при наложении ряда факторов возможна синергетика последствий и появление уже новых рисков.

Основные графические материалы и результаты анализа динамики ВРП последнего десятилетия и соответствующих социально-экономических рисков рассмотрены далее для Челябинской области.

На протяжении многих лет ведущий индустриально развитый регион (во времена СССР Челябинская область входила в пятёрку крупнейших по объёму промышленного производства) постепенно сдавал свои позиции с соответствующими социальными последствиями. Темпы прироста ВВП здесь стабильно были ниже среднероссийских. Сейчас объём ВРП на душу населения в регионе уже ниже среднего значения по России. Здесь отражаются проблемы: невысокая эффективность бизнеса, ограниченность инвестиций, доходов и заработной платы, бюджетной обеспеченности, социальной инфраструктуры и др. В последнее время после резкого кризисного спада многие проблемы обострились, хотя регион сохранил значительную часть имеющегося экономического потенциала. В итоге Челябинская область как крупный, индустриальный, староосвоенный регион с явно выраженными отдельными депрессивными процессами является достаточно представительным индикатором многих социально-экономических проблем России.

По результатам проведённого анализа динамики ВРП последнего десятилетия на примере Челябинской области и ряда индустриально развитых регионов России, среди множества кризисных социально-экономических рисков прежде всего необходимо выделить следующие:

- риски при смене национальных трендов;
- риски при смене конъюнктуры глобальных рынков;
- риски при смене институциональных условий для отдельных регионов;
- риски проявления последствий многолетнего отставания;
- риски территориальных различий;
- риски кризисного «невозврата»;
- риски кризисных структурных противоречий воспроизводства;

– риски территориального коллапса и развития локальных кризисных процессов.

В рамках регионального управления все отмеченные риски, проявившиеся при смене трендов динамики ВРП, подлежат дальнейшему детальному анализу для минимизации.

Риски при смене национальных трендов. За последние пятнадцать лет заметны шесть существенно различающихся периодов роста экономики России. Их примерные границы показаны на рис. 1. Различия по темпам роста у них очевидны.

В отдельных регионах изменения динамики развития более заметны. В то же время в сложившихся институциональных условиях инерция действующей практики управления в регионах велика. В результате именно в регионах наиболее остро проявляются риски неадекватности устаревшей стратегии и практики управления в условиях новых национальных трендов, отставания социально-экономической политики от требований времени. Управленческие провалы прежде всего связаны с запоздалой реакцией на новые социально-экономические вызовы. В Челябинской области в кризисный период наблюдалось именно подобное явление.

В результате постепенно нарастали потери для производственного потенциала региона и уровня благосостояния населения. Стремление не отражать в отчётности глубину реальных проблем и поверхностно сгладить негативные тенденции лишь усугубляет их. К тому же подобное уменьшает вероятность смягчения ситуации в регионе при поддержке федерального центра. Очевидно, что без смены экономической политики и при продолжении подобной управленческой практики возможности изменения региональных негативных процессов минимальны.

Риски при смене конъюнктуры глобальных рынков. Изменения конъюнктуры глобальных

рынков могут сказаться на развитии отдельных территорий. Простой анализ динамики ВРП по нескольким ведущим регионам показывает наличие заметных различий в динамике регионального развития. За два последних десятилетия структурные изменения в экономике России за счёт ускорения экономического роста в экспортно-интегрированных регионах привели к новой региональной дифференциации. Это регионы, прежде всего связанные с добычей и реализацией углеводородного сырья, прямым или косвенным использованием соответствующих финансовых ресурсов, в том числе на глобальных рынках.

К регионам с подобной новой спецификой (во многом определяющей динамику развития России) следует отнести Москву, Санкт-Петербург, Тюменскую область. Их рост ВРП заметно превышал средний по стране (рис. 2).

В других заметно сдавших свои позиции индустриальных староосвоенных регионах России показатели роста ВРП заметно скромнее (рис. 3). Только в единичных случаях (Свердловская область) они дотягивают до среднего. В других регионах, даже с высокой долей экспортно-ориентированной промышленности, рост заметно ниже.

В целом субъекты высокого конъюнктурного роста, также как и соответствующие риски, присутствуют во всех регионах и распределены неравномерно. При неустойчивой динамике рост рисков для экспортно-интегрированных территорий неизбежен.

Риски при смене институциональных условий для отдельных регионов. Смена приоритетов государственной политики развития затрагивает регионы неодинаково и может существенно поменять условия экономического развития. Это заметно на примере крупнейших экспортно-интегрированных территорий.

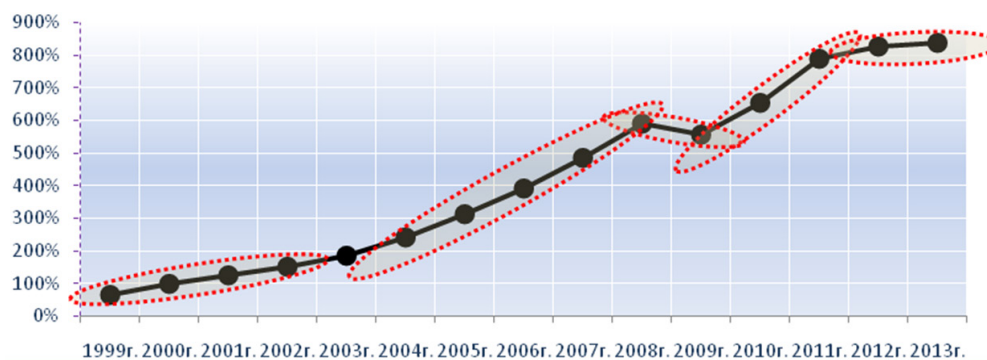

Рис. 1. Динамика валового регионального продукта, всего по РФ (рост в % к уровню 2000 г.) и основные периоды развития

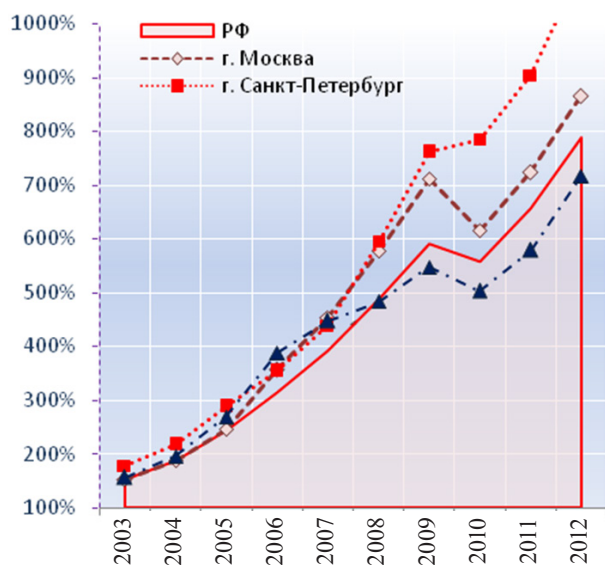

Рис. 2. Динамика ВВП по России и экспортно-интегрированным регионам (рост в % к уровню 2000 г.)

Так, высокий (опережающий в сравнении с остальными) рост ВВП (см. рис. 2) в 2003–2006 гг. присутствовал в динамике Тюменской области. Затем этот всплеск переходит к столичным регионам — Москве и Санкт-Петербургу. Здесь имело место внешнее поверхностное институциональное регулирование финансовых потоков. Схожее перераспределение, прямая или косвенная централизация финансовых потоков затрагивает, хотя и в меньшей степени, другие регионы.

В подобных условиях риски регионов прежде всего связаны с тем, насколько территории удастся использовать те или иные общенациональные тренды, и напрямую зависят от приоритетов и эффективности региональной экономической политики.

Риски проявления последствий многолетнего отставания. На протяжении почти десяти лет темпы экономического развития регионов России заметно различались.

За рассмотренное десятилетие, начиная с 2000 г., систематическое расхождение темпов экономического роста регионов обусловило накопление заметных отличий в приросте ВВП по регионам. В то же время успешные столичные «мегарегионы» заметно превышают среднюю для России динамику роста.

Это отражается в отклонениях трендов прироста ВВП по регионам (от среднего по РФ уровня за 2000–2010 гг., рис. 4). Заметное превышение

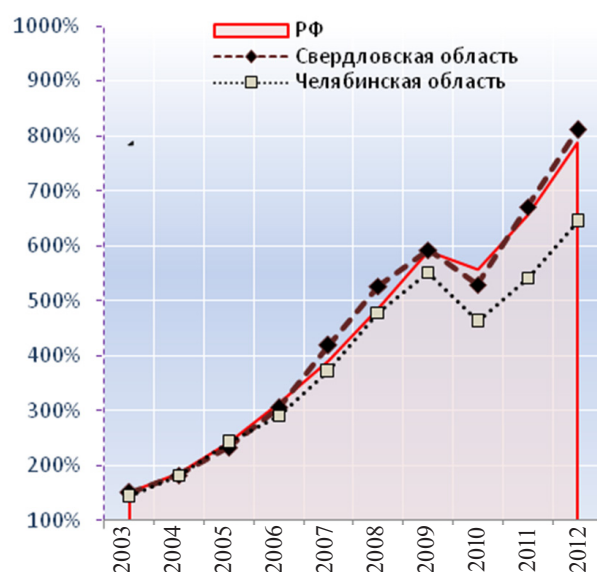

Рис. 3. Динамика ВВП по РФ и по индустриальным староосвоенным регионам (рост в % к уровню 2000 г.)

среднегодового тренда над среднероссийским наблюдалось в Санкт-Петербурге (29%) и Москве (13%). Свердловская область имеет только 1%, а другие регионы имеют заметное отрицательное отклонение: Челябинская область — 13%.

Явно выраженная разнонаправленность трендов прироста валового регионального продукта по регионам от среднего по РФ уровня и отставание Челябинской области очевидны. Многолетнее расхождение темпов роста и «накопление отставаний» не может остаться без явных и скрытых последствий и «накопления» скрытых рисков. Одна из форм проявления таких рисков — рост социальной напряженности. В условиях многолетних трендов низкого роста или стагнации выравнивание отставания социально-экономического развития территорий затруднено и накопленные риски сохраняются.

Отмеченные отличия темпов роста экономики регионов и скрытые проблемы многолетнего отставания обостряются в кризис. «Накопление отставаний» в развитии отдельных регионов не может продолжаться сколь угодно долго. Это своеобразный «отложенный платёж», который рано или поздно придётся возмещать.

Риски территориальных различий и неэффективности единой экономической политики. Нарастание территориальных различий и дифференциации регионов создают предпосылки снижения эффективности единой экономической политики антикризисных мер. Различия в задачах

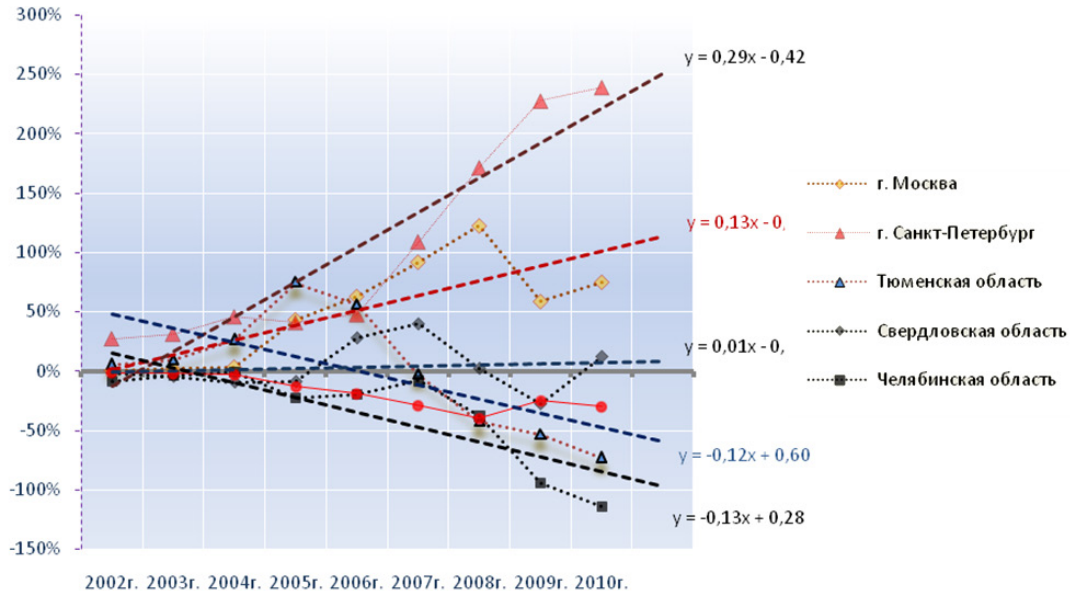

Рис. 4. Отклонение трендов прироста валового регионального продукта по регионам (от среднего по РФ уровня)

и возможностях реализации единой экономической политики соответственно увеличиваются. Возрастают проблемы корректного отражения текущей ситуации и сглаживания противоречий отдельных территорий при использовании средних значений показателей. Подобная ситуация характерна как для регионов, так и для России в целом.

Влияние экспортно-интегрированных регионов на среднероссийский показатель ВРП на душу населения таково, что даже обгоняющая большинство других регионов Свердловская область не дотягивает до среднего по стране значения (рис. 5). Значение ВРП на душу населения

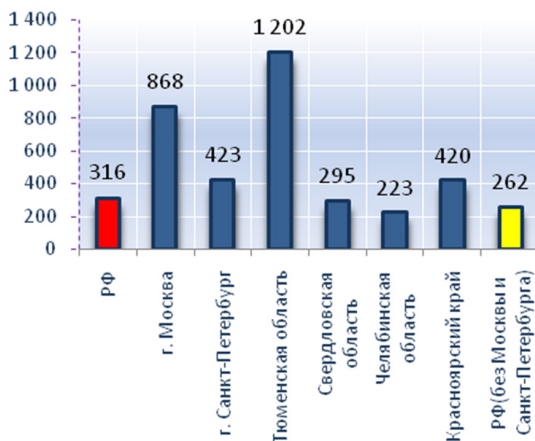

Рис. 5. Годовой валовой региональный продукт на душу населения на начало посткризисного периода, 2011 г., тыс. р.

для регионов РФ без Москвы и Санкт-Петербурга на 20% ниже, чем среднее по России.

Следует отметить, что при растущей неоднородности развития всё более востребованным становится подход к дифференцированному рассмотрению групп однородных регионов и соответствующей экономической политике.

Риски кризисного «невозврата». Риски кризисного «невозврата» связаны с необратимостью социально-экономических перемен в кризис (спад и частичная структурная перестройка экономики, а затем без восстановления фиксация роста на уже новом уровне).

Как показывает анализ динамики ВРП за 2008–2011 гг., при разрушении части хозяйственных связей в кризис последующие восстановление и развитие регионов идёт уже с более низкого кризисного уровня. Динамично развивающиеся регионы в подобных условиях обеспечивают себе преимущество в восстановлении утраченных позиций, в результате чего их отрыв от менее успешных возрастает и дифференциация развития территорий увеличивается.

В динамике Челябинской области среди других регионов наиболее явно выражены признаки кризисного «невозврата» (рис. 6). Здесь заметен резкий спад в динамике ВРП в кризисный период и посткризисное развитие уже с другого уровня, более низкой точки отсчёта.

Риски кризисных структурных противоречий воспроизводства. В кризисный спад дина-

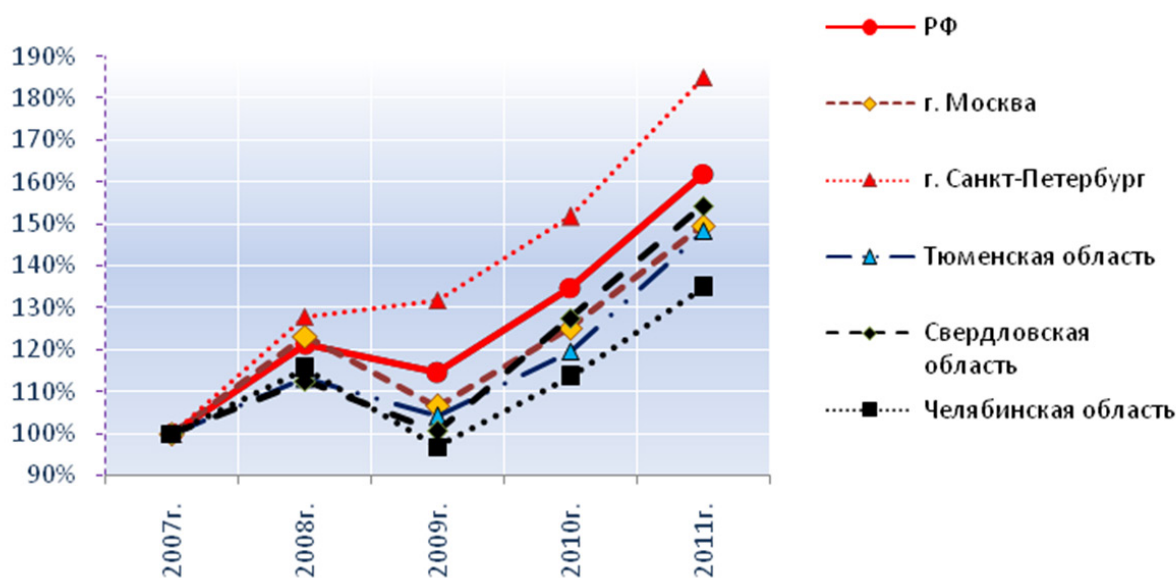

Рис. 6. Динамика валового регионального продукта по регионам в кризисный период (рост в % к уровню 2007 г.)

Динамика основных составляющих ВРП неодинакова. Разнонаправленность динамики показателей, значимых для бизнеса (финансовый результат — прибыль за минусом убытков всех предприятий региона) и социума (средняя номинальная заработная плата по региону), приводит к возникновению структурных противоречий — рисков, опасных для перспектив экономического развития. Это в первую очередь касается финансовых результатов предприятий, неизбежно затрагивает вопросы воспроизводства и саморазвития предприятий.

Динамика этих показателей Челябинской области в кризис 2008–2009 гг. показывают гораздо бо-

лее проблемную картину, чем в среднем по стране. В отличие от ситуации по России, где динамика во многом стабилизировалась, а темпы роста выравнивались (хотя и с заметными потерями для эффективности бизнеса), в Челябинской области динамика этих показателей строго разнонаправлена (рис. 7). Если рост заработной платы в регионе с небольшой погрешностью повторяет общероссийский тренд, то в отличие от России финансовый результат (прибыль) Челябинской области с небольшими колебаниями продолжил своё падение.

Подобная ситуация неизбежно будет способствовать постепенному разрастанию негативных

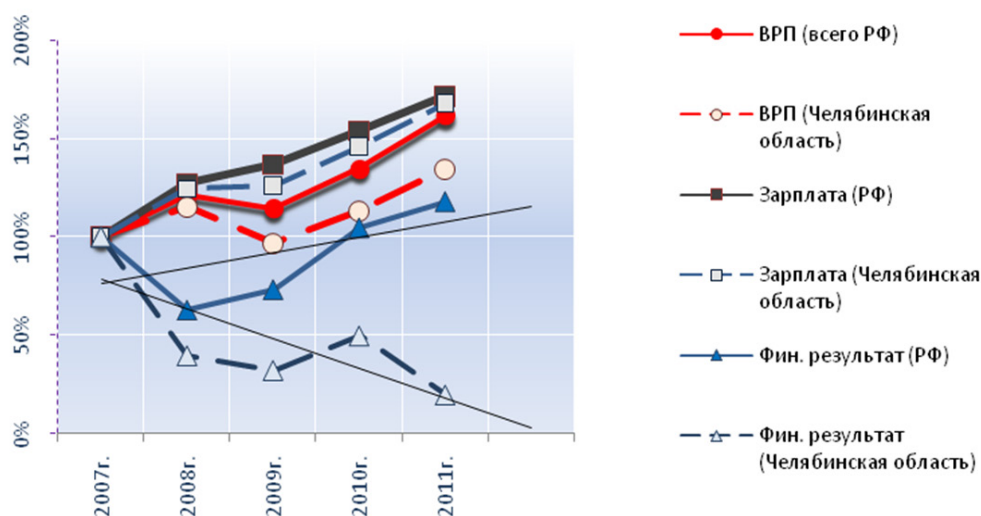

Рис. 7. Динамика показателей РФ и Челябинской области: валовый региональный продукт, средняя номинальная зарплата, финансовый результат предприятий — прибыль минус убыток (рост в % к уровню 2007 г.)

социально-экономических последствий. Риски кризисных структурных противоречий воспроизводства будут возрастать, в данном случае финансовые возможности саморазвития региона сокращаться.

Риски территориального коллапса и развития локальных кризисных процессов. Более низкая динамика показателей региона в сравнении с остальными — систематическое отставание в росте при отсутствии явных «прорывных» свидетельствует о некотором региональном социально-экономическом коллапсе (низкая динамика, приводящая к снижению значимости региона в национальной экономике). Здесь в перспективе возможно множество негативных нарастающих локальных кризисных явлений, приводящих к снижению устойчивости развития всей территориальной социально-экономической системы, потере синергетики регионального развития.

Так, динамика рассмотренных выше показателей Челябинской области (финансовый результат и средняя номинальная заработная плата) стабильно хуже динамики России. Нарастание отставания Челябинской области относительно динамики России указывает на риски территориального коллапса (рис. 8). Причём масштабы отклонений значительны (ежегодная разница в 23 % в динамике финансового результата весьма критична для экономики). Фактически в регионе продолжают специфические локальные кризисные процессы, отражающиеся в динамике ВРП.

Подобное постепенное, но всё более явное замедление развития с элементами спада по ключевым трендам можно рассматривать как посте-

пенное распространение стагнации и рецессии по сферам экономики — медленный коллапс социально-экономических процессов региона. При этом снижение устойчивости развития региональной экономической системы (рост рисков бифуркации) вначале малозаметно. Наблюдается постепенное падение темпов роста одних показателей (финансовый результат) и только затем других (заработная плата). Далее — рецессия и ярко выраженный спад с более масштабными последствиями. Причём негативные последствия тенденций могут проявляться с задержкой во времени.

Локальные кризисные процессы крайне опасны. Очевидно, что при многолетнем снижении прибыли бизнес не может наращивать объём заработной платы и осуществлять инвестирование. Первым признаком проблем развития является вывоз капитала и свёртывание инвестирования ведущих предприятий. Затем: замедление роста заработной платы, сокращение денежной массы и проблемы наполнения бюджета, трудности сферы услуг и малого бизнеса, проблемы инфраструктуры и трудового потенциала, текущие проблемы ведущих предприятий и далее по кругу. Хотя при таком последовательном замедлении роста и своеобразном сжатии — «коллапсе» всей системы, временами в регионе могут наблюдаться временные всплески значений отдельных показателей.

Проведённый анализ создаёт базу для прогнозирования кризисных рисков по мере изменения нарастания социально-экономических перемен. Здесь вначале следует более детальный анализ вышеотмеченных и новых кризисных рисков.

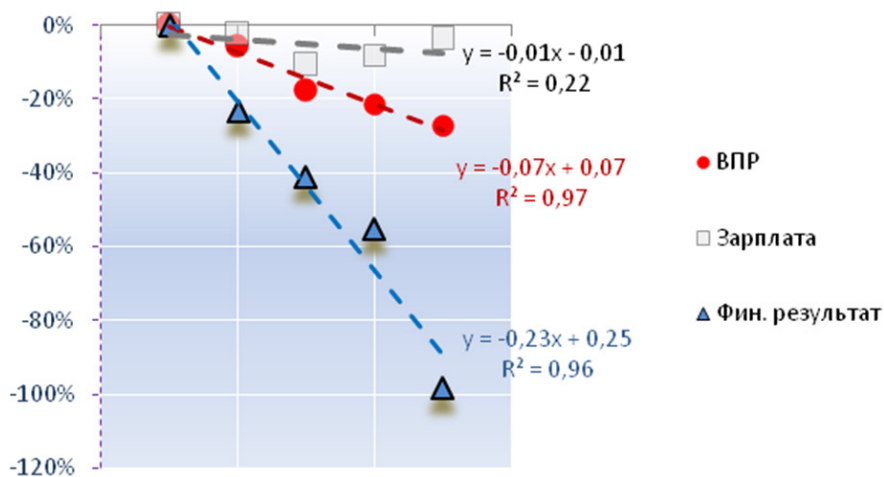

Рис. 8. Тренды отклонения Челябинской области в динамике развития Российской Федерации, разница в % по показателям ВРП, зарплаты, финансового результата за 2007–2011 гг.

Далее, с учётом материалов исследований, важны соответствующие и своевременные институциональные преобразования и последующие перемены в стратегии регионального развития.

При этом мероприятия могут быть различными, современная практика преодоления кризисных явлений и минимизации рисков обширна и многогранна.

Список литературы

1. Мадера, А. Г. Риски и шансы: неопределённость, прогнозирование и оценка / А. Г. Мадера. – М. : УРСС, 2014. – 448 с.
2. Гордеев, С. С. Валовой региональный продукт как интегральный показатель развития региональной экономики: специфика и проблемы использования / С. С. Гордеев, С. Г. Зырянов, О. П. Иванов, А. В. Кочеров // Социум и власть. – 2014. – № 5 (49). – С. 116–123; № 6 (50). – С. 72–75.
3. Checkland, P. Soft systems methodology in action / P. Checkland, J. Scholes. – N.-Y. : John Wileys Sons Inc., USA, 1990. – 329 p.
4. Афанасьев, В. Н. Анализ временных рядов и прогнозирование / В. Н. Афанасьев, М. М. Юзбашев. – М. : Финансы и статистика, 2001. – 228 с.
5. Морозов, В. В. Стратегические основы совершенствования управления инвестиционной деятельностью в регионе / В. В. Морозов. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2010. – 363 с.
6. Морозов, В. В. Стратегические основы налоговой активизации и стимулирования инвестиционно-инновационных процессов / В. В. Морозов // Журн. экон. теории. – 2014. – № 3. – С. 164–171.
7. Татаркин, А. И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов / А. И. Татаркин // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 9–33.
8. Татаркин, А. И. Скрытый потенциал российских городов: от агломерационных объединений к программно-проектным стратегиям развития территорий / А. И. Татаркин // Экон. наука соврем. России. – 2014. – № 2 (65). – С. 7–25.
9. Татаркин, А. И. Саморазвитие территориальных социально-экономических систем как потребность федерального обустройства России / А. И. Татаркин // Экономика региона. – 2013. – № 4. – С. 9–26.
10. Бочко, В. С. Перспективы развития Среднего Урала в условиях растущих экономических угроз / В. С. Бочко // Экономика региона. – 2014. – № 2. – С. 43–53.
11. Гордеев, С. С. Динамика заработной платы региона и проблемы её измерения в условиях экономической нестабильности / С. С. Гордеев, А. Ю. Даванков, О. А. Козлова, Н. З. Шаймарданов // Экономика региона. – 2010. – № 4 (24). – С. 25–31.
12. Гордеев, С. С. Основы проектирования социо-эколого-экономического развития территорий / С. С. Гордеев, А. Ю. Даванков, Г. А. Косарева // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 21 (350). Экономика. Вып. 47. – С. 74–81.
13. Даванков, А. Ю. Методологические аспекты планирования социо-эколого-экономического развития / А. Ю. Даванков, Я. В. Рипка, В. Р. Ключникова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 5 (334). Экономика. Вып. 43. – С. 69–73.
14. Капустина, Л. М. Регион в мировом и национальном экономическом пространстве / Л. М. Капустина. – Екатеринбург, УрО РАН, 2000. – 360 с.

Сведения об авторах

Гордеев Сергей Сергеевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Научно-образовательного центра Института экономики Уральского отделения РАН и ЧелГУ, Челябинск, Россия. sgordeev222@mail.ru

Кочеров Андрей Валерьевич — начальник научно-исследовательского сектора Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kocherov.andrey@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 104–113.

ANALYSIS OF DYNAMICS GROSS REGIONAL PRODUCT AND CRISIS RISKS

S. S. Gordeev

*Candidate of Economics, Leading Researcher, Head of the Research and Education Center of the Institute of Economics,
Ural Branch of Russian Academy of Sciences and the CSU, Chelyabinsk, Russia. sgordeev222@mail.ru*

A. V. Kocherov

Head of Research Sector of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kocherov.andrey@gmail.com

Search regional administrative decisions in conditions of economic instability requires an analysis of crisis risks, which are largely specific to the conditions of each period and require individual study. The application of specialized information and adapted approach for the analysis includes specialized training graphic materials. The main provisions of the macroeconomic analysis of the dynamics of the gross regional product, covering different periods of economic development (high pre-crisis growth, crisis recession, post-crisis growth) and crisis risks. Assessed the possible effects of long-term differences in the rate of economic growth in Russia's regions, identify major regional crisis risks. Materials analysis shows an example of the Chelyabinsk region and a number of industrially developed regions of Russia.

Keywords: *risks, dynamics, gross regional product, crisis, Chelyabinsk region.*

Reference

1. Madera A.G. *Risks and chances: uncertainty, forecasting and evaluation*. Moscow, URSS, 2014. 448 p. (In Russ.)
2. Gordeyev S.S., Zyryanov S.G., Ivanov O.P. and Kocherov A.V. Valovyy regional'nyy produkt kak integral'nyy pokazatel' razvitiya regional'noy ekonomiki: spetsifika i problemy ispol'zovaniya [Gross regional product as an integral component of the regional economy: specificity and problems of using]. *Sotsium i vlast'* [Social and power]. 2014. No. 5 (49). Pp. 116–123; No. 6 (50). Pp. 72–75. (In Russ.)
3. Checkland P. and Scholes J. *Soft systems methodology inaction*. John Wileys Sons Inc., NY, USA, 1990. 329 p.
4. Afanas'yev V.N., Yuzbashev M.M. *Analiz vremennykh ryadov i prognozirovaniye* [Time series analysis and forecasting]. Moscow, Finance and Statistics, 2001. 228 p. (In Russ.)
5. Morozov V.V. *Strategicheskiye osnovy sovershenstvovaniya upravleniya investitsionnoy deyatelnost'yu v regione* [The strategic bases of perfection of management of investment activity in the region]. Yekaterinburg, 2010. 363 p. (In Russ.)
6. Morozov V.V. Strategicheskiye osnovy nalogovoy aktivizatsii i stimulirovaniya investitsionno-innovatsionnykh protsessov [Strategic Framework tax foster and promote investment and innovation processes]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [J. of Economic Theory]. 2014. No. 3. Pp. 164–171. (In Russ.)
7. Tatarkin A.I. Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipalitetov [The dialectic of state and market regulation of socio-economic development of regions and municipalities]. *Ekonomika regiona* [The region's economy]. 2014. No. 1. Pp 9–33. (In Russ.)
8. Tatarkin A.I. Skrytyy potentsial rossiyskikh gorodov: ot aglomeratsionnykh ob'yedineniy k programmno-proyektnym strategiyam razvitiya territoriy [Hidden potential of Russian cities from the agglomeration of association to the software and design development strategies territories]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2014. No. 2 (65). Pp. 7–25. (In Russ.)
9. Tatarkin A.I. Samorazvitiye territorial'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh sistem kak potrebnost' federal'nogo obustroystva Rossii [Personal development of territorial socio-economic systems as the need for a federal arrangement of Russia]. *Ekonomika regiona* [Economy of the region]. 2013. No. 4. Pp. 9–26. (In Russ.)

10. Bochko V.S. Perspektivy razvitiya Srednego Urala v usloviyakh rastushchikh ekonomicheskikh ugroz [Prospects for the development of the Middle Urals in the face of rising economic risks]. *Ekonomika regiona* [The region's economy]. 2014. No. 2. Pp. 43–53. (In Russ.)

11. Gordeyev S.S., Davankov A.Yu., Kozlova O.A. and Shaymardanov N.Z. Dinamika zarabotnoy platy regiona i problemy yeye izmereniya v usloviyakh ekonomicheskoy nestabil'nosti [Wage dynamics in the region and the problems of its measurement in terms of economic instability] *Ekonomika regiona* [Economy of the region]. 2010. No. 4 (24). Pp. 25–31. (In Russ.)

12. Gordeyev S.S., Davankov A.Yu. and Kosareva G.A. Osnovy proyektirovaniya sotsio-ekologo-ekonomicheskogo razvitiya territoriy [Fundamentals of social, ecological and economic development of territories]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 21 (350). Economy. Issue 47. Pp. 74–81. (In Russ.)

13. Davankov A.Yu., Ripka Ya.V. and Klyuchnikova V.R. Metodologicheskiye aspekty planirovaniya sotsio-ekologo-ekonomicheskogo [Methodological aspects of the planning of socio-economic and ecological]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 5 (334). Economy. Issue 43. Pp. 69–73. (In Russ.)

14. Kapustina L.M. *Region v mirovom i natsional'nom ekonomicheskom prostranstve* [The region in the world and national economic space]. Yekaterinburg, Ural branch of the RAS, 2000. 360 p. (In Russ.)

ЭКОНОМИКА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

MICROECONOMICS AND ECONOMICS OF ENTERPRISES

Вестник Челябинского государственного университета.
2015. № 8 (363). Экономика. Вып. 48. С. 114–126.

УДК 338.449
ББК 65.304

ОЦЕНКА УРОВНЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СЛОЖНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ РОССИЙСКОГО ТРУБНОГО РЫНКА: МЕТОДИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

С. В. Орехова, Ф. Я. Леготин, Г. Н. Пряхин*

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный экономический университет», Екатеринбург, Россия

**ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия*

Институциональная экономика как наука тесно связана с экономикой отраслевых рынков. Цель исследования — выявление особенностей и выделение ключевых параметров анализа рынка с позиции институционального подхода. Институциональный анализ рынка сосредоточен на изучении формальных и неформальных механизмов координации его участников. Трубный рынок является одним из перспективных отраслей российской промышленности и одним из наиболее значимых для Уральского региона. Авторами предложен набор параметров для оценки институциональной сложности и неопределённости трубного рынка. Классификация рынков по уровню институциональной сложности позволила сделать вывод о среднем уровне неопределённости и высоком уровне институциональной сложности трубного рынка в России. На основе эмпирического институционального анализа авторами определены направления стратегического развития российских предприятий трубной отрасли.

Ключевые слова: *институциональная сложность рынка, уровень неопределённости рынка, трубная промышленность, стратегия предприятия.*

Постановка проблемы. Российский рынок, подверженный серьёзным трансформациям в связи с изменением политико-экономической институциональной среды, находится в поиске источников конкурентных преимуществ. Отдельные отрасли и производства, напрямую зависящие от мировой экономической ситуации, условий экспорта, а также цен, устанавливаемых на смежных рынках, испытывают существенные трудности.

Металлургический комплекс, являющийся одним из столпов российской тяжёлой промышленности, сейчас также претерпевает значительную деформацию. Для Уральского региона, где металлургия фактически является локомотивом экономики, проблема снижения эффективности данного отраслевого рынка представляется крайне острой. Важно также понимать, что металлургические предприятия являются в основном градообразующими, т. е. ухудшение финансового состояния предприятий металлургии напрямую коррелирует с уровнем и качеством жизни населения региона.

В условиях сужения границ рынка важным является формирование механизмов устойчивых

конкурентных преимуществ предприятий металлургического комплекса.

Исследование направлено на определение уровня институциональной сложности и неопределённости трубного рынка Российской Федерации для формирования пакета предложений по устойчивому стратегическому развитию предприятий трубной промышленности.

Задачами данной статьи выступают:

1) разработка методики оценки уровня институциональной сложности и неопределённости рынка;

2) диагностика российского трубного рынка через призму неинституциональной экономической теории в соответствии с выделенными параметрами оценки;

3) формирование направлений развития российских предприятий трубной промышленности.

Методика оценки уровня институциональной сложности и неопределённости рынка. Рыночные исследования являются неотъемлемой частью современных экономических исследований, проводимых как на макроуровне (мировые, национальные и региональные рынки), так

и микроуровне (такие исследования в основном направлены на изучение поведения предприятия в условиях специфики рынка). От детализации исследований рынка и точности полученных выводов зависит эффективность принимаемых стратегических решений.

Уровень институциональной сложности и неопределённости рынка напрямую определяет стратегические и тактические шаги деятельности компаний, работающих на данном рынке. Фактически, чем сложнее и динамичнее рынок, тем более затратной будет адаптация для фирм, которые на нём функционируют.

Под институциональной сложностью рынка мы понимаем наличие формальных и неформальных институтов, которые препятствуют входу (выходу) на рынок, определяют условия функционирования и специфику взаимодействия участников рынка.

Институциональная сложность рынка может быть определена следующими параметрами:

- количеством и степенью «преодолимости» барьеров входа (выхода) на рынок;
- количеством и структурой участников рынка, уровнем их рыночной силы;
- уровнем конкуренции на рынке и другими показателями рыночной конъюнктуры (уров-

нем спроса и предложения на рынке, пропорциональностью рынка, уровнем деловой активности и пр.);

– уровнем сложности институциональной структуры рынка: наличием разных типов институтов и видов контрактов, механизмов координации рынка, механизмов инфорсменты; взаимодействием институтов, их согласованностью и непротиворечивостью и пр.

По аналогии с классификацией рынков по уровню входных барьеров с позиций экономики отраслевых рынков [1; 15; 18] можно определить четыре уровня институциональной сложности рынка (табл. 1).

Вопрос определения уровня неопределённости рынка может быть рассмотрен с позиций нескольких научных школ.

Неоинституционалисты рассматривают неопределённость как меру информации (вернее, её асимметричности) и связывают её с уровнем транзакционных издержек). Так, О. Уильямсон выделяет два вида неопределённости: окружающую (состояние рынка) и поведенческую (неясные цели и действия отдельных участников рынка) [20].

С позиции системного подхода категорию «неопределённость» можно рассматривать как уро-

Таблица 1

Классификация рынков по уровню институциональной сложности

Тип рынка по уровню сложности	Характеристики типа рынка	Наиболее вероятный тип рынка по уровню конкуренции
Лёгкий	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие фактического или потенциального конкурента на рынке, у которого имеются какие-либо преимущества в затратах 2. Незначительные институциональные барьеры входа на рынок 3. Стратегические барьеры отсутствуют 4. Высокая мобильность капиталов 5. Конкуренция на рынке поставщиков (свобода в приобретении ресурсов) 6. Рынок чаще всего растущий, предложение превышает спрос 7. Количество игроков на рынке велико 8. Значительная дифференциация продукта (включая товары-заменители) 9. Институциональная структура рынка простая (стандартные «правила игры» и механизмы координации взаимодействия участников рынка) 	<ul style="list-style-type: none"> – Совершенная конкуренция (на практике встречаются крайне редко) – Монополистическая конкуренция
Предоставляемый	<ol style="list-style-type: none"> 1. Значительный уровень институциональных барьеров входа на рынок 2. Стратегические барьеры отсутствуют в связи с их неэффективностью в долгосрочном периоде 3. Предложение ориентируется на спрос, так как покупателей немного 4. Наличие нескольких крупных игроков 5. Продукты дифференцированы незначительно, товары-заменители редки 6. Институциональная структура рынка сложная, но редко меняющаяся 	<ul style="list-style-type: none"> – Монополистическая конкуренция – Олигополия

Окончание табл. 1

Тип рынка по уровню сложности	Характеристики типа рынка	Наиболее вероятный тип рынка по уровню конкуренции
Сдерживаемый	<ol style="list-style-type: none"> 1. Значительный уровень институциональных барьеров входа на рынок 2. Стратегические барьеры со стороны доминирующей фирмы (владеющей 25%-й и более долей рынка) 3. Предложение ориентируется на спрос, так как покупателей немного 4. Наличие доминирующей фирмы и конкурентного окружения (последователи лидера, малый и средний бизнес) 5. Продукты дифференцированы незначительно, товары-заменители редки 6. Институциональная структура рынка определяется доминирующей фирмой 	<ul style="list-style-type: none"> – Олигополия – Рынок с доминирующей фирмой
Блокированный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Число фирм на рынке стабильно либо 1 участник 2. Институциональные барьеры входа на рынок практически непреодолимы 3. Стратегические барьеры являются наиболее значимыми 4. Участники рынка могут регулировать спрос 5. Продукты дифференцированы незначительно, товары-заменители редки 6. Институциональная структура рынка определяется объединением участников рынка или единственным участником 	<ul style="list-style-type: none"> – Картели – Естественная монополия

вень отклонения системы от нормы (в динамике или статике). С этой точки зрения, неопределённость — это разрыв между ожидаемым состоянием и реальным развитием организационно-экономической системы [6].

Поклонники теории сценарного анализа изучают неопределённость как возможность выбора альтернатив, неоднозначность исхода событий. [26; 27].

Поскольку одной из задач нашего исследования выступает анализ рынка, важно изучить динамические изменения его макропараметров. Именно

этот подход и будет использован нами для оценки уровня неопределённости трубного рынка.

Анализ трубного рынка в России: проблемы и перспективы. Трубная промышленность — одна из базовых специализированных подотраслей чёрной металлургии, и Россия на сегодняшний день является одним из ведущих в мире производителей труб различного сортамента (рис. 1).

На сегодняшний день в трубной отрасли Российской Федерации функционируют восемь основных трубных заводов, а также 54 предпри-

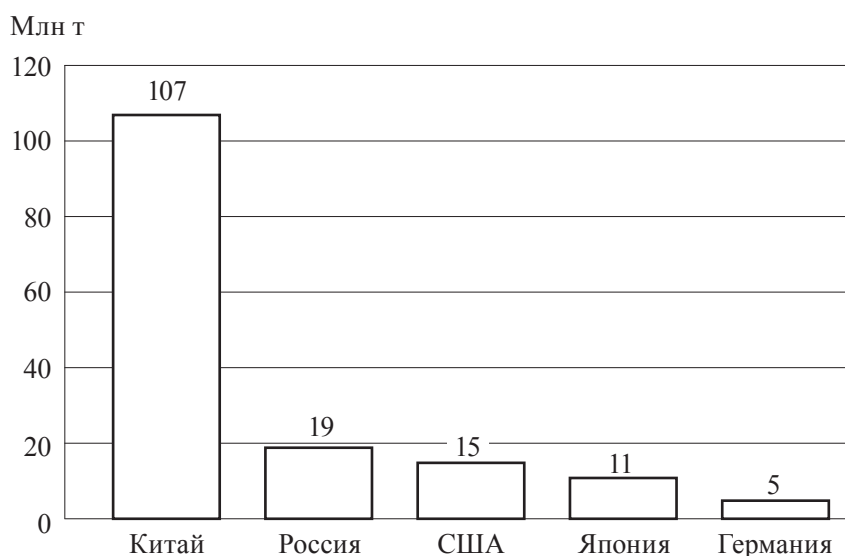

Рис. 1. Крупнейшие страны-производители труб в мире (производственные мощности) [21]

ятия по производству труб сварного сортамента [4]. Основные участники российского трубного рынка представлены четырьмя крупными компаниями, доля которых на внутреннем рынке традиционно составляет около 85% (табл. 2).

Так как двигателем промышленного роста в России за последние 20 лет стали экспортно-ориентированные отрасли, то глобальные преобразования коснулись и трубной промышленности. Нефте- и газовые компании являются основными потребителями трубной продукции в Российской Федерации (рис. 2).

Таким образом, трубную промышленность характеризует интенсивная динамика развития, которая обеспечивается в первую очередь за счёт спроса (табл. 3).

Рис. 3 свидетельствует, что в период с 1999 по 2008 г. трубная промышленность (исключая

незначительные спады производства) развивалась стремительными темпами.

С начала века ёмкость трубного рынка в России выросла почти в 3 раза и имеет дальнейшие перспективы к росту. В то же время, согласно данным внутренней отчётности ОАО «СинТЗ» [4] спрос на трубном рынке в Российской Федерации, начиная с 2011 г. уменьшается, что объясняется как общей негативной экономической обстановкой в мире, так и снижением темпов роста российской экономики. Данная тенденция, по прогнозам [4], может продлиться до 2017 г.

С одной стороны, очевидна «привязка» рынка к нефтегазовому сектору, соответственно, любые мировые рыночные или институциональные изменения влияют на уровень спроса на данном рынке. Так, рис. 3 иллюстрирует, что в периоды кризисов (1999, 2009 гг. и, вероятнее всего, 2014 г.)

Таблица 2

Основные участники трубной отрасли Российской Федерации [4]

Предприятие	Состав участников	Доля на рынке, %
ТМК (Трубная металлургическая компания)	Волжский трубный завод, Синарский трубный завод, Северский трубный завод, Таганрогский металлургический завод, ТМК–ИНОКС, ТМК–КПВ, ТМК–Казтрубпром	25
ЧТПЗ (Челябинский трубопрокатный завод)	Челябинский трубопрокатный завод и Первоуральский новотрубный завод	20
ОМК (Объединённая металлургическая компания)	Выксунский металлургический завод, Альметьевский трубный завод, завод «Трубодеталь», Литейно-прокатный комплекс, Благовещенский арматурный завод, Чусовской металлургический завод	34
Ижорский трубный завод	Ижорский трубный завод (входит в «Северсталь»)	5

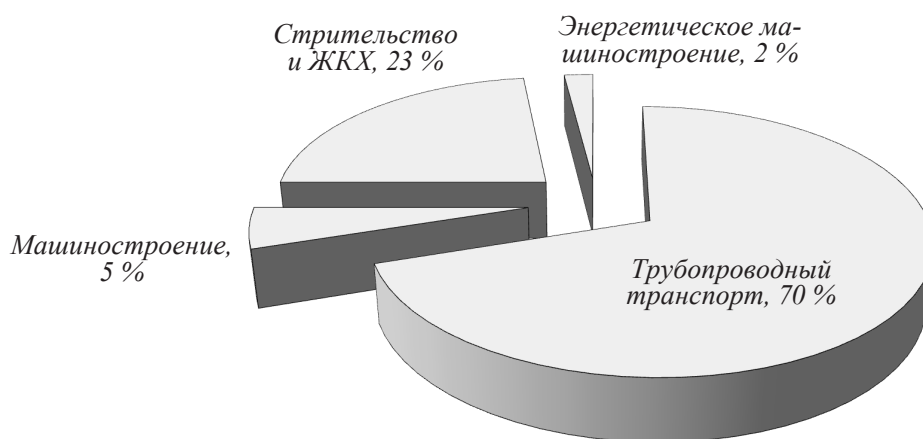

Рис. 2. Структура спроса на трубную продукцию в Российской Федерации в 2013 г.

Таблица 3

Динамика развития трубной отрасли Российской Федерации в 2000–2012 гг. [3]

Показатель	2000	2012
Производственные мощности	9 млн т	19 млн т
Износ основных фондов	>60%	<40%
Объём инвестиций (всего / долл. США на 1 т)	Незначительный	12 млрд долл. США/ 200 долл. США на 1 т
Доля продукции, производимая по инновационным технологиям	Незначительная	>60%
География экспорта	15 стран мира	Более 80 стран мира
Наличие кредитного портфеля	Отсутствует	Значительный
Численность занятых в отрасли	Около 30 тыс. человек	Около 60 тыс. человек
Рост производительности труда (т/чел.)	+56,7%	

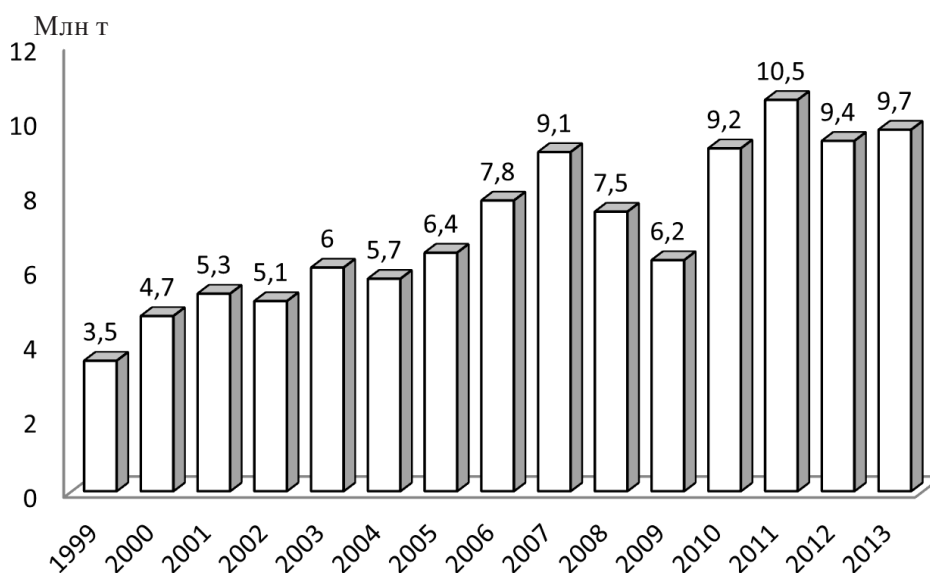

Рис. 3. Динамика потребления труб в России в 1999–2013 гг. Составлено по [10]

произошло резкое сокращение ёмкости рынка на 30% и более. С другой стороны, уровень спроса «привязан» к конкретным проектам, которые, как правило, являются долгосрочными и финансирование которых «одномоментно» нельзя прекратить. Данные аргументы позволяют сделать вывод о том, что трубный рынок по уровню неопределённости может быть охарактеризован как средний.

Оценка уровня институциональной сложности возможна на основе анализа характерных специфических особенностей трубного рынка России. К таковым относятся:

1. Прямая корреляционная зависимость от смежных рынков. Нефтегазовая отрасль исторически подвержена волатильности, и спады на рынках углеводородного сырья негативно отражают-

ся на спросе на продукцию трубников. Уровень отраслевой инвестиционной активности, в свою очередь, зависит от уровня расходов крупнейших нефтяных и газовых компаний, во многом определяемого мировой конъюнктурой цен на углеводородное сырьё. В случае существенного и/или продолжительного снижения цен на нефть и природный газ, нефтегазовые компании могут сократить объёмы своих расходов, что может привести к существенному сокращению спроса на трубы нефтегазового сортамента, ужесточению конкурентной борьбы и снижению рыночных цен на трубную продукцию.

2. Внутривыпускная борьба между аналогичными товарами (в том числе товарами-заменителями). Так, практически прямыми аналогами на рынке являются сварные и бесшовные (холод-

нодеформированные) трубы. В случае финансово-экономического спада в большей степени востребованы более дешёвые сварные трубы, хотя они и менее качественные. С одной стороны, такая диверсификация компаний всегда обеспечивает им прибыль, с другой — быстрая и малозатратная переналадка производства в связи со спецификой технологии невозможна, и при востребованности одного вида труб простаивают производственные мощности для производства другого вида.

3. Рост конкуренции со стороны иностранных производителей (рис. 4). Импорт стальных труб в Россию в 2013 г. вырос незначительно, всего на 4,7% (до 848,7 тыс. т), но структура поставщиков изменилась кардинально: поставки с Украины сократились на 35,3% (до 301,1 тыс. т), из стран СНГ в целом — на 21,3% (до 430,6 тыс. т). Зато на российский рынок буквально хлынули поставщики из Китая, увеличив ввоз в 2,2 раза (до 265,7 тыс. т) [14].

Предприятия Китая используют такие инструменты, как демпинг, а также государственное субсидирование отрасли (программы грантов, льготные программы кредитования, в том числе списание долга, ограничение импорта сырья для производства труб, программы налоговых льгот, обеспечение китайских трубных компаний сырьём, ресурсами и электроэнергией по заниженной стоимости, программы развития регионов — развитие особых экономических зон, освобождение от уплаты налога на прибыль в течение двух лет для новых предприятий) [21].

В КНР активно наращивали металлургические мощности на протяжении последнего десятиле-

тия. Выпуск только стальных бесшовных труб к 2013 г. здесь увеличился в три с лишним раза — до 28,2 млн т. (Для сравнения: в России за тот же период — лишь на четверть, до 3,2 млн т.)

По данным WorldSteelAssociation, на Китай сегодня приходится 72% мирового производства стальных бесшовных труб [14], а рынка сбыта для таких объёмов в стране нет. Чтобы не допустить перепроизводства, китайские компании вынуждены давить на внешние рынки, снижая рентабельность и демпингуя.

Благоприятная для отечественных «трубников» тенденция сокращения импорта, прослеживающаяся в последние несколько лет, связана с рядом институциональных политических решений по сдерживанию китайских производителей.

Также значительную долю российского рынка до 2013 г. занимали украинские производители: Нижнеднепровский трубопрокатный завод («Интерпайп»), «НЗСТ «ЮТИСТ»», Днепропетровский трубный завод, Днепропетровский трубный завод. В 2014 г. в связи с изменениями экономико-политической ситуации украинские трубники лишились значительной доли российского рынка. Такая ситуация является значимой возможностью для российских производителей укрепить свои позиции.

Проблема заключается также в том, что иностранные производители предлагают аналогичный сортамент труб по более низким ценам, что постепенно снижает среднерыночный уровень цен на всём трубном рынке в России.

4. Динамика ёмкости трубного рынка определяется в основном ходом реализации проектов строительства магистральных газо- и нефтепро-

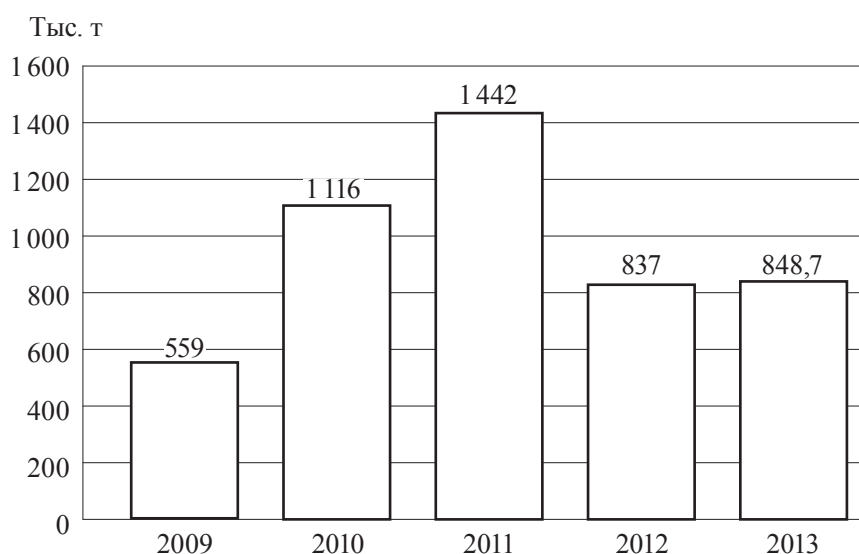

Рис. 4. Динамика импорта труб Российской Федерацией в 2009–2013 гг. Составлено по [21]

водов. Государство поддерживает отдельные отрасли и сектора промышленности. К примеру, такой федеральный проект, как сооружение второй очереди Балтийской трубопроводной системы, позволяющей связать нефтепровод «Дружба» с российскими морскими портами на Балтийском море, может обеспечить трубные предприятия заказами на продукцию в больших объемах на среднесрочный период [11].

Отказ России от строительства «Южного потока» в декабре 2014 г., несмотря на то, что строительство будет перенаправлено в сторону Турции, существенно повлияет на российских трубников.

Трубы большого диаметра являются одной из серьезных проблем, которая стоит сейчас перед российскими крупнейшими компаниями трубной промышленности: избыток производственных мощностей. «Северный» и «Южный» потоки, месторождения на Ямале, импортозамещение — под этими лозунгами российские металлурги строили и строили все новые предприятия и цеха, особенно — по выпуску труб большого диаметра (ТБД). В итоге в 2007 г. уровень использования производственных мощностей составлял 76,5 % (по ТБД — 85,2 %), в 2009 г. он уже сократился до 54,4 % (61 %). К концу 2011 г. в секторе ТБД спрос составлял менее 30 % от возможного производства. А поскольку на тот момент российские ТБД являлись объектом почти исключительно внутреннего потребления (экспорт со-

ставлял менее 7 %), вслед за спросом обвалилось и производство, сократившись за считанные месяцы почти вдвое.

На сегодняшний день внутренний спрос удовлетворяется в полной мере (около 90 % приходится на отечественных производителей, 10 % — импорт), поэтому существует риск неостребованности продукции, поскольку отношения потребителей и производителей уже хорошо налажены.

Появление новых игроков практически невозможно в связи с тем, что все имеющиеся игроки обладают достаточной рыночной мощностью для осуществления ценовых и, в первую очередь, неценовых стратегических барьеров для входа на рынок.

К таким барьерам, в первую очередь, относится осуществление дополнительных инвестиций в оборудование «большой трубной тройкой», что затрудняет вход на рынок новых участников (табл. 4).

Во-вторых, серьезным входным барьером на рынок является система отношений, построенная на долгосрочном сотрудничестве с потребителями, подстройка производственных мощностей под нужды основных потребителей. К примеру, среди основных потребителей продукции ОМК — ведущие российские и зарубежные компании: «Газпром», «Российские железные дороги», «ЛУКОЙЛ», «АК Транснефть», «Сургутнефтегаз», «Роснефть», «ТНК-ВР», ExxonMobil, RoyalDutch/Shell, GeneralElectric,

Таблица 4

Крупнейшие инвестиционные проекты трубной промышленности Российской Федерации, 2009–2013 гг. [21]

Год	Инвестиционный проект
Реализованные проекты	
2009	Комплекс финишной обработки промысловых труб на Первоуральском новотрубном заводе (ПНТЗ) Электросталеплавильный комплекс на Северском трубном заводе (СТЗ) — 900 тыс. т
2010	Цех по производству прямошовных ТБД на ЧТПЗ — 900 тыс. т Электросталеплавильный комплекс на ПНТЗ — 900 тыс. т
2011	Стан «5000» на Волжском трубном заводе (ВТЗ) мощностью 1,5 млн т широкополосного горячекатаного проката
2013	Дуговая электросталеплавильная печь на Таганрогском металлургическом заводе — 950 тыс. т
Перспективные проекты	
2014	Стан непрерывной горячей прокатки труб FineQualityMill на СТЗ Комплекс финишной обработки промысловых труб на СТЗ Завершение реконструкции ТЭСЦ-3 ВТЗ с выходом на мощность в 650 тыс. т/год
до 2016	Строительство интегрированного трубосталеплавильного комплекса в г. Чусовом (ОМК) — 500 тыс. т бесшовных труб

Samsung. Продукция ОМК поставляется более чем в 30 стран мира [12].

Более того, игроки, действующие на рынке в течение длительного времени, не только наращивали производственные мощности, но и дифференцировали продукцию, чтобы присутствовать на нескольких рынках одновременно. К примеру, продукция ОМК включает в себя 3 направления: металлургическую продукцию, трубную и железнодорожные колёса. В общей сложности ОМК производит порядка 15 наименований товаров [12].

Рынок трубной промышленности характеризуется наличием вертикально-интегрированных хозяйствующих субъектов с собственной сырьевой базой, что влечёт для потенциальных участников рынка увеличение издержек входа (полный цикл производства: добыча железной руды, её обогащение, производство чугуна, выплавка стали, листовой прокат, трубное производство). Доступ потенциальных участников рынка к необходимым ресурсам (железная руда), таким образом, ограничен.

Наличие технологий является специфическим ресурсом (в классификации [22]), который сам по себе может обеспечить устойчивые конку-

рентные преимущества и ограничить вход на рынок для потенциальных участников. Так, трубные заводы группы ТМК обладают, к примеру, патентами на способ термической обработки труб (патент № 2096495, ОАО «СТЗ»), технологией изготовления труб из углеродистых и низколегированных сталей методом ТМО в линии ТПА-140 (патент № 2153011, ОАО «СинТЗ») и др. [13].

Вход на рынок затрудняется также в связи с наличием значительного количества институциональных барьеров, не связанных со стратегией деятельности компаний. Институциональные барьеры входа на российский трубный рынок представлены в табл. 5.

На формирование «правил игры» на трубном рынке во многом влияет некоммерческая организация «Фонд развития трубной промышленности» (ФРТП), учреждённая в 1999 г. крупнейшими трубными предприятиями Российской Федерации. В настоящее время участниками Фонда являются Волжский, Северский, Синарский, Альметьевский, Ижорский трубные заводы, Таганрогский и Выксунский металлургические заводы, Челябинский трубный и Первоуральский новотрубный заводы. Основные цели и задачи Фонда — содействие развитию российской труб-

Таблица 5

Институциональные барьеры входа на российский трубный рынок

Составлено на основе [10–11]

Форма институционального барьера	Описание институционального барьера
<i>Социально-экономические барьеры</i>	
Объём первоначальных инвестиций	Затраты на основные средства (в том числе пассивную часть) очень велики Окупаемость вложений низкая (долгосрочные проекты)
Ограничение спроса	Сокращается количество потребителей, ёмкость рынка в целом. Неэластичный спрос приводит к сокращению объёмов рынка как в натуральных, так и стоимостных показателях
<i>Административные барьеры</i>	
Лицензирование и сертификация	Принудительная сертификация продукции: – сертификаты соответствия продукции ГОСТ 10707–80 – соответствие международным стандартам качества – сертификаты на систему менеджмента – свидетельство о допуске к работам – санитарно-эпидемиологическое заключение на цех по производству труб (на каждый вид труб отдельное заключение) – разрешение на применение труб (на каждый вид труб) – получение лицензии в Минпромторге (для импорта)
Антидемпинговые меры на экспорт — применяются ЕС к трубным заводам ТМК, ОМК и ЧТПЗ	Пошлины на бесшовные трубы, действующие до конца 2017 г., для заводов ЧТПЗ составляют 24,1 %, для заводов ТМК — 28,7 %

Окончание табл. 5

Форма институционального барьера	Описание институционального барьера
Антидемпинговые меры на импорт	– Механизм квотирования; квота составляет 23 695 т труб (из них 5 780 т — с Украины, 9 940 — из Евросоюза). Квоты приходят на смену пошлинам, которые были распространены на территории Таможенного союза и составляли 9,9% от таможенной стоимости, но не менее 1 500 долл. за 1 т. Для КНР антидемпинговая пошлина составляет 19,15% – лицензирование импорта труб, введённое 23 августа 2012 г. Ввоз трубной продукции на таможенную территорию РФ осуществляется только на основании лицензий, выданных Минпромторгом России
Экологические стандарты	– Установлены нормы экологического контроля по серии международного стандарта ISO 14001; – получение разрешений на использование какого-либо оборудования (пример ОАО «СинТЗ»: трубы бурильные по ANSI/API Specification 5DP/ISO 11961), выдаваемые федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору

ной промышленности, продвижение трубной продукции, защита интересов трубных компаний на внутреннем и внешнем рынках, в том числе представление трубной продукции, защита интересов трубных предприятий в государственных органах Российской Федерации и международных организациях, оказание информационных и консультационных услуг по проблемам повышения качества выпускаемой трубной продукции, сбор, анализ и изучение материалов о развитии рынка [10].

Таким образом, по уровню институциональной сложности российский трубный рынок может быть охарактеризован как сдерживаемый (значительный уровень сложности).

Как и большинство рынков тяжёлых отраслей промышленности, рынок труб в России является олигополистическим, т. е. характеризуется наличием ограниченного количества крупных игроков, существенными барьерами входа и выхода, специфичностью институционального взаимодействия между участниками рынка. В таких условиях снижение спроса катастрофично для всех игроков, так как почти все они обладают рыночной властью и вытеснение кого-либо из участников не только затруднительно, но и сопряжено с трансформацией всего рынка.

Поскольку все игроки достаточно крупные, при уменьшении ёмкости рынка «вытеснить» более слабых и продолжать «играть по тем же правилам» на этом рынке невозможно — ухудшение будет чувствовать вся отрасль в целом.

Возможные направления и перспективы развития предприятий российской трубной

отрасли. Мониторинг аналитических данных и институциональных особенностей трубного рынка свидетельствует о его высокой степени институциональной сложности и среднем уровне неопределённости. При сокращении ёмкости рынка удержать имеющиеся позиции достаточно сложно, так как все игроки обладают значительной рыночной мощностью.

Возрастающая конкуренция на промышленных рынках вынуждает компании стремиться к достижению устойчивых конкурентных преимуществ, которые способны обеспечить их эффективное функционирование.

Современные научные школы при выборе основ устойчивого развития предлагают, с одной стороны, ориентацию на использование неспецифических условий внешней среды (например, отраслевой и отношенческий подходы), с другой стороны — применение факторов и условий внутренней среды деятельности фирм (например, ресурсный и процессный подходы) [9]. Как отмечают исследователи [5; 17], чем сильнее размах изменений во внешней среде, тем выше вероятность того, что именно внутренние ресурсы и способности фирмы станут фундаментом для долгосрочной стратегии.

В результате демпинга со стороны китайских производителей на рынке установилась минимальная рентабельность, что затрудняет использование методов ценовой конкуренции. Поэтому основными направлениями совершенствования стратегий компаний могут являться только неценовые методы конкуренции:

1. Тотальное улучшение качества продукции и качества бизнес-процессов (логистики, сроков

поставки, сокращение документооборота, оптимизация производства и пр.).

2. Создание и управление нематериальными активами компании, среди которых одно из центральных мест отводится взаимоотношениям с клиентами.

Как отмечает М. М. Смирнова, «в течение последних лет произошло стремительное развитие концепции маркетинга взаимоотношений CRM (customer relationship management), что было связано с активным поиском компаниями источников повышения конкурентоспособности в условиях глобализации экономики и динамичного развития рынков» [16. С. 27].

Начиная с середины 1990-х гг. вопросы определения и концептуализации ценности взаимоотношений вызывают растущий интерес зарубежных исследователей [23–25; 28–30]. Наиболее значимыми работами отечественных авторов в данной области, на наш взгляд, следует признать исследования О. Третьяк, С. Куща, М. Смирновой [7; 8; 16; 19] и ряда других.

Результатом внедрения системы CRM является оптимизация размещения ограниченных ресурсов компании, а также повышение эффективности взаимоотношений с потребителями и управ-

ление портфелем взаимоотношений за счёт выделения ключевых, обладающих наибольшим потенциалом по созданию ценности клиентов.

3. Оптимизация организационной структуры предприятий. Обсуждение возможностей реструктуризации, в том числе с использованием методов аутсорсинга, слияний и(или) поглощений.

4. Усиление стратегии продуктовой дифференциации, изучение возможностей переориентации производственных мощностей на другие виды продукции.

Анализ рынка труб в России выявил значительное снижение его ёмкости в натуральном и стоимостном значениях в связи с неблагоприятной экономической ситуацией, ростом конкуренции со стороны иностранных производителей. В то же время в связи с изменением экономико-социальной ситуации и усилением барьеров входа на рынок для ряда иностранных компаний имеется возможность удержания, а в некоторых случаях — усиления рыночных позиций для отечественных производителей. Использование перечисленных направлений стратегического развития отечественными компаниями позволит, на наш взгляд, обеспечить устойчивые конкурентные преимущества в долгосрочном периоде.

Список литературы

1. Авдашева, С. Б. Теория организации отраслевых рынков : учебник / С. Б. Авдашева, Н. М. Розанова. – М. : Магистр, 1998. – 320 с.
2. Балашов, А. А. Исследование проблем трубной промышленности / А. А. Балашов, Н. Н. Доможирова // Вестн. УГТУ–УПИ. – 2010. – № 4.
3. Годовой отчёт открытого акционерного общества «Северский трубный завод» за 2013 год. – URL: http://www.tmkgroup.ru/files/stz_otch2013.pdf
4. Годовые отчёты открытого акционерного общества «Синарский трубный завод» за 2009–2013 гг. – URL : <http://www.tmk-group.ru>
5. Грант, Р. М. Современный стратегический анализ / Р. М. Грант ; пер. с англ. под ред. В. Н. Фунтова. – 5-е изд. – СПб. : Питер, 2011. – 560 с.
6. Кузьмин, Е. А. Неопределённость и определённость в управлении организационно-экономическими системами : монография / Е. А. Кузьмин. – Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2012. – 184 с.
7. Кущ, С. П. Взаимоотношения компании с потребителями на промышленных рынках: основные направления исследований / С. П. Кущ, М. М. Смирнова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 8. – 2004. – Вып. 4 (32). – С. 31–56.
8. Кущ, С. П. Подходы к разработке механизма координации управления взаимоотношениями промышленной компании с партнёрами / С. П. Кущ // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 8. – 2006. – Вып. 3. – С. 3–21.
9. Леготин, Ф. Я. Научные подходы к формированию устойчивых конкурентных преимуществ фирмы / Ф. Я. Леготин, С. В. Орехова, Г. Н. Пряхин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 8 (347). Экономика. Вып. 46. – С. 103–110.
10. Трубная промышленность 2013: новые риски и возможности : по материалам Фонда развития трубной промышленности России. – URL: <http://www.ngv.ru/upload/medialibrary/1b2/1b2072cec6545f8ea5d868faae5ac117.pdf>

11. Сайт Минпромторг. – URL: <http://minpromtorg.gov.ru>
12. Сайт Объединённой металлургической компании. – URL: <http://www.omk.ru>
13. Сайт Трубной металлургической компании. – URL: <http://www.tmkgroup.ru>
14. Пыжьянова, В. Кто играет на трубе / В. К. Пыжьянова // Эксперт-Урал. – 2014. – № 17 (598).
15. Рой, Л. В. Анализ отраслевых рынков : учебник / Л. В. Рой, В. П. Третьяк. – М. : Инфра-М, 2009. – 442 с. (Учеб. экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова).
16. Смирнова, М. М. Управление взаимоотношениями на промышленных рынках как источник конкурентных преимуществ компании / М. М. Смирнова // Рос. журн. менеджмента. – 2006. – Т. 4, № 3. – С. 26–54.
17. Тамбовцев, В. Л. Стратегическая теория фирмы: состояние и возможное развитие / В. Л. Тамбовцев // Рос. журн. менеджмента. – 2010. – Т. 8, № 31. – С. 5–40.
18. Тарануха, Ю. В. Экономика отраслевых рынков (в структурно-логических схемах) : учеб.-метод. пособие / Ю. В. Тарануха / под общ. ред. А. В. Сидоровича. – М. : Дело и сервис, 2002. – 240 с.
19. Третьяк, О. А. Своеобразие отношенческого подхода к стратегическому управлению / О. А. Третьяк // Рос. журн. менеджмента. – 2009. – Т. 7, № 3. – С. 61–64.
20. Уильямсон, О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки «отношенческая» трактовка / О. И. Уильямсон ; пер. с англ. Е. Ю. Благова, В. С. Катъкало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. – СПб. : Лениздат : CEV Press, 1996.
21. Фонд развития трубной промышленности России. – URL: <http://www.frtp.ru>
22. Hofer, C. W. Strategy Formulation: Analytical Concepts / Hofer C. W., D. Schendel. – West Publishing : St. Paul, MN, 1978.
23. Lindgreen, A. Value in business markets: What do we know? Where are we going? / A. Lindgreen, F. Wynstra // Industrial Marketing Management. – 2005. – № 34 (7). – P. 732–748.
24. Mandjak, T. Understanding the Non_Economic Value of Business Relationships / T. Mandjak, F. Durrieu // Paper Presented at the 16th IMP Conference, 7–9 September 2000. – University of Bath, Bath, England, 2000.
25. Ravald, A. The value concept and relationship marketing / A. Ravald, C. Grönroos // European J. of Marketing. – 1996. – № 30 (2). – P. 19–30.
26. Rodger, C. Uncertainty and risk analysis: a practical guide from Business Dynamics / C. Rodger, J. Petch. – Price waterhouse Coopers, 1999.
27. Thunnisen, D. P. Propagating and mitigating uncertainty in the design of complex multidisciplinary systems / D. P. Thunnisen. – California Institute of Technology, 2005.
28. Walter, A. Value creation in buyer-seller relations / A. Walter, T. Ritter, H. G. Gemünden // Industrial Marketing Management. – 2001. – № 30 (4). – P. 365–377.
29. Wilson, D. T. Understanding the value of a relationship / D. T. Wilson, S. Jantrania // Asia-Australia Marketing J. – № 2 (1). – P. 55–66.
30. Ulaga, W. Customer perceived value: A substitute for satisfaction in business markets? / W. Ulaga, A. Eggert // J. of Business and Industrial Marketing. – 2002. – № 17 (2/3). – P. 107–118.

Сведения об авторах

Орехова Светлана Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. bentarask@list.ru

Леготин Фёдор Яковлевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предприятий Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия. legotin@usue.ru

Пряхин Геннадий Николаевич — доктор экономических наук, заведующий кафедрой экономической теории и регионального развития Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pgn248@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 114–126.*

LEVEL ASSESSMENT INSTITUTIONAL COMPLEXITIES AND UNCERTAINTY RUSSIAN PIPE MARKET: METHODICAL AND PRACTICAL ASPECTS

S. V. Orekhova

Candidate of Economics, Assistant Professor of Department of Business Economics of the Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia. bentarask@list.ru

F. Ya. Legotin

Doctor of Economics, Professor of Department of Business Economics of the Ural State Economic University, Ekaterinburg, Russia. legotin@usue.ru

G. N. Pryakhin

Doctor of Economics, Head of the Department of Economic Theory and Regional Development of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pgn248@csu.ru

Institutional economics as a science is linked to the economy of industrial markets. The purpose of research is determine the characteristics and selection of key parameters of market analysis from the perspective of the institutional approach. Institutional market analysis focuses on the study of formal and informal mechanisms for coordination of the participants. Pipe market is one of the most perspective sectors of the Russian industry and one of the most significant for the Ural region. The authors proposed a set of parameters to assess the institutional complexity and uncertainty of the pipe market. Classification of markets in terms of institutional complexity has led to the conclusion that the pipe market in Russia has average level of uncertainty and the high level of institutional complexity. Authors determined strategic development of Russian enterprises pipe industry on basis of the empirical institutional analysis.

Keywords: *institutional complexity of the market, the level of market uncertainty, pipe industry, enterprise strategy.*

References

1. Avdasheva S.B. and Rozanova N.M. *Teoriya organizatsii otraslevykh rynkov* [The theory of industrial organization]. The textbook. Moscow, businessman Magistr publ., 1998. 320 p. (In Russ.)
2. Balashov A.A. and Domozhirova N.N. Issledovaniye problem trubnoy promyshlennosti [Study of the problems the pipe industry]. *Bulletin UGTU-UPI*. 2010. № 4. (In Russ.)
3. *Godovoy otchet otkrytogo aktsionernogo obshchestva «Severskiy trubnyy zavod» 2013* [Annual Report of Joint Stock Company “Seversky Pipe Plant” for 2013. URL: http://www.tmkgroup.ru/files/stz_otch2013.pdf. (In Russ.)
4. *Godovyye otchety Otkrytogo aktsionernogo obshchestva «Sinarskiy trubnyy zavod» 2009–2013* [Annual reports of Open Joint Stock Company “Sinara Tube Works” for 2009–2013]. URL: <http://www.tmk-group.ru>. (In Russ.)
5. Grant R.M. *Sovremennyy strategicheskiy analiz*. [Modern strategic analysis. 5th publ.]. V. N. Funtova (ed.) St. Petersburg., Piter, 2011. 560 p. (In Russ.)
6. Kuz'min Ye.A. *Neopredelennost' i opredelennost' v upravlenii organizatsionno-ekonomicheskimi sistemami: monografiya* [Uncertainty and certainty in the management of organizational and economic systems: monograph]. Yekaterinburg, Institute of Economics of UB RAS, 2012. 184 p. (In Russ.)
7. Kushch S.P. and Smirnova M.M. Vzaimootnosheniya kompanii s potrebitelyami na promyshlennykh rynkakh: osnovnyye napravleniya issledovaniy [Relations between companies with consumers in industrial markets: the main areas of research]. *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2004. Ser. 8, vol. 4 (32). Pp. 31–56. (In Russ.)
8. Kushch S.P. Podkhody k razrabotke mekhanizma koordinatsii upravleniya vzaimootnosheniyami promyshlennoy kompanii s partnerami [Approaches to the development of a mechanism for coordination of indus-

trial relationship management with partners]. *Bulletin of St. Petersburg State University*. 2006. Ser. 8, vol. 3. Pp. 3–21. (In Russ.)

9. Legotin F.Ya., Orekhova S.V. and Pryakhin G.N. Nauchnyye podkhody k formirovaniyu ustoychivyykh konkurentnykh preimushchestv firmy [Scientific approaches to the formation of a sustainable competitive advantage of the firm]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2014. No. 18 (347). Economy. Issue 46. P. 103–110. (In Russ.)

10. *Otchet FRTP «Trubnaya promyshlennost' 2013: novyye riski i vozmozhnosti»* [FRCC report “Pipe industry 2013: new risks and opportunities”. URL: <http://www.ngv.ru/upload/medialibrary/1b2/1b2072cec6545f8ea5d868faae5ac117.pdf>. (In Russ.)

11. Official website of Ministry of Industry. URL: <http://minpromtorg.gov.ru>

12. Official website UMC. URL: <http://www.omk.ru>

13. Official website TMK. URL: <http://www.tmkgroup.ru>

14. Pyzh'yanova V. Kto igrayet na trube [Who plays the trumpet]. *Expert Ural*. 2014. № 17 (598).

15. Roy L.V. and Tret'yak V.P. Analiz otraslevykh rynkov [Analysis of the industry markets]. Moscow, IN-FRA-M, 2009. 442 p. (In Russ.)

16. Smirnova M.M. Upravleniye vzaimootnosheniyami na promyshlennykh rynkakh kak istochnik konkurentnykh preimushchestv kompanii [Relationship Management in industrial markets as a source of competitive advantage]. *Russian Management Journal*. 2006. Vol. 4, no. 3. Pp. 26–54. (In Russ.)

17. Tambovtsev V.L. Strategicheskaya teoriya firmy: sostoyaniye i vozmozhnoye razvitiye [Strategic Theory of the Firm: state and development opportunities.]. *Russian Management J.* 2010. Vol. 8 (31). Pp. 5–40. (In Russ.)

18. Taranukha Yu.V. *Ekonomika otraslevykh rynkov (v strukturno-logicheskikh skhemakh)* [Industrial Economics (in structurally-logic circuits): Educational handbook]. Sidorovicg A. V. (ed.) . Moscow, Business and Service Publ., 2002. 240 p. (In Russ.)

19. Tret'yak O.A. Svoyeobraziye otnoshencheskogo podkhoda k strategicheskomu upravleniyu [Originality attitudinal approach to strategic management]. *Russian Management Journal*. 2009. Vol. 7, no. 3. Pp. 61–64. (In Russ.)

20. Uil'yamson O.I. *Ekonomicheskiye instituty kapitalizma: Firmy, rynki «otnoshencheskaya» kontraktatsiya* [Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets “relational” contracting]. E.Y. Blagova, V.S. Katkalo, D.S. Slavnov, Y. Fedotov, N. Tsytovich (ed.). St. Petersburg, Lenizdat publ., SEV Press, 1996. (In Russ.)

21. *Fond razvitiya trubnoy promyshlennosti Rossii* [Pipe Industry Development Fund of Russia]. URL: <http://www.frtp.ru>. (In Russ.)

22. Hofer C.W. and Schendel D. *Strategy Formulation: Analytical Concepts*. West Publishing, St. Paul, MN, 1978.

23. Lindgreen A. and Wynstra F. Value in business markets: What do we know? Where are we going? *Industrial Marketing Management*. 2005. No. 34 (7). Pp. 732–748.

24. Mandjak T. and Durrieu F. Understanding the Non_Economic Value of Business Relationships. *Paper Presented at the 16th IMP Conference, 7–9 September 2000*. University of Bath, Bath, England, 2000.

25. Ravald A. and Grönroos C. The value concept and relationship marketing. *European J. of Marketing*. 1996. No. 30 (2). Pp. 19–30.

26. Rodger C. and Petch J. *Uncertainty and risk analysis: a practical guide from Business Dynamics*. Price-waterhouseCoopers, 1999.

27. Thunnisen D.P. *Propagating and mitigating uncertainty in the design of complex multidisciplinary systems* [Ph D thesis]. California Institute of Technology, 2005.

28. Walter A., Ritter T. and Gemünden H.G. Value creation in buyer-seller relations. *Industrial Marketing Management*. 2001. No. 30 (4). Pp. 365–377.

29. Wilson D.T. and Jantrania S. Understanding the value of a relationship. *Asia-Australia Marketing J.* 1996. No. 2 (1). Pp. 55–66.

30. Ulaga W. and Eggert A. Customer perceived value: A substitute for satisfaction in business markets? *J. of Business and Industrial Marketing*. 2002. No. 17 (2/3). Pp. 107–118.

УДК 338.242.2
ББК 65.05

БЮДЖЕТИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

С. А. Шевченко, Е. В. Кузьмина, В. Ф. Трунина

ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет», Волгоград, Россия

Рассматривается сущность инновационной деятельности, которая основывается на использовании инноваций в деятельности промышленного предприятия. В исследовании под инновацией понимается процесс, в основе которого лежит коммерческая идея создания благ более высокого качества на основе внедрения новых научно-технических достижений; включающий в себя большое количество взаимосвязанных стадий, обуславливающих его сложность и результатом которого являются удовлетворение конкретных общественных потребностей и получение экономической выгоды. Инновационная деятельность промышленного предприятия — деятельность по созданию, внедрению, распространению, потреблению и обновлению инноваций. Снизить инновационные риски и устранить возникающие в процессе проблемы поможет внедрение эффективной системы бюджетирования, которая позволит обеспечить рациональное управление ресурсами предприятия и усилить контроль и финансовую дисциплину. Выделены необходимые условия, при которых возможно построение полноценной системы бюджетирования: чёткая учётная политика; документальные методики планирования и учёта фактических статей бюджета; наличие инновационного бюджета и др.

Ключевые слова: *инновации, инновационная деятельность промышленного предприятия, бюджет, бюджетирование, затраты.*

Инновационная деятельность позволяет промышленным предприятиям России повышать свою конкурентоспособность и сохранять финансовую устойчивость в условиях рынка. Один из важных вопросов инновационной деятельности — выбор оптимальной системы финансирования на уровне предприятия. Бюджетирование позволит более точно прогнозировать денежный поток инновационной деятельности [1]. Бюджетирование инновационных предприятий — инструмент управления финансами инновационного предприятия, основанный на формировании комплексной бюджетной модели, объединяющей производственно-хозяйственные, инновационные и финансовые процессы и трансформирующей стратегические цели предприятия в систему конкретных количественно определённых мероприятий для их эффективного достижения при условии сохранения финансовой устойчивости [2]; позволяет выделить центры финансовой ответственности для инноваций, проводить более детальное изучение отклонений по инновационным проектам; анализ и оценку степени риска [3].

Инновационная деятельность предприятия основывается на понятии инновации. Значительный вклад в теорию инноваций внёс Й. Шумпетер. Исследователь связывал инновации с «осущест-

влением новых комбинаций» и получением в качестве результата нового продукта; нового метода производства; новой отрасли бизнеса; нового источника сырья [4]. С. Менделл и Д. Эннис, определяют инновации как результат деятельности и получение уникальных продуктов, процессов или услуг [5].

П. Ф. Друкер рассматривал инновации как инструмент предпринимателя, с помощью которого последний может осуществлять целенаправленный поиск перемен, анализировать их возможности и использовать в своей деятельности [6]. Некоторые авторы трактуют инновацию как процесс. Так, например, Б. Санто под инновацией понимает экономический процесс, который является сложным, неопределённым по результату, труднопрогнозируемым; направленным на экономическую выгоду [7]. С позиции В. Кингстона, инновация как процесс включает большое количество стадий, которые непосредственно связаны друг с другом и в результате которого идея превращается в конкретные предметы [8].

Инновацией, с точки зрения Х. Барнетта и Г. Цалтмана, может быть любая идея, деятельность или результат, но если они в качественном отношении отличаются от предыдущих (идеи, деятельности и результата) [9; 10]. Также связь ин-

новации и идеи отмечает Х. Риггс, но, дополняя, отмечает коммерческий характер новой идеи [11].

Инновация — многоаспектное явление, в основе которого лежит использование достижений науки и передового опыта; создание благ (технологии) более высокого качества; способность удовлетворять конкретным общественным потребностям и давать те или иные положительные экономические эффекты; процесс создания, распространения и использования нового практического средства; процесс инвестирования финансовых средств в разработку новой техники, технологии, научные исследования [12].

В исследовании под инновацией мы понимаем процесс, в основе которого лежит коммерческая идея создания благ более высокого качества на основе внедрения новых научно-технических достижений; процесс этот включает в себя большое количество взаимосвязанных стадий, которые обуславливают его сложность, а результатом являются удовлетворение конкретных общественных потребностей и получение экономической выгоды.

Целью инноваций в деятельности промышленного предприятия, по мнению А. Ю. Федосеева, является развитие деятельности промышленного предприятия, удовлетворение определённой общественной потребности и обеспечение социально-экономического эффекта. «Инновация» в деятельности промышленного предприятия — результат практического освоения новшества [13].

Инновационная деятельность промышленного предприятия — деятельность по созданию, внедрению, распространению, потреблению и обновлению инноваций. Цель инновационной деятельности — обеспечение устойчивого развития промышленного предприятия на основе постоянного совершенствования производственно-инновационных процессов (разработки, приобретения, внедрения инноваций), направленных на выпуск новых, улучшенных видов продукции, совершенствование методов её производства, доставки, реализации и обслуживания [14].

Сложный характер инновационной деятельности промышленных предприятий отмечают Т. М. Крюкова и А. Ю. Федосеев. По их мнению, инновационная деятельность промышленного предприятия включает в себя инновационный процесс по преобразованию научного знания в новые виды продуктов, технологий и услуг, маркетинговые исследования рынков сбыта товаров, их потребительских свойств, конкурентной среды,

а также комплекс технологических, управленческих и организационно-экономических мероприятий, необходимых для осуществления инноваций [13; 15].

Чаще всего промышленные предприятия реализуют инновации за счёт своих внутренних ресурсов. При этом важными являются экономические мероприятия: формирование резерва финансовых средств для реализации инновационной деятельности, поэтапное финансирование инноваций из различных источников предприятия, определение чётких ожидаемых результатов инновационной деятельности, систематическое оценивание инновационной деятельности организации через систему показателей [16]. Снизить инновационные риски и устранить возникающие в процессе проблемы поможет внедрение эффективной системы бюджетирования.

Внедрение системы бюджетирования позволяет обеспечивать рациональное управление ресурсами предприятия, усилить контроль и финансовую дисциплину и обеспечить прозрачность и прогнозируемость финансовых потоков.

Любые инновации требуют большого объёма финансовых ресурсов, поэтому одним из главных аспектов управления на инновационном предприятии является управление его затратами. Увеличивая или уменьшая затраты инновационного проекта, изменяя их состав, можно влиять на результаты инновационной деятельности. Планирование, расчёт, анализ и контроль затрат составляют трудоёмкий процессом, требующий большой точности, поскольку обеспечивает непрерывную реализацию инновационных проектов, что позволяет предприятию опередить своих конкурентов и получить наибольший экономический эффект от внедрения инновации.

К основным факторам, оказывающим наибольшее влияние на величину инновационных затрат, относятся степень радикальности инноваций, масштабность решаемых задач, стадия инновационного процесса, степень использования имеющихся ресурсов, потребность в затратах смежных производств, уровень целевых показателей создаваемых объектов, переход к новому техническому принципу решения задачи, величина создаваемого объекта, вероятность изменения уровня цен, тарифов, ставок на используемые ресурсы, а также степень устойчивости проекта к возможным изменениям условий реализации.

Бюджетирование инновационных проектов предприятия с учётом степени воздействия перечисленных затратнообразующих факторов позволит повысить точность планирования инновационных затрат, что для инновационного предприятия является крайне важным, поскольку умелое управление затратами совместно с новизной даёт двойной экономический эффект [2].

Большая часть российских инновационных предприятий на практике используют классическую систему бюджетирования, не приспособленную к условиям и особенностям инновационной деятельности. Эффективная система бюджетирования инновационного предприятия предусматривает отделение инновационной деятельности от традиционной производственной деятельности. Отсутствие такого разделения может привести к затягиванию сроков внедрения инноваций, превышению бюджетов инновационных проектов, к отсутствию возможности осуществлять контроль за величиной затрат на инновационные проекты.

Для того чтобы усовершенствовать систему бюджетирования, необходимо разработать инновационный бюджет и увязать его с действующими бюджетами. Бюджет инноваций разрабатывается на основе внутрифирменных целей и стратегии, позволяет планировать в соответствии с ними обеспечение инновационной деятельности финансовыми и материальными ресурсами и оперативно контролировать их использование.

Поскольку инновационная деятельность связана с долговременным отвлечением значительных финансовых и материальных ресурсов, система бюджетирования инновационного предприятия должна предусматривать разработку не только краткосрочных (месяц, квартал, год), но и долгосрочных бюджетов (3 года, 5 лет), что позволит учитывать стратегические аспекты деятельности предприятия.

При внедрении новой системы бюджетирования руководство должно чётко обозначить цели и задачи, которые нужно решить, поскольку деятельность инновационного предприятия не допускает применения «универсальной» системы бюджетирования.

Построение полноценной системы бюджетирования возможно при соблюдении следующих условий:

- наличия на предприятии управленческой учётной политики, определяющей правила при-

знания и оценки доходов и расходов, а также их отражения в бюджетах;

- наличия разработанных и оформленных в виде документов методик планирования и учёта фактических статей бюджета;

- наличия инновационного бюджета;

- интегрированности системы бюджетирования (сквозная связь показателей в бюджетах).

В процессе динамичного развития инновационных предприятий «консервативное» бюджетирование будет только мешать совершенствованию бизнес-процессов. Так как по своей природе бизнес является нестабильным, постоянно стремится к тем или иным новшествам, применение жёстких процедур бюджетирования, особенно в долгосрочном плане, в большинстве случаев является неэффективным.

При необходимости внесения существенных, но заранее чётко определённых изменений в деятельность инновационных предприятий, подход «от достигнутого» неприменим, но в рамках стандартных жёстких бюджетных процедур возможно осуществить новые расчёты параметров деятельности бизнес-единиц. Однако ситуация, когда мы можем точно спрогнозировать последствия каких-либо изменений в бизнесе, является скорее частным случаем предпринимательской деятельности, более или менее характерным для центров затрат. Для центров доходов, прибыли и инвестиций прогноз последствий бизнес-решений, как правило, имеет стохастический характер, отражая наиболее вероятный диапазон возможных значений ключевых параметров [17].

В условиях сильно нестабильной внешней среды бюджетирование неприменимо, и эта позиция во многом обоснована. Однако инновационные предприятия, нацеленные на стратегические изменения, должны использовать бюджетирование. Но в этом случае сама система бюджетирования должна стимулировать модификацию бизнес-процессов в соответствии со стратегическими целями инновационного предприятия. Назовём такую систему мотивирующей системой бюджетирования.

Определение «мотивация» часто встречается в описаниях систем бюджетирования, и обычно она рассматривается в аспекте побуждения к эффективному выполнению чётко поставленной задачи, соблюдению установленных норм. Поэтому необходимо подчеркнуть, что мотивирующая система бюджетирования должна ориентировать сотрудников на творческий подход,

инновации, самостоятельную постановку задач и развитие.

Построение такой системы возможно только с использованием процессного, а не структурно-функционального подхода: структура инновационного предприятия исходно является производной от выполняемых процессов, но в процессе эволюции предприятия происходит его «консервирование», и в итоге процессы пытаются подстроить под возможности (а иногда и потребности) подразделений [18].

Мотивирующая система бюджетирования призвана вернуть предприятие к повышению реальной эффективности бизнес-процессов от весьма условной эффективности подразделений. Поэтому для построения системы бюджетирования необходимо иметь чёткое представление не только о существующей финансовой структуре предприятия, но также о бизнес-процессах и ориентирах развития [19].

Главным ориентиром развития, исходным пунктом разработки любых стратегий современного инновационного предприятия является потребитель и его потребности. Отсюда существование на предприятии ясной маркетинговой политики является условием формирования мотивирующей системы бюджетирования. Следует отметить, что это условие абсолютно необходимо для проектирования и бюджетирования всех бизнес-процессов, а не только имеющих непосредственное отношение к формированию и реализации маркетинговой стратегии, так как для достижения успеха вся деятельность инновационного предприятия должна быть подчинена единой цели.

Система бюджетирования должна переориентировать управленческую деятельность с контроля внутренней эффективности подразделений на контроль удовлетворения запросов потребителя (в том числе внутреннего). Для этого на инновационных предприятиях должна быть выявлена структура бизнес-процессов, определены показатели и критерии оценки эффективности их выполнения, назначены ответственные за реализацию конкретных процессов [20].

Последовательность определения структуры бизнес-процессов может быть различной для разных типов предприятий. На наш взгляд, наиболее универсальным подходом, в наибольшей степени отражающим логику процессного управления, является подход по добавленной стоимости для клиента. Такой способ определения границ бизнес-процессов позволяет также максимально

учесть специфику инновационного предприятия.

В идеале при процессном управлении должен соблюдаться принцип «один процесс — один владелец». Как правило, для инновационного предприятия это может быть осуществлено только при проведении довольно глубокого организационного реинжиниринга, что всегда весьма сложно воплотить. Однако без соблюдения данного принципа руководство вряд ли сможет добиться создания работоспособной системы оценки выполнения бизнес-процессов [21].

Система оценки бизнес-процесса должна быть нацелена на максимально адекватное отражение его эффективности, даже если это происходит в ущерб точности оценки деятельности конкретных подразделений. Это означает, что критерии оценки выбираются таким образом, чтобы отразить итоговую результативность процесса с точки зрения потребителя, а не результаты отдельных исполнителей [22].

Таким образом, данная система может быть успешно интегрирована с пользующейся всё большим успехом сбалансированной системой показателей (BSC). Мотивирующая система бюджетирования должна позволить инновационным предприятиям своевременно реагировать на вызовы внешней среды и реализовывать стратегические изменения, не отказываясь от контроля финансовых показателей.

Значимость инноваций для промышленных предприятий в современной экономике России велика, так как способствует повышению их конкурентоспособности на рынке и финансовой устойчивости. Снизить инновационные риски и устранить возникающие в процессе проблемы поможет внедрение эффективной системы бюджетирования, которая предусматривает отделение инновационной деятельности от традиционной производственной деятельности.

Таким образом, инновация — это процесс, в основе которого лежит коммерческая идея создания благ более высокого качества на основе внедрения новых научно-технических достижений; этот процесс включает в себя большое количество взаимосвязанных стадий, которые обуславливают его сложность, а результатом является удовлетворение конкретным общественным потребностям и получение экономической выгоды.

Инновационная деятельность промышленного предприятия — деятельность по созданию, внедрению, распространению, потреблению и обновлению инноваций.

Бюджет инноваций разрабатывается на основе внутрифирменных целей и стратегии, позволяет планировать в соответствии с ними обеспечение инновационной деятельности финансовыми и материальными ресурсами и оперативно контролировать их использование.

Мотивирующая система бюджетирования на инновационных предприятиях должна вы-

страиваться таким образом, чтобы нацеливать сотрудников на наиболее эффективное удовлетворение потребителей, принятие самостоятельных решений и инновации. Данная система должна быть основана на процессном подходе и обеспечивать значительную гибкость задаваемых количественных параметров, придавая большее значение конечным, а не частным результатам.

Список литературы

1. Куликова, М. В. Долгосрочное планирование финансирования инновационной деятельности на основе бюджетирования денежных потоков / М. В. Куликова, С. В. Иванилова // Вестн. Сарат. гос. техн. ун-та. – 2007. – № 24. – С. 187–193.
2. Плистик, Н. А. Бюджетирование как инструмент управления финансами инновационного предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Плистик. – М., 2011.
3. Куфтырева, Н. А. Совершенствование системы бюджетирования для инновационно-активных предприятий (на примере предприятий Нижегородской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Н. А. Куфтырева. – Н. Новгород, 2010.
4. Шумпетер, Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й. А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
5. Mendell, S. Looking at innovation strategies / S. Mendell, D. Ennis // Research Management. – 1985. – Vol. 28.
6. Drucker, P. F. Technology, Management and Society / P. F. Drucker. – 1970.
7. Санто, Б. Инновация как средство экономического развития : пер. с венгер. / Б. Санто ; общ. ред. и вступ. ст. Б. В. Сазонова. – М. : Прогресс, 1990. – 296 с.
8. Kingston, W. The Political Economy of Innovation. The Hague / W. Kingston. – 1984.
9. Barnett, H. Innovation: the Basis of Culture Change / H. Barnett. – N.-Y., 1953.
10. Zaitman, G. Innovation and Organizations / G. Zaitman. – N.-Y., 1973.
11. Riggs, H. E. Managing high-technology companies / H. E. Riggs. – Belmont, 1983.
12. Шевченко, С. А. Инновация как ключевая категория инновационной экономики: основные подходы к определению понятия / С. А. Шевченко // Вопр. экон. наук. – 2010. – № 5. – С. 7–9.
13. Федосеев, А. Ю. Основные направления развития инновационной деятельности промышленных предприятий: автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. Ю. Федосеев. – Саратов, 2001.
14. Чегодаева, А. Н. Развитие региональных инновационных систем : автореф. дис. ... канд. экон. наук / А. Н. Чегодаева. – М., 2012.
15. Крюкова, Т. М. Совершенствование системы оценки эффективности инновационной деятельности промышленных предприятий в современных условиях : автореф. дис. ... канд. экон. наук / Т. М. Крюкова. – Н. Новгород, 2009.
16. Шевченко, С. А. Роль предприятий малого бизнеса в повышении инновационности российской экономики / С. А. Шевченко // Креатив. экономика. – 2010. – № 12. – С. 68–72.
17. Davison, J. P. Productivity and Economic incentives / J. P. Davison, P. S. Florence, B. Gray, N. Ross. – London, 1958.
18. Добровольский, Е. Бюджетирование: шаг за шагом / Е. Добровольский, Б. Карабанов, П. Боровков, Е. Глухов, Е. Бреслаев. – СПб. : Питер, 2006. – 448 с.
19. Weston, I. Managerial Finance / I. Weston, E. Brigham. – The Dryden Press, 1992.
20. Brigham, E. Financial Management: Theory and Practice / E. Brigham, D. Lapenski. – The Dryden Press, 1991.
21. Рыжакина, Т. Г. Интегрированные инструменты планирования на предприятии / Т. Г. Рыжакина // Проблемы теории и практики упр. – 2013. – № 1. – С. 40–46.
22. Айндинова, И. Ш. Повышение конкурентоспособности предпринимательских структур путём внедрения системы бюджетирования, ориентированной на решение имеющихся проблем / И. Ш. Айндинова // Рос. предпринимательство. – 2012. – № 4. – С. 126–129.

Сведения об авторах

Шевченко Светлана Алексеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и управления Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. svetashev@mail.ru

Кузьмина Екатерина Валериевна — кандидат экономических наук, доцент Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. katerina993@yandex.ru

Трунина Валентина Фёдоровна — кандидат социологических наук, доцент Волгоградского государственного технического университета, Волгоград, Россия. valentinafedorovna2011@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 127–133.

BUDGETING INNOVATIVE ACTIVITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

S. A. Shevchenko

Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Department of Economics and Management, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. svetashev@mail.ru

E. V. Kuzmina

Candidate of Economics, Associate Professor, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. katerina993@yandex.ru

B. F. Trunina

Candidate of Sociology, Associate Professor, Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia. valentinafedorovna2011@yandex.ru

The article deals with the essence of innovation, which is based on the use of innovation in industrial activities. In a study of innovation is understood as a process, which is based on the idea of creating commercial benefits of higher quality through the introduction of new scientific and technological developments; comprising a large number of interrelated steps that lead to its complexity; the result of which is to meet the specific needs of the public and obtain benefits. Innovative industrial activities — activities related to the creation, implementation, distribution, consumption and updating of innovation. Reduce innovation risks and eliminate problems arising in the process will help implement an effective system of budgeting, which will ensure the sustainable management of resources of the enterprise and to strengthen the control and financial discipline. The article highlights the necessary conditions under which it is possible to build a complete system of budgeting: a clear accounting policies; Documentary techniques of planning and accounting of the actual budget items; availability and other innovative budget.

Keywords: *innovation, innovative activity of industrial enterprises, the budget, budgeting, costs.*

References

1. Kulikova M.V. and Ivanilova S.V. Dolgosrochnoye planirovaniye finansirovaniya innovatsionnoy deyatel'nosti na osnove byudzhetrovaniya denezhnykh potokov [Long-term innovation financing plan based on cash flow budgeting]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Technical University]. 2007. No. 24. Pp. 187–193. (In Russ.)
2. Plistik N.A. *Byudzhetrovaniye kak instrument upravleniya finansami innovatsionnogo predpriyatiya* [Budgeting as a tool for financial management of innovative enterprise]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economy. Moscow, 2011. (In Russ.)
3. Kuftyreva N.A. *Sovershenstvovaniye sistemy byudzhetrovaniya dlya innovatsionno-aktivnykh predpriyatiy (na primere predpriyatiy Nizhegorodskoy oblasti)* [Perfection budgeting system for innovative enterprises (on an example of the Nizhny Novgorod region)]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economy. Nizhny Novgorod, 2010. (In Russ.)
4. Shumpeter Y.A. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow, Jeksmo Publ., 2008. 864 p. (In Russ.)
5. Mendell, S. and Ennis D. Looking at innovation strategies. *Research Management*. 1985. Vol. 28.

6. Drucker P.F. *Technology, Management and Society*. 1970.
7. Santo B. *Innovatsiya kak sredstvo ekonomicheskogo razvitiya* [Innovation as a means of economic development]. Translate from Veng. B. V. Sazonova (ed). Moscow, Progress Publ, 1990. 296 p. (In Russ.)
8. Kingston W. *The Political Economy of Innovation. The Hague*. 1984.
9. Barnett H. *Innovation: the Basis of Culture Change*. N.-Y., 1953.
10. Zaitman G. *Innovation and Organizations*. N.-Y., 1973.
11. Riggs H.E. *Managing high-technology companies*. Belmont., 1983.
12. Shevchenko S.A. Innovatsiya kak klyuchevaya kategoriya innovatsionnoy ekonomiki: osnovnyye podkhody k opredeleniyu ponyatiya [Innovation as a key category of innovative economy: the main approaches to the definition of concepts]. *Voprosy ekonomicheskikh nauk* [The Issues of Economics]. 2010. No. 5. Pp. 7–9. (In Russ.)
13. Fedoseyev A. Yu. *Osnovnyye napravleniya razvitiya innovatsionnoy deyatel'nosti promyshlennykh predpriyatiy* [The basic directions of development of innovative activity of industrial enterprises]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economy. Saratov, 2001. (In Russ.)
14. Chegodayeva A.N. *Razvitiye regional'nykh innovatsionnykh system* [The development of regional innovation systems]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economy. Moscow, 2012. (In Russ.)
15. Kryukova T.M. *Sovershenstvovaniye sistemy otsenki effektivnosti innovatsionnoy deyatel'nosti promyshlennykh predpriyatiy v sovremennykh usloviyakh* [Perfection performance evaluation system innovation of industrial enterprises in modern conditions]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economy. Nizhniy Novgorod, 2009. (In Russ.)
16. Shevchenko S.A. *Rol' predpriyatiy malogo biznesa v povyshenii innovatsionnosti rossiyskoy ekonomiki* [Role of small businesses in increasing innovativeness of the Russian economy]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. 2010. No. 12. Pp. 68–72. (In Russ.)
17. Davison J.P., Florence P. S., Gray B. and Ross N. *Productivity and Economic incentives*. London, 1958.
18. Dobvol'skiy Ye., Karabanov B., Borovkov P., Glukhov Ye. and Breslayev Ye. *Byudzhetrovaniye: shag za shagom* [Budgeting step by step]. St. Petersburg, St. Petersburg Publ., 2006. 448 p. (In Russ.)
19. Weston I. and Brigham E. *Managerial Finance*. The Dryden Press, 1992.
20. Brigham E. and Lapenski D. *Financial Management: Theory and Practice*. The Dryden Press, 1991.
21. Ryzhakina T.G. Integrirovannyye instrumenty planirovaniya na predpriyatii [The integrated planning tools in the enterprise]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya* [Problems of the theory and practice of management]. 2013. No. 1. Pp. 40–46. (In Russ.)
22. Ayndinova I.Sh. Povysheniye konkurentosposobnosti predprinimatel'skikh struktur putem vnedreniya sistemy byudzhetrovaniya, oriyentirovannoy na resheniye imeyushchikhsya problem [Increase of competitiveness of enterprise structures through the implementation of the budgeting system oriented to solve existing problems]. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. 2012. No. 4. Pp. 126–129. (In Russ.)

УДК 334
ББК 65.290-2

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КОРПОРАЦИЯХ

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14–02–00316

Е. В. Козлова

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Устойчивое развитие предприятия в нестабильных экономических условиях во многом определяется существующей моделью корпоративного управления. При неблагоприятной экономической ситуации в стране и мире взаимодействие между субъектами корпорации на различных уровнях характеризуется высокой степенью проявления оппортунистического поведения. В статье рассматриваются основные зарубежные модели, а также описываются особенности современной российской модели корпоративного управления. Производится сравнительный анализ уровня оппортунистического поведения субъектов корпораций на различных уровнях взаимодействия, что позволяет выработать наиболее эффективные механизмы его предотвращения и ограничения. Рассматривается вопрос взаимодействия основных участников корпоративного управления и производится оценка их влияния на управление компанией. Предложена оценка риска возникновения оппортунистического поведения в корпорациях на различных уровнях взаимодействия.

Ключевые слова: *оппортунизм, оппортунистическое поведение, корпорация, модель корпоративного управления.*

В современных условиях корпорации в значительной степени оказывают влияние на развитие и экономический рост страны. Понимание роли корпорации в экономике пришло одновременно с появлением и развитием корпоративного сектора. Специфические проблемы корпоративного управления, возникающие в различных странах, характеризуют значительное влияние менталитета и исторического опыта на создание национальной модели корпоративного управления.

Процесс формирования российской модели корпоративного управления продолжается более двадцати лет. За это время сформировался ряд ключевых характеристик и особенностей, присущих данной модели. Тем не менее ключевыми для неё, как и для зарубежных корпораций, остаются вопросы сближения интересов субъектов корпорации и поиск эффективных механизмов снижения оппортунистического поведения сторон.

Вопросы и проблемы корпоративного управления рассматриваются во многих работах отечественных и зарубежных экономистов. Одним из первых полных исследований стала знаменитая работа А. Берли и Г. Минза «Современная корпорация и частная собственность» [15], где впервые было уделено внимание проблеме отделения собственности от управления. Происходит достаточно чёткое разделение функций: акционеры владеют корпорацией, а менеджеры — управляют.

В случае распыления акционерного капитала собственникам достаточно сложно контролировать действия управляющих и выработать единую стратегию управления корпорацией. Каждый субъект корпорации преследует свои цели. Так, например, менеджеры стремятся максимизировать своё вознаграждение путём получения дополнительных премий и бонусов, работники — увеличить размер заработной платы, а акционеры — повысить доход на акцию и их курсовую стоимость.

Среди основных участников, оказывающих влияние на деятельность современной корпорации, Г. Б. Клейнер выделяет четыре основные группы — собственники (акционеры), менеджеры, специалисты и работники предприятия [3; 4]. Действия участников каждой группы в значительной степени направлены на реализацию собственных интересов. Современные методы корпоративного управления направлены на согласование работы этих групп для повышения эффективности работы корпорации в целом. Достижение гармонизации интересов во многом осложняется склонностью участников взаимодействия к оппортунизму.

По мнению А. Е. Шаститко, в вопросе корпоративного управления ключевыми являются взаимоотношения между акционерами компании и её менеджерами. При этом не стоит оставлять без

внимания другие уровни — между миноритариями и мажоритариями, корпорацией и трудовым коллективом, корпорацией и государством, и т.д. [6]. Особое внимание стоит также уделить весьма новому для российских корпораций вопросу взаимоотношений — акционерным соглашениям [7].

В. И. Бархатов и Д. А. Плетнёв одной из основных особенностей современной корпорации считают «доминирование частного интереса в системе стимулов субъектов» [1]. По мнению авторов, существующие в данный момент механизмы гармонизации интересов не способны в значительной степени изменить взаимоотношения субъектов в корпорации.

Склонность к оппортунистическому поведению присуща всем экономическим агентам, но проявляется она в различной степени. Идентификация условий возникновения оппортунистического поведения в корпорации является непростой задачей.

Характерная для страны модель корпоративного управления формируется на протяжении нескольких десятилетий. Особенности сложившейся модели, учитывающей специфику национального поведения и правовую систему, позволяют оценить уровень оппортунизма в зарубежных корпорациях. Имеющиеся в литературе подходы к классификации моделей, как правило, выделяют три — англо-американскую, немецкую (европейскую) и японскую (азиатскую).

Для американской модели корпоративного управления характерна высокая материальная заинтересованность экономических агентов. Одной из главных целей для управляющих является максимизация прибыли и рост капитализации в краткосрочном периоде, а для акционеров — получение стабильного дохода в виде дивидендов и роста курсовой стоимости. Падение курса даже на незначительный срок приводит к «сбро-

су» акций на фондовом рынке миноритарными акционерами, что провоцирует его дальнейшее снижение и вызывает угрозу поглощения. Часто это требует от управляющих реализовывать инвестиционные и высокорискованные проекты, позволяющие компании быстро приспособиться к изменяющимся условиям внешней среды. Данная черта во многом определяется развитым рынком ценных бумаг, обеспечивающим высокую ликвидность акций.

По данным 2013 г., размер заработной платы управляющих в США остаётся одним из самых высоких в мире (табл. 1) [8]. Стоит отметить практику последних лет — выплату довольно большого вознаграждения даже тем менеджерам американских компаний, которые не достигли установленного собственниками значений основных показателей деятельности или уличённых в искажении финансовой отчётности [5]. Переосмысление подхода к определению размера бонусов привело к выработке механизмов ограничения оппортунизма управляющих, среди которых наиболее популярными остаются опционы.

Одной из главных отличительных черт американской корпорации является высокая распылённость акционерного капитала. В такой ситуации управление корпорацией целиком сосредоточено в руках наёмных менеджеров. Ослабленный контроль акционеров создаёт благоприятную почву для проявления оппортунистического поведения управленческого персонала.

Несколько крупных судебных разбирательств последних лет, касающихся вывода активов и искажения финансовой отчётности, привлекли много внимания к проблеме оппортунизма управляющих. В связи с этим одной из главных обязанностей совета директоров является контроль за деятельностью менеджеров. В США известны случаи привлечения к административной

Таблица 1

**Средний размер компенсаций топ-менеджерам
в компаниях с более чем 100 000 сотрудников, евро**

Страна	Базовая компенсация	Бонус	Общий размер денежной компенсации	Опцион на покупку акций
США	558 500	758 400	1 316 900	393 100
Великобритания	747 200	544 100	1 291 300	31 200
Германия	701 100	740 000	1 441 100	95 000
Другие страны Западной Европы	701 100	644 000	1 294 000	82 200

и уголовной ответственности членов совета директоров, действия которых были направлены на получение личной выгоды в ущерб корпорации, а также при банкротстве.

Одним из методов противодействия оппортунизму стало повышение информационной прозрачности работы корпораций. На сегодняшний день в США приняты одни из самых жёстких требований по раскрытию информации. Такие меры призваны защитить права акционеров от недобросовестного поведения топ-менеджеров, что значительно снижает уровень оппортунизма.

Для решения проблемы снижения оппортунистического поведения управленческого персонала в американских корпорациях зачастую используется трёхуровневая модель агентских отношений [2]. Помимо двух основных участников — акционеров и менеджеров, возникает третья сторона — контролёр (наиболее часто данная функция отводится комитету совета директоров по вознаграждению). Тем не менее всегда существует вероятность сговора, при котором комитет решит вопрос о размере и выплате премии в пользу топ-менеджмента. Таким образом, введение дополнительного участника в данную систему взаимоотношений не гарантирует собственникам полную защиту их интересов от оппортунизма менеджеров.

Попытка ограничить недобросовестное поведение управляющих привела к возникновению характерного для американских корпораций контракта. Данное соглашение закрепляет размер постоянной части вознаграждения, а также различного рода стимулирующие выплаты в виде премии по итогам отчётного периода, бонусы при заключении значимых для корпорации сделок, и т. д. В отличие от других контрактов подобного рода, такой договор предусматривает и условия увольнения при его нарушении, а также размер компенсационной выплаты либо её отсутствие. Стоит отметить, что данное соглашение минимизирует вероятность проявления оппортунизма не только со стороны менеджеров, но и со стороны самой корпорации.

Несмотря на то что в американских корпорациях значительное внимание уделяется трудовому коллективу, известны случаи проявления оппортунизма по отношению к рабочим со стороны компании. Например, при неблагоприятных экономических условиях американские компании нередко снижают свои издержки путём сокращения числа работников.

Подводя итог, стоит отметить, что в англо-американской модели корпоративного управления существуют достаточно большие возможности для проявления оппортунистического поведения, особенно со стороны менеджеров по отношению к акционерам.

Японскую модель корпоративного управления характеризует взаимозависимость основных участников — банк, правление, правительство, кейрецу, а также различного рода профессиональные объединения. Сложившаяся в японских корпорациях система взаимоотношений между субъектами значительно снижает возможность проявления оппортунистического поведения.

Одной из характерных черт японской корпорации является пожизненный наём сотрудников (доля таких сотрудников составляет обычно свыше 50%). Такая система, как правило, приводит к снижению оппортунистического поведения со стороны работников и фирмы. У корпорации возникает дополнительная мотивация инвестировать в обучение сотрудников, повышение их квалификации и удержание ценных кадров на предприятии. Почти на каждом предприятии существует свой внутренний рынок рабочей силы.

Работники, в свою очередь, стремятся максимально эффективно выполнять работу, продвигаясь по карьерной лестнице и реализуя свой потенциал в рамках одной корпорации на протяжении всей жизни. Происходит полное отождествление результата корпорации с собственным. При трудоустройстве размер заработной платы устанавливается на уровне среднерыночного минимума, однако взамен корпорация берёт на себя все издержки, связанные с повышением квалификации и обучением, что является дополнительной мотивацией для работников.

Такие длительные контрактные отношения служат защитой от недобросовестного поведения, в отличие от краткосрочных разовых контрактов западных фирм, характеризующихся высокой степенью риска и низким уровнем доверия сторон. Они способны значительно повысить лояльность сотрудников к фирме путём сочетания наиболее эффективных способов материальной и нематериальной мотивации.

Проявление оппортунизма одной из сторон приводит к расторжению контракта, что влечёт значительные издержки для всех участников контрактных отношений. Для корпорации увольнение специалиста оборачивается потерей специ-

фического капитала, а для сотрудника — потерей репутации.

Ещё одной отличительной чертой японских корпораций, в сравнении с европейскими и американскими, является низкий удельный вес управляющих в общем объёме сотрудников, а также разница в заработной плате менеджеров и специалистов на производстве в Японии значительно меньше, чем в других странах.

Корпоративные ценности ставятся всеми участниками выше личностных, что позволяет гармонизировать взаимоотношения между сторонами. Всё это приводит к повышению доверия в корпорации, к её стабильности и значительному снижению издержек оппортунистического поведения.

Немецкая модель характеризуется большим числом участников. Помимо акционеров и менеджеров значительную роль играют банки, работники и государство. В данной модели все стороны, заинтересованные в успешном развитии корпорации, принимают участие в управлении.

Основными крупными акционерами являются банки и другие компании, которые осуществляют функции управления и контроля через своих представителей. Для европейских корпораций характерным является проявление оппортунизма по отношению к мелким акционерам со стороны мажоритариев и управляющих. Конфликты между держателями крупных и мелких пакетов акций в основном связаны с распределением прибыли предприятия и выплатой дивидендов. Лишь соблюдение баланса интересов всех акционеров позволит снизить степень проявления оппортунизма на данном уровне.

Несмотря на то что сотрудники выбирают своих представителей в совет директоров, защита их интересов не гарантируется в полной мере. Тем не менее это в значительной степени позволяет сотрудникам отстаивать свои и интересы и снижать возможные проявления оппортунизма со стороны управляющих.

Большинство российских корпораций значительно меньше зарубежных по основным показателям производства и капитализации. Тем не менее уже сегодня можно выделить некоторые характерные особенности российской модели корпоративного управления.

В 1990-е гг. в России за основу была взята американская модель корпоративного управления. Однако главная особенность данной модели, а именно развитый фондовый рынок, отсутству-

ет в нашей стране до сих пор. Незрелость рынка ценных бумаг не позволяет корпорациям привлечь мелких инвесторов для развития и реализации новых проектов, а их финансирование по сей день возможно только за счёт реинвестирования собственной прибыли либо заёмных средств.

Отличительной чертой российских корпораций стало объединение основных акционеров и управляющих в одном лице. Те, кто в процессе приватизации сумел получить значительный пакет акций той или иной компании, не стремились передать функции управления третьим лицам, а предпочитали сами осуществлять непосредственное руководство компанией. Данная особенность характерна для многих стран с переходной экономикой.

Нарушение одного из главных принципов, характерного для рассмотренных выше моделей корпоративного управления, — разделения права собственности и управления — приводит к появлению иных форм, свойственных российским корпорациям. Первая подразумевает наличие единоличного собственника (или несколько крупных), который зачастую самостоятельно реализует полное управление корпорацией, в том числе оперативное. Существующая проблема высокого недоверия наёмным менеджерам, способным проявить оппортунизм, вынуждает владельцев лично осуществлять руководство.

Стоит признать, что в нашей стране механизмов, способных ограничить такое поведение управленцев, действительно не так много. Одним из главных механизмов такого рода в западных странах является рынок ценных бумаг. Исходя из динамики основных показателей и капитализации можно сделать вывод об уровне управления, существующем в корпорации. Российский фондовый рынок заметно отстаёт от зарубежных. К тому же результаты деятельности компании во многом зависят от различных внешних факторов. Следовательно, данные показатели нельзя использовать для оценки уровня профессионализма менеджеров.

Второй наиболее известный механизм ограничения — высококонкурентный рынок труда менеджеров. Однако многие эксперты сходятся во мнении, что на российском рынке существует острый дефицит управленческих кадров высокого уровня. Вызвано это несколькими причинами. Во-первых, потребность в топ-менеджерах возникла в России не так давно, связана она с появлением первых крупных корпораций в последние

несколько десятилетий. За это время ещё не успел сформироваться достаточно развитый рынок труда управляющих. Во-вторых, отсутствие у менеджеров достаточного опыта в управлении корпорациями в нестабильных экономических условиях и высоком уровне неопределённости.

Третий механизм основан на жёстком контроле со стороны кредиторов и инвесторов. В России влияние инвесторов на деятельность корпорации крайне низкое, по сравнению с другими странами. Во многом это обуславливается незначительной долей иностранных инвестиций в российские компании, что связано с высоким уровнем недоверия.

Присутствие одного или нескольких крупных акционеров в российских компаниях порождает проблему оппортунистического поведения мажоритариев по отношению к миноритариям. Мелкие акционеры оказались незащищёнными перед оппортунистическим поведением держателей крупных пакетов, распределяющих полученные доходы в соответствии со своими интересами. И лишь в последние несколько лет мировая тенденция в области защиты прав миноритарных акционеров распространилась и на российскую действительность.

Развитие и рост российских корпораций в последние десятилетия привели к частичной или полной передаче функции управления, что обострило проблему оппортунизма менеджеров. В частности, топ-менеджеры российских корпораций склонны к принятию высокорискованных решений, так как их риск ограничивается потерей своего вознаграждения (возможно, места работы), а для акционеров данный риск характеризуется потерей капитала. Система вознаграждения управленческого персонала в России остаётся одной из самых непрозрачных. Отсутствие строгих норм, предписывающих корпорации в полной мере раскрывать данную информацию, приводит к тому, что она остаётся в тени. Значительный рост вознаграждений сдерживается только наличием одного или нескольких крупных собственников. Внедрение эффективных способов мотивации заменяется выплатой вознаграждения на уровне «не выше среднерыночного». Для решения данной проблемы необходимо сближение интересов собственников и управляющих.

Проявление оппортунизма менеджеров по отношению к наёмным работникам в виде задержки заработной платы, изменений условий трудового договора, неоплачиваемой сверхурочной работы

и т. д. спровоцировано отсутствием работоспособных профсоюзов и действующих законодательных норм. В отличие от европейских корпораций в России сотрудники практически не способны отстаивать свои интересы и участвовать в процессе управления компанией и распределения прибыли.

В значительной степени оппортунизм управляющих проявляется и в вопросе оплаты труда. Согласно исследованию, проведённому экспертами компании Adecco Group Russia, заработная плата рядовых сотрудников и руководителей в России отличается в 65 раз [10]. Несмотря на то что объясняется такая разница различной степенью ответственности и риска рабочего и управляющего, в американских и европейских корпорациях этот показатель не превышает 30.

Стоит отметить и высокий уровень оппортунизма рядовых сотрудников российских предприятий. Проявляется он в стандартных формах, таких как отлынивание, потребление на рабочем месте, опоздания и т. д. Но в последнее время отмечают и его новые формы, например, отсутствие должного внимания безопасности и сохранности конфиденциальной информации.

Несмотря на то что компании ежегодно тратят значительные средства на системы защиты данных, более 70% сотрудников выносят из стен офиса конфиденциальную информацию [14]. Из них лишь незначительная часть неосознанно способна подвергнуть компанию риску утечки информации — унося рабочие документы на личных носителях с рабочего места, обладая простыми паролями для доступа в корпоративную почту, делясь паролями для доступа к рабочим компьютерам с коллегами или храня их на видном месте, и т. д. Значительная часть сотрудников осознанно пренебрегают элементарными требованиями информационной безопасности, что расценивается как проявление оппортунизма по отношению к корпорации. Более того, около 40% уволенных сотрудников предполагают использовать внутреннюю информацию на новом рабочем месте [13] и считают приемлемым присвоение различного рода интеллектуальной собственности.

Среди ключевых особенностей современной российской модели корпоративного управления можно выделить низкую степень доверия на всех уровнях взаимодействия, что влечёт за собой отсутствие ориентации на долгосрочный период, а преобладание курса на извлечение максимальной выгоды в краткосрочной перспективе [5].

Сочетание роли собственника и управляющего в одном лице приводит к извлечению «инсайдерской ренты» узким кругом лиц в ущерб остальным. Достаточно слабая развитость финансового рынка в России порождает отсутствие должного контроля с его стороны как внешнего механизма корпоративного контроля.

К одной из главных особенностей российской модели корпоративного управления можно отнести и лидирующую роль такого мажоритарного акционера, как государство [11], играющего активную роль в процессе управления. Повышение эффективности работы компаний является одним из главных вопросов и для госкорпораций. Данный вопрос активно обсуждался в течение всего 2014 г., и результатом стало принятие новых правил корпоративного управления для госкомпаний [9]. В ближайшей перспективе планируется разработка и внедрение системы показателей эффективности работы госкорпораций и их менеджмента.

Можно сделать вывод о том, что российская модель корпоративного управления имеет схожие черты с англо-американской и европейской. Тем не менее одни из ключевых характеристик западных моделей — информационная прозрачность, расширение прав органов управления и др. остаются для российской модели на низком уровне соответствия мировым стандартам. Существующая в России модель корпоративного управления включает некоторые черты классических моделей, а также характеризуется исключительными, приобретёнными в процессе формирования и развития.

Отсутствие баланса интересов субъектов корпорации приводит к обострению проблемы оппортунистического поведения при всех моделях корпоративного управления. В табл. 2 представлена оценка степени риска возникновения и проявления оппортунизма на различных уровнях.

Наиболее часто проявление оппортунистического поведения можно встретить, анализируя взаимоотношения акционеров и менеджеров. Агентская проблема проявляется на данном этапе взаимоотношений в полной мере. Стоит отметить высокий уровень оппортунизма в англо-американской модели, при которой распыление акционерного капитала приводит к ослаблению или потере контроля над менеджерами. В российских корпорациях, в случае делегирования функции управления, из-за высокой степени недоверия между собственниками и управляющими возникает существенный риск возникновения оппортунизма. В немецкой и японской моделях, где сильна роль контроля со стороны инвесторов за действиями управляющих, оппортунизм проявляется гораздо реже.

Самый высокий риск недобросовестного поведения менеджеров по отношению к работникам существует в российских корпорациях. Это является следствием неразвитости правовых институтов, доминирующего положения работодателя, а также ряда других причин. Нарушение взятых обязательств встречается весьма часто и со стороны сотрудников предприятий. Разнообразные формы проявления оппортунизма, присущие работникам российских корпораций, проявляются в форме отлынивания, опозданий, использования ресурсов компании и др. Особенностью является значительное снижение оппортунистического поведения работников в условиях кризиса и нестабильной экономической ситуации и его резкий рост со стороны работодателя.

В японской модели корпоративного управления одним из главных принципов является инвестирование в человеческий капитал. Работники, в свою очередь, отождествляют свои достижения с успехом корпорации, поэтому их усилия направлены на достижения максимально

Таблица 2

Оценка риска возникновения оппортунистического поведения в корпорациях на различных уровнях взаимодействия

Уровень оппортунистического поведения	Англо-американская модель	Немецкая модель	Японская модель	Российская модель
Менеджеры → Акционеры	Высокий	Низкий	Низкий	Высокий
Менеджеры → Работники	Средний	Низкий	Низкий	Высокий
Работники → Менеджеры	Высокий	Низкий	Низкий	Высокий
Мажоритарии → Миноритарии	Средний	Высокий	Высокий	Высокий

эффективного результата. Оппортунизм с обеих сторон в таком типе взаимоотношений проявляется крайне редко.

В немецкой корпорации работники способны принимать активное участие в управлении и отстаивать свои интересы. Такое представительство приносит свои плоды — нарушение прав служащих, условий договора со стороны корпорации в такой модели нечасты. В связи с этим риск возникновения оппортунизма здесь оценивается как низкий. Стоит отметить значительную роль профсоюзов в таких корпорациях, действиями которых во многом и обуславливается сложившаяся ситуация.

В американских корпорациях, где каждая сторона ориентирована на личную выгоду, случаи нарушения условий договора со стороны компании встречаются, но говорить об их систематичности не приходится. Тем не менее рядовые служащие достаточно часто уклоняются от выполнения поставленных задач с полной самоотдачей, несмотря на все усилия организаций по контролю за выполнением служебных обязанностей.

Проблема взаимоотношений миноритариев и мажоритариев присуща всем моделям в достаточно высокой степени. В зависимости от модели в качестве крупных акционеров могут выступать банки, другие корпорации или различные фонды либо физические лица. Вне зависимости от этого

права держателей небольших пакетов акций неоднократно нарушались в корпорациях по всему миру. Лишь в англо-американской модели, которой свойственно распыление акционерного капитала, данный вопрос поднимается гораздо реже.

Совершенствование внутрифирменной структуры приводит к значительной экономии издержек и сближению интересов субъектов корпорации. Очевидными остаются преимущества внедрения современных принципов корпоративного управления в вопросе снижения издержек оппортунистического поведения.

Процесс становления и развития российской модели корпоративного управления сопряжён с поиском эффективных механизмов воздействия на управленческий персонал корпорации, повышением стимулов к эффективной деятельности, координацией действий всех субъектов корпорации, обеспечением защиты прав миноритарных акционеров и т. д. Всё это в значительной степени способно повысить доверие между субъектами корпорации и снизить риск проявления оппортунистического поведения. На современном этапе требуется дополнительная проработка законодательной базы, не только описывающей распределение доходов, но и разделение рисков, а также учитывающей степень ответственности при принятии решений.

Список литературы

1. Бархатов, В. И. Корпоративная власть в России: подходы, проблемы и решения / В. И. Бархатов, Д. А. Плетьнёв // Экономика в условиях глобализации: проблемы, тенденции, перспективы : материалы I Междунар. науч.-практ. интернет-конф. ; под ред. : В. Шаповал, Б. Шлюсарчик. – Челябинск, 2013. – С. 25–31.
2. Зенкевич, Н. А. Эволюция моделирования стимулирующих контрактов с топ-менеджерами компаний / Н. А. Зенкевич, В. С. Катъкало, Т. Н. Клемина, А. Г. Медведев // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. Менеджмент. – 2012. – Вып. 1. – С. 3–25.
3. Клейнер, Г. Б. Ключевые проблемы современного менеджмента / Г. Б. Клейнер // Вестн. Рос. экон. ун-та. – 2012. – № 6. – С. 47–56.
4. Клейнер, Г. Б. Менеджеральная революция / Г. Б. Клейнер // Экономика и жизнь. – 2011. – 30 сент. – С. 16–17.
5. Силова, Е. С. Сравнительный анализ моделей корпоративного управления / Е. С. Силова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2011. – № 32 (247). Экономика. Вып. 34. – С. 104–107.
6. Шаститко, А. Е. Проблемы корпоративного управления и пути их решения в корпоративном законодательстве / А. Е. Шаститко // Рос. журн. менеджмента. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 3–24.
7. Шаститко, А. Е. Механизмы корпоративного управления: место акционерных соглашений / А. Е. Шаститко, Т. А. Радченко // Вопр. экономики. – 2008. – № 10.
8. Компенсация топ-менеджеров в крупнейших мировых корпорациях увеличилась на 5,5 % : исслед. Pedersen & Partners, 2013. – URL: <https://www.pedersenandpartners.com/news/2013/Compensation-in-Worlds-Largest-Corporations-Increases-by-5-5-Russian>

9. Новые правила корпоративного управления госкомпаний // Открытое правительство. – 2014. 28 мая. – URL: <http://open.gov.ru/events/5510192>
10. Большая разница // Итоги. – 2012. – 16 июля. – URL: <http://www.itogi.ru/chto/2012/29/179972.html>
11. Практики корпоративного управления в России: определение границ национальной модели. – М. : Ассоциация Менеджеров, КПМГ в России и СНГ, 2011. 50 с.
12. Система вознаграждения топ-менеджмента и совета директоров в российских компаниях: влияние кризиса в международном контексте : исслед. подготовлено группой экспертов службы рейтингов корпоратив. упр. компании Standard & Poor's, 2010. – URL: http://www.standardandpoors.com/ru_RU/web/guest/home
13. 56% бывших сотрудников оправдывают кражу корпоративной информации : исслед. компании Symantec, 2013. – URL: http://www.symantec.com/ru/ru/about/news/release/article.jsp?prid=20130214_01
14. 70% сотрудников выносят из компании конфиденциальные данные : исслед. компании Symantec, 2011. – URL: http://www.symantec.com/ru/ru/about/news/release/article.jsp?prid=20110426_01
15. Berle, A. The Modern Corporation and Private Property / A. Berle, G. Means. – 2nd ed. – Harcourt, Brace and World, New York, 1967.

Сведения об авторе

Козлова Елена Викторовна — преподаватель кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия.

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 134–142.*

COMPARATIVE ANALYSIS OF OPPORTUNISTIC BEHAVIOR IN THE RUSSIAN AND FOREIGN CORPORATIONS

E. V. Kozlova

Lecturer of the Department of Economy of Industries and Markets, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

Sustainable development of enterprises in volatile economic environment is largely determined by the existing model of corporate governance. This article reviews the main foreign models, as well as describes the features of modern Russian model of corporate governance. Comparative analysis of the level of opportunistic behavior of subjects at different levels of corporate interaction, providing the most effective mechanisms for its prevention and control. The question of the interaction of the main participants of corporate governance and assesses their impact on the management of the company.

Keywords: *opportunism, opportunistic behavior, corporation, corporate governance model.*

References

1. Barkhatov V.I. and Pletnev D.A. Korporativnaya vlast' v Rossii: podkhody, problemy i resheniya [Corporate power in Russia: approaches, problems and solutions]. *Materialy I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii «Ekonomika v usloviyakh globalizatsii: problemy, tendentsii, perspektivy»* [Proceedings of the I International Scientific and Practical Internet Conference «The economy in the context of globalization: Challenges, Trends and Prospects»]. V. Shapoval, B. Shlyusarchik (eds). 2013. Pp. 25–31. (In Russ.)
2. Zenkevich N.A., Kat'kalo V.S., Klemina T.N. and Medvedev A.G. Evolyutsiya modelirovaniya stimulyuyushchikh kontraktov s top-menedzherami kompaniy [Evolution simulation incentive contracts with top managers of companies]. *Vestnik Sankt-Peterburzhskogo universiteta* [Bulletin of the University of St. Petersburg. Management Series]. 2012. No. 1. Pp. 3–25. (In Russ.)
3. Kleyner G.B. Klyuchevyye problemy sovremennogo menedzhmenta [The key issues of modern management]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Russian Economic University]. 2012. No. 6. Pp. 47–56. (In Russ.)

4. Kleyner G.B. Menedzherial'naya revolyutsiya [Managerial Revolution]. *Ekonomika i zhizn'* [Economy and life]. 2011. No. 38. Pp. 16–17. (In Russ.)
5. Silova Ye.S. Sravnitel'nyy analiz modeley korporativnogo upravleniya [Comparative analysis of models of corporate governance]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011. No. 32 (247). Economy. Issue 34. Pp. 104–107. (In Russ.)
6. Shastitko A.Ye. Problemy korporativnogo upravleniya i puti ikh resheniya v korporativnom zakonodatel'stve [Corporate governance problems and solutions in corporate law]. *Rossiyskiy zhurnal menedzhmenta* [Russian Management J.]. 2006. No. 2. T. 4. Pp. 3–24. (In Russ.)
7. Shastitko A.Ye. and Radchenko T.A. Mekhanizmy korporativnogo upravleniya: mesto aktsionernykh soglasheniy [The mechanisms of corporate governance: the place of shareholders' agreements]. *Voprosy ekonomiki* [The Issues of Economy]. 2008. No. 10.
8. *Kompensatsiya top-menedzherov v krupneyshikh mirovykh korporatsiyakh uvelichilas' na 5,5%* [Payment of top managers in the world's largest corporations increased by 5.5% : Research Pedersen & Partners, 2013]. URL: <https://www.pedersenandpartners.com/news/2013/Compensation-in-Worlds-Largest-Corporations-Increases-by-5-5-Russian>
9. *Novyye pravila korporativnogo upravleniya goskompaniy* [The new rules of corporate governance of state companies]. Open Government. 28 May 2014. URL: <http://open.gov.ru/events/5510192>
10. Bol'shaya raznitsa [The big difference]. *Itogi*. 2012. 16 July. URL: <http://www.itogi.ru/chto/2012/29/179972.html>
11. *Praktiki korporativnogo upravleniya v Rossii: opredeleniye granits natsional'noy modeli* [Corporate Governance Practices in Russia: the definition of the boundaries of the national model]. Moscow, 2011. 50 p.
12. *Sistema voznagrashdeniya top-menedzhmenta i soвета direktorov v rossiyskikh kompaniyakh: vliyaniye krizisa v mezhdunarodnom kontekste* [The system of remuneration of top management and the board of directors in Russian companies: the impact of the crisis in the international context]. Study prepared by an expert group Governance Services of Standard & Poor's, 2010. URL: http://www.standardandpoors.com/ru_RU/web/guest/home
13. *56% byvshikh sotrudnikov opravdyvayut krazhu korporativnoy informatsii* [56% of former employees to justify the theft of corporate information]. URL: http://www.symantec.com/ru/ru/about/news/release/article.jsp?prid=20130214_01
14. *70% sotrudnikov vynosyat iz kompanii konfidentsial'nyye dannyye* [70% of employees are carried out of the company's confidential data]. A study by Symantec, 2011. URL: http://www.symantec.com/ru/ru/about/news/release/article.jsp?prid=20110426_01
15. Berle A. and Means G. *The Modern Corporation and Private Property*. 2nd ed. Harcourt, Brace and World, New York, 1967.

УДК 330
ББК 65.32

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

Статья подготовлена в рамках гранта Президента МК-6017.2015.6

Д. С. Бенц, Е. С. Силова

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Исследована проблема продовольственной безопасности Челябинской области. Проанализирована динамика импорта и цен на ключевые продовольственные товары. Поднят вопрос значимости импортозамещения. Величина импорта позволяет оценить зависимость области от ввозимой продукции. Рассчитаны показатели финансовой устойчивости предприятий аграрного сектора области. Показано соотношение выручки и себестоимости предприятий. Рассчитана доля просроченной задолженности предприятий области в общей сумме кредитных ресурсов.

Ключевые слова: *продовольственная безопасность, Челябинская область, сельскохозяйственная отрасль, объёмы продаж товаров отрасли сельского хозяйства.*

Проблема продовольственной безопасности региона является составным элементом всей национальной безопасности. Особенно актуальной исследуемая проблема стала в связи с рядом международных санкций, наложенных на Россию. Международные экономические и политические риски в последние месяцы проявляют себя особенно остро. В связи с этим Россия должна сохранить экономическую и социальную устойчивость. Чтобы не быть подверженной воздействию агрессивной международной среды, страна, её регионы и муниципальные образования должны добиваться устойчивого развития всех отраслей экономики.

Задача достижения продовольственной безопасности всегда стояла в числе приоритетных, а в последние месяцы стала крайне актуальной в силу быстро растущих экономических и политических международных рисков. Макроэкономика любого государства, как и вся международная экономика, развивается циклически. Сегодняшний день указал на несостоятельность либерального принципа *laissez-faire*. Глобализация и либерализация международного рынка постепенно сменилась приоритетами национальной безопасности. В свете последних геополитических событий, в том числе связанных с войной в Украине, особым приоритетом становятся вопросы национальной безопасности страны. Импортозамещение — вот, что становится приоритетным направлением, особенно в сфере продовольствия. Достижение продовольственной безопасности регионов сделает всю национальную экономику устойчивой, в том чис-

ле к внешним агрессорам. Объектом нашего исследования является продовольственная безопасность Челябинской области.

Цель исследования — оценить состояние развития сельского хозяйства как основного фактора продовольственной безопасности на примере Челябинской области, определить состояние продовольственной безопасности в данном регионе.

В качестве ключевых задач, стоящих перед Уральским регионом в целом, и Челябинской областью в частности, Доктрина продовольственной безопасности определяет такие, как «достижение и поддержание физической и экономической доступности для каждого гражданина безопасных пищевых продуктов в объёмах и ассортименте, которые соответствуют установленным рациональным нормам потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни; устойчивое развитие местного производства продовольствия и сырья, достаточного для обеспечения продовольственной безопасности региона; обеспечение безопасности потребляемых пищевых продуктов; своевременное прогнозирование, выявление и предотвращение внутренних и внешних угроз продовольственной безопасности...» [4].

Доктрина продовольственной безопасности Уральского федерального округа (далее — Доктрина) определяет такие понятия, как «продовольственная безопасность» и «продовольственная независимость». Под первым понятием в Доктрине подразумевается «состояние экономики региона, при котором обеспечивается продо-

вольственная независимость, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объёмах не меньше рациональных норм потребления, необходимых для активного, здорового образа жизни» [4]. Под продовольственной независимостью Доктрина понимает «устойчивое отечественное производство пищевых продуктов в объёмах, не ниже установленных пороговых значений его удельного веса в товарных ресурсах внутреннего рынка соответствующих продуктов» [4].

Учёные давно обратили своё внимание на исследование роли сельского хозяйства и продовольствия в жизни общества. Учения физиократов предполагали, что основным источником богатства является земледелие, а труд в сфере сельского хозяйства эти исследователи называли производительным в отличие от всякого прочего «бесплодного» труда. Чистый продукт создаётся непосредственно трудом земледельцев и обеспечивает благосостояние всего общества, таким образом, центральным сектором любой экономики является аграрный [6]. Первый, кто привлёк внимание к проблеме продовольственной безопасности на национальном уровне, был Т. Мальтус, указывавший на опасность перенаселения земли с учётом закона убывающего плодородия почвы [8]. Он указывал на необходимость регламентации заключения браков и регулирования рождаемости.

В более поздних экономических теориях неоклассической направленности проблема продовольственной безопасности не рассматривалась.

В конце XX в. проблемы обеспечения продовольственной безопасности привлекают многих исследователей, что связано с беспрецедентным ростом населения (особенно в развивающихся странах), многочисленными энергетическими кризисами и резким нарастанием экологических проблем.

В своей работе Дж. Конуэй и Е. Барбер «После зелёной революции» определяют продовольственную безопасность (foodsecurity) как гарантированный доступ всех жителей в любое время к достаточному количеству пищи, необходимой для здоровой и активной жизни. И основным фактором, ограничивающим этот доступ, по мнению исследователей, является недоступность энергии, особенно в развивающихся странах. Решением проблемы они видят в государственной политике, направленной на поддержку агропромышлен-

ного комплекса, борьбу с бедностью и регулирование рождаемости [1].

По мнению А. А. Горбачёвой и А. Ю. Купченко, продовольственная безопасность может характеризоваться способностью государства к обеспечению за счёт собственного производства доступа жителей страны (при обязательном приоритете малоимущих его слоёв) к качественному продовольствию в количестве, необходимом для обеспечения, сохранения, поддержания жизни и дееспособности человека, а также к регулированию оптимальных размеров импорта, обеспечивающих физиологические нормы потребления продовольствия и обогащение его ассортимента [2]. В данном подходе подчёркивается решающая роль государства в обеспечении продовольственной безопасности. При этом авторы выделяют следующие компоненты продовольственной безопасности:

- физическая доступность продуктов питания;
- экономическая доступность продуктов питания;
- безопасность и качество продовольствия.

Авторы отмечают, что для России характерны высокий рост цен на продовольствие, нерациональные нормы потребления продуктов (особенно молока, овощей, фруктов, яиц); зависимость от импортных поставок продуктов питания. Так, по итогам 2012 г. на долю России приходилось 7,41 % мирового импорта продовольствия, а экспорт составил только 3,02 % [9].

По мнению Ю. Скрынника, продовольственная безопасность характеризует такое состояние экономики страны, в том числе её агропромышленного комплекса, при котором независимо от внешних и внутренних условий и без уменьшения государственного продовольственного резерва удовлетворяются потребности населения в продовольствии в соответствии с рациональными нормами здорового питания, достаточными для активной и здоровой жизни [12]. Автор подчёркивает, что в основе продовольственной безопасности лежит высокий уровень развития сельского хозяйства и производства сельскохозяйственной продукции внутри страны.

По мнению П. В. Михайлушкина и А. А. Баранникова, продовольственная безопасность государства — это обеспеченная соответствующим ресурсным потенциалом и гарантиями способность страны удовлетворять потребности в питании населения всех доходных групп в объёмах, качестве и ассортименте, необходимых для сохранения его здоровья и расширенного воспро-

изводства, независимо от влияния негативных внешних и внутренних факторов спроса и предложения, изменения ценового уровня рыночной конъюнктуры [9].

Так или иначе, в определениях всех авторов акцент делается на необходимости удовлетворения потребностей населения в качественном, безопасном, доступном продовольствии при существенной роли государства.

Важным остаётся вопрос о критериях продовольственной безопасности. Некоторые исследователи связывают понятие продовольственной безопасности непосредственно с уровнем импорта в общем потреблении продуктов питания [7], считая, что его доля не должна превышать 20%.

Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации до 2020 г. предлагает ряд показателей и вводит критерии для оценки состояния продовольственной безопасности. В частности, в объёме товарных ресурсов по отдельным видам товаров введены следующие критерии:

- для зерна — не менее 95 %;
- сахара — не менее 80 %;
- растительного масла — не менее 80 %;
- мяса и мясопродуктов (в пересчёте на мясо) — не менее 85 %;
- молока и молокопродуктов (в пересчёте на молоко) — не менее 90 %;
- рыбной продукции — не менее 80 %;
- картофеля — не менее 95 %;
- соли пищевой — не менее 85 % [3].

Другими показателями продовольственной безопасности, на наш взгляд, могут быть следующие:

- доля затрат на покупку продуктов питания в доходах населения;
- индекс цен на основные продукты питания;
- соответствие потребления основных продуктов питания рациональным нормам;
- индексы цен на продовольственные товары;
- уровень безопасности продуктов питания;
- показатели, характеризующие финансовое состояние предприятий агропромышленного комплекса.

На сегодняшний день эксперты оценивают долю готового импорта в общем объёме потребительского рынка на уровне 17,4%, а с учётом промежуточного импорта — около 35%, что свидетельствует в целом о небольшой зависимости России от импорта продуктов питания [15].

Продовольственная безопасность имеет важное значение и на региональном уровне, поскольку

ку российские регионы существенно отличаются по многим условиям хозяйствования, в том числе климатическим, поэтому, на наш взгляд, проблема национальной безопасности во многом приобретает региональный характер.

В конечном итоге, для достижения всех поставленных задач следует добиться стабильно растущего производства в сельскохозяйственной отрасли. Проанализируем состояние отрасли в Челябинской области. В первую очередь, продовольственная безопасность должна означать для жителей области ценовую доступность пищевых продуктов. За последние пять лет индекс цен по продовольственным товарам находился в диапазоне от 105,3 до 114,7 (рис. 1). Самое высокое значение индекса характерно именно для прошедшего 2014 г. [14].

За один только январь 2015 г. рост цен на продовольствие уже составил 5,6% по отношению к декабрю 2014 г. Это уже говорит о возникшей угрозе в области продовольственной безопасности.

Индексы цен по разным группам продовольствия разнятся. (Динамика цен по таким товарам, как мука, крупы и хлеб, приведена на рис. 2.) Особо острой является ситуация с крупами. Рост цен за 2014 г. составил почти 30%. Несколько менее напряжённой является ситуация с ценами на сливочное масло и сметану (рис. 3).

Существенную долю в потребительской корзине жителя Челябинской области должны занимать мясные продукты. Здесь ситуация является несколько негативной — цены на мясо (главным образом, свинину и говядину) за 2014 г. в среднем выросли более чем на 35% (рис. 4).

Резюмировав ситуацию, отображённую на рис. 1–4, можно сказать только о том, что доступность пищевых продуктов за 2014 г. существенно снизилась. Для оценки причин такого роста цен необходимо проанализировать ряд финансовых показателей отрасли. На рис. 5 приведена динамика совокупной выручки и себестоимости продукции всех предприятий аграрной отрасли области.

Рис. 5 показывает, что расстояние между кривыми «выручка» и «себестоимость» остаётся примерно одинаковым на протяжении последних восьми лет. Это означает сохранение прибыли от продаж. Следовательно, можно сделать положительный вывод, что предприятия области не завышают стоимость продуктов (см. также рис. 6). С другой стороны, суммарные активы

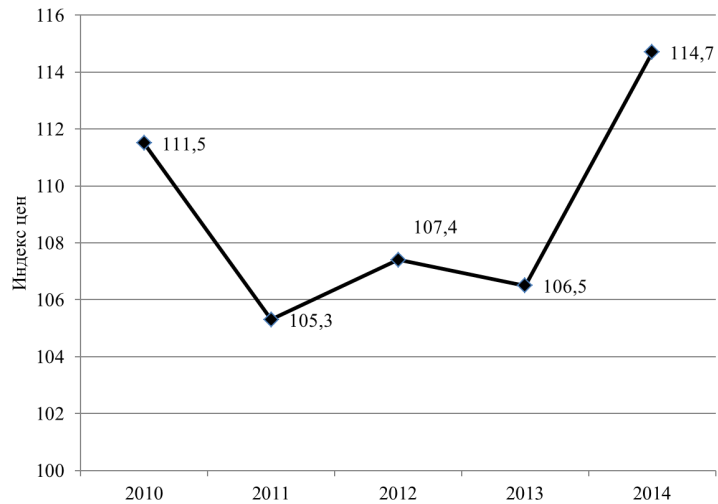

Рис. 1. Динамика индекса цен Челябинской области по продовольственным товарам [5]

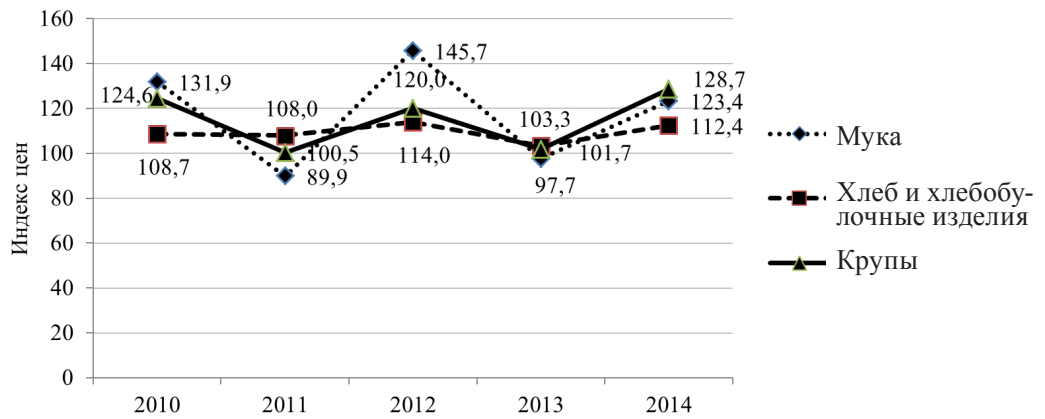

Рис. 2. Динамика индекса цен Челябинской области на муку, крупы, хлеб [5]

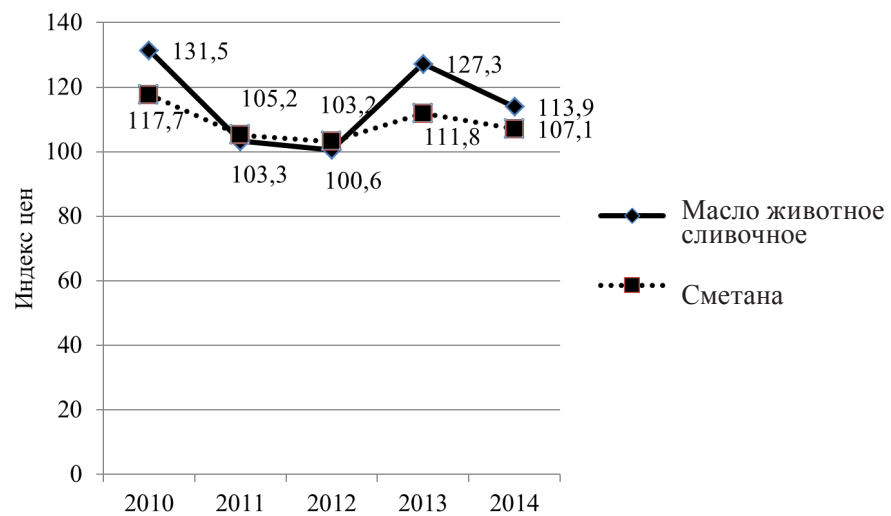

Рис. 3. Динамика индекса цен Челябинской области на сливочное масло и сметану [5]

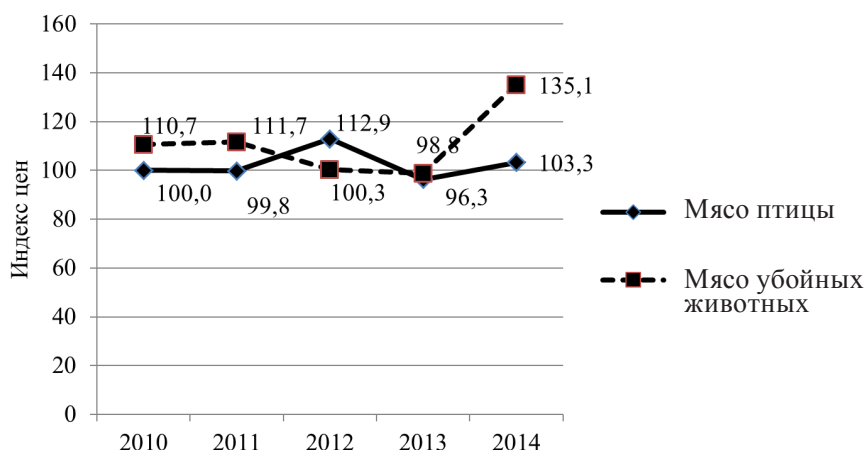

Рис. 4. Динамика индекса цен Челябинской области на мясо птицы и убойных животных

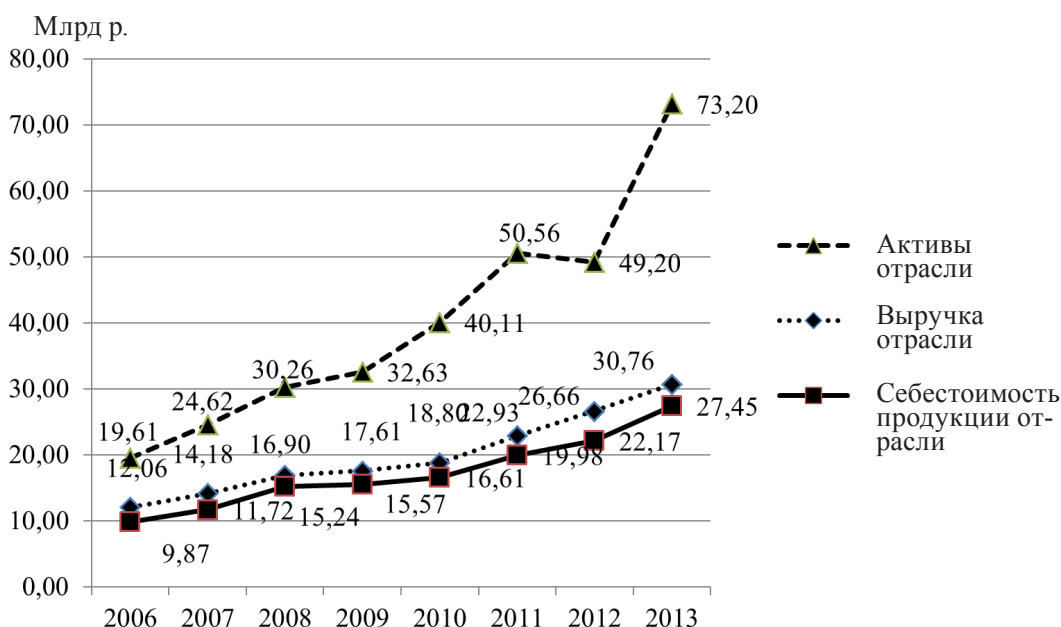

Рис. 5. Динамика выручки, себестоимости продукции и суммарных активов сельскохозяйственной отрасли предприятий Челябинской области [5]

предприятий отрасли с 2006 по 2013 г. выросли почти в 4 раза в то время, как выручка и себестоимость — лишь в 2,5 раза. Это говорит о существенном падении эффективности отрасли (если говорить об эффективности в аспекте отношения выручки от продаж к стоимости активов). Существенный рост активов не привёл к аналогичному росту производства и продаж.

На рис. 6 приведена динамика доли себестоимости в выручке. В 2013 г. эта доля только выросла, что говорит об отсутствии злоупотребления производителями эластичностью спроса.

Ещё более напряжённой относительно привлекательности становится ситуация с рыболовством и рыбоводством (рис. 7). Здесь величина выручки от продажи практически покрыва-

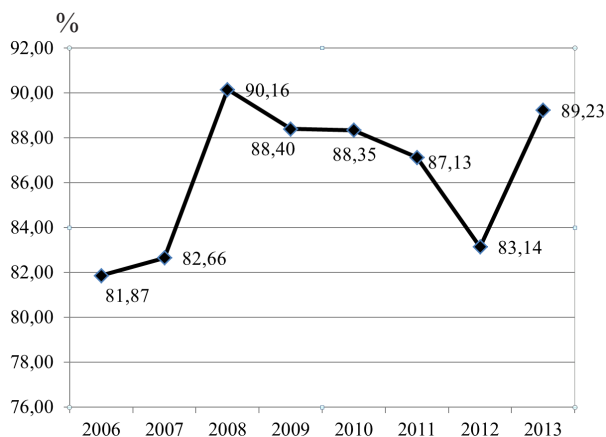

Рис. 6. Динамика доли себестоимости в выручке от продаж предприятий Челябинской области [5]

ется затратами, а следовательно, такая отрасль не может привлечь новые предприятия, потому роста продукции в ближайшее время может и не быть.

В качестве показателей состояния отрасли выделим также размер прибыли прибыльных предприятий и размер убытков убыточных предприятий (рис. 8).

Рис. 8 отражает негативные тенденции в области сельского хозяйства. Убытки убыточных предприятий возрастают, что говорит об отсутствии должных условий в отрасли для развития бизнеса. Возможно, на тот момент существенное влияние оказывала конкуренция со стороны импортной продукции. Однако и объёмы импорта

в 2013 г. по сравнению с 2012 и 2014 гг. были ниже (табл. 1) [11].

В молочной отрасли наблюдается положительная динамика — объёмы импорта молока к 2014 г. сократились в разы. Это говорит о том, что предприятия области самостоятельно способны обеспечить весь отраслевой спрос [13]. С другой стороны, не столь положительны тенденции с мясом и рыбой. 2013 г. охарактеризовался высокими значениями экспорта мяса (42 т) и невысокими (по сравнению с 2014 г.) значениями импорта мяса. В 2014 г. экспорт мяса сократился более чем в 13 раз, до 3 т. Зависимость же от импорта выросла.

Описанные тенденции подтверждаются и рис. 9. Здесь можно наблюдать рост внеоборотных активи-

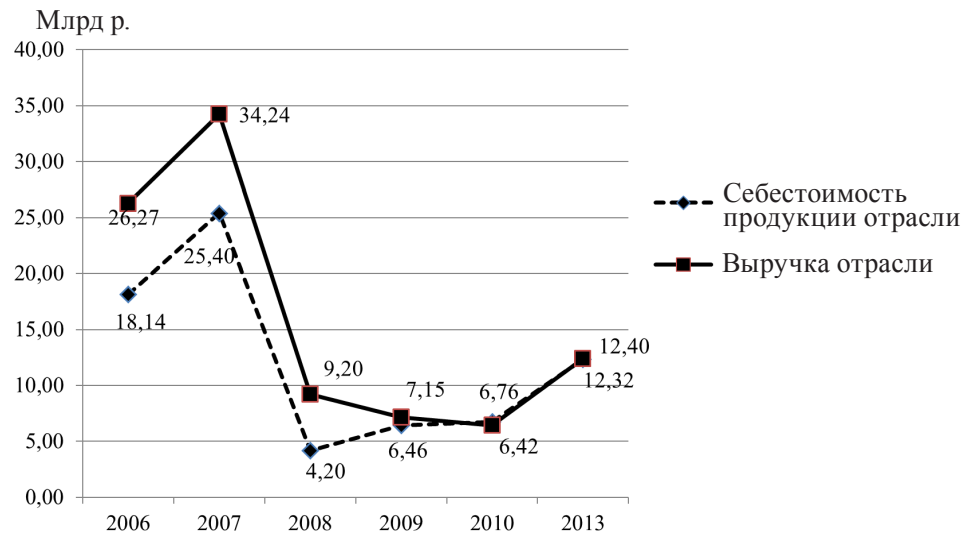

Рис. 7. Динамика выручки от продаж и себестоимости предприятий рыбной промышленности Челябинской области [5]

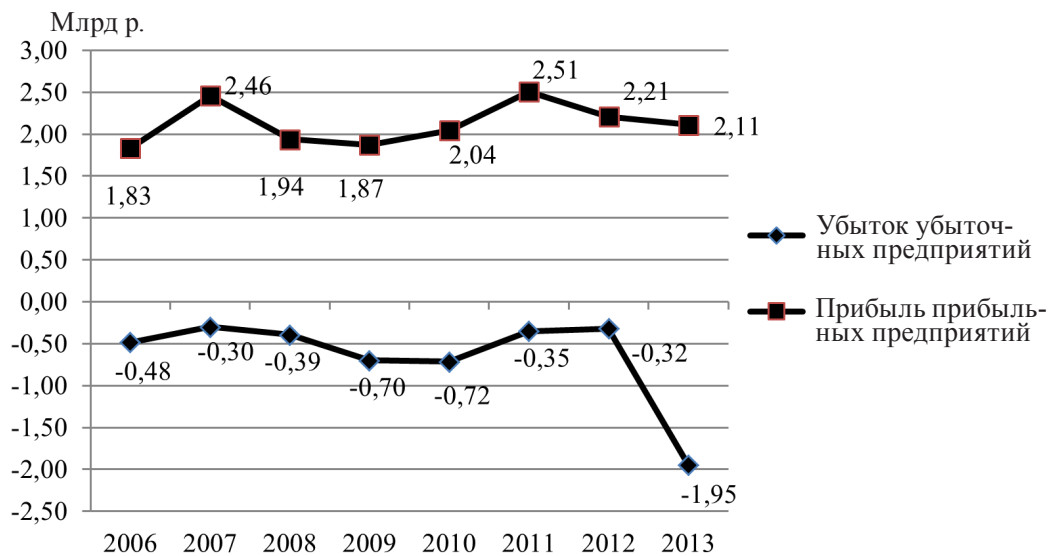

Рис. 8. Динамика совокупной прибыли прибыльных предприятий и совокупных убытков убыточных предприятий Челябинской области [5]

Таблица 1

Динамика импорта пищевой продукции в Челябинской области, т

Импортируемая продукция	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Мясо	2 195,54	3 881,91	483,55	48,85	24,50	Нет данных	150,84	172,18	136,03	153,67
Рыба	6,29	0,14	0,05	2,64	0,15	0,91	264,95	1050,74	728,86	297,32
Молочная продукция	21,27	0,10	40,02	39,99	16,53	720,99	156,65	174,82	79,92	4,25

Примечание. Рассчитано на основании [5].

вов предприятий отрасли — именно за счёт них произошёл рост активов в целом.

Пока вложения предприятий во внеоборотные активы не принесли должной отдачи в виде существенного роста производства, что позволило бы сократить зависимость области от импорта. Однако, возможно, выводы делать рано. Особенность вложений предприятий в основные фонды состоит в том, что они финансировались за счёт заёмного капитала, что сделало отрасль более уязвимой вследствие роста финансовых рисков (рис. 10).

Рис. 10, равно как и рис. 11, отражает снижение финансовой устойчивости предприятий сельскохозяйственной отрасли. Зависимость от заёмного капитала может негативно сказаться на финансовом состоянии отрасли, а следовательно,

и доступности продуктов питания для потребителя. В силу низкой эластичности спроса на такого рода продукты потребитель, даже несмотря на рост цен, продолжит её приобретать. Но это уже будет противоречить задачам достижения продовольственной безопасности области, так как критерий ценовой доступности не будет исполнен. Важным элементом остаётся дотирование отрасли со стороны государства.

Положительную динамику можно проследить с позиции существенного снижения доли просроченной задолженности (рис. 12).

Главным показателем обеспечения продовольственной безопасности является достаточность продуктов питания. Иными словами, рост численности населения должен сопровождаться таким же ростом производства продукции. Здесь

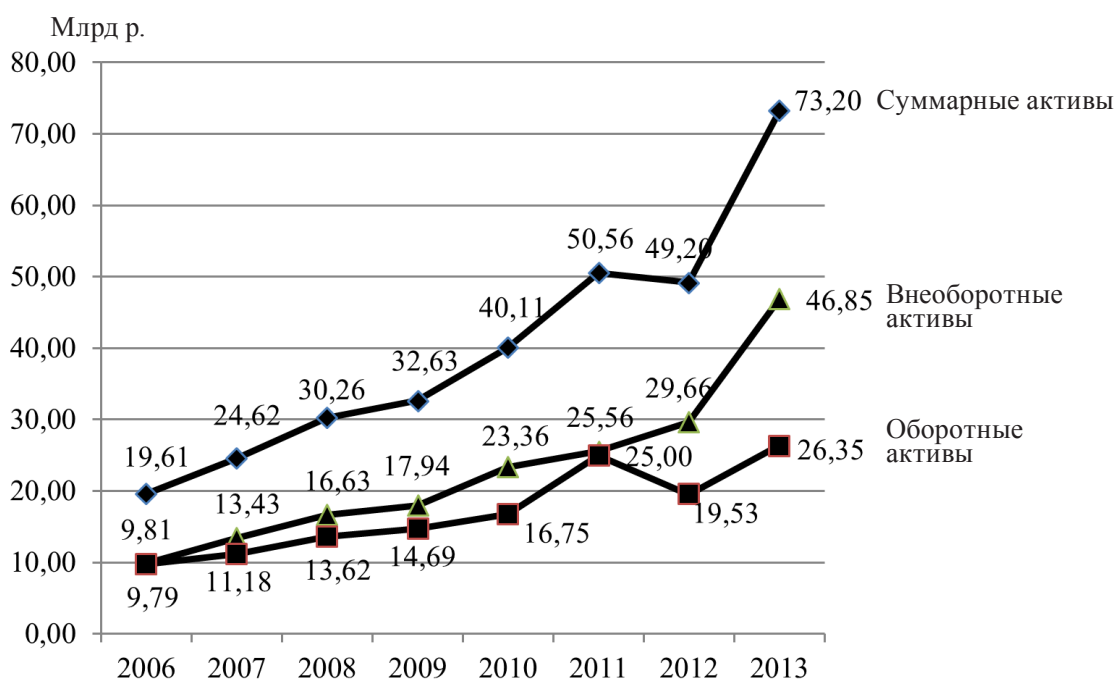

Рис. 9. Динамика активов предприятий сельскохозяйственной отрасли Челябинской области [5]

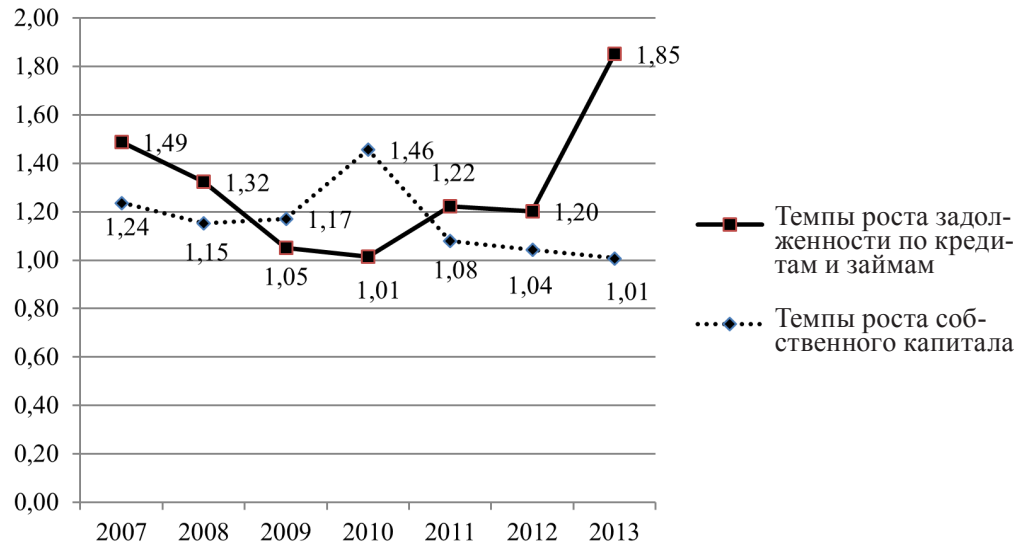

Рис. 10. Темпы роста совокупного собственного капитала и совокупной задолженности по кредитам и займам предприятий Челябинской области [5]

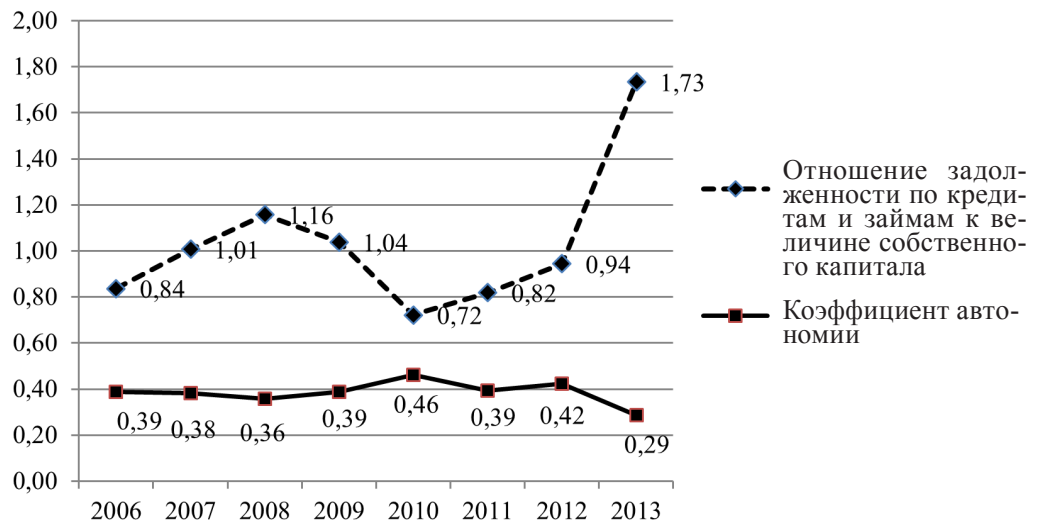

Рис. 11. Динамика финансовой устойчивости предприятий Челябинской области [5]

ситуацию пока нельзя назвать негативной, так как темпы роста населения коррелируют с темпами роста производства на уровне коэффициента корреляции в 0,84.

Опираясь на данные о выручке от продаж предприятий области и индекс цен по продовольственным товарам, нами был рассчитан темп роста реального производства, т. е. темп, очищенный от влияния цен (табл. 2). Табл. 2 показывает, что темп роста численности населения несколько опережает темпы роста производства, что системно — год от года — подрывает продовольственную безопасность области.

Таким образом, анализируя продовольственную безопасность можно сделать выводы о том, что это сложная многоаспектная категория, ко-

торая подразумевает такое состояние экономики, при котором преимущественно за счёт внутренних ресурсов удовлетворяются базовые потребности населения — в качественных и безопасных продуктах питания. На сегодняшний день проблема продовольственной безопасности стоит достаточно остро перед рядом стран, в том числе и Россией. Если ещё несколько лет назад активно обсуждались проблемы развития отечественного агропромышленного комплекса в связи с вступлением нашей страны в ВТО, то в 2014 г. в связи с международными событиями на первый планы выходят проблемы эффективного импортозамещения. Остро стоят вопросы продовольственной безопасности на региональном уровне и основным фактором её обеспечения, безусловно, явля-

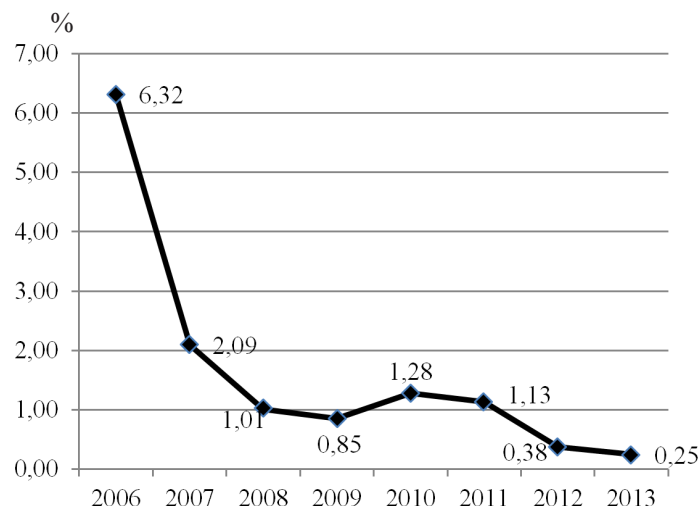

Рис. 12. Динамика доли просроченной задолженности по кредитам и займам предприятий Челябинской области [5]

Таблица 2

Соотношение темпов роста реального производства продовольственных продуктов с темпом роста численности населения Челябинской области

Параметр	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Темп роста реальных объемов производства по отношению к предыдущему году	0,71	1,03	0,99	0,96	1,16	1,08	1,08
Темп роста численности населения	0,996	0,998	0,999	0,999	1,000	1,001	1,001

Примечание. Рассчитано на основании данных отчетности предприятий Челябинской области (www.fira.ru) и данных сайта государственной статистики (chelstat.gks.ru).

ется развитое эффективное сельское хозяйство. Если говорить о состоянии продовольственной безопасности в Челябинской области, можно выделить ряд тенденций:

- опережающий темп роста на продукты питания и увеличивающаяся доля расходов на продукты в общем объеме доходов домашних хозяйств;
- нерациональная структура потребления, что сказывается на состоянии здоровья и продолжительности жизни населения;

– низкая эффективность предприятий сельскохозяйственной отрасли, в том числе недостаточная финансовая устойчивость, низкая производительность труда, недостаток инвестиций, технологическое отставание.

В связи со всем вышесказанным считаем, что необходима разработка более интенсивной государственной политики в области поддержки сельхозпроизводителей, что станет темой нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Conway, G. After the Green Revolution Sustainable Agriculture for Development / G. Conway, E. Barber. – London, 1990.
2. Горбачёва, А. А. Противоречия управления в обеспечении продовольственной безопасности России / А. А. Горбачёва, А. Ю. Купченко. – URL: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_27_Gorbacheva.pdf_2334.pdf
3. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации на период до 2020 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/6752>
4. Доктрина продовольственной безопасности. Концепция продовольственной безопасности Уральского федерального округа на период до 2020 г. – URL: http://www.special.uralfo.ru/prodovolst_bez.html

5. Информационно-аналитическая система FIRAPRO. – URL: <http://www.fira.ru>
6. Кенэ, Ф. Физиократы : избр. экон. произведения / Ф. Кенэ, А. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур [пер. А. Горбунова, Ф. Каплана, П. Клюкина, Л. Фейгиной, И. Шапиро, Л. Амелехина, П. Сацкого]. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
7. Китаев, Ю. А. Региональные аспекты продовольственной безопасности / Ю. А. Китаев, З. Ч. Пак, Ю. Н. Рудая // TerraEconomicus. – 2013. – Т. 11, № 2. – Ч. 3. – С. 92–95.
8. Мальтус, Т. Антология экономической классики / Т. Мальтус, Дж. М. Кейнс, Ю. Ларин. – М.: Экспресс, 1993. – 486 с.
9. Михайлушкин, П. В. Элементы, компоненты и критерии обеспечения продовольственной безопасности страны / П. В. Михайлушкин, А. А. Баранников // Науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. – 2013. – № 92 (08). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/08/pdf/06.pdf>
10. О продовольственной безопасности России : докл. группы экспертов Избор. клуба под рук. акад. РАН С. Ю. Глазьева // Изборский клуб — Институт динамического консерватизма. – URL: <http://www.dynason.ru/content/articles/1725>
11. Российский статистический ежегодник – 2013 : стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 717 с.
12. Скрынник, Ю. Продовольственная безопасность — важнейшая составляющая национальной безопасности России / Ю. Скрынник // АПК: экономика, упр. – 2010. – № 1. – С. 2–14.
13. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области. – URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics
14. Лосев, М. Чужое добро / М. Лосев // РБК. – 2014. – № 5. – С. 22–27.

Сведения об авторах

Бенц Дарья Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. benz@csu.ru

Силова Елена Сергеевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Института экономики отраслей, бизнеса и администрирования Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. metod@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 143–153.*

FINANCIAL PROBLEM OF CHELYABINSK REGION FOOD SECURITY

D. S. Benz

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. benz@csu.ru

E. S. Silova

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia. metod@csu.ru

The article investigates the issues of food security of the Chelyabinsk region. The agricultural sector of the economy has special strategic importance, which will be discussed in this article. The importance of import substitution is raised by the authors. The analysis of food safety area is made. The dynamics of prices of key food commodities are given. The dynamics of food imports are represented. The value of imports helps to evaluate the region's dependence from imported products. The authors calculated indicators of financial stability field of agricultural enterprises. The relationship between revenues and costs of enterprises is showed. The proportion of arrears of regional enterprises in the total amount of credit resources is calculated.

Keywords: *food security, Chelyabinsk region, agricultural branch, total assets of agricultural sector of region, sales volumes of agricultural products.*

References

1. Conway G. and Barber E. *After the Green Revolution Sustainable Agriculture for Development*. London, 1990.
2. Gorbacheva A.A. and Kupchenko A.Yu. *Protivorechiya upravleniya v obespechenii prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii* [Contradictions management in ensuring food security of Russia]. URL: http://www.ivdon.ru/uploads/article/pdf/IVD_27_Gorbacheva.pdf_2334.pdf (in Russ.)
3. *Doktrina prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2020 g.* [Food Security Doctrine of the Russian Federation until 2020]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/6752> (In Russ.)
4. *Doktrina prodovol'stvennoj bezopasnosti. Kontsepsiya prodovol'stvennoj bezopasnosti Ural'skogo Federal'nogo okruga na period do 2020g* [The doctrine of food security. The concept of food security of the Ural Federal District until 2020.]. URL: http://www.special.uralfo.ru/prodovolst_bez.html (In Russ.)
5. *Informatsionno-analiticheskaya sistema FIRAPRO* [The information-analytical system FIRAPRO]. URL: <http://www.fira.ru/> (In Russ.)
6. Kene F., Tyurgo A. and Dyupon de Nemur P.S. *Fiziokraty* [Physiocrats. Selected economic product]. Moscow, Jeksmo Publ., 2008. 1200 p. (In Russ.)
7. Kitayev Yu.A., Pak Z. Ch. and Rudaya Yu.N. Regional'nyye aspekty prodovol'stvennoj bezopasnosti [Regional aspects of food security]. *TerraEconomicus*. 2013. Vol. 11, no. 2, part 3. Pp. 92–95. (In Russ.)
8. Mal'tus T., Keyns Dzh.M. and Larin Yu. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki* [Anthology economic classics]. Moscow, Ekonov Publ., 1993. 486 p. (In Russ.)
9. Mikhaylushkin P.V. and Barannikov A.A. Elementy, komponenty I kriterii obespecheniya prodovol'stvennoj bezopasnosti strany [Elements, components and criteria to ensure food security of the country]. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific journal KubGAU]. 2013. No. 92 (08). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/08/pdf/06.pdf> (In Russ.)
10. Glazyev S.Y. O prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossii: doklad gruppy ekspertov Izborskogo kluba [Food Security in Russia: Expert Group Report Izborsk club]. *Izborskiy klub–Institut dinamicheskogo konservatizma* [Izborsky club Institute of dynamic conservatism]. URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/free> (In Russ.)
11. *Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik – 2013* [Russian Statistical Yearbook]. Statistical Yearbook. Moscow, Rosstat, 2013. 717 p. (In Russ.)
12. Skrynnik Y.U. Prodovol'stvennaya bezopasnost' — vazhneyshaya sostavlyayushchaya natsional'noy bezopasnosti Rossii [Food Security — the most important component of the national security of Russia]. *APK: Ekonomika, upravleniye* [AIC: economy, management]. 2010. No. 1. Pp. 2–14. (In Russ.)
13. The Ministry of Agriculture of the Chelyabinsk region. URL: <http://chelagro.ru>
14. The territorial body of the Federal State Statistics Service of the Chelyabinsk region]. URL: http://chelstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/chelstat/ru/statistics/
15. Losev, M. *Chuzhoje dobro* [Alien good]. RBK. 2014. No. 5. Pp. 22–27. (In Russ.)

УДК 330.138
ББК 65.012

ОЦЕНКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОРПОРАЦИИ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ ЕЁ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ: КЕЙС КОРПОРАЦИИ «ГАЗПРОМ»

Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 14–02–00316

Д. А. Плетнёв, Е. В. Николаева

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Современные корпорации характеризуются существенными диспропорциями в своей институциональной структуре. В них доминирует институт принуждения, эксплуатация работников менеджментом и корпорации в целом её владельцами. Однако до настоящего времени не сформировано научных подходов к её практической оценке. В статье представлено развитие теории институциональной структуры корпорации, предложен новый подход к её оценке, основанный на использовании концепции добавленной стоимости и данных финансовой отчётности. Подход применён к данным корпорации «Газпром» за 2004–2013 гг. Особое внимание уделено распределению добавленной стоимости между субъектами корпорации и их динамике. Сделан вывод о диспропорциях в структуре добавленной стоимости корпорации «Газпром».

Ключевые слова: *корпорация, институциональная структура корпорации, институт принуждения, добавленная стоимость, дивиденды.*

Введение. В современной экономической науке продолжается дискуссия об оценке результатов экономической деятельности. Эта проблема рассматривается как одна из центральных экспертами Всемирной экономической ассоциации — WEA, в числе которых Дж. Стиглиц, А. Сен и Ж.-П. Фитусси [16]. С одной стороны, общим местом становится критика макроэкономических индикаторов, ВВП, других показателей системы национальных счетов. И им «в помощь» предлагаются разнообразные методики измерения «благополучия» и «счастья» (Р. Лэйард [4], Р. Инглехарт и коллеги [12]). На микроэкономическом же уровне критике подвергается существующая система оценки эффективности деятельности предприятий, основанная на одновременном использовании как данных бухгалтерского учёта, так и информации с фондового рынка. Бухгалтерской отчётности в вину ставится её «управляемость», а биржевым индикаторам — напротив, слабая связь с действительным положением дел. Однако ещё большей, на наш взгляд, проблемой является неадекватность главных показателей, которые аналитики, руководство и научное сообщество зачастую используют для оценки эффективности работы корпораций. В первую очередь речь идёт о прибыли. Не углубляясь в противоречия оценки прибыли как одной из основных экономических категорий, отметим, что по своей природе она несёт информацию лишь о результативности деятельности корпорации для своих вла-

дельцев. Все остальные заинтересованные группы — управляющие, работники, государство, инвесторы, поставщики и т. д., даже при высокой прибыли могут не суметь удовлетворить свои интересы и ожидания, связанные с корпорацией. А современная оценка эффективности корпорации должна учитывать интересы не только владельцев, но и иных стейкхолдеров.

Такой подход является развитием институциональной концепции корпорации, изложенной в работах Д. А. Плетнёва [8; 9]. Согласно этому подходу, корпорация представляет собой сложную систему, образованную множеством «слоёв» различной природы. Одним из таких слоёв является набор институтов и образующих их рутин. Гармоничность институциональной структуры корпорации влияет на возможности её развития, а сама, в свою очередь, зависит от соразмерности институтов разных типов в своей структуре. В настоящей работе используется вполне очевидное предположение, что действие тех или иных институтов можно наблюдать по распределению благ между различными связанными с корпорацией субъектами. Как соразмерность, так и диспропорции в таком распределении будут сигнализировать о проблемах в институциональной структуре.

Возникает актуальная задача поиска иных, более адекватных измерителей корпорации. На наш взгляд, хорошие перспективы есть у показателя «добавленная стоимость». Он отражает способ-

ность корпорации создавать новую стоимость, а его распределение между различными субъектами — способность удовлетворять их интересы. Цель настоящей работы — предложить методологию и проанализировать институциональную структуру корпорации по распределению её добавленной стоимости на примере корпорации «Газпром» за 2004–2013 гг.

В современной экономической науке проблеме добавленной стоимости уделяется значительное внимание. В рамках развития марксистской политической экономии исследуется процесс создания добавленной и прибавочной стоимости, противоречия процесса их распределения и трудовой природы стоимости (П. Кришнамурти и коллеги [13], С. Маргинсон [14]). Отдельного внимания заслуживают работы Р. С. Дзарасова [3], а также А. В. Бузгалина и А. И. Колганова [1; 2], в которых указывается на существующие диспропорции в распределении добавленной стоимости между субъектами как мировой экономики, так и конкретных корпораций. Во втором подходе концентрируется внимание на так называемой экономической добавленной стоимости (И. Велес-Пареха [16], Ф. Вайсенридер [17], (Г. Биддл и коллеги [10], П. Фернандес [11]). Это уводит исследование от самой сути этого явления, переключает внимание на вопросы поиска инструментов роста доходов и прибыли. В таком виде проблема добавленной стоимости становится разделом маркетинга и стратегического менеджмента. В русле этого направления главным вопросом является «как создать» добавленную стоимость, в то время как для целей настоящего исследования больший интерес представляет ответ на другой вопрос — «как она распределяется».

Данные и методология исследования. Методология оценки институциональной структуры корпорации, основанная на анализе распределения её добавленной стоимости, исходит из предположения о тройственной природе институтов в корпорации. Они порождаются тремя различными мотивами человеческой деятельности (принуждением, частным интересом и следованием социальным нормам) и могут быть обозначены как институт принуждения, институт оппортунизма и институт содействия соответственно. Все три института в гармоничной корпорации являются соразмерными, а гипертрофия любого из институтов приводит к диспропорциям в институциональной структуре корпорации и дисфункциям самой корпорации [8].

В настоящей работе используется предположение о возможности оценки институциональной структуры корпорации по её внешним проявлениям, а именно — по распределению добавленной стоимости между основными субъектами. Возможности манипулирования долями добавленной стоимости будут свидетельствовать об активной роли института принуждения, присвоение добавленной стоимости обладающими властью «физическими» субъектами — о действии института оппортунизма. Институт содействия априори находится в современных корпорациях в подавленном состоянии, и потому иной вывод можно сделать только при наличии явных аргументов, говорящих о его существовании.

Предлагаемая методология оценки величины добавленной стоимости основана на марксовой трактовке этого понятия как «вновь созданной стоимости» (подробнее см. в работе Д. А. Плетнёва [7]). Эта позиция отличается от набирающей популярность так называемой концепции экономической добавленной стоимости, в действительности имеющей мало общего с добавленной стоимостью в её классическом понимании и уводящей от действительной проблематики к производным и частным вещам, интересным только владельцам корпораций.

Понимаемая таким образом добавленная стоимость может быть вычислена довольно просто — как разница выручки от реализации и материальных затрат. Однако более корректно, на наш взгляд, рассчитывать её как сумму элементов, относящихся к различным заинтересованным субъектам. По данным отчётности (для ОАО «Газпром» речь идёт о консолидированной финансовой отчётности, подготовленной в соответствии с МСФО и ежеквартальном отчёте эмитента за I квартал следующего года [5] (I квартал 2013 г. доступен по адресу [6]) была проведена оценка элементов добавленной стоимости в распоряжении различных субъектов: владельцев (чистая прибыль, из отчёта о совокупном доходе в консолидированной отчётности по МСФО), работников (расходы на оплату труда, из примеч. 26 к консолидированной отчётности по МСФО), управляющих (вознаграждения членам совета директоров и правления, из п. 5.3 ежеквартального отчёта эмитента), государства (уплаченные налоги, в том числе и за счёт работников, из примеч. 30 к консолидированной отчётности по МСФО), инвесторов (уплаченные проценты из примеч. 27 к консолидированной отчётности

по МСФО). Сумма этих элементов и образует величину валовой добавленной стоимости корпорации «Газпром».

Результаты. Валовая добавленная стоимость ОАО «Газпром» имеет устойчивую положительную динамику: за весь рассмотренный период она возросла в 4,5 раза и в 2012 г. составила максимум (3 580,2 млрд р., или 75,2% выручки от продаж). Столь высокая доля добавленной стоимости объясняется характером производственной деятельности корпорации «Газпром»: поскольку речь идёт о добывающей компании, то добавленная стоимость создаётся самим фактом производства (добычи) и продажи добытого сырья — природного газа. При этом резервы для увеличения доли добавленной стоимости ещё есть: на зарубежных рынках «Газпром» пока не допущен до реализации своего продукта в розницу, также существует потенциал роста добавленной стоимости в сфере глубокой переработки природного газа. Однако доля добавленной стоимости в выручке от реализации корпорации «Газпром» за рассмотренный период сократилась с максимальных 87,2% в 2006 г. до 66,4% в 2013 г. (рис. 1). Особенно резкий спад наблюдается в 2013 г. Можно предположить, что такие изменения связаны с различными организационными технологиями — например, переходом на аутсорсинг при выполнении ряда работ.

Для самой корпорации «Газпром» снижение доли добавленной стоимости должно стать тревожным сигналом — это означает, что место корпорации в цепочке создания добавленной стоимости становится более уязвимым, а сама

корпорация недополучает значительную часть дохода.

Детальный анализ структуры добавленной стоимости показал, что различным её субъектам (владельцам, государству, работникам, управляющим, инвесторам) достаётся различная часть этой добавленной стоимости. Это свидетельствует о диспропорциях в институциональной структуре, а отсутствие единого вектора изменения структуры — о действии на корпорацию множества разнонаправленных сил. Получено следующее распределение добавленной стоимости у корпорации «Газпром» в 2004–2013 гг. (рис. 2).

Основная часть добавленной стоимости корпорации «Газпром», принадлежащей (по большей части) государству, присваивается государством же посредством налоговой и таможенной системы (доля колеблется в районе 50% от всей добавленной стоимости), а также страховых взносов в систему социального страхования (ранее — уплата единого социального налога). В основном это происходит за счёт таможенных платежей, налога на добычу полезных ископаемых и налога на добавленную стоимость (до 2/3 всей суммы налогов и таможенных платежей). В абсолютном выражении государство за 2004–2012 гг. получило от «Газпрома» 10,47 трлн р., около 38% его совокупной выручки, около половины всей созданной добавленной стоимости. И в этом смысле «Газпром», безусловно, может называться национальным достоянием. В абсолютном выражении и общая сумма налогов, и сумма отдельных видов неуклонно растёт, ба-

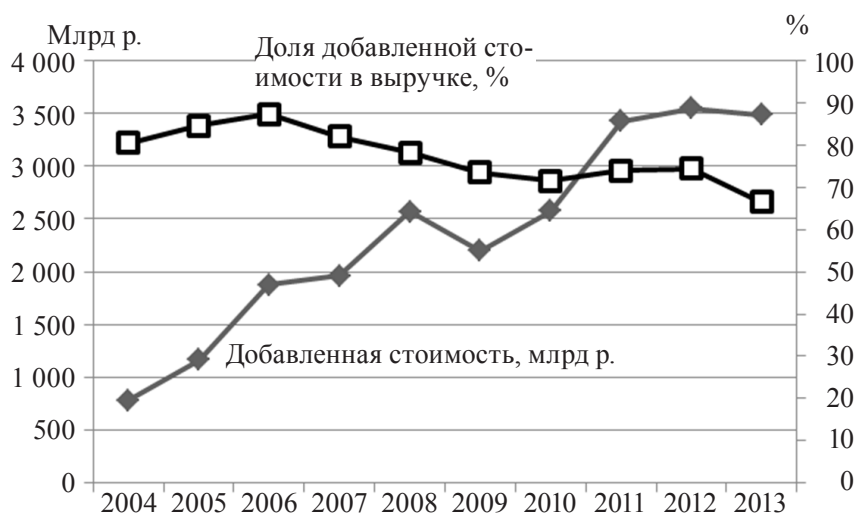

Рис. 1. Динамика валовой добавленной стоимости и доли добавленной стоимости в выручке корпорации «Газпром» в 2004–2013 гг.

Здесь и далее рассчитано на основе [5; 6]

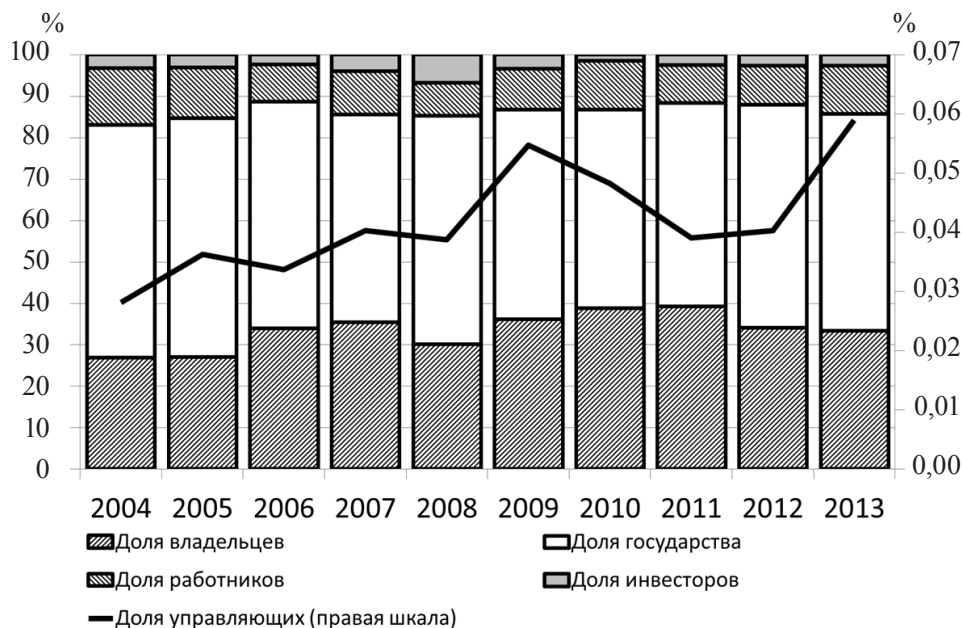

Рис. 2. Распределение добавленной стоимости корпорации «Газпром» между основными субъектами

зисный темп роста составляет 4,32, что соответствует примерно 20%-му среднегодовому росту. В то же время выручка росла в среднем за год на 21,9%, а добавленная стоимость — на 20,8%. Поэтому в относительном выражении, и это подтверждает дальнейший анализ, доля государства незначительно, но сокращается. Вместе с тем в 2011–2012 гг. наблюдался рост доли государства, что может знаменовать собой начало новой тенденции.

Динамику структуры налоговой нагрузки корпорации «Газпром» можно видеть на рис. 3: основную часть добавленной стоимости государство получает через косвенное налогообложение, т. е. фактически эти налоги платят потребители. Речь идёт о таможенных платежах, налоге на добавленную стоимость и акцизах (до 35% добавленной стоимости, до 70% всей налоговой нагрузки). Также значительную часть составляет налог на добычу полезных ископаемых — свое-

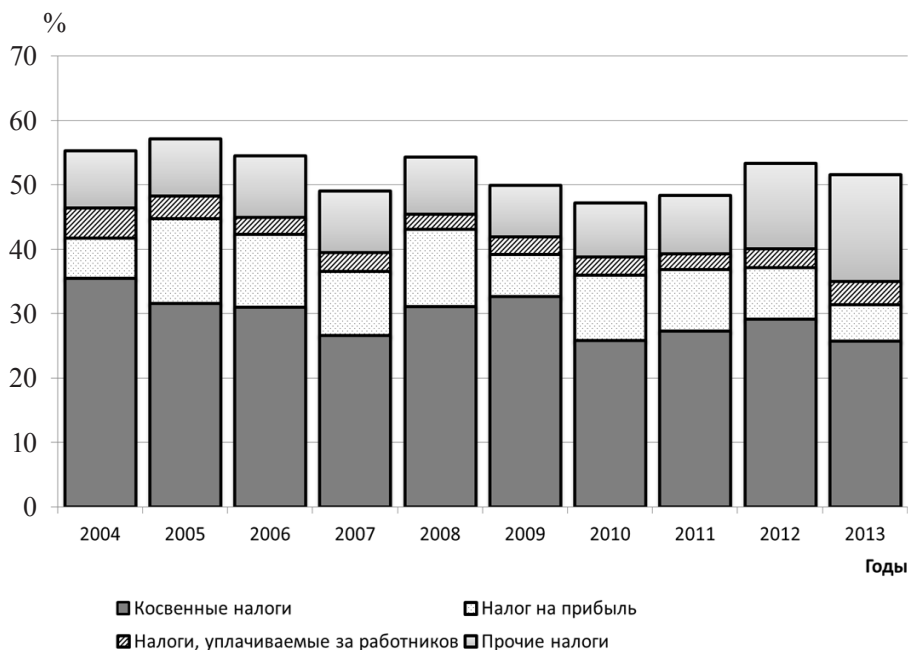

Рис. 3. Динамика структуры доли добавленной стоимости корпорации «Газпром», распределённой в пользу государства в 2004–2013 гг.

образная форма присвоения земельной ренты. На рисунке он «сидит» в прочих налогах, составляя до 80% этой группы и до 23% всей налоговой нагрузки. Также наряду с ним в эту группу вошёл налог на имущество, но его доля во всех уплаченных налогах незначительна — около 3,5%. Также незначительна доля налогов, уплаченных «за работников», — речь идёт о налоге на доходы физических лиц и социальных взносах (эта часть к концу рассматриваемого периода приближается к 3% от величины добавленной стоимости, или чуть более 6% от доли, уплачиваемой государству). Налог на прибыль, вопреки расхожему мнению, в общей сумме добавленной стоимости занимает незначительную долю (7,9% в 2012 г.). Вместе с тем общая сумма уплаченного налога на прибыль значительна — 301 млрд р. Можно отметить, что финансовая отчётность раскрывает только явные отчисления в пользу государства, вместе с тем сама корпорация неоднократно использовалась в политических целях, когда периодически различным странам предоставляются скидки на газ, мотивированные «большой политикой». Недополученный доход от таких действий также может считаться долей «виртуальной» добавленной стоимости, которую государство получает в виде политического капитала. Однако оценки такого рода дохода — предмет отдельного исследования. Также считаем важным подчеркнуть, что для большинства исследователей значительная доля налоговых платежей корпорации «Газпром» может оказаться невидимой — в традиционных формах отражается только налог на прибыль.

Более подробно структура добавленной стоимости в распоряжении государства по видам на-

логов и платежей представлена на рис. 4 (2004 г.) и 5 (2013 г.). Основную долю занимают таможенные платежи (в 2004 и 2013 гг. — 42%), суммарная доля НДС и НДСИ тоже практически не изменилась — 27% в 2004 г. и 29% — в 2013 г., как не изменилась и доля налога на прибыль, а вот доля НДСИ существенно возросла. Последнее изменение связано с увеличением ставки налога, в то время как ставка налога на прибыль, напротив, уменьшилась с 24 до 20%, поэтому рост доли этого налога (одновременно выросла и абсолютная сумма налога) объясняется существенным ростом его базы, т. е. прибыли. Изменения доли остальных выплат добавленной стоимости в пользу государства не выглядят значительными. Таким образом, доля государства в структуре добавленной стоимости, если говорить только о налогах и таможенных платежах, сохраняет устойчивые позиции, стабильно уровень в 48%.

Интересным представляется тот факт, что доля некоторых элементов осталась без изменений (таможенные платежи, акцизы и налог на прибыль занимают одинаковую долю и в 2004, и в 2013 г. с точностью до 1%). Главное изменение произошло в 2013 г. — из-за изменений в законодательстве доля НДС существенно уменьшилась, в то время как доля НДСИ столь же существенно возросла. В абсолютном выражении изменения оказались не такими равноценными — уменьшение НДС более чем на 200 млрд р. не компенсировало рост НДСИ на 90 млрд р. В целом структурные сдвиги в доле добавленной стоимости, достигающей государства, выглядят значительными, это говорит о частых изменениях в законодательстве и о том, что институт принуждения, образуемый в том числе и законодательной базой, неустойчив

Рис. 4. Структура добавленной стоимости корпорации «Газпром», распределённой в пользу государства в 2004 г.

Рис. 5. Структура добавленной стоимости корпорации «Газпром», распределённой в пользу государства в 2013 г.

и находится в состоянии непрерывной трансформации (рис. 6).

Вторым по значимости «получателем» добавленной стоимости выступают владельцы корпорации, среди которых центральное место, опять же, занимает государство. В настоящем исследовании предлагается абстрагироваться от персонификации собственников и рассматривать их как абстрактного субъекта с известным интересом в виде максимизации своей доли добавленной стоимости — прибыли. За весь рассматриваемый период, несмотря на присутствие некоторой волатильности, можно заметить устой-

чивый рост доли владельцев. Начиная с 27% в 2004–2005 гг., доля владельцев лишь немного не дотянула до 40% в 2010 и 2011 гг. а в 2013 г. составила 33,4% (рис. 7). Одновременно следует отметить незначительный рост доли потребляемой владельцами части добавленной стоимости, почти в рамках статистической погрешности. Однако в абсолютном выражении сумма дивидендных выплат увеличилась в 5 раз — с 28,2 до 141,8 млрд р. Кроме того, в 2013 г. нарушилось многолетнее «правило» — уменьшение доли чистой прибыли в структуре добавленной стоимости сопровождалось уменьшением и доли дивиден-

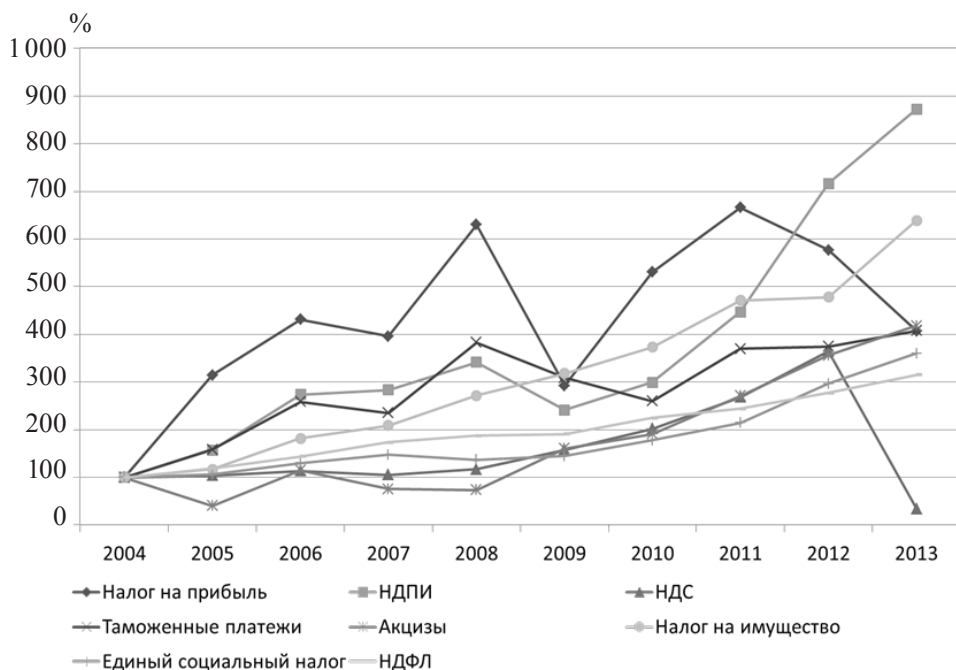

Рис. 6. Динамика структурных элементов добавленной стоимости корпорации, достигающей государству (2004 год = 100%)

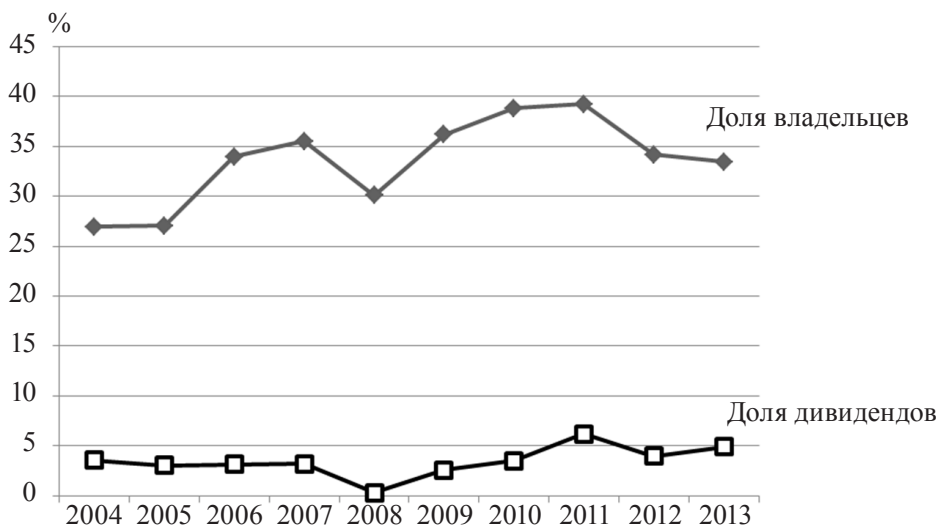

Рис. 7. Динамика доли добавленной стоимости корпорации «Газпром», распределённой в пользу владельцев в 2004–2013 гг.

дов. В 2013 г. доля владельцев вообще сократилась на 0,8 процентных пункта и одновременно доля дивидендов увеличилась на 0,9 процентных пункта, или почти на 20%. Последняя тенденция может свидетельствовать о проявлении института оппортунизма со стороны владельцев — ожидание макроэкономической нестабильности в будущем предопределило выбор акционеров в пользу текущего дохода по итогам 2013 г. По всей видимости, по итогам 2014 г. доля дивидендов будет меньше, чем в 2013 г.

Дополнительно следует заметить, что учёт доли, получаемой государством как собственником корпорации «Газпром» (50%), позволяет скорректировать данную выше оценку доли добавленной стоимости, присваиваемой государством. В совокупности налоги, таможенные платежи и прибыль корпорации позволяют извлекать корпорации до 70% совокупной добавленной стоимости. И эта доля практически неизменна.

Третьим по значимости субъектом с точки зрения присвоения добавленной стоимости являются работники корпорации. Их доля устойчиво сокращается с 2004 (13,8%) по 2012 г. (10,4%). При этом доля управляющих столь же устойчиво возрастает с 0,028% (2004 г.) до 0,040% (2012 г.) (рис. 8). Одновременно наблюдающийся рост средней заработной платы — следствие как со-

кращения численности занятых, так и роста добавленной стоимости в абсолютном выражении. Обнаруженное сокращение доли работников в валовой добавленной стоимости корпорации «Газпром» свидетельствует об отчуждении работников от самой корпорации. И даже некоторый рост этого показателя в 2013 г. и рост среднемесячной заработной платы за рассматриваемый период более чем в 2 раза (рис. 9) не меняют общей тенденции — доля работников незначительно, но сокращается. Соответственно, можно сделать вывод о том, что механизмы внутрикорпоративной эксплуатации работников усиливаются, приобретают новые формы.

Для наглядности на рис. 8 были построены линии тренда для обоих рядов, по которым можно проследить отмеченное различие.

В абсолютном выражении за весь рассмотренный период вознаграждение управляющих также растёт — с 0,22 до 1,43 млрд р. в год (т. е. почти в 7 раз). При этом ни в одном из рассмотренных периодов не наблюдалось снижения суммы вознаграждения, а в кризисный 2009 г. — рост на 20%. Зарплата выросла в среднем в 2 раза, а вознаграждение топ-менеджмента — в 7 раз. Следует отметить, что различия в динамике долей вознаграждения работников и управляющих позволяет сформулировать гипотезу об усилении дифференциации в оплате труда.

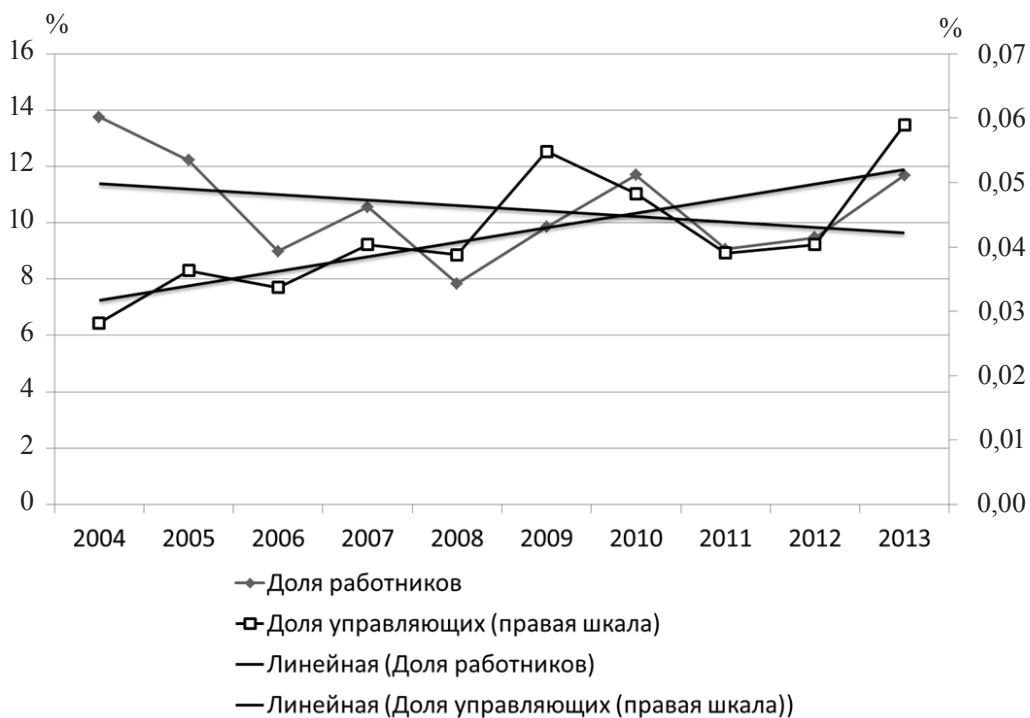

Рис. 8. Динамика доли работников в структуре добавленной стоимости корпорации «Газпром» в 2004–2013 гг.

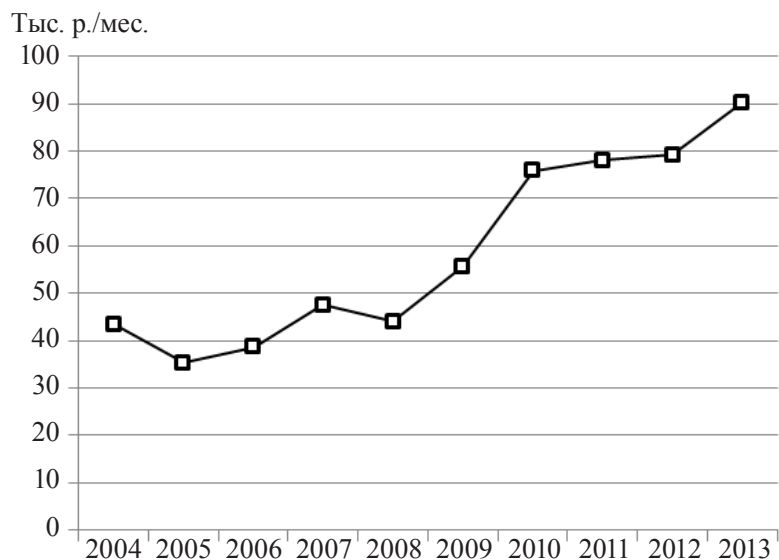

Рис. 9. Динамика среднемесячной заработной платы в корпорации «Газпром» в 2004–2013 гг.

Наименьшая доля (около 3%) приходится на долю инвесторов (в первую очередь банков), причём в «кризисные» 2008–2009 гг. их доля возросла более чем в 2 раза, а затем — вновь уменьшилась до 2,6%. Корпорация «Газпром» не столь остро нуждается в использовании заёмного капитала (на его долю в 2012 г. приходилось около 12,5% всего капитала корпорации, и по сравнению с 2011 г. происходит снижение этой доли).

Заключение и перспективы. Представленные выводы являются общим взглядом на структуру и распределение добавленной стоимости в корпорации «Газпром». Более детальный анализ позволит выявить глубинные противоречия интересов различных групп субъектов корпорации, понять скрытые механизмы распределения добавленной стоимости как объективной характеристики такого многогранного явления в современном хозяйстве, как корпорация «Газпром». Более того, доля добавленной стоимости в распоряжении того или иного субъекта лучше других индикаторов может показать реальное распределение прав собственности. Исходя из этого утверждения, «Газпром» на 70,05% принадлежит государству, на 16,90% — частным владельцам и институциональным инвесторам, на 10,39% — работникам, на 2,61% — банкам и прочим инвесторам и на оставшиеся 0,05% — топ-менеджерам (управляющим). На первый взгляд, вывод, что у работников прав собственности на корпорацию в 200 раз больше, чем у её руководства, абсурден, но не стоит за-

бывать, что а) власть работников расплывается между ними, и на одного работника в среднем приходится гораздо меньше прав, чем на одного топ-менеджера; б) теоретически, если предположить наличие единого «разума» работников и их единую волю, то, безусловно, такой разум и такая воля будут обладать гораздо большими правами на корпорацию, чем её топ-менеджмент.

Важным достоинством добавленной стоимости для научного исследования является то, что этот показатель находится «в тени»: инвесторы, владельцы и аудиторы не проявляют к нему особого внимания. По этой причине его вычисление в процессе самостоятельного исследования даёт максимально объективную картину, не завуалированную стремлением добиться нужного результата. На наш взгляд, этот показатель должен занять достойное место в научных исследованиях и в экспертных оценках эффективности деятельности хозяйствующих субъектов.

Институциональная структура корпорации «Газпром» нестабильна, в ней доминирует институт принуждения, который является комбинацией нормативно-правового регулирования со стороны государства и внутрикорпоративной системы менеджмента. Кроме того, существенно развит институт оппортунизма. Инициатива в его развитии принадлежит топ-менеджменту, который под различными предлогами усиливает свою власть в корпорации, что позволяет отчуждать ему всё большую и большую часть добавленной стоимости в свою пользу.

Список литературы

1. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал 2014 : в 2 т. Т. 1 : Методология: по ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – 3-е изд., испр. и сущ. доп. – М. : Ленанд, 2015. – 640 с.
2. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал 2014 : в 2 т. Т. 2 : Теория. Глобальная гегемония капитала и её пределы (Капитал re-loaded) / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – 3-е изд., испр. и сущ. доп. – М. : Ленанд, 2015. – 904 с.
3. Дзарасов, Р. С. Развитие в современном мире: возможен ли национально ориентированный капитализм? / Р. С. Дзарасов // Экономика мегаполисов и регионов. – 2013. – № 1 (48). – С. 8–35.
4. Лэйард, Р. Счастье: уроки новой науки / Р. Лэйард. – М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2012. – 416 с.
5. Консолидированная финансовая отчётность ОАО «Газпром», подготовленная в соответствии с международными стандартами финансовой отчётности (МСФО), и ежеквартальная отчётность за 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013 гг. – URL: <http://www.gazprom.ru/investors/reports>
6. Ежеквартальный отчёт ОАО «Газпром» за I квартал 2013 г. – URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/52/479048/gazprom-emitent-report-1q-2013.pdf>
7. Плетнёв, Д. А. Добавленная стоимость корпорации: теория и российская практика / Д. А. Плетнёв // Журн. экон. теории. – 2013. – № 1. – С. 131–147.
8. Плетнёв, Д. А. Концепция корпорации: опыт системно-институционального исследования : монография : в 2 ч. / Д. А. Плетнёв. – Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013. – Ч. 1. – 260 с.
9. Плетнёв, Д. А. Системно-институциональная теория корпорации: к разработке новой концепции. / Д. А. Плетнёв // Экон. наука соврем. России. – 2013. – № 4 (63). – С. 7–18.
10. Biddle, G. Evidence on EVA / G. Biddle, R. M. Bowen, J. C. Wallace // J. of Applied Corporate Finance. – 1999. – № 12 (2). – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.178168>
11. Fernandez, P. Three Residual Income Valuation Methods and Discounted Cash Flow Valuation / P. Fernandez // SSRN Electronic J. – 2013. – № 1. (DOI: 10.2139/ssrn.296945)
12. Inglehart, R. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007) / R. Inglehart, R. Foa, C. Peterson, C. Welzel // Perspectives on Psychological Science. – 2008. – Vol. 3, № 4. – P. 264–285.
13. Krishnamurthy, P. Marxism with Ethics and Values of Sustainability Coexisting with Capitalism: Lal Salam to Governance of Dayakar Reddy / P. Krishnamurthy, S. Deenadayalan, P. Srilatha Gandhian // International Conference on Entrepreneurship and New Venture Creation: International Models and Benchmarks Proceedings. – 2011. – № 12. – URL: <http://ssrn.com/abstract=1958829>
14. Marginson, S. Value creation in the production of services: a note on Marx / S. Marginson // Cambridge J. of Economics. – 1998. – № 22 (5). – P. 573–585.
15. Stiglitz, J. The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited — Reflections and Overview / J. Stiglitz, A. Sen, J.-P. Fitoussi. 2009. – URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/overview-eng.pdf>
16. Velez-Pareja, I. Value Creation and its Measurement: A Critical Look at EVA / I. Velez-Pareja // Cuadernos de Administración. – 2001. – № 22. – P. 7–31.
17. Weissenrieder, F. Value Based Management: Economic Value Added or Cash Value Added? / F. Weissenrieder // FWC AB Study. – 1997. – Vol. 3. – URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.156288>

Сведения об авторах

Плетнёв Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pletnev@csu.ru

Николаева Екатерина Владимировна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nikolaeva@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 154–164.*

ASSESSMENT OF INSTITUTIONAL STRUCTURE OF CORPORATION BY ITS VALUE ADDED DISTRIBUTION: CASE CORPORATION “GAZPROM”

D. A. Pletnev

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pletnev@csu.ru

E. V. Nikolaeva

Candidate of Economics, Associate Professor of Department of Economics of Industries and Markets of Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nikolaeva@csu.ru

Modern corporations are characterized by significant imbalances in its institutional structure. They are dominated by Institute of coercion, exploitation of workers and the management of the corporation as a whole by its owners. However, to date not been formed scientific approaches to its practical assessment. The article presents the development of the theory of the institutional structure of the corporation, a new approach to its assessment, based on the use of the concept of added value and the financial statements. The approach is tested on data corporation “Gazprom” for the years 2004–2013. Particular attention is paid to the distribution of value added between subjects corporations and their dynamics. It is concluded that disparities in the structure of the added value of the corporation “Gazprom”.

Keywords: *corporation, institutional structure of the corporation, the institution of coercion, the added value of dividends.*

References

1. Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. *Global'nyy kapital 2014. T. 1. Metodologiya: Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i ekonomicheskogo imperializma* [Global Capital 2014. Vol. 1: Methodology: On the other side of positivism, postmodernism and economic imperialism]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 640 p. (In Russ.)
2. Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. *Global'nyy kapital 2014. T. 2. Teoriya. Global'naya gegemoniya kapitala i yeye predely* [Global Capital 2014. T. 2. Theory. The global hegemony of the capital and its limits]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 904 p. (In Russ.)
3. Dzarasov R. S. Razvitiye v sovremennom mire: vozmozhen li natsional'no oriyentirovanny kapitalizm? [The development of the modern world: is a nationally-oriented capitalism?]. *Ekonomika megapolisov i regionov* [Economy metropolises and regions]. 2013. No. 1 (48). Pp. 8–35. (In Russ.)
4. Leyard R. *Schast'ye: uroki novoy nauki* [Happiness: Lessons from a new science]. Moscow, Gaydar's Institute Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)
5. *Konsolidirovannaya finansovaya otchjotnost' OAO «Gazprom», podgotovlennaya v sootvetstvii s mezh-dunarodnymi standartami finansovoj otchjotnosti (MSFO) za 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013 gg.* [JSC «Gazprom». Consolidated financial statements prepared in accordance with International Financial Reporting Standards (IFRS) for 2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012]. URL: <http://www.gazprom.ru/investors/reports>
6. *Ezhekvartal'nyj otchjot OAO «Gazprom» za I kvartal 2013 g.* [Quarterly report of the issuer for the 1st quarter of 2013 JSC «Gazprom»]. <http://www.gazprom.ru/f/posts/52/479048/gazprom-emitent-report-1q-2013.pdf>
7. Pletnev D.A. Dobavlennoy stoimost' korporatsii: teoriya i rossiyskaya praktika [The added value of the corporation theory and practice]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii* [Russian J. of Economic Theory]. 2013. No. 1. Pp. 131–147. (In Russ.)
8. Pletnev D.A. *Kontseptsiya korporatsii: opyt sistemno-institutsional'nogo issledovaniya* [The concept of the corporation: the experience of systemic institutional research]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2013. 260 p. (In Russ.)

9. Pletnov D.A. Sistemno-institutsional'naya teoriya korporatsii: k razrabotke novoy kontseptsii [System-institutional theory of the corporation: to develop a new concept]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economic science of modern Russia]. 2013. No. 4 (63). Pp. 7–18. (In Russ.)
10. Biddle G., Bowen R.M. and Wallace J.C. Evidence on EVA. *J. of Applied Corporate Finance*. 1999. No. 12 (2). URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.178168>
11. Fernandez P. Three Residual Income Valuation Methods and Discounted Cash Flow Valuation. *SSRN Electronic J.* 2013. No. 1 (DOI: 10.2139/ssrn.296945)
12. Inglehart R., Foa R., Peterson C. and Welzel C. Development, Freedom, and Rising Happiness: A Global Perspective (1981–2007). *Perspectives on Psychological Science*. 2008. Vol. 3, no. 4. Pp. 264–285.
13. Krishnamurthy P., Deenadayalan S. and Gandhian P. Srilatha. Marxism with Ethics and Values of Sustainability Coexisting with Capitalism: Lal Salam to Governance of Dayakar Reddy. *International Conference on Entrepreneurship and New Venture Creation: International Models and Benchmarks Proceedings*. 2011. No. 12. URL: <http://ssrn.com/abstract=1958829>
14. Marginson S. Value creation in the production of services: a note on Marx. *Cambridge J. of Economics*. 1998. No. 22 (5). Pp. 573–585.
15. Stiglitz J., Sen A. and Fitoussi J.-P. *The Measurement of Economic Performance and Social Progress Revisited — Reflections and Overview*. 2009. URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/overview-eng.pdf>
16. Velez-Pareja I. Value Creation and its Measurement: A Critical Look at EVA. *Cuadernos de Administración*. 2001. No. 22. Pp. 7–31.
17. Weissenrieder F. Value Based Management: Economic Value Added or Cash Value Added? *FWC AB Study*. 1997. Vol. 3. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.156288>

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД FRESH VIEW

*Вестник Челябинского государственного университета.
2015. № 8 (363). Экономика. Вып. 48. С. 165–174.*

УДК 330
ББК 65.01

СУЩНОСТЬ, ПРИРОДА И ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЫВОЗА КАПИТАЛА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

М. Н. Хидиятуллина

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Рассматривается эволюция взглядов на вывоз капитала, раскрываются сущность этого процесса и определение причин, даётся краткая характеристика форм (видов) и механизмов трансграничного перемещения капитала в современных экономических условиях. Рассмотрено видоизменение сущности капитала в условиях глобализации, виртуализации и отчуждения капитала от непосредственного процесса воспроизводства. Выявлена и раскрыта основная цель вывоза капитала за границу. Представлена классификация форм международного движения капитала с приведёнными основными известными видами ввоза/вывоза капитала. На основе изученной ситуации на мировом рынке обозначены и изучены мотивы и причины, вызывающие и стимулирующие вывоз капитала. Раскрыта сущность разделения потоков на легальный, нелегальный и «серый».

Ключевые слова: *вывоз капитала, эволюция теории вывоза капитала, трансграничное движение капитала, отток капитала, причины вывоза капитала.*

В публикациях независимых экспертов, экономистов и журналистов всё чаще всплывает тема вывоза капитала из экономики России. В СМИ остро обсуждаются прогнозы Минэкономразвития об ожидаемом оттоке капитала из России. По словам экс-главы Минфина РФ Алексея Кудрина, «отток капитала из России по итогам 2015 года может составить 90–100 миллиардов долларов» в связи с выплатами по внешнему долгу. Это, в свою очередь, на 50–60 млрд долл. меньше, чем чистый отток капитала в 2014 г.

Экономика развивающейся страны реагирует на любое трансграничное движение капитала. В эпоху глобализации произошли изменения направления движения инвестиций, изменилась и сущность миграционного капитала. В связи с этим резко возросла потребность в пересмотре подходов к изучению проблем, связанных с оттоком капитала из экономики страны. Остро стоит вопрос о повышении инвестиционной привлекательности национальной экономики.

Цель статьи заключается в рассмотрении эволюции теории вывоза капитала, детальном изучении сущности, причин, противоречий и последствий миграции капитала из экономики России с учётом нестабильности её экономики. Также необходимо выявить цель трансграничного передвижения капитала и основные мотивы.

Цикличность всех явлений в жизнедеятельности государств поднимает вопрос о необходимости учитывать опыт предшественников и иметь в виду развитие экономической мысли.

Множество современных экономических исследований даёт подробное описание теории вывоза капитала, механизмов его миграции, существующих форм капитал, способов его регулирования, а также опыта и тенденций государственного и частного регулирования движения трансграничного капитала в западных странах.

С развитием экономической теории возросла потребность в анализе и изучении тенденций, трендов, закономерностей количественных показателей экспорта капитала и последствий для экономики страны. В основу исследования сущности, природы и противоречий вывоза капитала из экономики страны нами были положены труды К. Гочияева [11], Н. Шустровой [35] и др.

На стыке XVI–XVII вв., в период зарождения меркантилистской системы, впервые было обращено внимание на противоречия процесса перераспределения капитала. Экспорт капитала находили как отрицательное влияние на развитие воспроизводства. Меркантилисты полагали, что государству необходимо ограничивать вывоз золота и серебра, а в целях удержания активов в стране необходимо проведение политики про-

тексионизма относительно движения капитала. Развитие мирового рынка и укрепление экономических связей между странами привели к изменению взглядов и снятию жёстких ограничений на вывоз драгоценных металлов с целью привлечения дополнительного дохода и развития национальной экономики.

Представителями классической школы политической экономии (А. Смит [27], Д. Рикардо [26]) и по совместительству основоположниками экономической литературы ещё в XIX в. были сформулированы основные цели и причины вывоза капитала. Указанные учёные рассматривали вывоз капитала как эффективный механизм развития экономики страны и пользу для общемирового рынка.

Классики формируют концепцию экономической либерализации, т. е. предлагают и развивают идею невмешательства государства в экономику страны. А. Смит стал одним из основоположников современной экономической теории, представив определение денег, прибыли, капитала [28]. Английский экономист утверждал, что никакие ограничения не могут предотвратить отток денег из экономики страны.

В свою очередь, Д. Рикардо, изучая сравнительные затраты, указал на возможность получения дохода при трансграничном движении предпринимательского капитала и труда [26]. Его приемник, С. Миль доказал, что при условии существенного различия норм прибыли разных стран вывоз капитала приводит к расширению масштабов торговли и рационализации производства, так как капитал имеет особенность мигрировать при перспективе получения сверхприбыли [21]. Р. Гильфердинг [8], Дж. М. Кейнс [13], В. Ленин [15], Р. Люксембург [17], А. Маршалл [19], М. Портер [25], С. Фишер [31] и др. в своих трудах развили идеи и теоретическую концепцию своих предшественников в соответствии с интересами социальных классов и особенностей исторической эпохи.

К. Маркс внёс свой вклад в развитие теории движения капитала [18]. Марксистская теория обосновала вывоз капитала его переизбытком в странах, тем самым делая их основными экспортёрами денежной массы. Избыток капитала, по мнению К. Маркса, приводит к снижению нормы прибыли в стране.

Экономист Р. Гильфердинг указал на зависимость слаборазвитых стран, принимающих иностранный капитал, от стран-кредиторов [8]. Более

того, страны-реципиенты утрачивают способность проводить независимую экономическую политику. Таким же образом развитые страны завоёвывали новые рынки, образовывая колонии с целью получения дешёвой рабочей силы.

Современное развитие теории трансграничного движения капитала берёт своё начало в трудах отечественных авторов, основными представителями которого являются А. Булатов [4; 5], М. Пивоварова [23], Е. Щукина [36] и др. Они рассмотрели проблему вывоза капитала в рамках глобально-корпоративного движения капитала. В зарубежной экономической литературе Р. Дорнбушем [37] и Д. Каддингтоном были выявлены особенности вывоза капитала. Впервые в исследованиях Л. Абалкина [1], В. Катасонова [12], Е. Гвоздевой, А. Каштурова, А. Олейника, С. Патрушева [9] встречается и раскрывается феномен «бегство капитала», что дало теоретическую основу для проведения комплексного анализа вывоза капитала. Л. Фрей был первым, кто рассмотрел теорию валютного контроля [32]. На основе его выводов и развитой концепции А. Булатовым [5], Л. Красиной [14], Г. Матюхиным [20] и некоторыми другими были предложены меры по усовершенствованию системы валютного контроля. Бала обоснована необходимость изменения существующей системы, так как она не решала проблему бегства капитала.

Е. С. Варга [6], Е. Г. Василевский [7], В. И. Ленин [15] и другие авторы рассмотрели вывоз капитала как признак империализма и инструмент воспроизводства денежной массы. Ключ к пониманию причин и противоречий вывоза капитала лежит в трудах В. И. Ленина. Ленинская теория империализма даёт нам первое представление о признаках империализма. Он видел господство монополии перед свободной конкуренцией как наиболее яркий признак империализма. В первых шести главах Владимир Ильич выделяет основные пять признаков империализма, показывая процесс трансформации монополии в международную корпорацию. Основой для этого является преобладание вывоза капитала над вывозом товаров, слияние промышленного и банковского капитала в финансовый капитал и его межнациональное переплетение. Особенно уделяя внимание вывозу капитала, Ленин писал: «Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство всё более и более ускоренно пересаживается в колонии». В. И. Ленин в своих сочинениях выявил

среду, которая порождает возможность и необходимость вывоза капитала.

На рубеже 1930–1940-х гг. неоклассическая школа изучала проблемы вывоза капитала как теоретический аспект в анализе движения ссудного капитала. Это стало основополагающим фундаментом для исследования в области трансграничного финансирования и теории портфельных инвестиций. Представители школы выявили обратную связь между уровнем концентрации капитала в стране и его ликвидностью. Дж. Кейнс предположил, что экспорт капитала носит стихийный характер [13], а неокейнсианцы установили, что на рост экспорта товаров, уровень занятости населения и темпы экономического роста влияет приток инвестиционных доходов.

В 1950–1960-х гг. вывоз капитала рассматривался через призму политических веяний. Одни авторы видели в оттоке денежной массы предпосылки зарождения неоклассицизма, другие предполагали, что это инструмент взаимовыгодного экономического развития стран на мировой арене. К 1970-м гг. закрепилась позиция положительного влияния экспорта капитала с целью получения дополнительного дохода для участников трансграничного движения капитала. Государство и частные корпорации намеренно вывозили капитал, так как это способствовало саморазвитию и самовозрастанию. В это время операции с перемещением капитала осуществлялись лишь в двух формах. Первая — это предпринимательская форма, представляла собой прямые инвестиции и портфельные вложения. Вторая форма — это ссудный капитал, при которой были распространены вклады в иностранные банки, займы и кредиты.

Структурировав вышесказанное, можно проследить эволюцию понятия вывоза капитала, трактовка которого менялась вместе с развитием рынка и изменением его форм. В разных направ-

лениях экономической мысли менялась сущность капитала, его роль и значение в национальной экономике страны. В табл. 1 представлена эволюция взглядов на вывоз капитала.

В настоящее время основными крупными участниками транснационального рынка капитала являются транснациональные компании (ТНК) и транснациональные банки (ТНБ), которые оперируют и приводят в движение внушительный капитал. В период глобализации ТНК и ТНБ с целью максимизации прибыли сосредотачивают значительную долю мирового капитала в странах с развитой экономикой, тем самым даруя им финансовую власть и господство в мире. В итоге мировая денежная масса распределяется неравномерно между странами, концентрируясь в развитых странах, делая их ещё богаче, а бедным странам не оставляет возможности вырваться из нищеты.

Это двоякое проявление сущности вывоза капитала создало массу противоречий и выявило проблемы для исследования экспорта капитала в условиях всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции. С конца XX в. сущность и проблемы вывоза капитала были изучены согласно теории неоимпериализма. Это усовершенствованная модель ленинского империализма, в которой сохранились его пять основных признаков, но они были адаптированы с учётом глобализации. Вывоз капитала, как один из признаков империализма, сохраняет свою значимость и оставляет за собой место фактора, характеризующего мировой рынок. Закономерности оттока капитала из экономики страны в условиях неоимпериализма (или как его ещё называли «империя») были освещены в трудах М. Хардта, А. Негри [33], Дж. Сороса [29] и других исследователей.

С каждым днём роль монополий в экономической жизни страны усиливается, что приводит

Таблица 1

Эволюция теории вывоза капитала

Период	Школа	
XVI–XVIII вв.	Меркантилисты	
XVIII–XIX вв.	Классическая школа	
1870–1960-е гг.	Марксистские теории	Неоклассические теории, маржинализм
1930–1960-е гг.	Кейнсианство и неокейнсианство	
		Неолиберальные теории, монетаризм
1970-е гг.— настоящее время	Неомарксисты	Неоинституционализм

к превосходству корпоративного капитала. Ещё Ленин писал, что слияние монополистического промышленного капитала и монополистического банковского капитала есть не что иное, как финансовый капитал. Преобладание финансового капитала в экономике страны означает достижение наивысшей степени капитализма. Это происходит следующим образом: развитие финансового капитала приводит к преобладанию объёмов спекулятивных операций над объёмами реального производства. Такой капитал отделяется от реального сектора, и мы получаем ленинский империализм, т. е. эпоху господства финансового капитала.

В статьях П. С. Лемещенко представлен неинституциональный анализ теории империализма [16]. Скопление капитала, промышленных мощностей и технологий в рамках одного института приводит к возникновению власти и формированию иерархической структуры, способной влиять на все сферы деятельности. В своей работе В. В. Цыганов, В. А. Бородин и Г. Б. Шишкин выделяют глобальные центры капитала и международные финансовые центры [34]. Глобальные центры капитала — это наиболее привлекательные регионы для инвестиций и инноваций, где аккумулируется финансовый капитал. Международные финансовые центры это не только крупнейшие финансовые институты, а ещё и окружающая их среда, сформированная из многочисленных консалтинговых фирм (преимущественно экономических, юридических, аудиторских услуг). Такого рода институты предпочитают располагаться в офшорных зонах, т. е. центрах с низким уровнем налогообложения и сборами на капитал, имущество и доход.

По мере развития инвестиционной активности в мире вывоз капитала становится самостоятельным орудием, имеющим могущественную силу. Он становится влиятельным фактором развития внешней торговли и международных экономических отношений. В современной концепции трансграничное движение капитала изучается как субституты международной торговли. На данном этапе развития наблюдается тенденция к притоку мирового капитала туда, где реализация инвестиционных проектов обеспечивает большую экономическую отдачу.

Когда мы говорим «вывоз капитала» из экономики России, обычно мы имеем в виду либо отток иностранного капитала из экономики России, либо, наоборот, отток российского капитала

за границу. Во втором значении применим термин «экспорт капитала» и, как правило, речь идёт о частном секторе экономики, например, банках, частных фирмах и физических лицах. В настоящее время экспортёрами и импортёрами капитала являются официальные и частные структуры.

Международное движение капитала можно рассматривать с разных позиций, источников и прочих видов классификации. Под формами вывоза капитала понимают различные методы использования финансовых инструментов с целью получения капиталистической прибыли. Рассмотрим классификацию форм международного движения капитала (табл. 2).

В экономической литературе выделяют следующие виды международного движения капитала. По источникам происхождения выделяют частный (негосударственный) вывоз капитала (крупные компании и банки) и государственный (официальный) вывоз капитала и вывоз капитала международными финансовыми компаниями. Государственный капитал мигрирует в виде государственных займов, ссуд, грантов, иностранной помощи. Перемещение данных капиталовложений регламентируется межправительственными соглашениями. К частным капиталовложениям относятся средства частных фирм, банков и других негосударственных организаций, перемещаемые за границу или принимаемые из-за границы по решению руководящих органов этих организаций. Однако эти решения регламентируются законодательными нормами о международном движении капитала. Одной из тенденций вывоза капитала является фактический рост экспорта частного капитала более быстрыми темпами, чем рост экспорта государственного капитала. Примером международных финансовых институтов служат Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и пр.

Говоря о вывозе капитала, большинство представляет инвестиции в денежной форме, так как они наиболее ликвидны, но не стоит забывать и о товарной форме капитала. Ещё неокейнсианцы описывали влияние роста инвестиционных доходов на увеличение товарного экспорта. Так, отток капитала может наблюдаться в виде машин и оборудования, патентов и интеллектуальной собственности, конечно, при условии, что они вывозятся в качестве вклада в уставный капитал покупаемой или создаваемой фирмы. Всё реже

Таблица 2

Классификация форм международного движения капитала

Вид классификации	Формы капитала	Виды вывоза/ввоза
По источнику происхождения	Государственный капитал	Кредиты, займы и ссуды Иностранная помощь, гранты
	Международный финансовый капитал (МВФ, МБРР, ЕБРР)	Кредиты, займы и ссуды Иностранная помощь, гранты, расходы на поддержание мира
	Частный капитал	Облигационные займы
По физическому признаку	Денежный капитал	Деньги
	Товарный капитал	Машины, оборудование, здания, сооружения Земля, запасы сырья Полуфабрикаты и готовая продукция
По срокам размещения	Краткосрочный капитал	Ввоз и вывоз наличной валюты Банковские депозиты и средства на счетах других финансовых институтов Краткосрочные кредиты и займы
	Долгосрочный капитал	Прямые инвестиции Портфельные инвестиции Долгосрочные кредиты и займы
По целям использования	Ссудный капитал	Ввоз и вывоз наличной валюты Банковские депозиты и средства на счетах других финансовых институтов Кредиты и займы
	Предпринимательский капитал	Прямые инвестиции Портфельные инвестиции

мы можем наблюдать товарный кредит, что также относится к вывозу капитала. Таким образом, капитал может ввозиться, вывозиться и функционировать на территории страны как в денежной, так и товарной форме.

Некоторые авторы выделяют более специфические для российской экономике формы. Стоит выделить следующие из них: во-первых, это отток природных ресурсов, или научным языком, ресурсный капитал. Россия до сих пор является страной с наибольшими запасами природных ресурсов, которые имеют определённую ценность на внешнем рынке. Развитые страны и страны с развивающейся рыночной экономикой приобретают и используют наше сырьё наиболее активно. Во-вторых, выделяют отток производственного капитала, наиболее известен и распространён

толлинг. Это механизм переработки толлингером (иностранным партнёром) сырья на территории Российской Федерации с его последующим вывозом за рубеж. В этой ситуации сырьё не облагается налогом на добавленную стоимость в связи с последующим экспортом. По толлинговой схеме из России на мировой рынок вывозилось порядка 80% производимого алюминия. Третья форма — это отток интеллектуального капитала. Особую ценность для страны представляют сами носители интеллекта, т.е. учёные, инженеры, научно-технические работники. В силу отсутствия условий для испытаний и продвижения научной продукции утечка «светлых умов» за границу с каждым годом набирает обороты. Только сейчас институты осознали масштаб финансовых, культурных и научно-технических потерь.

По срокам размещения выделяют краткосрочную (от 1 года до 4 лет) и долгосрочную форму (свыше 3–5 лет) ввоза и вывоза капитала. Международные кредиты и займы по обыкновению выдаются на долгосрочной основе. Основными такими кредиторами выступают капиталистические развитые страны. Краткосрочный капитал применяется в виде коммерческих и банковских кредитов. На данном этапе в России, да и в мире в целом, преобладает движение краткосрочного капитала. Как исключение, средства на счетах в банках и прочих финансовых институтах, введённые на срок более года, относят к краткосрочной форме капитала.

В настоящее время экономисты выделяют капитал в предпринимательской форме (предпринимательский капитал) и капитал в ссудной форме (ссудный капитал). Известно, что в 1998 г. Россия вывозила капитал преимущественно в ссудной форме, так как он приносит владельцу доход в виде процента по вкладам, займам и кредитам. Движение капитала в ссудной форме осуществляется в виде международного кредита из частных или государственных источников. Предпринимательский капитал — средства, прямо или косвенно, инвестируемые в зарубежное производство, — приносит доход преимущественно в виде прибыли. Примером вывоза предпринимательского капитала служит строительство новых предприятий за рубежом (паевых, собственных); приобретение акций действующего предприятия за рубежом (контрольного пакета или части); создание предприятия за границей по заказам принимающей страны.

Д. М. Кейнс впервые выдвинул гипотезу об экспорте капитала из-за его переизбытка в стране (превышение доли сбережений над инвестициями), тем самым сформулировав основную причину трансграничного передвижения капитала в экономике [13]. Объясняется это тем, что по своей природе целью капитала является максимизация прибыли от капиталовложения. Важно отметить, что миграция капитала может осуществляться и при недостатке денежных средств для внутреннего использования. Капитал стремится к прибыли, поэтому его «переизбыток» на территории страны имеет относительный характер. На самом деле в стране с легкостью найдётся применение покидающей страну денежным ресурсам. Они стремятся разместиться там, где наибольшая отдача.

В настоящее время есть тенденция вывозить частными структурами не только финансовые

инструменты, а также торговые марки, фирменные наименования, ноу-хау и прочие виды нематериальных активов. Отток предпринимательского капитала зачастую обусловлен экономией на таможенных пошлинах, транспортных расходах, налогах, сырье. Страна-реципиент, как правило, территория с наименьшими издержками, например, EastmanKodakCompany переместила своё производство из США в азиатские и арабские страны из-за более дешёвой рабочей силы и близости рынков сбыта продукции.

Особым фактором вывоза капитала из России является инвестиционная среда в стране. Запутанное законодательство, сложности при открытии и ведении бизнеса, коррупция — это причины, которые обычно перечисляют исследователи проблемы вывоза капитала. Согласно докладу о глобальной конкурентоспособности, подготовляемому ежегодно для Всемирного экономического форума, главными проблемами российской экономики являются коррупция и неэффективный государственный аппарат.

Изучая ситуацию на мировом рынке, можно проследить и выявить следующие причины, вызывающие и стимулирующие вывоз капитала. Во-первых, это неравномерность экономического и политического развития стран. Капитал уходит из стагнирующих экономик и утекает в стабильные экономики с высокими темпами роста и более высокой нормой прибыли, тем самым способствуя усилению господства монополий в экономически слаборазвитых странах и усугубляя экономическую отсталость бедных стран.

Во-вторых, это неуравновешенность текущих платёжных балансов, что вызывает движение капитала из стран с активным сальдо в страны с дефицитным сальдо по текущим расчётам. В-третьих, это либерализация национальных рынков капитала. За счёт снятия ограничений на ввоз, функционирование и вывоз иностранных инвестиций стимулируется передвижение денежной массы. Либерализация стимулирует конкуренцию на рынке капиталов и снижает операционные издержки. Богатые страны с развитой экономикой имеют открытый рынок, поэтому для развивающихся стран соблазн потенциальной выгоды перевешивает чашу весов негативных моментов для финансовой системы страны. В-четвёртых, развитие международного кредита, валютных и фондовых систем, которые способствуют масштабному увеличению международного перемещения капиталов. Следующая причи-

на — это развитие транснациональных корпораций и банков. Включение в финансовую деятельность небанковских и нефинансовых организаций приводит к увеличению числа и ресурсов инвесторов, тем самым запуская механизм капиталовложений за рубеж. И в завершении стоит сказать об экономической политике стран. Создаются благоприятные условия для осуществления внутренних инвестиций и обслуживания долгов государства, как внешних, так и внутренних.

Исследуя причины и проблематику миграции международного капитала, напрашивается вывод о разделении вывозимого потока. Принято выделять легальный, нелегальный и так называемый серый экспорт капитала. Легальный вывоз представляется в форме предпринимательского капитала (прямые, портфельные инвестиции, кредиты, займы и пр.). Отток таких инвестиций не всегда благоприятен для национальной экономики, но является нормальным явлением. Доля нелегального капиталовложения в нашей стране превышает долю легального. В связи с этим экономисты на протяжении нескольких лет предлагают меры по борьбе с нелегальным и полунелегальным вывозом капитала из страны. Исходя из основных причин предлагается повышение инвестиционной привлекательности страны с помощью улучшения экономической и правовой обстановки. Это повысит приток иностранных капиталов и удержит их на национальном рынке. Как следствие, снизится отток капитала. Ужесточение таможенного и валютного контроля (до определённого уровня) будет способствовать выявлению механизмов и схем утечки капитала из страны. Законодательно подкованная либера-

лизация расширит возможности для легально вывозимого капитала и часть нелегального станет «серым» либо легализуется. Нелегальный (с нарушением валютного законодательства) и полунелегальный (операции без явного нарушения законодательства) вывоз капитала может быть сопряжён с налоговыми нарушениями. В таком случае стоит прибегнуть к мероприятиям, повышающим ответственность топ-менеджеров крупных организаций. В последнее время в связи с напряжённой ситуацией в стране всё чаще всплывает идея амнистии беглых капиталов. Но эта мысль не всем представляется привлекательной, и возникает множество споров о действенности и возможности применения данного метода на деле.

Напрашивается вывод, что вывоз капитала представляет собой комплекс глубоких и непримиримых противоречий современного капитализма, он способствует расширению экспансии богатых западных стран и дальнейшей зависимости стран и народов, импортирующих капитал. Предстоит применить систему мероприятий для решения проблем вывоза капитала из экономики страны.

Освещая сущность и эволюцию теории вывоза капитала, были изучены причины и противоречия миграции капитала. Рассмотрено видоизменение сущности капитала в условиях глобализации, виртуализации и отчуждения капитала от непосредственного процесса воспроизводства. Предметом статьи выступили отношения институтов, связанных с трансграничным перемещением финансового, в том числе глобально-корпоративного капитала; факторы и мотивы, обуславливающие это движение и выявление основных каналов бегства капитала.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. Бегство капитала: природа, формы, методы борьбы / Л. И. Абалкин // *Вопр. экономики*. – 1998. – № 7. – С. 33–41.
2. Бархатов, В. И. Экономическая теория : учебник / В. И. Бархатов, Г. П. Журавлёва, А. В. Горшков и др. ; под ред. В. И. Бархатова, Г. П. Журавлёвой. – М. : Финансы и статистика, 2007. – 848 с.
3. Бузгалин, А. В. Глобальный капитал / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М., 2004.
4. Булатов, А. С. Вывоз капитала: своя компания за рубежом / А. С. Булатов. – М. : БЕК, 1996. – 304 с.
5. Булатов, А. С. Вывоз капитала из России и концепции его регулирования / А. С. Булатов. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 1997. – 132 с. (Научные доклады).
6. Варга, Е. С. Капитализм XX века / Е. С. Варга. – М. : Политиздат, 1961. – 235 с.
7. Василевский, Е. Г. Развитие взглядов В. И. Ленина на империализм / Е. Г. Василевский. – М., 1968.
8. Гильфердинг, Р. Финансовый капитал: исследование новейшей фазы в развитии капитализма / Р. Гильфердинг. – М., 1959. – 334 с.
9. Гвоздева, Е. Междисциплинарный подход к анализу вывоза капитала из России / Е. Гвоздева, А. Каштуров, А. Олейник, С. Патрушев // *Вопр. экономики*. – 2000. – № 2. – С. 15–45.

10. Голосов, В. В. Теории вывоза капитала / В. В. Голосов. – М. : Мысль, 1977. – 224 с.
11. Гочияев, К. Б. Регулирование международных потоков капитала в условиях глобализации и трансформации экономики : дис. ... канд. экон. наук / К. Б. Гочияев. – Волгоград, 2011.
12. Катасонов, В. Ю. Бегство капитала из России / В. Ю. Катасонов. – М. : Анкил, 2002. – 200 с.
13. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Гелиос АРВ, 2002. – 352 с.
14. Красавина, Л. Н. «Бегство» капитала из России и пути его сдерживания / Л. Н. Красавина // Деньги и кредит. – 2000. – № 11. – С. 40–42.
15. Ленин, В. И. Империализм как высшая стадия капитализма / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – М., 1962. – Т. 27.
16. Лемещенко, П. С. Современный мир — система и проблемы теорий неоимпериализма / П. С. Лемещенко // Философия хозяйства : альм. Центра обществ. наук и экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2005. – № 2. – С. 53–69.
17. Люксембург, Р. Накопление капитала / Р. Люксембург ; пер. под ред. Ш. Дволайцкого. – М., 1934.
18. Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – М., 1960. – Т. 25.
19. Маршалл, А. Принципы политической экономии : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 2. – 310 с.
20. Матюхин, Г. Г. Горячие деньги (проблемы спекулятивного, «блуждающего» капитала) / Г. Г. Матюхин. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 176 с.
21. Милль, Д. С. Основы политической экономии : в 3 т. / Д. С. Милль. – М. : Прогресс, 1981. – Т. 2, кн. 3. – 310 с.
22. Оболенский, В. П. Вывоз капитала и рост валютных резервов: влияние на экономику России / В. П. Оболенский // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2006. – № 6.
23. Пивоварова, М. А. Методологические основы исследования мирохозяйственной системы в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / М. А. Пивоварова. – М., 2001. – 42 с.
24. Поланьи, К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / К. Поланьи ; пер. с англ. А. А. Васильева, С. Е. Фёдорова, А. П. Шурбелёва ; под общ. ред. С. Е. Фёдорова. – СПб., 2002. – 320 с. (РахBritannica).
25. Портер, М. Международная конкуренция. Конкурентное преимущество стран : пер. с англ. / М. Портер. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 391 с.
26. Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения / Д. Рикардо // Рикардо, Д. Избр. соч. – М., 1941. – Т. 1. – 434 с.
27. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит // Антология экономической классики: Петти, Смит, Рикардо. – М. : Эконом-Ключ, 1993. – 322 с.
28. Смит, А. Основы политической экономии / А. Смит. – М. : Прогресс, 1980. – Т. 1. – 467 с.
29. Сорос, Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм : пер. с англ. / Дж. Сорос. – М. : Фонд поддержки культуры, образования и новых информ. технологий, 2001. – 458 с.
30. Тушканов, И. М. Развитие взглядов на вывоз капитала и современная характеристика этого процесса / И. М. Тушканов // Экон. науки. – 2007. – № 4 (29). – С. 150–155.
31. Фишер, П. Привлечение прямых иностранных инвестиций в Россию: 5 шагов к успеху / П. Фишер. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 328 с.
32. Фрей, Л. И. Основные проблемы международных расчётов / Л. И. Фрей. – М. : Междунар. кн., 1945. – 435 с.
33. Хардт, М. Империя / М. Хардт, А. Негри. – М. : Праксис, 2004. – 440 с.
34. Цыганов, В. В. Интеллектуальное предприятие: механизмы овладения капиталом и властью (теория и практика управления эволюцией организации) / В. В. Цыганов, В. А. Бородин, Г. Б. Шишкин. – М. : Универ. кн., 2004. – 768 с.
35. Шустрова, Н. В. Государственное валютное регулирование движения капитала: закономерности и эффективность : дис. ... канд. экон. наук / Н. В. Шустрова. – СПб., 2001. – 189 с.
36. Щукин, Е. А. Движение международного капитала и его влияние на структурную перестройку российской экономики : дис. ... канд. экон. наук / Е. А. Щукин. – М., 2002. – 187 с.
37. Dornbush, R. Capital flight, theory, measurement and policy issues / R. Dornbush. – Wash, 1990.

Сведения об авторе

Хидиятуллина Мадина Набиуллаевна — аспирантка кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. madina@csu.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). Economy. Issue 48. Pp. 165–174.

ESSENCE, NATURE AND CONTROVERSIES EXPORT OF CAPITAL IN THE ECONOMIC LITERATURE

M. N. Khidiyatullina

Graduate Student of the Department of Economics of Industries and Markets, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. madina@csu.ru

The article discusses the evolution of views on the export of capital, the essence of this process and identify the reasons, a brief characterization of the forms (species) and trans-border movement of capital in the current economic conditions. Considered a modification of the essence of capital in the context of globalization, virtualization, and the alienation of capital from the direct process of reproduction. Identified and disclosed to the main purpose of the export of capital abroad. The classification of the forms of international capital movements with the above major known types of import / export of capital. Based on the study of the situation on the world market marked and studied the motives and reasons for causing and stimulating the export of capital. The essence of flow separation on the legal, illegal and “gray”.

Keywords: *export of capital, the evolution of the theory of capital export, cross-border movement of capital, capital outflows, the causes of the export of capital.*

References

1. Abalkin L.I. Begstvo kapitala: priroda, formy, metody bor'by [Capital flight: the nature, forms, methods of struggle]. *Voprosy ekonomiki* [The Issues of economics]. 1998. No. 7. Pp. 33–41. (In Russ.)
2. Barkhatov V.I., Zhuravleva G.P. and Gorshkov A.V. *Ekonomicheskaya teoriya: uchebnik* [Economic theory: textbook]. Moscow, Finance and Statistics Publ., 2007. 848 p. (In Russ.)
3. Buzgalin A.V. and Kolganov A.I. *Global'nyy kapital* [Global capital]. Moscow, 2004. (In Russ.)
4. Bulatov A.C. *Vyvoz kapitala: svoya kompaniya za rubezhom* [The export of capital: its own companies abroad]. Moscow, Century Publ., 1996. 304 p. (In Russ.)
5. Bulatov A.S. *Vyvoz kapitala iz Rossii i kontseptsii yego regulirovaniya* [The export of capital from Russia and the concept of its regulation]. Moscow, Moscow Public Science Foundation, 1997. 132 p. (In Russ.)
6. Varga Ye.S. *Kapitalizm XX veka* [Capitalism XX century]. Moscow, Politizdat Publ., 1961. 235 p. (In Russ.)
7. Vasilevskiy Ye.G. *Razvitiye vzglyadov V.I. Lenina na imperialism* [Development Lenin's views on imperialism]. Moscow, 1968. (In Russ.)
8. Gil'ferding R. *Finansovyy kapital: Issledovaniye noveyshey fazy v razvitiy kapitalizma* [Finance Capital: A Study of the latest phase of capitalist development]. Moscow, Social-Econ Publ., 1959. 334 p. (In Russ.)
9. Gvozdeva Ye., Kashturov A., Oleynik A. and Patrushev S. *Mezhdistsiplinarnyy podkhod k analizu vyvoza kapitala iz Rossii* [Interdisciplinary approach to the analysis of the export of capital from Russia]. *Voprosy ekonomiki* [The Issues of Economics]. 2000. No. 2. Pp. 15–45. (In Russ.)
10. Golosov V.V. *Teorii vyvoza kapitala* [Theory of capital export]. Moscow, Mysl' Publ., 1977. 224 p. (In Russ.)
11. Gochijaev K.B. *Regulirovaniye mezhdunarodnykh potokov kapitala v usloviyakh globalizatsii i transformatsii ekonomiki* [Regulation of international capital flows in the context of globalization and economic transformation]. Dis. Abstract for the degree of Candidate of Economics. Volgograd, 2011. (In Russ.)
12. Katasonov V.Yu. *Begstvo kapitala iz Rossii* [Capital flight from Russia]. Moscow, Ankil Publ., 2002. 200 p. (In Russ.)
13. Keynes D.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [General Theory of Employment, Interest and Money]. Moscow, Gelios ARV Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)

14. Krasavina L.H. «Begstvo» kapitala iz Rosii i puti yego sderzhivaniya [“Escape” of capital from Russia and ways to curb]. *Den'gi i kredit* [Money and the credit]. 2000. No. 11. P. 40–42. (In Russ.)
15. Lenin V.I. Imperializm kak vysshaya stadiya kapitalizma [Imperialism, the Highest Stage of Capitalism]. *Polnoye sobraniye sochineniy* [Complete Works]. Moscow, 1962. T. 27. (In Russ.)
16. Lemeshchenko P.S. Sovremennyy mir-sistema i problemy teoriy neoimperializma [The modern world-system and the problems of the theory of neo-imperialism]. *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy economy]. 2005. No. 2. P. 53–69. (In Russ.)
17. Lyuksemburg R. *Nakopleniye kapitala* [The Accumulation of Capital]. Moscow, 1934. (In Russ.)
18. Marks K. and Engel's F. *Kapital* [Capital]. Moscow, 1960. T. 25. (In Russ.)
19. Marshall A. *Printsipy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Moscow, Progress Publ., 1993. 310 p. (In Russ.)
20. Matyukhin G.G. *Goryachiye den'gi (problemy spekulativnogo, «bluzhdayushchego» kapitala)* [Hot money (speculative issues, “wandering” of capital)]. Moscow, Intern. relations Publ., 1974. 176 p. (In Russ.)
21. Mill' D.S. *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Moscow, Progress Publ., 1981. T. 2. 310 p. (In Russ.)
22. Obolenskiy V.P. Vyvoz kapitala i rost valyutnykh rezervov: vliyaniye na ekonomiku Rossii [Export of capital and the growth of foreign exchange reserves: the impact on the Russian economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2006. No. 6. (In Russ.)
23. Pivovarova M.A. *Metodologicheskiye osnovy issledovaniya mirokhozaystvennoy sistemy v usloviyakh globalizatsii* [Methodological bases issledovaniyamirokhozaystvennoy system under globalization]. Synopsis, Moscow, 2001. 42 p. (In Russ.)
24. Polan'i K. *Velikaya transformatsiya: politicheskiye i ekonomicheskkiye istoki nashego vremeni* [The Great Transformation: the political and economic origins of our time]. SPb Publ., 2002. 320 p. (In Russ.)
25. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsia. Konkurentnoye preimushchestvo stran* [International competition. The competitive advantage]. Moscow, Intern. relations Pubs., 1993. 391 p. (In Russ.)
26. Rikardo D. *Nachala politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya* [Principles of Political Economy and Taxation]. Moscow, 1941. 434 p. (In Russ.)
27. Smit A. *Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [The Wealth of Nations]. *Antologiya ekonomicheskoy klassiki: Petti, Smit, Rikardo* [Economic Anthology classics: Petty, Smith, Ricardo]. Moscow, Ekonom-Klyuch Publ., 1993. 322 p. (In Russ.)
28. Smit A. *Osnovy politicheskoy ekonomii* [Principles of Political Economy]. Moscow, Progress Publ., 1980. 467 p. (In Russ.)
29. Soros Dzh. *Otkrytoye obshchestvo. Reformiruya global'nyy kapitalizm* [The Open Society. Reforming global capitalism]. Moscow, 2001. 458 p. (In Russ.)
30. Tushkanov I.M. *Razvitiye vzglyadov na vyvoz kapitala i sovremennaya kharakteristika etogo protsessa* [Development of views on the export of capital and modern characteristics of this process]. *Ekonomicheskkiye nauki* [Economics]. 2007. No. 4 (29). Pp. 150–155. (In Russ.)
31. Fisher P. *Privlecheniye pryamykh inostrannykh investitsiy v Rossiyu: 5 shagov k uspekh* [Foreign direct investment in Russia: 5 Steps to Success]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004. 328 p. (In Russ.)
32. Frey L.I. *Osnovnyye problemy mezhdunarodnykh raschetov* [The main problems of international payments]. Moscow, International Book Publ., 1945. 435 p. (In Russ.)
33. Khardt M. and Negri A. *Imperiya* [Empire]. Moscow, Praxis Publ., 2004. 440 p. (In Russ.)
34. Tsyganov V.V., Borodin V.A. and Shishkin G.B. *Intellektual'noye predpriyatiye: mekhanizmy ovladeniya kapitalom i vlast'yu (teoriya i praktika upravleniya evolyutsiyey organizatsii)* [Intelligent Enterprise: mastering the mechanisms of capital and power (theory and practice of controlling the evolution of the organization)]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2004. 768 p. (In Russ.)
35. Shustrova N.V. *Gosudarstvennoye valyutnoye regulirovaniye dvizheniya kapitala: zakonmernosti i effektivnost'* [State exchange control of capital movements: regularity and efficiency]. SPb., 2001. 189 p. (In Russ.)
36. Shchukin Ye.A. *Dvizheniye mezhdunarodnogo kapitala i yego vliyaniye na strukturnuyu perestroyku rossiyskoy ekonomiki* [The movement of international capital and its impact on the restructuring of the Russian economy]. Moscow, 2002. 187 p. (In Russ.)
37. Dornbush R. *Capital flight, theory, measurement and policy issues*. Wash, 1990.

УДК 338.124.4
ББК 65.9(2)-97

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ КРИЗИСОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

К. Н. Сафрыгин

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет», Челябинск, Россия

Проведён сравнительный анализ трёх экономических кризисов, имевших место в Российской Федерации в 1998, 2008 и 2014 гг. Были установлены критерии сравнения кризисов, дана краткая характеристика каждого кризиса, выявлены как особенности каждого из них, так и общие черты. Исследованы причины прошедших кризисов, описана и оценена реализованная антикризисная программа, описаны последствия кризисов в формате количественной оценки основных экономических показателей.

Ключевые слова: *экономический кризис, антикризисная программа.*

Одной из особенностей экономической системы, наиболее ярко проявляющейся в её рыночном и смешанном типах, является цикличность — периодические колебания различных экономических показателей, таких как уровни занятости, инфляции, бедности, величина валового национального продукта [1]. Различными отечественными и зарубежными учёными, например, К. Жугляром, Дж. Китчином, С. А. Кузнецом, Н. Д. Кондратьевым, описывалось несколько типов цикличности, однако все её виды предполагают наличие фазы кризиса — серьёзного нарушения рыночного равновесия, сопровождающегося значительным снижением темпов производства и уровня жизни населения, насильственно уравнивающего величину общественного производства и объём платёжеспособного спроса хозяйствующих субъектов. В истории современной России к настоящему моменту фаза кризиса наступала трижды: в 1998, 2008 и 2014 гг. Поскольку последняя волна кризиса ещё не преодолена, а в будущем можно с уверенностью прогнозировать новые волны экономических кризисов, актуальной проблемой является проблема понимания причин возникновения кризисных явлений в экономике Российской Федерации и пути их преодоления.

Цель данной работы — проведение ретроспективного анализа кризисных явлений в экономике Российской Федерации и оценка эффективности мер по их преодолению.

В процессе написания статьи автор изучил работы следующих отечественных учёных: С. В. Алексахенко, Т. А. Фроловой [1], Е. Г. Ясина [3], В. А. Цветкова [4], Д. Б. Кувалина [9], В. А. Май [10], В. И. Бархатова [11], В. С. Назарова

[12], а также нормативные документы Российской Федерации [2; 5; 6], статистические материалы [13], материалы периодических и интернет-изданий [14; 15].

Для проведения сравнительного анализа кризисных явлений в экономике страны необходимо прежде всего выделить критерии их сравнения. В качестве критериев сравнения можно назвать следующие.

1. Причины и предпосылки кризиса. Этот критерий позволит выяснить, повлияло ли изменение условий внешней экономической среды на слабые стороны экономики Российской Федерации.

2. Антикризисная программа и её последствия. Критерий необходим для выявления изменений, произошедших в экономической системе Российской Федерации по итогам кризиса.

Проанализируем три волны кризисов по названным выше критериям.

Кризис 1998 г. неоднократно рассматривался отечественными экономистами. Можно выделить следующие его причины:

В рассматриваемый период правительство не смогло обеспечить величину налоговых поступлений, достаточную для выполнения расходных статей бюджета. Именно к такому заключению пришла комиссия Совета Федерации по расследованию обстоятельств дефолта 1998 г. [2]. В частности, организации ветеранов, спортсменов, церковь были освобождены от уплаты таможенных пошлин, уменьшена величина акцизного сбора на легковые автомобили. Кроме того, был изменён порядок исчисления затрат в газовой промышленности, а некоторым предприятиям предоставлены налоговые каникулы. В то же время налоговая нагрузка на большую часть ком-

паний увеличивалась, что привело к массовому отказу от налоговой законопослушности [12]. Для увеличения размеров поступлений в бюджет была проведена приватизация некоторых государственных предприятий, выпуск государственных краткосрочных облигаций, осуществлено заимствование денежных средств у Центрального банка.

Среди внешних причин можно выделить экономический кризис в Азии 1997 г. В результате длительного повышения объёма внешних заимствований и растущего дефицита торгового баланса правительство Таиланда было вынуждено объявить о девальвации национальной валюты (бата), что вызвало обвал фондового рынка страны. В дальнейшем в кризис также оказались вовлечены Малайзия, Южная Корея, Сингапур, Индонезия. В этих странах имели место такие явления, как сокращение производства, банкротства компаний, рост безработицы. Иностранные инвесторы отнесли и Россию к группе ослабевших экономик развивающихся стран и начали распродавать российские активы, что привело к падению цены на них.

Не способствовало улучшению экономической ситуации и падение цены на энергоносители. Так, по данным агентства ТАСС [14], в начале 1998 г. цена на нефть марки Brent упала с 10,77 долл. США за баррель до 9,1 долл. в декабре того же года. Это лишь усугубило недостаток доходов бюджета.

Экономический кризис повлек за собой ряд экономических, социальных и политических последствий. Было подорвано доверие иностранных инвесторов к экономической системе Российской Федерации. Следствием этого стало резкое снижение кредитного рейтинга страны и её коммерческих банков [14]. Так, например, в четвёртом квартале 1996 г. агентство Fitch дало оценку суверенного кредитного рейтинга страны ВВ+, что является самой высокой ступенью неинвестиционного уровня, агентство Moody's — В2, агентство Standard&Poor's — ВВ-. В третьем квартале 1998 г. названные выше агентства понизили рейтинг до ССС, СА и ССС- соответственно [14].

Работа банковской системы была серьёзно нарушена. По оценке Комиссии, прямые потери коммерческих банков вследствие отказа правительства от погашения своих долговых обязательств составили 45 млрд р., без учёта косвенных потерь, обусловленных девальвацией рубля и снижением кредитных рейтингов российских

банков, связанных с резким удорожанием привлечения средств инвесторов-нерезидентов, которые могут быть оценены в более чем 100 млрд р. Эти факторы повлекли за собой волну банкротств коммерческих банков и предприятий. По оценкам некоторых экспертов, до половины банков оказались неспособны расплатиться по своим обязательствам.

Существенно сократились объём ВВП страны, доходы федерального и регионального бюджетов. По оценке Федеральной службы государственной статистики [13], объём ВВП снизился на 67,5 млрд р. (в ценах 2003 г.). Последствиями кризиса для бюджетной системы страны стали спад производства, рост неплатежей, сокращение доходов от таможенных сборов вследствие сокращения импорта.

Наступила общая глубокая дестабилизация экономической и социальной сфер Российской Федерации. Сегментация денежных систем и товарооборота страны привела к разрушению единого экономического пространства и дифференциации регионов по уровню реальных доходов населения. Неуправляемая девальвация рубля вылилась во взрывной рост цен. По данным Федеральной службы государственной статистики [13], индекс потребительских цен на непродовольственные товары в 1997 г. составил 108,1%, на продовольственные товары — 109,1%, на товары и услуги в целом — 111%. В 1998 г. эти показатели возросли до 199,5, 196% и 184,4% соответственно.

Вызванное девальвацией рубля резкое повышение уровня внутренних цен, а также частичная либо полная утрата населением сбережений в обанкротившихся банках привели к сокращению реальных доходов населения, росту числа бедных и безработных. По данным Федеральной службы государственной статистики [13], численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума увеличилась с 30,5 млн (20,8% от общей численности населения) в 1997 г. до 34,3 млн чел. (23,4% от общей численности населения) в 1998 г. Уровень безработицы вырос с 11,8% в 1997 г. до 13,3% в 1998 г., достигнув, таким образом, своего исторического максимума. Особенно остро проблема безработицы проявилась в сфере торговли и финансовом секторе [3].

Однако экономический спад не продлился долго и вскоре сменился экономическим подъёмом, что объясняется рядом причин. Во-первых, про-

изошли перемены в макроэкономической политике властей. Сдерживание инфляции перестало быть абсолютным приоритетом, ключевой целью стало возобновление экономического роста. Во-вторых, прекратилось искусственное завышение курса рубля. Это привело к краткосрочному всплеску цен, вследствие чего снизилась величина издержек российских производителей в долларовом выражении и возросла конкурентоспособность экспортируемой продукции российских предприятий.

Кроме того, осуществлялось регулирование цен на продукцию естественных монополий. Темпы роста цен на электроэнергию, природный газ, услуги железнодорожных перевозок существенно отставали от темпов роста цен по экономике в целом. Это привело к фактическому сокращению затрат российских предприятий и способствовало росту национальной экономики [9]. И наконец, правительство отказалось от идеи финансирования бюджетного дефицита при помощи масштабных заимствований, поскольку это существенно усиливает экономическую нестабильность.

На основании изложенного выше материала можно сделать вывод, что финансовый кризис 1998 г. в Российской Федерации был бюджетно-долговым и мог быть предотвращён при условии более грамотных действий со стороны правительства. Его главной особенностью можно назвать то, что в результате преодоления кризисных явлений не произошло массового обновления основных средств на новой технологической основе. Последовавший за этим рост носил восстановительный характер и происходил за счёт загрузки имеющихся производственных мощностей.

Следующая волна кризиса пришлась на 2008 г. Среди её причин можно назвать влияние внешних факторов, таких как падение цены на нефть и мировой экономической кризис. С весны 2002 г. в связи с влиянием ряда факторов таких, как война в Ираке, сокращение добычи нефти, ростом её потребления и истощением наиболее легко добываемых запасов, цена на нефть марки Brent неуклонно росла и к лету 2008 г. достигла максимума в 143,95 долл. за баррель. С началом мирового экономического кризиса цена опустилась до 33,73 долл. за баррель [14], что привело к резкому сокращению доходов бюджета.

К внешним факторам необходимо также отнести и влияние начавшегося ранее мирового экономического кризиса. В финансово-экономиче-

ской сфере возникли и быстро распространились финансовые инновации, новые инструменты экономического роста, применение которых имело двоякие последствия. С одной стороны, произошла трансформация некоторых товарных рынков, в частности рынка сырьевых товаров. Цена на них начала формироваться скорее на финансовых рынках, чем усилиями производителей. С другой стороны, произошла утрата контроля за движением финансовых инструментов [10]. Бурное развитие операций с производными инструментами жилищного рынка привело к резкому увеличению активов брокерских и дилерских компаний. При этом темпы роста активов коммерческих банков значительно отставали от динамики роста деривативов. Резкое снижение цен на жилую недвижимость породило кризис доверия на финансовом рынке и привели к существенным потерям у инвестиционных институтов. Далее кризисные явления распространились из финансового на реальный сектор.

Наряду с внешними причинами необходимо выделить и внутренние причины кризиса. К 2008 г. период восстановительного роста после кризиса 1998 г. практически подошёл к концу. Существенно замедлились темпы роста ВВП (6,4% в 2005 г., 8,2% в 2006 г., 8,5% в 2007 г., 5,2% в 2008 г. [15]), сократилась производительность труда (5,5% в 2005 г., 7,5% в 2006 г., 7,5% в 2007 г., 4,8% в 2008 г. [13]). Росту капитализации компании стало уделяться внимания больше, чем росту производительности труда её работников. Вместе с тем рост цен при практически неизменном курсе рубля к доллару ухудшил конкурентоспособность экспортируемой продукции.

Кроме того, в Российской Федерации ухудшилась демографическая ситуация. Численность трудоспособного населения снижалась, что отчасти компенсировалось притоком низкоквалифицированной рабочей силы из стран ближнего зарубежья. За период с 1997 по 2000 г. всего в Российскую Федерацию прибыло 1 850 258 чел.

Также имела место утечка капитала и эмиграция собственников крупного бизнеса за рубеж. По данным платёжного баланса Российской Федерации, в 1994 г. было вывезено 14,4 млрд долл. США, в 1995 — 3,9, в 1996 — 23,8, в 1997 — 18,2, в 1998 — 18,2 [16]. В дальнейшем масштабы вывоза капитала сократились.

Сыграл свою роль и психологический фактор. После длительного периода восстановительного роста руководство многих предприятий уве-

рилось в длительном сохранении подобной тенденции, что повлекло за собой интенсивное наращивание частного долга. Также имел место и низкий уровень доверия к власти со стороны бизнес-структур. «В России за восемь благополучных лет выросло поколение политиков, привыкших “управлять ростом благосостояния” и не имеющих опыта кризисного управления; среди граждан всё шире распространялось ощущение уверенности в завтрашнем дне» [10].

Внутренний структурный кризис в экономике Российской Федерации совпал с циклическим мировым кризисом, что сделало неминуемые последствия кризиса более глубокими. Снижение спроса на экспортируемые из России товары негативно повлияло на темпы развития соответствующих отраслей. Проблемы с ликвидностью сделали невозможным привлечение денежных средств с иностранных финансовых рынков, что привело к увеличению процентных ставок по кредитам и сделало невозможным перекредитование. Как и в предыдущую волну кризиса, ускорилось бегство иностранного капитала из страны. Индекс РТС упал со значения в 2450 пунктов в конце мая 2008 г. до минимума в 550 пунктов в конце октября 2008 г.

В поисках пути преодоления кризиса российские власти во многом брали пример с западных стран, но в некоторых пунктах расходились с ними. Применяемые антикризисные меры значительно увеличили расходы бюджета 2009 г. Его характерной особенностью стало полное обеспечение социальных обязательств государства.

С целью поддержки реального производства была снижена налоговая нагрузка, преимущественно за счёт прямых налогов [8]. Повышение доли косвенных налогов в доходной части бюджета означало перекладывание кризисных расходов на население. Это привело к снижению инвестиционного вклада в экономику и оказало негативное влияние на воспроизводственный процесс. Отсутствие надлежащего контроля за предоставленными банкам финансовыми ресурсами привело к тому, что данные средства были вложены не в реальный сектор, а в покупку иностранной валюты [4].

Прямая финансовая помощь крупным предприятиям не решила проблему нарушения механизмов функционирования предприятия, а лишь ослабила последствия этого. Причина этого явления заключается в том, что данная мера была применена по образцу иностранных государств без учёта национальной специфики.

По итогам III квартала 2009 г. российская экономика сократилась по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. на 8,9%; промышленное производство — на 11,0%; инвестиции — на 18,6%. Уровень безработицы вырос практически на 2% [3]. Можно выделить несколько причин данных результатов.

Во-первых, реакция на кризисные явления была медленной в силу изначально преобладавшего оптимистичного настроения. Во-вторых, взятые за образец антикризисные меры сработали менее эффективно по причине различной природы кризиса. В-третьих, отсутствовала единая схема антикризисных мер, исходящая из реальных потребностей производства. Принятая программа носила ситуативный характер. Не были определены конкретные механизмы получения государственных гарантий, условия и механизмы прямого вложения денежных средств в системообразующие предприятия.

В отличие от предыдущих кризисов, некоторые причины кризиса 2014 г. ясно видны и во многом носят политический характер. Поводом для принятия первого пакета санкций стало вхождение Республики Крым в состав Российской Федерации в марте 2014 г.

В список компаний, попавших под санкции Евросоюза и США, входят, в частности, концерны государственной корпорации Ростех: «Калашников», «Созвездие», «Радиоэлектронные технологии», «Базальт»; нефтегазовые компании: «Роснефть», «Новатэк», нефтяной терминал Феодосии, «Газпром-нефть»; ряд банковских организаций: «Сбербанк», «Внешэкономбанк», «Собинбанк», «Росэнергобанк», «Газпромбанк», «Банк Москвы», «Банк ВТБ», «Россельхозбанк» и многие другие. Для этих компаний был введён ряд ограничений. Произошло замораживание всех средств и экономических ресурсов, которые принадлежат, находятся в собственности или контролируются указанными компаниями за рубежом.

Был введён запрет на будущие операции с долгосрочными займами (не более 30 дней) на обращение любых ценных бумаг со сроком погашения более 30 дней, выпущенных после 12 сентября 2014 г. Это значительно осложняет деятельность российских компаний на зарубежном финансовом рынке. Кроме того, был введён запрет на любое технологическое или финансовое взаимодействие с целью поставки товаров, сырья, материалов и технологий двойного на-

значения с несколькими компаниями из оборонной отрасли («Сириус», «Станкоинструмент», «Химкомпозит», «Калашников», «Тульский оружейный завод», «Технологии машиностроения», «Высокоточные комплексы», «Алмаз-Антей», «Базальт»). Список технологий и товаров огромен и включает компьютерное оборудование, телекоммуникационную аппаратуру, обрабатывающие станки, лазеры, навигационное оборудование и т. д. И наконец, был введён запрет на поставки товаров, услуг и технологий, связанных с разведкой и добычей нефти на шельфах, в Арктике и глубоководной добычей, и другие меры.

В качестве ответных мер Правительство Российской Федерации выпустило Постановление от 7 августа 2014 г. № 778 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации», которое включает запрет на ввоз в страну некоторых видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются страны, вводившие санкции против России. Данные ограничения оказали негативное влияние не только на экономическую систему Евросоюза, но и на экономическую систему Российской Федерации.

Кроме политических причин кризиса 2014 г. можно назвать и снижение цен на энергоресурсы. Цена на нефть марки Brent упала со значения 113,71 долл. за баррель в июне 2014 г. до 61 долл. за баррель в феврале 2015 г. [15]. Именно с изменением этого фактора Правительство связывает улучшение экономической обстановки. «Правительство Российской Федерации рассчитывает, что постепенная стабилизация мировых сырьевых рынков и предпринимаемые совместно с Банком России меры позволят нормализовать ситуацию на валютном рынке и создать условия для существенного снижения номинальных процентных ставок и повышения доступности кредитования. Это обеспечит последовательный выход основных отраслей экономики из рецессии, в том числе за счёт более высокой ценовой конкурентоспособности российских товаров в результате снижения курса рубля. Сопутствующее этому снижение инфляции на потребительском рынке позволит минимизировать влияние кризиса на качество жизни российских семей» [5].

По мнению Правительства, кризисные явления в экономике выражаются в следующих явлениях. Во-первых, произошло повышение темпов инфляции. По предварительной оценке

Федеральной службы государственной статистики, годовой уровень инфляции достиг значения в 11,4%, что является максимумом с 2008 г. [13]. По заявлению заместителя министра экономического развития Алексея Ведева, в первом квартале 2015 г. инфляция сохранится на уровне 10%.

Во-вторых, темпы роста экономики опустились до отрицательных значений. По оценке Всемирного банка [15], в 2015 г. сокращение реального ВВП составит 0,7%. В 2016 г. прогнозируется рост на 0,3% [15].

На рынке труда наблюдается нестабильность и напряжённость. По оценке Федеральной службы государственной статистики, численность безработных увеличилась на 3% по сравнению с декабрем 2014 г.

В целях борьбы с экономическими последствиями кризиса Правительством Российской Федерации был принят пакет антикризисных мер, который включает в себя следующие направления деятельности:

1) поддержка импортозамещения и экспорта по широкой номенклатуре несырьевых, в том числе высокотехнологичных, товаров;

2) содействие развитию малого и среднего предпринимательства за счёт снижения финансовых и административных издержек;

3) создание возможностей для привлечения оборотных и инвестиционных ресурсов с приемлемой стоимостью в наиболее значимых секторах экономики, в том числе при реализации государственного оборонного заказа;

4) компенсация дополнительных инфляционных издержек наиболее уязвимым категориям граждан (пенсионеры, многодетные семьи);

5) снижение напряжённости на рынке труда и поддержка эффективной занятости;

6) оптимизация бюджетных расходов за счёт выявления и сокращения неэффективных затрат, концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития и выполнении публичных обязательств;

7) повышение устойчивости банковской системы и создание механизма санации проблемных системообразующих организаций.

Кроме того, планируется сокращение большинства категорий расходов федерального бюджета на 10% за счёт сокращения неэффективных затрат, расходов на функционирование органов государственной власти, в том числе за счёт расходов на оплату услуг повышенной комфортности. Расходы на исполнение обязательств соци-

ального характера, обеспечение обороноспособности государства, поддержку сельского хозяйства и исполнение международных обязательств Российской Федерации будут обеспечены в полном объёме. Также планируется провести ряд структурных реформ, направленных на диверсификацию экономики и создание условий для устойчивого экономического роста в среднесрочной перспективе [5].

Однако можно выделить несколько слабых мест принимаемых мер. Во-первых, данный план Правительства принимался без участия общественных организаций и представителей бизнеса и не полностью отражает их интересы. Во-вторых, объём средств, выделяемых на докапитализацию банковского сектора (1 трлн р.) [6] значительно превышает объём средств, выделенных на поддержку сельского хозяйства (до 50 млрд р.) и промышленный сектор (20 млрд р.), которые нуждаются в помощи гораздо больше. В-третьих, отсутствуют ясные механизмы контроля над целевым использованием выделенных средств. Также предлагается осуществлять финансирование программы за счёт большего сокращения неэффективных расходов бюджета, а не за счёт средств Фонда национального благосостояния. Впрочем, решение о принятии описанных выше мер было сделано не так давно. Экономический эффект от них можно будет оценить лишь некоторое время спустя.

Рассмотрев три волны кризиса, можно сделать вывод, что, несмотря на различную природу каждой волны, все они были либо спровоцированы, либо усилены воздействием различных внешних факторов, что говорит о недостаточной устойчивости экономической системы страны. Среди таких факторов можно назвать цену на нефть. Сильное влияние, оказываемое ею на экономику Российской Федерации, обуславливается высокой долей продукции топливно-энергетического сектора в структуре экспорта России. По данным мониторинга социально-экономического развития Российской Федерации, по состоянию на 7 декабря 2012 г. доля топливно-энергетических товаров составила 70,2% экспорта страны.

Проблема устойчивого роста экономических систем постоянно поднимается различными учёными. Ослабить влияние внешних факторов на экономическую систему Российской Федерации может рост её конкурентоспособности. В. И. Бархатов среди факторов роста конкурентоспособности называет качество рабочей силы и её адекватную цену, позволяющую конкурировать на международных рынках, развитую инфраструктуру, снижающую транзакционные издержки в национальном масштабе, набор социальных гарантий, соответствующих располагаемым ресурсам. Также положительный эффект может быть связан с ростом диверсификации структуры промышленного производства, повышением степени защищённости национальной экономики от колебаний спроса. Включение национальной экономики в различные международные структуры способствует увеличению её устойчивости [11].

Однако на международных рынках российским компаниям предстоит встретиться с конкурентами из других стран, которые присутствуют там уже длительный период и успели наладить каналы сбыта своей продукции. Многие из них известны высоким качеством производимой продукции, а фраза «немецкое качество» превратилась в устойчивое выражение. Но максимальное повышение качества производимой продукции может оказаться неоправданным, так как повлечёт за собой резкий рост затрат на его обеспечение. В связи с этим возникает необходимость определения оптимального соотношения между этими показателями. Ранее, как, например, в конце 1990-х гг., конкурентоспособность российских товаров увеличилась за счёт сокращения затрат производителя в долларовом выражении, вызванного ослаблением национальной валюты. Однако в настоящее время существуют все условия для организации производства и экспорта товаров, характеристики которых позволили бы им успешно конкурировать на зарубежных рынках в течение длительного времени, в том числе и в период укрепления национальной валюты.

Список литературы

1. Фролова, Т. А. Экономическая теория : конспект лекций / Т. А. Фролова. – Таганрог : ТРТУ, 2009.
2. Постановление Федерального Собрания Российской Федерации «О социально-экономической ситуации в Российской Федерации и неотложных мерах по выводу страны из кризиса» от 14 окт. 1998 г. № 447-СФ.

3. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах : докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / Г. В. Андрущак, А. Я. Бурдяк, В. Е. Гимпельсон и др. ; рук. авт. колл. Е. Г. Ясин ; ВШЭ. – М. : ВШЭ, 2011. – 86 с.
4. Цветков, В. А. Причины, развитие и последствия экономического кризиса для России / В. А. Цветков // Междунар. экономика. – 2010. – № 3. – С. 5–12.
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации «План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» от 27 янв. 2015 г. № 98-р.
6. Федеральный закон «О внесении изменения в статью 23 Федерального закона “О федеральном бюджете на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов”» от 26 дек. 2014 г. № 448-ФЗ.
7. Алексашенко, С. В. Уроки кризисов / С. В. Алексашенко // История новой России. – 2010. – 12 марта.
8. Симонов, В. Особенности антикризисной политики в России / В. Симонов, Д. Комаров // Экономист. – 2009. – № 7. – С. 8–15.
9. Кувалин, Д. Б. Экономическая политика и поведение предприятий: механизм взаимного влияния / Д. Б. Кувалин. – М. : МаксПресс, 2009. – 301 с.
10. Мау, В. А. Россия и мировой кризис. Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису / В. А. Мау // Вопр. экономики. – 2009. – № 2. – С. 4–23.
11. Бархатов, В. И. Устойчивое развитие национальной экономики в современных условиях / В. И. Бархатов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2014. – № 9 (338). Экономика. Вып. 44. – С. 5–11.
12. Назаров, В. С. Налоговая система России в 1991–2008 годах / В. С. Назаров // История новой России. – 2010. – 12 марта.
13. Сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>
14. Сайт Информационного агентства России ТАСС. – URL: <http://tass.ru>
15. Сайт Всемирного банка. – URL: <http://www.worldbank.org/eca/russian>
16. Сайт Центрального банка России. – URL: <http://www.cbr.ru>

Сведения об авторе

Сафрыгин Кирилл Николаевич — аспирант кафедры экономики отраслей и рынков Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. 7700302@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2015. No. 8 (363). *Economy. Issue 48. Pp. 175–182.*

APPRAISAL OF EFFICIENCY OF ACTIONS TO OVERCOME CRISES IN ECONOMY OF RUSSIAN FEDERATION

K. N. Safrygin

Graduate Student of the Department of Economics of Industries and Markets, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. 7700302@gmail.com

The article is dedicated to comparative analysis of three economic crises that took place in Russian Federation in 1998, 2008 and 2014. Criteria of comparison were stated, each crisis was described shortly, peculiarities of each crisis were found out as well as their common characteristics. Reasons of each crisis were examined and estimated, antirecessionary actions were described, consequences of all crises were described in the form of quantitative assessment of main economic indicators.

Keywords: *economic crisis, antirecessionary actions.*

References

1. Frolova T.A. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory: lecture notes]. Taganrog, TRTU, 2009. (In Russ.)
2. *Postanovleniye Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii "O sotsial'no-ekonomicheskoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii i neotlozhnykh merakh po vyvodu strany iz krizisa"* [The decision of the Federal Assem-

bly of the Russian Federation “On socio-economic situation in the Russian Federation and urgent measures to bring the country out of crisis “]. (In Russ.)

3. Andrushchak G.V., Burdyak A.Ya. and Gimpel'son V.Ye. *Uroven' i obraz zhizni naseleniya Rossii v 1989–2009 godakh* [Level and life face in Russia in 1989–2009]. Moscow, HSE Publ., 2011. 86 p. (In Russ.)

4. Tsvetkov V.A. Prichiny, razvitiye i posledstviya ekonomicheskogo krizisa dlya Rossii [Causes and consequences of economic development crisis for Russia]. *Mezhdunarodnaya ekonomika* [International Economics]. 2010. No. 3. P. 5–12. (In Russ.)

5. *Rasporyazheniye Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii “Plan pervoocherednykh meropriyatiy po obespecheniyu ustoychivogo razvitiya ekonomiki i sotsial'noy stabil'nosti v 2015 godu* [Order of the Government of the Russian Federation “Plan priority measures to ensure the sustainable economic development and social stability in 2015 “]. (In Russ.)

6. *Federal'nyy zakon “O vneseniizmeneniya v stat'yu 23 Federal'nogo Zakona “O federal'nom byudzhete na 2014 god i na planovyy period 2015 i 2016 godov”* [Federal Law “On Making Amendments to Article 23 Federal Law “On the Federal Budget for 2014 and the planning period of 2015 and 2016”]. (In Russ.)

7. Aleksashenko S.V. Uroki krizisov [Lessons from the crisis]. *Istoriya novoy Rossii* [History of the new Russia]. 2010. March 12. (In Russ.)

8. Simonov V. and Komarov D. Osobennosti antikrizisnoy politiki v Rossii [Features of the anti-crisis policy in Russia]. *Ekonomist* [The Economist]. 2009. No. 7. Pp. 8–15. (In Russ.)

9. Kvalin D.B. *Ekonomicheskaya politika i povedeniye predpriyatiy: mekhanizm vzaimnogo vliyaniya* [Economic policy and the behavior of enterprises: the mechanism of mutual influence]. Moscow, Maks Press Publ., 2009. 301 p. (In Russ.)

10. Mau V.A. Rossiya i mirovoy krizis. Drama 2008 goda: ot ekonomicheskogo chuda k ekonomicheskomu krizisu [Russia and the global crisis. Drama 2008: from economic miracle to the economic crisis]. *Voprosy ekonomiki* [The Issues of Economy]. 2009. No. 2. Pp. 4–23. (In Russ.)

11. Barkhatov V.I. Ustoychivoye razvitiye natsional'noy ekonomiki v sovremennykh usloviyakh [Sustainable development of the national economy modern conditions]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2014. No. 9 (338). Economy. Issue 44. Pp. 5–11. (In Russ.)

12. Nazarov V.S. Nalogovaya sistema Rossii v 1991–2008 godakh [The tax system in Russia in 1991–2008 years]. *Istoriya novoy Rossii* [History of the new Russia]. 2010. March 12. (In Russ.)

13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: <http://www.gks.ru>

14. *Tass. Informatsionnoye agentstvo Rossii* [Tass. Russian news agency]. URL: <http://tass.ru>

15. *Gruppa Vsemirnogo banka* [The World Bank Group]. URL: <http://www.worldbank.org/eca/russian>

16. *Tsentral'nyy Bank Rossii* [Central Bank of Russia]. URL: <http://www.cbr.ru>